

**ТОЯМА
СИГЭКИ**

**КРУШЕНИЕ
ФЕОДАЛИЗМА
В ЯПОНИИ**

新 維 治 明

著 樹 茂 山 遠

東京・1955年

Тояма Сигэки

МЭЙДЗИ ИСИН

(КРУШЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ЯПОНИИ)

Перевод с японского

*В. П. Алексеева, Г. И. Подпаловой,
К. А. Попова и П. П. Топеха*

Предисловие П. П. Топеха

Редакция Г. И. Подпаловой

И з д а т е л ь с т в о
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 60—70-е годы прошлого столетия Япония пережила период бурных политических событий, период коренных социально-экономических и других преобразований, обозначаемый японскими историками термином «Мэйдзи исин»¹. Это был период перехода токугавской феодальной Японии на капиталистический путь развития.

В силу ряда исторических причин — запоздалого развития японского капитализма, обусловленного многовековой изоляцией страны от внешнего мира, вторжения западного капитализма в феодальную Японию в середине XIX века и т. д. — переход Японии на капиталистический путь развития принял своеобразную форму.

Коренные задачи буржуазной революции — конфискация всей земли феодальных землевладельцев и безвозмездная передача ее крестьянам, ликвидация монархии и образование демократической республики и другие — впервые были поставлены в порядок дня, но не были разрешены в период Мэйдзи исин, и это наложило свой отпечаток на социально-экономический строй, политические, культурные и другие учреждения современной Японии.

Осуществление задач буржуазно-демократической революции рассматривается демократическими кругами

¹ Мэйдзи (досл. «просвещенное правление») — официальное название периода правления японского императора Муцухито (1868—1912). Слово «исин» по своему содержанию соответствует понятию «обновление», «реформация». В советской исторической литературе описываемые в этой книге события рассматриваются как незавершенная буржуазная революция. В данной работе употребляется японский термин «Мэйдзи исин». Объяснение японских терминов см. в конце книги.

Японии как дело первостепенной важности и в нынешних, принципиально новых исторических условиях.

Поэтому вполне понятно то большое внимание, которое уделяется японскими историками глубокому изучению данного вопроса. Изучение Мэйдзи исин, этого отправного пункта истории современной Японии, помогает правильно понять многие проблемы, стоящие сейчас перед этой страной: социально-экономический строй Японии, ее политическое положение, соотношение сил внутри правящего лагеря, характер классовой борьбы и т. д.

Японский народ, вынесший на своих плечах гнет военно-феодального империализма, бедствия кризисов, безработицы, империалистических войн, не остался равнодушным к судьбам своей родины. Обострение внутренних противоречий японского капитализма, угроза возрождения милитаризма и превращения Японии в основной плацдарм империалистической агрессии на Дальнем Востоке, проникновение иностранного капитала во все сферы экономической и политической жизни страны способствовали пробуждению национального сознания и сплочению широких слоев трудящихся Японии, повышению классовой сознательности пролетариата, идущего в авангарде освободительной борьбы всех демократических сил страны.

В чем заключаются корни агрессивной политики правящих кругов нынешней Японии, каким образом предотвратить угрозу вовлечения Японии в новую войну, каков путь освобождения от американской зависимости и завоевания свободы и экономического процветания — вот те вопросы, которые волнуют японский народ и его передовую интеллигенцию.

Эти вопросы лежат в основе нынешней дискуссии о японском капитализме. В теоретической борьбе прогрессивные ученые Японии опираются на опыт своего прошлого, славные традиции борьбы японского народа против средневекового обскурантизма и тенноизма, против иностранного вторжения, против японского милитаризма и войны. Именно в этом свете следует рассматривать появление книги молодого японского историка Тояма Сигэки «Мэйдзи исин».

Изложение истории Мэйдзи исин автор тесно связывает с конкретной действительностью современной Япо-

нии, как бы подчиняет самым животрепещущим проблемам, стоящим перед страной.

«После второй мировой войны, — пишет Тояма, — мы впервые получили возможность реально почувствовать, что политика является нашим делом, и старались превратить эту возможность в действительность. Более того, мы живем в период преобразований, когда всё, начиная с повседневных мелочей и кончая самой наукой, занятой поисками объективной истины, неизбежно приобретает политический характер» (стр. 40).

«...я... решил выпустить в свет эту книгу... потому, что убедился, насколько необходимо, опираясь на последние данные в различных областях науки, написать политическую историю Мэйдзи исин как для разрешения нынешней дискуссии о характере японского капитализма, так и для дальнейшего развития научных исследований» (стр. 23).

В Японии имеются различные точки зрения по вопросу о характере Мэйдзи исин. Официальная историография трактует это движение как простую реставрацию императорской власти, осуществленную дворянством, проникнутым верноподданническими чувствами. Историки, примыкающие к группе Роноха, пытаются представить Мэйдзи исин как классическую буржуазную революцию, возникшую лишь в результате вторжения в середине прошлого столетия в Японию западноевропейских держав и их усилившегося влияния. И те и другие объективно или субъективно затушевывают классовый характер Мэйдзи исин как движения, присущего социально-экономическому строю тогдашней Японии.

В отличие от этих двух направлений Тояма рассматривает Мэйдзи исин как логическое продолжение и следствие классовой борьбы в феодальной Японии. Основную политическую предпосылку Мэйдзи исин Тояма видит в обострении основных классовых противоречий между феодальным землевладением и крестьянством; в расширении масштабов крестьянских восстаний и бунтов городской бедноты, являвшихся концентрированным проявлением этих классовых противоречий; в зарождении политической борьбы крестьянства и мелкой буржуазии города за осуществление буржуазно-демократической революции.

Однако, по мнению автора книги, это еще не было предпосылкой буржуазной революции, а явилось переходом от чисто феодальной монархии к абсолютизму. Борьба между двумя главными силами феодального общества, пишет Тояма, породила у господствующего класса стремление создать феодальный абсолютизм. Образование абсолютизма трактуется автором как объединение и укрепление феодальной власти против крестьянской войны. Это объединение и укрепление феодальной власти, по мнению автора, приняло форму перехода к капитализму, так как без такой перестройки господство феодализма не могло бы сохраниться в период, когда рушатся устои феодализма и наступает пора буржуазного развития. Неограниченной самодержавной властью монарха, охраняемой регулярной армией и крепким бюрократическим аппаратом, создается централизованное государство, выполняющее вместе с тем роль рычага для насильственного ускорения процесса первоначального накопления капитала.

Тем не менее абсолютизм, пишет автор «Мэйдзи исин», по своему существу представляет собой последнюю ступень развития феодального государства, и он подлежит уничтожению буржуазно-демократической революцией.

Таким образом, Тояма Сигэки, как и большинство японских прогрессивных историков, исходит из того, что Мэйдзи исин представляет собой не переход к более новому, буржуазному типу государства, а лишь переход от одной формы правления феодального государства (феодальной монархии) к другой форме правления (абсолютной монархии), и поэтому оно было не революцией, а реформой, проведенной сверху самим господствующим классом феодалов с целью продления своего господства. «Исторический период Мэйдзи исин, — пишет Тояма, — представлял собой процесс формирования абсолютизма, длившийся... 36 лет (от административно-политических реформ бакуфу... в 1841 году до сацумского самурайского мятежа в 1877 году)» (стр. 311).

Вся работа Тояма написана под углом зрения этой основной концепции, и в этом ее основное отличие от работ советских историков, рассматривающих Мэйдзи исин как весьма своеобразную, половинчатую, незавершенную буржуазную революцию.

В своем труде Тояма указывает на два процесса и две основные политические силы, выступавшие в Мэйдзи исин: антифеодальную революцию снизу и чисто дворянское движение за реформу сверху. Основной силой была антифеодальная борьба крестьянства и городской бедноты, которая, по словам автора, явилась кануном крестьянской войны, развиваясь в направлении крестьянской аграрной революции.

Перед опасностью растущей антифеодальной борьбы народа, для его подавления, а также для отражения внешнего давления господствующему классу было крайне необходимо, пишет Тояма, срочно установить новый феодальный порядок, совершить переход от старого к новому феодальному порядку. При этом полностью сохранялось прежнее феодальное здание старой системы и лишь несколько переделывался ее внешний вид.

Размах движения за реформы сверху опередил революционное движение снизу. Силам абсолютизма удалось использовать силы, действовавшие снизу, дезорганизовать или же подавить их. В частности, большое значение имел, указывает автор, распад революционных сил во второй половине 1867 года, когда борьба за свержение сёгуната вступила в решающую стадию. В результате этого распада движение за реформы сверху притупилось и сузилось.

Сущность реформ сверху, по мнению Тояма, по существу свелась к объединению феодальной власти в масштабе всей страны под самодержавным правлением императора.

Решающей причиной того, что антифеодальное «революционное движение народных масс, стоявших у порога крестьянской аграрной революции, было столь легко дезорганизовано феодалами и направлено по ложному пути», является, по мнению автора, отсутствие в этом движении четкого руководства со стороны нарождающейся буржуазии. Это движение не смогло выдержать напряжения политического кризиса и сразу же обнаружило свою слабость.

Исходя из того, что Мэйдзи исин не буржуазная революция и не революция вообще, а лишь переход от одной формы феодального строя к другой, автор не уделяет должного внимания освещению уровня разви-

тия капиталистического уклада в недрах феодализма, роли нарождающейся промышленной буржуазии как представителя нового способа производства, идущего на смену феодализму. Буржуазия, по существу, выпала из поля зрения автора и нигде не фигурирует как политическая сила.

В движении Мэйдзи исин участвовали не две, а три основные политические силы, резко отличавшиеся по своему социальному положению и конечным целям борьбы: крестьянство и городская беднота, боровшиеся не только против сёгуната, но и против феодального строя вообще; часть высшего дворянства, феодальной бюрократии и придворной знати, выступавшая против господства дома Токугава с целью замены его другой, более приемлемой феодальной властью; нарождающаяся промышленная буржуазия, еще чрезвычайно слабая и неорганизованная, выступавшая часто под дворянскими лозунгами, представленная главным образом прогрессивной по тем временам интеллигенцией в основном самурайского происхождения.

В Японии, как и в других странах, переход от феодального способа производства к капиталистическому совершался двояким путем: в первом случае представители торгово-ростовщического капитала непосредственно подчиняли себе производство, в другом — расслоение мелких товаропроизводителей порождало капиталистических предпринимателей.

Подчиняя себе непосредственно производство или сливаясь с ним, торгово-ростовщический капитал подрывал феодальную собственность, феодальные производственные отношения. Однако проникновение торгово-ростовщического капитала в сельское хозяйство не повлекло за собой коренного изменения феодального способа производства в деревне. Купец или ростовщик, либо приобретая землю за долги, либо путем освоения целины, превращался в так называемого нового помещика (синдзинуси) и сохранял на своих землях старые, докапиталистические формы эксплуатации.

Многие княжества пытались разрешить экономические затруднения путем развития собственной промышленности и торговли. В отдельных княжествах появились монополии по производству и сбыту сахара, бумаги, воска, гончарных, фарфоровых, лаковых и шел-

ковых изделий, по добыче угля, руды, расширялась торговля между феодальными княжествами, а также внешняя торговля в юго-западных княжествах (большей частью контрабандная). Развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой усиленную дифференциацию крестьянства. В деревне, помимо новых помещиков, появилась и сельская буржуазия. Так же как и новые помещики, они часто одновременно являлись и местными скупщиками, торговцами, предпринимателями.

Вторжение иностранного капитала в Японию во второй половине XIX века значительно ускорило процесс вызревания капиталистических отношений, привело к упадку одних отраслей промышленности, не выдержавших иностранной конкуренции, и резкому расширению других отраслей, связанных с экспортной торговлей.

Таким образом, в конце эпохи Токугава в Японии сложился довольно значительный слой новой буржуазии, не связанной непосредственно со старым привилегированным купечеством и князьями. Развитию этой буржуазии, представлявшей собой зародыш современной промышленной буржуазии, препятствовали старые феодальные монополии, которые являлись привилегией торгово-ростовщической буржуазии, мешали старые цеховые и гильдейские рогатки, и она боролась против них.

В исторической литературе появляются все новые и новые данные, подтверждающие положение о том, что за спиной так называемого «просвещенного самурайства», внешне выступавшего в качестве руководящей силы Мэйдзи исин, стояли представители именно этой ранней промышленной буржуазии. В. И. Ленин указывал, что «...в политике не так важно, кто отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, кому выгодны эти взгляды, эти предложения, эти меры»¹. Именно в социальной природе этой буржуазии, в ее классовых корнях лежит основная причина половинчатости, незавершенности буржуазной революции в Японии.

Чем позднее буржуазия появляется на исторической арене, тем она трусливее и реакционнее. Развивавшаяся при покровительстве феодальных властей и унаследо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 33.

вавшая полуфеодальные формы эксплуатации, сельская буржуазия, по существу, стояла ближе к самурайству, чем к мелким землевладельцам и арендаторам. Слабость этой буржуазии, еще не отделившейся от сельского хозяйства, обусловила ее двойственность. С одной стороны, она стремилась освободиться от феодальных ограничений, давивших на нее сверху, с другой — была заинтересована в сохранении своей земельной собственности и полуфеодальной формы эксплуатации. Она стремилась изменить существующий феодальный политический строй путем реформ, компромисса с феодальной властью и князьями, избегая коренной ломки старых, феодальных учреждений, способных оградить ее господствующее положение в новом обществе.

Молодая японская буржуазия не могла и не хотела возглавить крестьянскую борьбу за полную ликвидацию феодального строя. Она не пошла на развязывание крестьянской антифеодальной войны, способной принести ей полную победу над феодализмом. Слабая, напуганная колоссальным размахом крестьянских восстаний, японская буржуазия делала ставку на реформистское оппозиционное дворянство, низшее самурайство, которое, хотя и подверглось сильному буржуазному влиянию, все же являлось неотъемлемой составной частью феодального господствующего класса. Она видела своих союзников в радикально настроенном самурайстве юго-западных княжеств Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, объединивших свои силы для нанесения совместного удара по правительству бакуфу.

Незрелость японской буржуазии в период Мэйдзи и син, ее союз с реформистским дворянством при руководящей роли последнего не могли не наложить свой отпечаток на характер политических лозунгов этого движения. Борьба против сёгуната внешне развивалась под идеологическим знаменем монархизма, под лозунгом «сонно дзэи» («почитание императора и изгнание варваров»).

Тояма в своей книге рассматривает лишь одну черту этого лозунга. Он утверждает, что идеология движения «сонно дзэи» отражала кризис феодального господства и была направлена на разрешение этого кризиса путем укрепления моральных принципов феодализма. По своему содержанию эта идеология, пишет Тояма,

опиралась на реакционное конфуцианское учение о моральном долге подданных по отношению к своему повелителю и не имела никакого влияния на массы.

Однако нельзя забывать и другой черты этого лозунга. По мере углубления внутренних противоречий феодального строя и обострения классовой борьбы лозунг «сонно дзэйн» получил свое политическое выражение в требовании реставрации императорской власти («осэй фукко»), являлся орудием сплочения в национальном масштабе всех антиправительственных сил, выражением народной ненависти к режиму Токугава. Лозунг образования централизованного государства во главе с императором соответствовал также требованиям тогдашней буржуазии, боявшейся народной революции, нуждавшейся в едином национальном рынке.

Таким образом, лозунг «осэй фукко» был не просто направлен против господства дома Токугава, являвшегося оплотом реакционных феодальных сил, но в известном смысле отражал прогрессивную тенденцию к ликвидации феодального сепаратизма, феодальной раздробленности и объединению страны, образованию современного национального государства, хотя и под знаменем реставрации монархии. Именно эта черта лозунга «осэй фукко» обеспечивала антисёгунскому движению поддержку со стороны прогрессивных сил, передовой интеллигенции, находившейся под известным влиянием буржуазно-демократических идей Запада.

Этот лозунг объединял разнородные в социальном отношении элементы, и если для придворной знати (кугэ) и князей он имел абсолютный характер, то низшее самурайство, связанное с буржуазией, зажиточными крестьянами, рассматривало этот лозунг лишь как наиболее острое орудие борьбы за свержение сёгуната.

Если исходить из того, что руководство Мэйдзи исиин было самурайским (дворянским) по своему социальному положению, оторванным от народных масс, как утверждает Тояма, то возникает законный вопрос: почему же созданное ими правительство менее соответствовало интересам самурайства, чем свергнутое правительство сёгуната?

Основные мероприятия, проведенные новым правительством, — ликвидация княжеств, отмена ограничений в отношении землепользования, купли-продажи земли,

роспуск купеческих монополий и самурайских дружин, капитализация самурайских пенсий, установление частной собственности на землю — более отвечали интересам помещиков и нарождающейся промышленной буржуазии. Непонятно также, как могла эта сравнительно небольшая группа низшего самурайства свергнуть власть крупных феодалов и провести такую коренную перестройку страны без опоры на народные массы и без их поддержки.

Жесткие сословные рамки токугавского феодализма начали все более и более разрушаться под влиянием развития товарно-денежных отношений. Развитие торговли не только способствовало усилению торгово-ростовщической буржуазии, сословия горожан (тёнин), но и вызвало большие изменения в социально-экономическом положении самого дворянства.

Одни княжества теряли былое могущество, попадая в долговую зависимость от купцов и ростовщиков, другие укреплялись, становились сильнее благодаря развёртыванию промышленности, промысловой и коммерческой деятельности. Этот процесс объективно вел к тому, что часть даймё и самураев становилась носителями новых производственных отношений. Само собой разумеется, что эти новые явления имели сильную феодальную окраску.

Нараставшее из года в год демократическое движение крестьянства и городской бедноты вызвало кризис феодальной системы, углубило раскол среди господствующего дворянского сословия, углубило антагонизм между высшим дворянством (даймё) и самурайством.

С упадком феодализма положение самурайства ухудшалось. Значительные слои низшего самурайства оказались не в состоянии существовать на получаемые рисовые пайки и вынуждены были прибегать к побочным промыслам, работать на дому на скупщика, открывать мелкие ремесленные и торговые предприятия, работать по найму в качестве мелких служащих, учителей и даже наемных рабочих.

Все это притупляло чувство лояльности самурайства по отношению к своим сюзеренам, усиливало их недовольство. Многие самураи бросали своих феодальных господ, превращались в странствующих рыцарей (ронин), бродяг, искателей приключений, представлявших

собой потенциальную «опору» для различных оппозиционных, антиправительственных выступлений.

Обладая исключительным правом на образование, самурайство выделяло из своей среды основную часть интеллигенции того времени. Отдельные представители этой интеллигенции самурайского происхождения выступили в качестве идеологов меркантилизма, либерализма, дворянской демократии и т. д. Часть самурайства видела выход из своего тяжелого положения в возвращении к прежним временам и порядкам, другая часть, в особенности низшие самураи передовых юго-западных княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса, Хидзэн), выступала за коренное преобразование феодального строя.

Движение низшего самурайства не ставило ликвидации феодального строя своей непосредственной задачей. Оно преследовало цель разрешить наиболее острые противоречия феодализма путем реформ. Однако в сложившихся социально-экономических и политических условиях это движение не могло не привести к переходу Японии на капиталистический путь развития. В этом смысле объективно оно отражало интересы нарождавшейся буржуазии, осуществляло задачи буржуазной революции.

Подлинными и самыми последовательными борцами против феодального гнета и иностранной зависимости были трудящиеся массы Японии. В своей книге Тояма Сигэки дает яркую картину нарастания борьбы крестьянства и городской бедноты накануне революции 1868 года.

В середине 1866 года на почве роста дороговизны в Осака, Хёго, Нисиномия, Нада, Икэда, Итами и других городах района Кинки возникли восстания городской бедноты, сопровождавшиеся большими разрушениями. Эти выступления приняли настолько широкий размах, что, как пишет Тояма Сигэки, «даже чиновники бакуфу, которые сопровождали сёгуна, находившегося в это время в Осака., не были в состоянии что-либо предпринять и вынуждены были «сидеть сложа руки» (стр. 180—181).

В мае, а затем и в сентябре 1866 года возникли крупные восстания в Эдо, причем во время последнего на 10 дней была парализована вся деловая жизнь столицы феодальной Японии.

Крестьянские восстания в 1866 году достигли небывалого размаха; они, пишет Тояма, «охватили всю страну, от области Оу на севере до острова Кюсю на юге». Движения крестьян вспыхивали также в районе военных действий между войсками бакуфу и оппозиционного княжества Тёсю, создавая «серьезную угрозу армии бакуфу с тыла» (стр. 181).

Только по официальным сведениям в 1866 году в Японии произошло 40 крестьянских восстаний. Восставшие не просто требовали снижения размера податей, как это было до сих пор, а, выступая под лозунгом «ё наоси» («исправление мира») или «ё хитоси» («уравнение богатых и бедных»), требовали возвращения заложённых земель и проведения уравнительного землепользования, аннулирования долгов, свободы торговли, введения выборности представителей местной власти. Движение «ё наоси» представляло собой зародыш крестьянской аграрной революции, пишет Тояма Сигэки.

Характерной чертой восстаний крестьян и утиковаси (восстаний городской бедноты) в эти годы было во-первых, то, пишет Тояма, что, «возникая стихийно, они быстро распространялись от деревни к деревне, от деревни к городу, от города к деревне, создавая таким образом угрозу общенародного восстания в масштабе всей страны, охватывающего как город, так и деревню.

Во-вторых, почти все восстания были направлены против феодальных землевладельцев и их окружения, а также против деревенской верхушки, помещиков и представителей торгово-ростовщической буржуазии. Инициатива в восстаниях принадлежала среднему и беднейшему крестьянству.

В-третьих, высшей точкой такого общенародного движения были восстания городской бедноты в Эдо и Осака, которые временно парализовали политические и экономические центры правительства бакуфу, создавая непосредственную угрозу его власти. Конечно, народные массы в этот период еще не были организованы, сплочены и не была еще достигнута концентрация революционных политических сил, представлявших волю народа. Однако бесспорно, что они вплотную подошли к кануну крестьянской войны, идущей по пути крестьянской аграрной революции; нельзя недооценивать объективного значения этой борьбы народных масс в нанесе-

нии решающего удара, приведшего к падению правительства бакуфу» (стр. 181—182).

Хотя народные восстания представляли могучую силу, они все же носили еще стихийный, разрозненный характер. Буржуазно-демократические силы Японии в тот период не имели еще своей политической организации, способной объединить народные выступления в общенациональном масштабе, выработать свою собственную идеологическую платформу, ясно показывающую политические цели борьбы.

Подчеркивая огромное значение антифеодальной борьбы народных масс для нанесения решающего удара по сёгунату, автор одновременно отмечает, что эта борьба все же не достигла уровня политической борьбы непосредственно за свержение сёгуна. Автор указывает, что в 1867 году, и в особенности во второй половине 1867 года, когда борьба за свержение сёгуна вступила в решающую стадию, наступил спад антифеодальной народной борьбы, превращение ее в массовые беспорядки, известные под названием «Э, дзянай-ка». По мнению Тояма Сигэки, в обстановке назревания острого политического кризиса массовые беспорядки «Э, дзянай-ка» явились средством разрядки революционной энергии масс в религиозном экстазе. Политический процесс в период отречения сёгуна (октябрь 1867 года) до реставрации императорской власти (январь 1868 года) был удивительно оторванным от народного движения, превратившись в темные махинации и мелочную борьбу за дележ правительственных постов между сёгуном, даймё, кугэ и феодальной бюрократией, то есть между представителями одного и того же господствующего дворянского сословия.

Вопрос об участии идеологов крестьянской аграрной революции, как и самого крестьянства, в Мэйдзи исин совершенно не разрабатывался довоенной официальной историографией. С каждым годом обнаруживаются все новые и новые данные (многие из них приводятся в книге Тояма Сигэки), подтверждающие более широкое участие народных масс в Мэйдзи исин, нежели это признавалось до сих пор.

Некоторые японские историки, в частности Иноуэ Киёси, приводят убедительные доказательства тому, что никакого спада народной борьбы в 1867 году не

было. Но даже если кривая крестьянских восстаний на какой-то период пошла вниз, это отнюдь не может служить основанием для отрицания решающего значения борьбы народных масс в революции 1868 года. Грандиозный подъем народной антифеодальной борьбы в 1866 году фактически парализовал весь государственный аппарат феодальной власти, всколыхнул широкие слои общества, создал политические предпосылки, без которых свержение сёгуната было бы невозможно.

Тояма Сигэки дает в книге правильную оценку характера и роли так называемого внешнего фактора и справедливо подчеркивает, что Япония фактически была превращена капиталистическими державами в полуколониальный рынок западных стран. Однако в политическом отношении опасность превращения Японии в колонию западных держав в период Бакумацу, по мнению Тояма, не существовала, так как в этот период западные державы еще не вступили в эпоху империализма, они находились на стадии промышленного капитализма, стоявшего на позиции свободы торговли (фритредерства). Что же касается ряда враждебных выступлений западных держав в период Мэйдзи исин, в том числе вооруженных выступлений, то, по мнению Тояма, они скорее были спровоцированы действиями необузданного экстремистского самурайства, выступавшего под лозунгом «изгнание варваров». Такая точка зрения не согласуется с имевшими место действительными фактами навязывания Японии неравноправных договоров западными державами, их грубого вмешательства во внутренние дела Японии в период Мэйдзи исин, размещения иностранных войск на территории страны, создания иностранных селтльментов в ряде портовых городов и т. д. И если попытка превращения Японии в колонию западных держав не увенчалась успехом, то это объясняется не природой западноевропейского капитализма, а скорее сложившимся соотношением сил на международной арене и прежде всего размахом освободительного движения не только в самой Японии, но и в ряде других восточных стран, в частности в Индии и в Китае.

Недооценка опасности колониального порабощения Японии в рассматриваемый период не позволила автору по достоинству осветить роль и значение национального

момента в Мэйдзи исин. Угроза иностранного вторжения способствовала пробуждению национального самосознания японского народа, создала предпосылки для национальной консолидации всех сил страны. Япония очутилась перед дилеммой: либо колониальное закабаление, подобно Китаю, при сохранении средневековых, феодальных, дошедших до крайней степени разложения порядков, либо решительный переход на путь форсированного внедрения более передовой в то время западной науки и техники, то есть на путь капиталистического развития. Движение за национальную независимость стало неотъемлемой частью антифеодальной борьбы, борьбы за свержение сёгуната, вступившего на путь темных махинаций с западными державами.

Вопрос о характере Мэйдзи исин является предметом оживленных научных споров, и его отнюдь нельзя считать разрешенным. Не вдаваясь в подробное рассмотрение различных точек зрения японских историков, а также расхождений между советскими и японскими историками по этому вопросу, ибо это увело бы нас в сторону от рассматриваемой проблемы, все же следует отметить, что Тояма Сигэки и его коллеги несколько преувеличивают феодальные черты в Мэйдзи исин, сводят эти события к простой междоусобной борьбе различных группировок внутри господствующего феодального класса, к простой реформе феодального строя. Это преувеличение феодального аспекта Мэйдзи исин (который, несомненно, занимает большое место, и недооценивать его было бы большой ошибкой), недооценка революционного значения Мэйдзи исин для последующего развития Японии, видимо, является следствием совершенно естественной реакции японских прогрессивных историков на официальную династичную историографию, возводящую в принцип культ личности японского императора и утверждающую, будто в основе Мэйдзи исин лежит «забота» монарха о своих подданных. Японский народ испытал на себе гнет возникшей в результате Мэйдзи исин самодержавной власти, которая душила все прогрессивное, передовое, жестоко подавляла постоянно возникавшее в японском народе движение протеста против полуфеодальной эксплуатации и политического бесправия. Ненависть японского народа и его передовой интеллигенции к этому темному

Прошлому, по-видимому, оказывает известное влияние на оценку характера Мэйдзи исин.

Исторические условия тогдашней Японии — тесная связь торгово-ростовщической буржуазии с феодальной аристократией, слабость, организационная неоформленность промышленной буржуазии, не отделившейся еще от сельского хозяйства, страх буржуазии и феодальной аристократии перед революционным движением крестьянства и городской бедноты — предопределили половинчатость, незавершенность этой своеобразной революции, окончившейся компромиссом буржуазии с феодалами. В результате этого компромисса были сохранены феодальные пережитки в сельском хозяйстве, промышленности, в общественном и политическом строе Японии. Дворянство делало все для того, чтобы помешать крестьянским массам в какой-либо форме наложить свой отпечаток на процесс перестройки общественного и государственного строя.

Японский народ не получил даже тех формальных буржуазно-демократических прав, которые были завоеваны трудящимися некоторых западноевропейских стран в период буржуазных революций.

В результате Мэйдзи исин правительство бакуфу, олицетворявшее господство крупных феодалов, было свергнуто и государственная власть под видом реставрации императорской власти перешла в руки представителей передовых юго-западных княжеств, объективно отражавших интересы нарождавшейся буржуазии. Очутившись перед лицом массовых внутренних восстаний полукрепостных крестьян и городской бедноты, перед надвигавшейся угрозой превращения Японии в колониальный рынок западных держав, представители новой власти становятся на путь буржуазных реформ, которые открыли путь капиталистическому развитию Японии. Они устраняют власть удельных князей и создают централизованное государство, провозглашают право частной собственности на землю, вводят свободу торговли и выбора профессий, распускают самурайские дружины княжеств и создают современную армию, основанную на всеобщей воинской повинности.

Хотя все эти реформы носили половинчатый, компромиссный характер, все же они ознаменовали собой переход Японии к новому, капиталистическому способу

производства. В этом смысле Мэйдзи исин по своему характеру была половинчатой, незавершенной буржуазной революцией.

* * *

Тояма Сигэки является последователем известных прогрессивных историков Хаттори Сисо и Хани Горо, сделавших большой вклад в исследование новой истории Японии с позиций исторического материализма. Будучи сотрудником Историографического института при Токийском университете и принимая непосредственное участие в составлении многотомных собраний исторических документов и материалов, Тояма обладает глубоким знанием японских первоисточников. Предлагаемый советскому читателю труд Тояма является научным исследованием истории Мэйдзи исин — одной из центральных, узловых проблем новой истории Японии, наименее изученной и, пожалуй, наиболее спорной.

В своем труде Тояма Сигэки использовал новые исторические документы, впервые ставшие достоянием японских ученых, и можно сказать, что его книга представляет собой последний обобщающий труд в области исследования истории Мэйдзи исин.

Общая оценка японскими историками Мэйдзи исин как перехода от феодальной монархии к абсолютизму хорошо известна в нашей стране. Однако чем японские историки аргументируют свою точку зрения, какие доказательства, доводы приводят для подтверждения своих взглядов — до сих пор широко не было известно, что крайне затрудняло научную полемику.

Разрешение этой проблемы возможно только на основе тщательного изучения конкретных исторических фактов, исторических событий, источников, документов.

Выпуск в свет русского перевода этой книги преследует цель более глубоко ознакомить широкие круги советских ученых с аргументацией, трактовкой характера Мэйдзи исин японскими историками, с тем чтобы создать более прочную основу для последующего научного обсуждения и правильного рассмотрения этой крайне важной проблемы новой истории Японии.

Выход в свет этой книги позволит широким кругам советской общественности — студентам, преподавателям, партийным, советским, профсоюзным работникам — более глубоко ознакомиться с новой историей Японии, будет содействовать укреплению добрососедских отношений с талантливым, трудолюбивым японским народом.

П. Топеха

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Научное рассмотрение вопроса о Мэйдзи исин — отправного пункта в формировании современной Японии — имеет большое значение в настоящее время, когда необходимо подвести общие итоги процесса послевоенной так называемой демократизации Японии. Тем не менее при знакомстве с современными научными исследованиями по истории Мэйдзи исин возникают серьезные сомнения в правильности освещения этой проблемы. Эти сомнения вполне правомерны, если учесть, что начавшаяся еще до второй мировой войны дискуссия о характере японского капитализма настолько разрослась и усложнилась, что совершенно нельзя предсказать, чем она закончится.

И если, несмотря на это, я все же решил выпустить в свет эту книгу, то лишь потому, что убедился, насколько необходимо, опираясь на последние данные различных областей науки, написать политическую историю Мэйдзи исин как для разрешения нынешней дискуссии о характере японского капитализма, так и для дальнейшего развития научных исследований.

Такая задача не под силу мне одному с моими скромными способностями, поэтому я поставил своей целью дать хотя бы хронологически последовательное изложение событий.

В какой степени мне удалось это сделать, можно будет судить по благожелательным замечаниям или суровой критике читателей, учтя которую, я постараюсь улучшить эту книгу в будущем.

Вряд ли где-нибудь, помимо мира ученых, существует еще такая острая борьба мнений в целях поисков истины и вместе с тем такое всестороннее сотрудничество.

Даже в течение непродолжительного периода своей научной деятельности я не раз чувствовал, несмотря на обнаруживающиеся подчас различия в научных взглядах, руководство, помощь и поддержку со стороны всей научной общественности.

С чувством глубочайшего уважения и благодарности я посвящаю эту книгу известным ученым Хани Горо, Хаттори Сисо и покойному Осатакэ Такэси, труды которых сыграли большую роль в моей научной деятельности, Историческому обществу (Рэкисигаку кэнкюкай), Исторической секции Демократической ассоциации ученых (Минсюсюги кагакуся кёкай), Обществу изучения истории Японии (Нихон-си кэнкюкай) и другим научным обществам, оказавшим мне непосредственную помощь в работе, а также бывшему Бюро публикации материалов по истории Мэйдзи исин (Исин сирё хэнсан дзимукёку), Институту источниковедения (Сирё хэнсандзё) и другим исследовательским учреждениям; моим многочисленным предшественникам и коллегам на научном поприще, а также всем студентам, которые на лекциях и заседаниях научных обществ своими свежими мыслями и замечаниями оказали мне помощь в работе.

Декабрь, 1950 год.

Тояма Сигэки.

ВВЕДЕНИЕ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ УСЛОВИИ ДЛЯ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ МЭЙДЗИ ИСИН

Новая история Японии и, в частности, история Мэйдзи исин — наименее исследованная область истории Японии. Объясняется это прежде всего тем, что важнейшие исторические документы не были доступны для широкого ознакомления. Те же немногие материалы, которые были открыты для широкого пользования, составлялись и преподносились тенденциозно, никакой проверки их путем беспристрастной научной критики не велось, и хотя были опасения, что они искажены и подобраны пристрастно, возможности установить их научную ценность не имелось. Препятствовало исследовательской работе также и то, что до поражения Японии в войне в стране существовал строгий запрет на ведение каких бы то ни было исторических исследований, могущих затронуть монархию. Поскольку же было запрещено касаться этой главной основы власти в стране, интерес к изучению истории страны, естественно, не повышался.

Часто роль того или иного лица в ходе Мэйдзи исин и в период Мэйдзи заведомо искажалась в угоду интересам ныне здравствующих лиц или их потомков. Главнейшим критерием при этом было отношение того или иного лица к монархии во время Мэйдзи исин. Другими словами, давалась крайне упрощенная, неисторическая, субъективная оценка, когда роль отдельных деятелей определялась в зависимости от того, были ли они верны императору в рассматриваемый период или нет. Совершенно очевидно, что подобный способ оценки взглядов и деятельности любого человека не может быть признан правильным; она должна определяться иными, более важными факторами.

И если, несмотря на это, существовал такой противоречащий действительности верноподданнический подход к оценке роли исторических личностей, то это свидетельствовало об отсутствии у правящих кругов серьезной заинтересованности в установлении исторической истины во всем ее многообразии. Более того, эти круги крайне нервозно реагировали на опубликование исторических документов, опасаясь, как бы эти материалы не обнаружили непочтительного отношения к императору их самих или их предков.

При этом нужно иметь в виду, что в современном японском обществе, не прошедшем сквозь горнило буржуазной революции, еще очень сильно влияние традиций. Положение и посты отдельных представителей правящих кругов были достигнуты ими не в ходе революционного образования нового общественного строя, покончившего со своим прошлым, а получены по традиции, в результате сложившихся исторических условий. В таком обществе «с уважением» относились лишь к внешней стороне истории. И чем больше истории придавался такой чисто внешний, показной характер, чем больше она становилась орудием в руках апологетов правящих кругов, тем значительнее был отход от исторической правды, приведший к застою в исторической науке.

Сразу же после завершения Мэйдзи исин по инициативе Государственного совета (Дадзёкан) была начата большая работа по составлению истории с целью показать причины реставрации императорской власти.

Был издан ряд хронологических сборников исторических материалов в виде летописей крайне ограниченной исторической ценности, как, например, «Фуккоки» («Летопись реставрации»)¹. Несколько раз начиналось составление «Сэйси» («Подлинной истории») * Мэйдзи исин с позиций просветительской политики правительства, но эти попытки не имели ничего общего с наукой. Публикации производились в интересах различных правящих группировок, ведших между собой фракционную борьбу, и в зависимости от потребностей той или иной группировки то прекращались, то

* Сэйси имеет также значение подлинных исторических документов. — *Прим. ред.*

вновь возобновлялись, серьезно затрудняя тем самым изучение истории Мэйдзи исин².

Так как влияние клановой бюрократии в стране сказывается вплоть до настоящего времени, критическое, научно обоснованное освещение истории движения Мэйдзи исин было невозможно с позиций господствующего класса. Научное исследование Мэйдзи исин возможно только с новых социально-политических позиций, с позиций критики и борьбы против абсолютизма, возникшего в результате Мэйдзи исин. Однако такой подход к исследованию был тогда почти невозможен в нашей стране, даже несмотря на последовавшее затем развитие капитализма.

Если мы обратимся к движению за свободу и народные права (дзию минкэн), которое считалось стержнем буржуазно-демократического движения в нашей стране, то можно отметить, что по мере усиления давления масс снизу его лидеры — из числа оппозиционных элементов в клановом правительстве, связанная с правительством торговая буржуазия (сэйсё), помещики — быстро сошли с арены политической борьбы, заключив компромисс с правительством. Верхние слои, участвовавшие в движении за свободу и народные права, не шли дальше требований мнимой демократизации в рамках монархического строя, что нашло отражение в их взглядах на Мэйдзи исин (они пытались приукрасить императорскую систему конституционализмом, исторически оправдать конституцию Мэйдзи, основанную на принципе централизации суверенной власти). Взгляды верхушки движения «дзию минкэн» как две капли воды были похожи на теорию сторонников реставрации императорской власти, служившую клановому правительству средством идеологического оправдания императорской системы. С точки зрения исторической правды взгляды на историю руководителей движения за свободу и народные права, считавших основной целью Мэйдзи исин осуществление идеи свободы и равенства, были более ошибочны, нежели взгляды сторонников реставрации императорской власти; поэтому это историческое направление вскоре прекратило свое существование, не успев сложиться в определенную историческую школу³.

Так называемая просветительная историческая

школа, с самого начала стоявшая на чисто буржуазных позициях, была представлена трудами Фукудзава Юкити «Основы цивилизации» («Буммэйрон-но гайряку») (1875), Тагути Укити «Краткая история цивилизации в Японии» («Нихон кайка сёси») (1882), Такэ-коси Йосабуро «История за две тысячи пятьсот лет» («Нисэн госяку нен си») (1897). В дальнейшем, в атмосфере демократических веяний в период Тайсё (1912—1926), эта школа, развиваясь независимо от официальной исторической науки, занялась разработкой истории культуры. Этими трудами был сделан также новый вклад в изучение древней истории и истории средних веков, но значение этих работ для изучения новой истории было незначительно⁴.

«История культуры» появилась в ходе развернувшейся критики старой политической истории, состоявшей почти исключительно из биографий политических деятелей, подробного описания их борьбы за власть и исторических обзоров существовавших режимов. «История культуры» охватывала широкую область экономики, права, идеологии, искусства и пытались пайти единый объективный подход к оценке не только роли политических деятелей — представителей государственной власти, но также и представителей различных слоев общества. Можно сказать, что эта историческая школа, выступавшая против господства абсолютизма, стояла на платформе буржуазии, стремившейся предать широкой гласности эту свою оппозиционность.

Однако представители буржуазии годов Тайсё, разработавшие определенную историческую концепцию в отношении древнего периода и средних веков, совершенно отказались от поисков научного метода для освещения новой истории, так как это непосредственно затрагивало их собственное положение. Их отказ объясняется ограниченностью взглядов представителей японской буржуазии, вступивших в соглашение с абсолютистской властью. Хотя за этот период и были достигнуты некоторые успехи в исследовании новой истории Японии, а также в области экономической истории (истории развития капитализма)⁵, истории права (истории развития конституционной системы)⁶, они не оказали почти никакого влияния на общее направление, по-прежнему остававшееся на уровне старой полити-

ческой истории, предшествовавшей «Истории культуры».

Первая попытка выступить против официальной истории Мэйдзи исин, составленной самим правительством Мэйдзи, против сторонников исторической концепции реставрации императорской власти и движения под лозунгом «Почитание императора и изгнание варваров» была предпринята оппозиционно настроенными учеными, которые принадлежали к исторической школе, стоявшей на позиции правительства бакуфу. Эти ученые критически подошли к официальной истории, и им удалось впервые изложить, хотя и недостаточно полно, научную историю Мэйдзи исин⁷. Отсюда фактически берет свое начало родословная так называемой академической школы по изучению истории Мэйдзи исин.

Однако взгляды, проповедовавшиеся группой историков, стоявших на позициях правительства бакуфу, по существу, не совпадали с теорией сторонников императорской власти. Силы, которые могли выступить против сторонников бакуфу, сосредоточивались в основном в княжествах Сацума и Тёсю. Все доводы сторонников бакуфу сводились к тому, что правительство бакуфу, как они утверждали, более лояльно по отношению к императору, нежели княжества Сацума и Тёсю; что оно к тому же более дальновидно в вопросах внешней политики, в деле создания «богатой страны и сильной армии».

Академическое направление в освещении истории Мэйдзи исин, ограничившееся изучением политической борьбы внутри господствующего класса феодалов, то есть борьбы между приверженцами лозунга «почитание императора и изгнание варваров» (сонно дзёи) и сторонниками «поддержки бакуфу и открытия страны» (сабаку кайкоку), между приверженцами лозунга «почитание императора и свержение бакуфу» (сонно тобаку) и сторонниками «почитания императора и уважения бакуфу» (сонно кэйбаку) и т. д., не сумело дать анализа противоречий и борьбы между бакуфу и передовыми юго-западными княжествами, между высшим и низшим дворянством и поэтому оказалось неспособным разобраться во всех сложных перипетиях политической борьбы периода Бакумацу⁸.

Условия для научного подхода к изучению новой истории Японии сложились лишь в период возникно-

вения социалистического движения, в период, когда материалистический взгляд на историю пустил глубокие корни в нашей стране⁹. В нынешних своеобразных условиях, когда социалистическому движению в нашей стране приходится попутно решать также и проблемы современной буржуазной революции, задача поставить изучение истории на подлинно научную основу всецело возлагается на пролетарскую историческую науку, не имеющую такого научного наследия, как современная буржуазная историческая наука. Мы вынуждены были спешно создавать историческую науку на весьма скудной основе так называемой академической школы. Это обстоятельство, несомненно, осложняет дальнейшее изучение новой истории Японии.

Вполне естественно, что разрыв между теорией и ее фактической основой оказался весьма значительным. В результате утверждения материалистических взглядов на историю эта теория приобрела острый политический, партийный характер и вступила в резкую полемику с академическим направлением. Однако, несмотря на блестящие научные достижения материалистического направления в истории, оно не стало еще общим достоянием ученых, а историческая наука не сумела еще подняться на высший уровень, не пошла по здоровому пути сотрудничества и творческого соревнования двух направлений — академического и материалистического.

Лишь после военного поражения Японии в 1945 году создались наконец некоторые политические и научные условия для критики абсолютизма. Но только будущее покажет, можно ли будет реализовать эти возможности. В политическом отношении это зависит от того, как будет развиваться демократическая революция; в научном отношении — от общих усилий всех ученых в деле сохранения свободы науки и мысли, в деле поисков истины и накопления ее неопровержимых доказательств.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I ВВЕДЕНИЯ

¹ Написание «Фуккоки» («Летопись реставрации») было задумано в связи с составлением «Сэйси» («Подлинная история»), проводившимся в соответствии с императорским рескриптом 1869 года, который гласил: «Ясно установите моральные обязанности правителя и подданных, определите внутренние и внешние различия между благородными и варварами [то есть между японцами и ино-

странцами. — *Ред.*] и таким путем повсеместно насаждайте наши моральные принципы».

Составление «Летописи реставрации» было начато Историческим отделом верхней палаты Государственного совета (Дадзёкан) в 1872 году. Затем работа была продолжена Бюро по составлению истории (Сюсикан), созданным в 1881 году, а потом Историческим отделом кабинета министров (Сюсикёку), специальной комиссией по составлению хронологической истории при Токийском императорском университете и в 1889 году, по истечении 17 лет, завершилась изданием «Фуккоки» и «Фуккогайки» («Летописи реставрации») в 289 книгах, 15 томах (см. предисловие к «Фуккоки»).

² В 1890 году Канзё Кэнтаро, занимаясь составлением первого проекта конституции Мэйдзи, представил в министерство двора докладную записку, в которой предлагал для объяснения происхождения японской конституции создать при министерстве Бюро по составлению истории государственного устройства Японии. Таковую же докладную записку он представил на имя императора.

Министерство двора единодушно приняло решение об организации сбора исторических документов по истории Мэйдзи и снн как отправного момента для составления «Сэйси» и приступило к подготовительным работам. Однако ввиду категорического возражения со стороны Ито Хиробуми работа по сбору исторических документов была приостановлена. Ито Хиробуми следующим образом мотивировал свою позицию: «С давних пор, еще со времени событий у ворот императорского дворца [попытка произвести государственный переворот радикальными элементами антисёгунской оппозиции из княжества Тёсю в 1864 г. — *Ред.*], между княжествами Сацума и Тёсю возникали трения по различным вопросам. Подбор документов по истории Мэйдзи и снн вместе с тем явился бы сборником по истории столкновений между княжествами Сацума и Тёсю. Возбуждение вновь неприязненных отношений между этими княжествами в тот самый момент, когда мы благодаря сотрудничеству княжеств Сацума и Тёсю, кажется, благополучно разрешили вопрос о созыве первой сессии императорского парламента в 1890 году, не может не оказать серьезного влияния на политическое положение. Сбор документов по истории Мэйдзи и снн в принципе заслуживает полного одобрения, но для этого еще не наступило время». См. работу «И снн сирё хэнсанкай-но какко то гэндзай» («Прошлая и настоящая деятельность Комиссии по изданию документов по истории Мэйдзи и снн»), выпущенную Бюро публикации документов по истории Мэйдзи и снн при министерстве просвещения.

³ Взгляды руководителей движения за свободу и народные права на историю Мэйдзи и снн наиболее полно изложены в «Дзюто-си» («История либеральной партии»), изданной под редакцией Итажаги Тайскэ в 1910 году.

«Таким образом, необходимо понять, — говорится в этом труде, — что в действительности преобразования Мэйдзи и снн, проводившиеся при поддержке общественного мнения, возвратили суверенную власть императорскому дому, восстановили свободу народа, и таким путем в области внутренней политики была утверждена идея равенства всех сословий под эгидой единого правителя, создана основа для объединения всей страны. Реформы положили начало расширению наших внешнеполитических связей, установили

структуру наших взаимоотношений со всеми странами мира». Другими словами, лидеры движения за свободу и народные права считали, что реформы Мэйдзи исин, проводившиеся под лозунгом «почитание императора и изгнание варваров», преследовали цель уничтожить деспотическую власть бакуфу, восстановить власть императора, расширить народные права, и если бы эта тенденция периода Мэйдзи исин получила дальнейшее развитие, Япония неизбежно пришла бы к установлению конституционного строя. Следовательно, они считали, что законным преемником революционных тенденций периода Мэйдзи исин должна была стать политическая партия, выступавшая под лозунгом борьбы за свободу и народные права, а не кабинет кланового правительства.

⁴ Наиболее выдающимся исследованием истории культуры, вышедшим в период Тайсё, явилась книга Цуда Юкити «Исследование нашей национальной идеологии по произведениям художественной литературы» (1921). Несмотря на то, что автор этого труда стремился вскрыть исторические корни современной национальной идеологии, начавшей формироваться в период Мэйдзи исин последняя, вторая часть этой книги, «Народная литература», относящаяся непосредственно к этому периоду, так и не была опубликована.

⁵ См. исследования Хондзё Эйdzиро, Цутия Такао, Такахаси Камэkitи, Итани Дзэнъити, Иномата Цунао.

⁶ См. исследования Осатакэ Такэси и Йосино Сакудзо.

⁷ Эта историческая школа представлена произведениями чиновников бывшего правительства бакуфу; Фукути Гэнъитиро, Бакуфу суйбо-рон (Падение бакуфу), 1892; Фукути Гэнъитиро, Бакумацу сэйдзика (Политические деятели периода Бакумацу), 1900; Тогава Дзэнка, Бакумацу Сёси (Краткая история периода Бакумацу) 1898; «Токугава Йосинобу кодэн» (Биография князя Токугава Йосинобу), т. 1—8, 1918, под редакцией Сибудзава Эйити, и другие.

Характерно, что основное ядро академического направления сложилось главным образом из историков, принимавших участие в составлении «Биографии князя Токугава Йосинобу», в частности Кобаяси Сёдзиро, Инобэ Сигэо, Фудзии Дзинтаро и других.

⁸ Так как правительство, столкнувшись с целым рядом трудностей, прекратило составление «Подлинной истории» Мэйдзи исин, в 1910 году Советом старейшин (гэнро) было создано общество по уточнению фактов (сёмэйкай), которое приступило к сбору исторических материалов. Это общество существовало за счет императорских субсидий, «денежных пожертвований в первую очередь со стороны бывших княжеств Сацума, Тёсю и Тоса, а также дворянства различных княжеств и других заинтересованных семейств». Затем в следующем, 1911 году, это общество было поставлено под контроль министра просвещения и объявлено правительственной организацией.

В это же время была создана Комиссия по изданию документов по истории Мэйдзи исин. Комиссия стала центром официального исследования истории Мэйдзи исин. Когда проект сметы этой комиссии был заслушан в нижней палате, представители оппозиционных партий во главе с депутатом Симادا Сабуро, членом партии Кайсинто, подвергли острой критике работу этой комиссии, заявив,

что она, по их мнению, занималась лишь восхваленем княжеств Сацума и Тёсю. В результате этой критики правительство вынуждено было дать разъяснение о том, что подбор и издание исторических материалов должны осуществляться «беспристрастно», «независимо от того, затрагивают ли эти документы интересы сторонников императора или сторонников бакуфу». В соответствии с этой установкой был укомплектован и состав комиссии по составлению исторических материалов: в руководство комиссии вошло равное количество членов Совета старейшин — представителей княжеств Сацума, Тёсю и Тоса.

Председателем комиссии был назначен Иноуэ Каору (от княжества Тёсю), заместителем председателя — Канэко Кэнтаро; советниками были назначены Ямагата Аритомо — от Тёсю, Ояма Ивао и Мацуката Масаёси — от Сацума, Хидзиката Хисамото, Танака Мицуаки и Итагаки Тайскэ — от Тоса и другие гэнро.

Членами комиссии были назначены * представители двора (кугэ), члены бывшего правительства бакуфу и другие лица, представлявшие главные семейства бывших княжеств.

«Беспристрастность» изложения истории Мэйдзи исин означала лишь «достоверное воспроизведение» характеристики взаимоотношений между княжествами Сацума, Тёсю и правительством бакуфу. Подобная «беспристрастность» фактически господствовала вплоть до 1938 года, о чем свидетельствует следующий эпизод.

В 1938 году на совещании советников и членов Комиссии по изданию документов по истории Мэйдзи исин председательствующий на совещании Канэко предложил приступить к написанию истории Мэйдзи исин, поскольку, по его мнению, страсти, разгоревшиеся вокруг сбора исторических материалов, несколько улеглись. Присутствовавший на совещании представитель бывшего княжества Хиконэ «по поручению дома князя Ии» выступил против этого предложения, заявив, что «беспристрастная» позиция не была соблюдена. Отвечая на эти обвинения, председатель Канэко разъяснил, что предполагается «написание историй на основе всех материалов, составленных как с позиций сторонников бакуфу, так и с позиций сторонников императора», что план истории «был все-сторонне обсужден с различных точек зрения, не только с позиций дома Ии, но и с позиций дома Токугава, дома Айдзу, дома Кувана и что предполагается написание такой истории, которая не вызвала бы нареканий со стороны представителей этих домов». Он пояснил, что история будет написана «с беспристрастных позиций». (Бюллетень 19-го заседания Комиссии, изданный Бюро публикации документов по истории Мэйдзи исин при министерстве просвещения).

* Из числа первых работ, отразивших настойчивое стремление подвергнуть критическому анализу историю Мэйдзи исин и поставить ее на научную основу, следует указать статьи Хани Горо «Сэйсан Мэйдзи исин си кэнкю» («Итоги изучения истории Мэйдзи исин») в журнале «Синко кагаку-но хата-но мото-ни», 1928, т. I, № 1, и «Мэйдзи исин си кайсяку-но хэнсэн» («Эволюция толкования истории Мэйдзи исин») в сборнике, изданном историческим обществом Сигакай в 1929 году.

2. ЗНАЧЕНИЕ ДИСКУССИИ О ЯПОНСКОМ КАПИТАЛИЗМЕ

Начало научному подходу к изучению истории Мэйдзи исин было положено в работе Сакай Тосихико «Мэйдзи исин но син кайсяку» («Новая трактовка Мэйдзи исин»), вышедшей в 1929 году (Сакай Тосихико, Собрание сочинений, т. 6).

После исследований историков Такахаси Камэкити, Норо Эйтаро, Иномата Цунао, Цутия Такао вышла в свет в 1933 году серия монографий под общим названием «Нихон сихонсюги хаттацу-си кодза» («Очерки по истории развития японского капитализма»). Ею был заложен краеугольный камень научного изучения истории Мэйдзи исин.

В этом историческом исследовании основное внимание уделяется не описанию смены правительств и борьбы группировок внутри правящей верхушки за власть, а анализу экономических, правовых и социальных отношений в стране. Авторам этой серии удалось избежать недостатков, присущих ранее упоминавшейся школе «истории культуры», рассматривавшей все перечисленные отношения изолированно, без систематических обобщений, и вплотную подойти к пониманию истории как единого, комплексного закономерного процесса.

В связи с выходом в свет серии монографий о развитии японского капитализма среди японских историков, стоящих на позициях исторического материализма, возникли течения Роноха и Кодзаха, по-разному трактующие структуру и развитие японского капитализма. Ожесточенная борьба, разгоревшаяся между ними, как известно, дала мощный толчок дальнейшему изучению новой истории Японии.

Суть разногласий, выявившихся в процессе дискуссии о японском капитализме (иногда называемой также дискуссией о феодализме), заключалась в различной оценке некоторых основных элементов феодализма в современном обществе (в частности, вопроса об абсолютизме), а именно: являются ли эти элементы простым пережитком феодализма (Роноха) или они присущи японскому капитализму (Кодзаха). Дискуссия разгорелась среди коммунистов по вопросу о том, какова должна быть стратегия коммунистической партии в современной революции. Она ширилась, охватила про-

блемные вопросы исторической науки, и в обсуждении приняли участие все честные ученые страны. Дело в том, что в период этой принципиальной дискуссии, продолжавшейся с 1930 по 1937 год, наиболее резко проявился кризис японского капитализма и в связи с этим нависла угроза войны как средства разрешения всех социальных противоречий. Эти обстоятельства всколыхнули широкую научную общественность.

В самом деле, экономический кризис, начавшийся в 1927 году, обнаружил тенденцию к перерастанию в затяжной мировой кризис, что являлось выражением общих противоречий мирового капитализма. С особой остротой этот кризис проявился в Японии вследствие специфических условий, присущих этой стране. Прежде всего кризисные явления наметились в сельском хозяйстве страны; вскоре они переросли в глубокий аграрный кризис. Бедствия, которые принес кризис, если можно так сказать, удваивались в связи с наличием феодальных пережитков в общественной жизни Японии. Воспользовавшись депрессией, монополистическая финансовая буржуазия утвердила свое господство во всех областях экономики. Одновременно сказывалась присущая Японии слабость рабочего и крестьянского движения, так как феодально-деспотическая государственная машина подавляла любое выступление рабочих и крестьян.

Японское правительство спровоцировало так называемый маньчжурский инцидент (1931), вызвало японо-китайский конфликт (1937), теснейшим образом связанные с вышеизложенной обстановкой, и наряду с нацистской Германией и фашистской Италией становилось зачинщиком второй мировой империалистической войны. В ходе подготовки мировой войны в экономике Японии установилось полное господство монополистического капитала, влияние буржуазных политических партий на политическую жизнь страны ослабло, а стержнем государственной власти стали абсолютистские ультранационалистические элементы из военщины и бюрократии. Таким образом, неизменным японским явлением становится фашизм, эта, по общему определению, открытая диктатура финансового монополистического капитала, целью которой является сохранение пошатнувшегося классового господства монополий. В этих условиях резко ухудшилось положение трудящихся масс, страдавших от

тяжести кризиса, но в то же время крепла их воля к борьбе против милитаризма, развязывавшего войну. Эти же условия создавали стимул для сознательной части интеллигенции к научному анализу как общих принципов, так и специфических конкретных условий развития японского капитализма.

Серия монографий «Очерки по истории развития японского капитализма», как и дискуссия о японском капитализме, заслуживает самого пристального внимания, ибо авторы книг и участники дискуссии исходили из истинных интересов народа, из практических актуальных проблем.

Основные спорные вопросы дискуссии о японском капитализме вкратце можно сформулировать следующим образом¹.

А. Относительно истории периода Бакумацу — Мэй дзи и син

а) Дискуссия по вопросу о мануфактурах

Уровень развития капитализма в промышленности в период Бакумацу представитель школы Кодзаха Хаттори Сисо определял как «мануфактурную стадию в собственном смысле этого слова», имея в виду высказывание Маркса о том, что «как характерная форма капиталистического процесса производства, она [кооперация] господствует в течение мануфактурного периода...»^{*}.

Против такой оценки выступил сторонник Роноха — Цутия Такао, который утверждал, что господствующей формой в промышленности периода Бакумацу была не мануфактура, а предшествовавшая ей система домашней кустарной промышленности типа той'я (скупка).

При мануфактурном производстве, как известно, работа производится совместно на основе разделения труда большого числа наемных рабочих, собранных на одном промышленном предприятии. Здесь находят свое яркое выражение взаимоотношения наемных рабочих и капитала. Хотя примитивная ручная техника таких предприятий существенно отличается от машинной техники, тем не менее она создает возможность постепенного перехода к современной машинной индустрии. Именно на этих предприятиях создаются условия для перехода

^{*} К. Маркс, Капитал, т. I, гл. 12, Госполитиздат, 1955, стр. 343.

к капиталистическому способу производства, складывающемуся в недрах феодального общества.

б) Дискуссия по вопросу о новом помещике

Ссылаясь на наличие сезонных и поденных рабочих, Цутия утверждал, что помещичьи хозяйства в период Бакумацу велись на основе сравнительно свободного соглашения между помещиком и арендатором, и отсюда делал вывод о том, что эти хозяйства представляли собой зародыш капиталистической земельной собственности, капиталистического сельского хозяйства.

Хаттори, напротив, считал, что различие между крупным землевладением феодальных князей и частным помещичьим землевладением не было существенным, что антагонизм между князьями и новыми помещиками сводился лишь к борьбе за распределение подати, выколачиваемой из крестьян; он полностью отрицал наличие ростков капитализма в сельском хозяйстве.

в) Дискуссия по вопросу о характере крестьянских восстаний и о характере движения за свержение правительства бакуфу

Дискуссия эта возникла внутри течения Кодзаха. Хани Горо движущей силой Мэйдзи исин считал крестьянские восстания. Хаттори оспаривал эту точку зрения, заявляя, что Хани Горо игнорирует вопрос о руководстве движением и односторонне подчеркивает роль крестьянства в буржуазной революции. По мнению Хаттори, движением низшего самурайства за свержение правительства бакуфу руководила буржуазия. Этим он объяснял реформаторский характер движения низшего самурайства. Сторонники Роноха не были согласны ни с той, ни с другой точкой зрения, считая основной движущей силой Мэйдзи исин просвещенное низшее самурайство, подвергшееся влиянию внешних международных сил.

г) Дискуссия по вопросу о сущности Мэйдзи исин

Сторонники Кодзаха видят сущность Мэйдзи исин в образовании абсолютизма. В противоположность этому сторонники Роноха рассматривают Мэйдзи исин как незавершенную буржуазную революцию или как образование абсолютизма в такой форме, которая позволяла ему путем внутреннего развития перерасти непосредственно в буржуазную власть.

Б. Дискуссия по вопросу о структуре и развитии японского капитализма после Мэйдзи исин

а) *Полемика по вопросу о методологии книги Ямада Сэйтаро «Анализ японского капитализма»*

Сторонники Роноха, Сакисака Эцуро и другие, отстаивая теорию так называемого обуржуазивания помещиков, подвергли критике взгляды Ямада на структуру японского капитализма, являющиеся наиболее характерными для произведений школы Кодзаха.

По мнению приверженцев Роноха, определять японский капитализм как военный, полукрепостнический капитализм, видеть в основе японского империализма полуфеодальное землевладение, как это делает Ямада, — значит игнорировать процесс исторического развития.

б) *Дискуссия по аграрному вопросу (главным образом о характере земельной ренты)*

Кусида Тамидзо и другие сторонники Роноха пришли к выводу, что существующая земельная рента является промежуточной, переходной ступенью между феодальной и капиталистической рентой. Сторонники Кодзаха оспаривали эту точку зрения и считали земельную ренту целиком феодальной.

В ходе выше изложенной дискуссии о японском капитализме выявились существенные недостатки, заключающиеся в том, что отдельные спорные вопросы до сих пор рассматривались изолированно друг от друга (недостаточное внимание обращалось на установление связи между историей Мэйдзи исин и всем историческим процессом развития капитализма, на единство этих процессов).

Так, например, сторонники Кодзаха настойчиво доказывали, что в период Бакумацу капиталистическое производство пустило глубокие корни в промышленности, и в то же время совершенно отрицали появление ростков капитализма в сельском хозяйстве. В этом их положении отсутствует логика.

Точно так же их утверждение о руководящей роли буржуазии в движении за свержение правительства бакуфу, в котором участвовало богатое купечество и зажиточные крестьяне, трудно согласовать с оценкой Мэйдзи исин просто как периода образования абсолю-

тизма. Подобные же недостатки присущи и теоретическим взглядам сторонников Роноха. Их теории буржуазизации помещиков, революционности низшего самурайства изображение Мэйдзи исин как буржуазной революции и т. д. непоследовательны и не согласуются между собой.

Несмотря на недостатки, при дальнейшем изучении истории Мэйдзи исин и новой истории Японии вообще нельзя не учитывать итоги дискуссии о японском капитализме.

На каких бы научных позициях мы ни стояли, мы должны исходить из достижений этой дискуссии, проявляя критическое отношение к ее итогам. Поскольку это так, то для достижения еще более положительных результатов в будущем нужно критически воспринять итоги довоенной дискуссии о капитализме и вести исследование в следующем направлении:

1. Привести в логическую систему отдельные теоретические положения, выдвинутые в дискуссии, и по-новому изучать проблемы, связанные с процессом развития капитализма с периода Бакумацу до настоящего времени (то есть с точки зрения единства истории Мэйдзи исин с последующей историей). Для более полного изучения истории Мэйдзи исин необходимо устранить белые пятна в истории периода Тайсё, связывающего Мэйдзи исин с настоящим временем, причем необходимо дать единую картину всей структуры общества в целом (например, при изложении экономической истории необходимо показывать развитие промышленности и сельского хозяйства в их единстве).

2. Исторический прогресс и сохранение того старого, которое еще продолжает существовать, необходимо показывать в единстве, как две стороны одного и того же процесса, в противоположность сторонникам Роноха, которые, увлекаясь подчас внешними проявлениями исторических процессов, не исследуют их глубоких причин, приведших к тем или иным изменениям, и сторонникам Кодзаха, которые, следуя определенным теоретическим схемам и категориям, часто не улавливают основных нитей исторического развития.

3. Необходимо отрешиться от узкоэкономического подхода, которого мы придерживались до сих пор, и давать более полное изображение событий в неразрывной

связи со всем историческим процессом; толкования явлений надстроечного характера необходимо сочетать с объяснением явлений базиса. Соблюдение такого единства особенно необходимо при написании политической истории. В данном случае речь идет не о старой, так называемой политической истории, которая предшествовала истории культуры или социально-экономической истории; речь идет о такой политической истории, в которой политика была бы неразрывно и глубоко связана с экономикой и идеологией, другими словами, политическая история должна быть концентрированным выражением классовой борьбы. Необходимо путем написания такого рода политической истории устранить схематизм в области экономической истории и показать живых людей и конкретные классы.

Хотя политика в основном определяется экономикой, она все же является относительно самостоятельной и, более того, оказывает в свою очередь воздействие на экономику; игнорируя это, нельзя правильно показать развитие экономики, особенно когда предметом исследования являются феодальные или абсолютистские государства, где государственная власть вмешивается во все области общественной жизни, вызывая ожесточенный отпор. Необходимо также учитывать, что политика как отражение этой борьбы является силой, способной ускорить или замедлить экономическое развитие или же изменить его направление.

После второй мировой войны мы впервые получили возможность реально почувствовать, что политика является нашим делом, и старались превратить эту возможность в действительность. Более того, мы живем в период преобразований, когда все, начиная с повседневных мелочей и кончая самой наукой, занятой поисками объективной истины, неизбежно приобретает политический характер. Следовательно, сама повседневная житейская практика показывает нам, что политика оказывает непосредственное и серьезное воздействие на весь исторический процесс, показывает всю сложность политического строя, в котором участвуют и противостоят друг другу различные классы и социальные прослойки общества, а также раскрывает исторические законы, согласно которым развивается политика. Точно так же при анализе опыта так называемой демократизации,

конкретных форм феодальных и современных элементов, их взаимоотношений можно приобрести богатейшие знания, которые значительно облегчили бы разработку многих научных проблем и создали бы исключительные возможности для выработки метода разрешения этих проблем.

Данный труд — это попытка, хотя и крайне недостаточная, исследовать *политическую* историю Мэйдзи исин.

Я убежден в том, что избранный мной выше изложенный метод исследования является наиболее правильным, ибо он позволяет использовать итоги дискуссии о капитализме и, не погружаясь в дебри ее (особенно такая опасность ощущается в послевоенный период этой дискуссии), внести посильный вклад в историческую науку.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2 ВВЕДЕНИЯ

¹ Существует ряд работ, где излагается история дискуссии о капитализме. В частности, из книг, освещающих эту дискуссию с позиций Кодзаха, можно указать на «Нихон сихонсюги ронсо-си» («История дискуссии о японском капитализме»), изданную Институтом общественно-экономических наук, и труд Утида Дзёкити, Нихон сихонсюги ронсо (Дискуссия о японском капитализме), т. I, II. Из работ, написанных с позиций Роноха, можно указать на книгу Цусима Тадаюки «Нихон сихонсюги ронсо сирон» («Об истории дискуссии о японском капитализме»). В этих же трудах содержится и материал по существу дискуссионных проблем. Что касается историографии периода Мэйдзи исин, особенно по проблемам периода Бакумацу, то можно упомянуть работу автора данной книги «Мэйдзи исин кэнкю-ю сэйка» («Итоги исследования Мэйдзи исин»), которая помещена в книге «Нихон-си кэнкю нюмон» («Введение в изучение истории Японии»), изданной Тодай кёдо кумнай сюппамбу (Кооперативным издательством Токийского университета).

Глава I

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРИОДА ТЭМПО

(1830—1843 годы)

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Политические предпосылки Мэйдзи исин в основном сложились и оформились в процессе исторического развития Японии в период Тэмпо (1830—1843), примерно за 30 лет до самого переворота, то есть в ту знаменательную эпоху, когда во Франции произошла Июльская революция, в Англии шла борьба за пересмотр избирательного закона, а в Китае — первая «опиумная» война.

Для Японии периода Тэмпо характерно, во-первых, обострение противоречий между основными классами — феодалами-землевладельцами и крестьянством с тенденцией перерастания количества в качество и, во-вторых, расширение масштабов крестьянских восстаний и бунтов городских низов (утиковаси), являвшихся выражением этих классовых противоречий, зарождение среди участников этих движений новых социальных отношений и новых идей и, наконец, появление зачатков политической борьбы по мере развития классовых противоречий. В силу этих обстоятельств период Тэмпо занимает особое место в истории Японии. Короче говоря, в этот период уже сложились все социальные и политические силы, которые впоследствии, во время Мэйдзи исин, выступили на политической арене.

В процессе разложения феодального строя стали проявляться новые тенденции. Они заключались в том, что борьба между двумя главными силами феодального общества: крестьянством и мелкой городской буржуазией, боровшимися за буржуазно-демократическую революцию, с одной стороны, и феодалами, оказывавшими

этому ожесточенное сопротивление и старавшимися силой сохранить свое господство, — с другой, порождала у феодальной власти стремление к абсолютизму¹.

В настоящее время в научных кругах горячо дискутируется² вопрос о том, существовали ли внутри страны условия для Мэйдзи исин, в результате которых утвердился абсолютизм, и если существовали (чтобы противостоять напору извне, о чем речь будет ниже), то насколько они созрели. Другими словами, действительно ли сложились в Японии внутренние предпосылки для перехода от токугавского сёгуната к абсолютизму.

Споры главным образом ведутся вокруг оценки характера буржуазного развития в период Тэмпо и о степени этого развития. Ответ на эти вопросы зависит от того, как понимать и как объяснять характер и результаты политических реформ правительства бакуфу и княжеств в период Тэмпо и ту классовую борьбу, которая вызвала реформы.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I ГЛАВЫ I

¹ Большой заслугой Хаттори Сисо является то, что он первый охарактеризовал политическую власть, сложившуюся в результате Мэйдзи исин, как абсолютизм и определил его место во всемирной истории (см. его труд «Мэйдзи исин-си», 1928 год).

В высказываниях Маркса и Энгельса об абсолютизме и абсолютной монархии, а также в книге К. Каутского «Классовые противоречия в эпоху французской революции», претендующего на то, что он собрал эти высказывания воедино, абсолютизм, или абсолютная монархия, трактуется как государственная власть, которая стоит над двумя борющимися классовыми силами, достигшими равновесия, а именно: над классом феодальной аристократии и помещиков, с одной стороны, и над классом буржуазии — с другой, использует эти противоречия, но вместе с тем представляет интересы обоих лагерей и проводит угодную им политику. Абсолютизм есть порождение переходного периода от феодализма к капитализму, то есть порождение мануфактурной стадии развития общества. Неограниченной самодержавной властью монарха, охраняемого огромной регулярной армией и мощным бюрократическим аппаратом, создается централизованное объединенное государство, выполняющее вместе с тем роль рычага для насильственного ускорения процесса первоначального накопления. Однако абсолютизм, на первый взгляд кажущийся надклассовой властью — поскольку государственная власть не составляет привилегии одного класса, — на самом деле является не чем иным, как последней ступенью развития феодального государства, а поскольку это так, то он должен быть сметен буржуазно-демократической революцией.

Это известное определение абсолютизма применено и развито Хаттори Сисо в его труде «Дзэттайсюги рон» («Абсолютизм») и Коно Кэндзи в работе «Дзэттайсюги-но кодзо» («Структура абсолютизма»).

Однако в формулировке Каутского о «равновесии классовых сил» много сомнительного как с точки зрения теоретической, так и с точки зрения исторических фактов. В частности, если в отношении анализа абсолютизма в его статическом положении Каутским кое-что сделано, то теоретический анализ абсолютизма в период его становления совершенно недостаточен, ибо не учитываются динамика развития и конкретные исторические факты.

Хирано Иоситаро в книге «Бурудзэа минсююги какумэй» («Буржуазно-демократическая революция»), в разделе «Процесс первоначального накопления капитала в Западной Европе», критически подошел к этой формулировке. Правда, его выводы по поводу тезиса о «равновесии классовых сил» не всегда логично вытекают один из другого.

С точки зрения постановки вопроса заслуживают внимания взгляды Хоризэ Хидэити, изложенные в статье «Вопрос о государственной власти в период первоначального накопления», помещенной в ежеквартальном журнале «Сякай кагаку» за 1943 год. С его концепцией о становлении абсолютизма во время Мэйдзи нсин в основном можно согласиться. В частности, становление абсолютизма может рассматриваться как объединение и укрепление феодальной власти в ходе борьбы против крестьянских восстаний.

Подобное объединение и укрепление являлось своеобразной формой перехода к капитализму, когда феодальная реакция объединилась с торгово-ростовщической буржуазией. Без такой метаморфозы господство феодализма не могло бы сохраниться на данной ступени исторического развития, когда рушился феодализм и развивались буржуазные отношения. Причем само буржуазное развитие вызывало крестьянские движения, в корне отличавшиеся от прежних крестьянских бунтов и по своему размаху уже приближавшиеся к крестьянским войнам.

Поэтому характерная особенность абсолютизма состоит в том, что, с одной стороны, он подавляет революционное движение снизу (крестьянскую аграрную революцию), а с другой — проводит сверху буржуазные реформы, при осуществлении которых по возможности сохраняет и лишь несколько видоизменяет старый способ производства, являющийся для абсолютизма материальной базой. (См. Тояма Сигэки, Исан-но кэйсё (Принятие наследства), «Рэкисигаку кэнкю», № 136; Тояма Сигэки, Мэйдзи нсин кэнкю-но сэйка, в книге «Нихон-си кэнкю нюмон»).

Что касается научного определения абсолютизма, то в довольно многочисленных теоретических исследованиях, изданных после войны, велась острая полемика, но не произошло реальных сдвигов. Мне кажется, что причина этого — в догматическом подходе к произведениям Маркса и Энгельса и в недостаточном внимании к реальным историческим фактам.

Поэтому в своей работе я поставил ограниченную задачу: дать общее представление о данной проблеме и констатировать наличие спорных вопросов.

² Если согласиться с определением абсолютизма, данным Каутским, то получается, что необходимым условием для становления

абсолютизма является наличие современного по тому времени капитала в сфере производства. Однако существует точка зрения, что в период Бакумацу необходимые внутренние условия для становления абсолютизма еще не сложились, так как естественное развитие капитала в сфере производства было недостаточным, а реформы годов Тэмпо, по существу, носили реакционный характер. Считалось, что основную причину возникновения Мэйдзи исин следует искать во внешнем влиянии, другими словами, в руководящей роли промышленного капитала Европы и Америки. См. Н о б у о С э й д з а б у р о, Минсююги какумэй то кунсюсэй (Демократическая революция и монархия), журнал «Сангё родо тэса гэппо», 1942; и И с и и Т а к а с и, Бакумацу доранки-но бунсэцу (Анализ смутного времени в период Бакумацу), в серии «Син нихон-си кодза» («Лекции по истории Японии в новом освещении»).

Напротив, Хаттори Сисо указывал, что нельзя объяснять возникновение Мэйдзи исин только влиянием извне, то есть случайным внешним фактором, что нужно отыскивать внутренние причины. Он определил уровень экономического развития страны в период Бакумацу (непосредственно перед «открытием» страны) как «мануфактурный период в собственном смысле этого слова, то есть период, когда мануфактура становится господствующей формой капиталистического способа производства» и пришел к выводу, что промышленный капитал тогда уже существовал в Японии (Хаттори Сисо, Мэйдзи исин).

Нарамото Тацуя, оценивая политические реформы правительства бакуфу и князей в период Тэмпо как прогрессивные, также утверждал, что внутренние предпосылки для Мэйдзи исин уже имелись. См. Нарамото Тацуя, Кинсэй хокэн сякай сирон (История феодального общества в новое время) и Нарамото Тацуя, Нихон кинсэй-си кэнкю (Изучение истории Японии в новое время).

2. РЕФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА БАКУФУ

Правительственные реформы в период Тэмпо, начатые в 1841 году родзю Мидзуно Тадакуни (Этидзэн-но ками), осуществлялись крутыми мерами, но никакого успеха не имели. Через два года Мидзуно был смещен. После этого реформы больше не проводились¹, и правительство бакуфу не могло уже сойти с пути, неуклонно ведшего его к катастрофе.

Не подлежит сомнению, что реформы периода Тэмпо, имевшие целью влить новые силы в одряхлевший организм правительства бакуфу, были реакционны. Доказательством этого являются широко распространяемые в то время идеи о возрождении феодальных отношений по образцу реформ периода Кёхо (1716—1735) и

периода Кансэй (1789—1800); стремление поднять воинственный дух дворянства и оказать ему материальную помощь за счет горожан; грубое и мелочное вмешательство властей в личную жизнь горожан и крестьян; попытки сильнее закрепостить крестьян и привязать их к земле².

Однако нельзя забывать о том, что под реакционным феодальным покровом этих мероприятий скрывалась не простая перегруппировка сил феодальной реакции. Вопреки намерениям и целям лиц, осуществлявших реформы, новые политические веяния пробивали себе дорогу, и феодальные правители в конце концов не могли игнорировать такие тенденции в развитии общества. Это выражалось во все более явном стремлении к установлению абсолютизма. Новые мероприятия, проявившиеся в форме ограничения монопольной деятельности значительно усилившегося торгово-ростовщического капитала, нельзя рассматривать как действительно прогрессивные, направленные на защиту интересов лиц, занятых в производстве, и на обеспечение свободы предпринимательства. Например, анализируя в свете этого закон об упразднении кабунакама, можно видеть, что он являлся попыткой правительства бакуфу сломить узкие рамки этих организаций и ввести более непосредственную, более эффективную принудительную феодальную систему контроля над производством, осуществляемого самим правительством, поскольку тот контроль, который оно вело прежде через кабунакама, оказался недостаточно действенным³ в связи с появлением купцов-аутсайдеров, не входивших в кабунакама. Быстрое увеличение численности этой категории купечества объяснялось развитием в стране товарного хозяйства, а их появление на периферии было связано с новым явлением — ростом промышленности в деревне. Вместе с тем реформы отражали противоречия, существовавшие между стремлениями новых купцов, заинтересованных в развитии производства, и крупного купечества трех главнейших городов, занятых лишь в сфере обращения.

Роспуск кабунакама преследовал цель восстановить феодальный контроль над торговлей и промышленностью, но так, чтобы он соответствовал новой, более высокой стадии развития товарного хозяйства. В этом отношении роспуск являлся дополнением к параллельно

предпринимавшимся правительством мерам по объединению и укреплению власти бакуфу путем концентрации территориальных владений дома Токугава и мерам жестокого притеснения и угнетения крестьян и горожан.

Политика правительства в области торговли и промышленности в основном шла в том же направлении, что и мероприятия княжеств по укреплению княжеских монополий, о чем будет сказано в следующем разделе главы, и потому носила характер борьбы за господство, была чревата опасностью еще больших взаимных противоречий между центральной и местной властью.

Непосредственным толчком к проведению правительством бакуфу реформ годов Тэмпо было резкое увеличение в то время числа крестьянских восстаний. По данным профессора Кокусё Ивао, приводимым в его работе «Хякусё икки нэмпё» («Хронологическая таблица крестьянских восстаний»), опубликованной в журнале «Кэйдзай-си кэнкю» (т. 17, № 3), в среднем в годы Тэмпо (1830—1843) ежегодно происходило 11—12 восстаний, то есть вдвое больше, чем в годы Кансэй (1789—1800), Кёва (1801—1803), Бунка (1804—1817) и Бунсэй (1818—1829). В частности, в 1836 году (седьмой год Тэмпо) произошло 26 крестьянских восстаний, в том числе мощное восстание крестьян под названием «Гуннай содо» в провинции Каи, находившейся в непосредственном ведении правительства бакуфу и чрезвычайно важной с военно-стратегической точки зрения⁴.

В следующем, 1837 году произошло 20 восстаний, в том числе восстание во главе с Осю Хэйхатио в важнейшем центре страны Осака, открывшее новую страницу в истории Японии. Это было восстание городской и сельской бедноты, возглавляемое ронинами, которые пытались использовать в своих политических целях возмущение масс бесчинствами и коррупцией правительственных чиновников. Политическим итогом восстания явилось то, что обнаружилось полное военное бессилие правительства бакуфу⁵.

Рост крестьянского движения в это время проявлялся не только в увеличении числа выступлений. Если до сих пор крестьяне предъявляли умеренные требования, носившие оборонительный характер, — пресечь беззаконие дайканов и увеличение податей, то теперь, выступая против деревенских старост, помещиков,

представителей торгово-ростовщической буржуазии, они выдвигали более решительные, наступательные требования, пролагавшие путь к земельной реформе и к крестьянской революции. Прежние кратковременные вспышки крестьянских выступлений в отдельных деревнях сменились более организованным движением, объединявшим широкие массы крестьян на сравнительно длительный срок.

Причиной такого бурного подъема крестьянского движения было развитие товарно-денежных отношений, которые вторгались в феодальное хозяйство и подрывали его. Развитие товарного хозяйства создавало серьезные финансовые трудности для феодалов, продолжавших увеличивать размеры подати с крестьян, которые и так уже стояли на грани обнищания (о чем свидетельствуют часто повторявшиеся голодные годы в период Тэмпо) и вынуждены были оказывать сопротивление. Превращение крестьянина в мелкого товаропроизводителя способствовало развитию в сознании крестьянства понимания общности интересов, содействовало их организованности, придавало им новые силы⁶.

Феодалы прилагали все усилия к тому, чтобы помешать росту революционных сил и упрочить свою власть. Однако существовавшая обстановка не позволяла уже добиться этого прежними средствами. Невозможно было подавить и уничтожить зародившиеся в недрах феодального общества и все более и более развивавшиеся и укреплявшиеся элементы капиталистического производства. Разгоралась ожесточенная борьба за то, кому будут принадлежать плоды буржуазного развития страны — непосредственным производителям или феодалам и тесно связанным с ними представителям раннего капитала (привилегированным слоям торгово-ростовщического капитала). В первом лагере она проявлялась в форме крестьянских восстаний, обещавших перерасти со временем в аграрную революцию, во втором — в виде реформ, целью которых было превращение феодальной власти в абсолютизм. Значение реформ, проведенных в период Тэмпо как правительством, так и отдельными княжествами, заключалось в том, что они способствовали победе второго лагеря, что и определило основное направление Мэйдзи исин.

Проникновение товарных отношений в феодальное хозяйство и подрыв экономической основы господствующего класса происходили не везде одинаково вследствие существования при феодализме огромных различий между отдельными районами страны. Уровень развития сельского хозяйства, структура товарного производства, степень прочности и силы феодальной власти в разных частях страны обусловили, при всем единстве общей главной цели, широкую амплитуду колебаний в содержании реформ правительства и княжеств; predetermined степень реорганизации феодальной власти, то есть возможность перехода ее в абсолютизм, определили мощь различных сил, противодействующих этому; и, наконец, решили судьбу всех этих реформ: их успех или поражение.

Следующие причины вызвали катастрофический провал реформ правительства бакуфу, осуществлявшихся в период Тэмпо:

1) гнилость всего правительственного аппарата и неспособность к реорганизации;

2) разбросанность владений бакуфу по всей стране, что мешало правительству держать крестьян в рабском повиновении (ибо правительство бакуфу, располагая расплаченными военными контингентами, в случае необходимости не могло быстро и решительно двинуть их на подавление крестьянских выступлений. — *Ред.*);

3) довольно значительное развитие товарного хозяйства в плодородных районах Канто и Кинки — центральных владениях правительства — и менее тяжелое сравнительно с другими районами обложение местного крестьянства податями.

При более подробном рассмотрении третьего пункта следует иметь в виду, что торгово-ростовщический капитал трех крупнейших городов страны (Эдо, Осака, Киото) контролировал все производство товарной сельскохозяйственной продукции в Канто и Кинки, обладавших благоприятными естественными условиями, и ее обработку и что крупные купцы названных городов были связаны не только с правительством бакуфу, но и с различными княжествами.

При таком положении прогнивший режим бакуфу не мог перевоплотиться в абсолютизм и полностью взять под контроль капиталистическое развитие страны.

Провал реформ, проводившихся правительством бакуфу, вместе с тем predetermined поражение правительства в борьбе против юго-западных княжеств, которые провели свои реформы более успешно.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2 ГЛАВЫ I

¹ Мидзуно Тадакуни, глава княжества Хамамацу в 1834 году (пятый год Тэмпо), был назначен членом Государственного совета (родзю). В 1841 году, когда умер отошедший от дел сёгун Изнари, Мидзуно с согласия нового сёгуна Изёси приступил к проведению реформ. В представленном сёгуну докладе он писал о необходимости незамедлительного и строжайшего их осуществления: «Если припарками и примочками улучшить состояние больного не удастся — нужно прибегать к хирургическому ножу» (см. книгу «Токугава дзюго дай-си» («История пятнадцатого сёгуна Токугава»)).

Однако реформаторская деятельность Мидзуно была встречена в штыки, особенно после попытки сёгуната взять под свой контроль все земли вокруг Эдо и Осака. В 1843 году Мидзуно за «допущенный произвол и превышение власти» был смещен с поста. Жители города Эдо с большим удовлетворением встретили его отставку. Правда, в следующем году он снова был призван на пост члена Государственного совета, но через год был вновь смещен и даже лишен всех своих владений и прав главы фамилии. На политической арене появился его сын Тадакиё (Идзуми-но-ками), переведенный княжить в провинцию Ямагата. Он был назначен членом Государственного совета и оставался на этом посту вплоть до падения правительства букуфу.

² Во вступлении к указам о реформах от 1841 года (двенадцатый год Тэмпо) от имени императора говорилось:

«Эти политические мероприятия — наша воля, воля потомка великих предков. Желаем, чтобы они не противоречили духу реформ годов Кёхо и Кансэй и чтобы все подданные наши приложили силы свои к их осуществлению» (см. «Нихон дзайсэй кэйдзай сирё» («Материалы по финансам и экономике Японии»), т. 4).

Ниже приводятся указы о реформах.

1. Указ о введении режима экономии, развитии военного искусства и о наблюдении за нравами общества.

2. Указ о социальных различиях. [По этому указу, крестьянам запрещалось переселяться на жительство в Эдо. Тех крестьян, которые уже находились в Эдо (за исключением имевших постоянную работу и семью), предписывалось возвратить в деревни. Предлагалось определять точные сроки проживания для всех крестьян приезжающих на временные заработки в столицу, а по истечении этих сроков незамедлительно отправлять их на родину. Этот указ назывался «Указ о принудительном возвращении в деревню» (хито-каэси).]

3. Указ об оказании помощи даймё и хатамото.

[В целях оказания помощи тем даймё и хатамото, которые находились в стесненном материальном положении, правительство]

аннулировало половину их долгов, а остаток разрешило погашать в рассрочку без процентов. Хатамото и гокэнин должны были оплатить только те долги, которые сделаны были ими у своих постоянных кредиторов. В Эдо на улице Саруямати была создана кредитная контора для предоставления им ссуд. Одновременно правительство обложило горожан высоким внеочередным налогом (гоёкин).]

4. Указ о роспуске всех кабунакама.

5. Указ о сосредоточении в руках бакуфу всех земель в радиусе 10 ри вокруг Эдо и Осака.

[Правительство официально объявило о том, что даймё и хатамото должны вернуть правительству бакуфу все земли в радиусе 10 ри вокруг Эдо и Осака, которые впредь будут находиться под его непосредственным управлением. Это объяснялось тем, что земли во владениях бакуфу были нередко истощены (а следовательно, и взимаемая подать была невысока), разбросаны по разным местам и разобщены, а концентрация земельных владений смогла бы в значительной степени укрепить правительство Токугава как в экономическом, так и в военном отношении. Даймё и хатамото резко воспротивились этому плану; предприняв вместе с членом Государственного совета Дон Тосицура ряд тактических маневров, они добились в конце концов того, что правительство не смогло осуществить свой план, и указ был отменен.] О реформах годов Тэмпо см. «Кинсэй нихон-но сан дай-кайкаку» («Три крупнейшие реформы в Японии в новое время»), под редакцией Хондзё Эйджиро; Токутоми Сохо, Кинсэй нихон кокумин-си (История японского народа в новое время), раздел о реформах годов Тэмпо; Фукути Гэнъитиро, Мидзуно Тадакуни.

³ Миямото Матадзи, Кинсэй нихон-но сан дай-кайкаку, раздел «Реформы годов Тэмпо и кабунакама»; и «Кабунакама-но кэнкю» («Изучение кабунакама»).

⁴ Оюо Такэо, Хякусё икки содан (Крестьянские восстания), т. 2, раздел «Крестьянское восстание Гуннай».

⁵ Заслуживает внимания тот факт, что во время восстания под руководством Осие Хэйхатиро в распространявшихся повстанцами воззваниях встречались идеи восстановления монархии. «Император обращается ко всему народу, вплоть до последнего бедняка», — говорилось в обращении и далее следовало: «Нужно облегчить подати и повинности, управлять страной справедливо и гуманно, как было в старину при императоре Дзимму*, устранить роскошь, осудить распущенность нравов, вернуться к простоте и скромности, и тогда все население нашей страны будет восхвалять монаршие милости. Надо каждому реально показать, что он сможет прокормить семью, спастись от повседневного ада жизни, а после смерти стать буддой. Хотя вернуть времена богини Аматэрасу** невозможно, но вернуть, восстановить дух старины можно и должно...» (Полный текст воззвания помещен в книге Кода Наритомо «Осие Хэйхатиро».)

Отзвуки этого восстания пронесли по всей стране. Интересно отметить выступление, вспыхнувшее в 1837 году в городе

* Первый, полумифический император Японии. — Прим. ред.

** Богиня солнца, главное божество японской мифологии. — Прим. ред.

Касивадзакки (провинция Этиго) и возглавленное известным ученым, знатоком японской классической литературы Икута Иородзу. Оно как бы предвосхитило и отразило те настроения и стремления низшего самурайства, которые открыто проявились в период Бакумацу, когда особенно остро чувствовались все социальные противоречия, обнажившиеся в процессе крушения феодализма. Прекрасным историческим первоисточником, посвященным этим событиям, служит труд самого Икута «Ива-ни мусу кокэ» («Мох на скале») о политических реформах в княжестве Татэбаяси (см. Икута Иородзу, Полное собрание сочинений, т. I). Для ознакомления с его биографией можно рекомендовать работы: Сома Гёфу (Митора си), Гидзин Икута Иородзу-но сэйгай то соно сика (Жизнь друга народа Икута Иородзу и его стихи) и Ито Тасабуру, Кокугакуся-но мити (Путь ученого-патриота).

⁶ См. мою работу «Хякусё икки какумэйсэй-ни цуйто» («О революционном характере крестьянских восстаний»), «Хёрон», 1948, № 5.

3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В КНЯЖЕСТВАХ

Почти одновременно с правительственными реформами во всех княжествах были проведены свои собственные административные реформы; и то, насколько успешно и энергично они осуществлялись, оказало определяющее влияние на политическую активность тех или иных княжеств в период Бакумацу.

Раньше всех административные реформы были проведены Хосокава Сигэтакэ (Гиндай) — в княжестве Кумамото, Уэсуги Харунори (Иодзан) — в княжестве Йонэдзава и Сатакэ Иосикадзу — в княжестве Акита, стывшими в то время просвещенными правителями¹. На самом же деле по своему характеру эти реформы в княжествах с запоздалым развитием капиталистических отношений не выходили за рамки феодально-реакционных реформ годов Кёхо и Кансэй. В частности, поощрительные меры для подъема производства навязывались крестьянству сверху и принудительно лишь в расчете на увеличение фискальных доходов князя или же проводились с целью облегчения материальных трудностей низшего самурайства путем поощрения домашних промыслов.

Словом, вследствие низкого уровня развития сельского хозяйства в этих районах реформы были проведены не под давлением снизу, а односторонне внедрены сверху и продиктованы экономическими соображениями

феодалов, испытывавших финансовые трудности в новых условиях развивавшихся товарно-денежных отношений. Реформы разрабатывались по инициативе «просвещенного правителя» и помогавшего ему «мудрого канцлера», а большая часть княжеских вассалов не сознавала еще необходимости их проведения для предотвращения кризиса феодализма.

И чем более классическим по форме было переплетение феодальной власти с торгово-ростовщическим капиталом, тем явственнее сказывались отрицательные результаты реформ, заключавшиеся лишь в некотором видоизменении феодального господства, постепенное разложение которого продолжалось, и исключались положительные — такие, как обновление и укрепление власти в княжестве и возвышение ее до участия в больших вопросах центральной политики. Именно по этой причине княжества, возглавляемые такого рода «просвещенными правителями», не играли руководящей роли в Мэйдзи исин.

Напротив, весьма заметный след в истории Мэйдзи исин оставила деятельность других княжеств, особенно Сацума, Мито и Тёсю. Бесспорно, это было связано с той успешной реформаторской деятельностью, которая имела место там несколько позже, чем в первой группе княжеств. В княжестве Сацума под руководством князя Симадзу Тадаёси (Сигэхидэ) реформы осуществлял Дзусё Хиромити (Сёдзаэмон), в княжестве Мито они проводились по указанию князя Токугава Нариакира, а в княжестве Тёсю с санкции князя Мори Такатика реформаторскую деятельность развил Мурата Сэйфу (Сиродзаэмон). Конечно, в каждом княжестве реформаторская деятельность правителей не совпадала по времени и различалась по своему содержанию.

В княжествах Тоса и Этидзэн, также сыгравших заметную роль в Мэйдзи исин, реформы проводились еще позже. Впервые к серьезной реформаторской деятельности там приступили только после открытия страны, под влиянием сложившейся международной обстановки².

Нам едва ли удалось бы избежать упрека в догматизме, если бы мы стали объяснять причины неодновременного выдвижения на политической арене каждого из упомянутых княжеств только с экономической точки зрения. Чрезвычайно важно учесть не только политическое

положение, но и социально-экономический базис, определяющий надстройку, в целом и в их взаимной связи. Только таким образом анализируя события, мы можем найти ключ к правильному изучению истории Мэйдзи и син. Однако нынешний уровень развития исторической науки, когда история каждого княжества в отдельности изучена еще недостаточно, не позволяет прийти к определенному и точному заключению.

Было бы упрощением считать, что все княжества, проявлявшие политическую активность в период Бакумацу, обязательно имели передовой экономический базис, обеспечивавший высокие темпы капиталистического развития. Скорее военная мощь того или иного княжества давала ему право голоса в центральных политических делах; и военное могущество княжества опиралось уже не на старые самурайские дружины (одной из задач реформ годов Кёхо и Кансэй было усиление их боевых качеств), а на современные вооруженные силы, оснащенные европейскими ружьями и артиллерией, что требовало огромных средств. Стремясь поправить свое финансовое положение, создать необходимые накопления, феодалы усиливали свою власть над крестьянством и устанавливали более жесткий контроль над промышленностью и торговлей.

В частности, например, в княжестве Сацума уживались явные противоположности: существовал отсталый базис в виде «самого закостенелого феодализма» и осуществлялись передовые политические и военные реформы (это княжество первым приступило к переоснащению своих вооруженных сил современным оружием европейского образца и созданию машинного производства)³. В княжестве Сацума продолжали существовать значительные пережитки полурабской крепостной зависимости крестьян; самураи княжества непосредственно управляли крестьянами, используя традиционную систему «тодзё сэйдо», и установили настолько жестокий режим, что в княжестве на протяжении всего господства Токугава не произошло почти ни одного крестьянского восстания⁴. Источником богатства Сацума были, во-первых, доходы от развития на базе полурабского крепостнического труда крестьян некоторых отраслей производства (сахар, смолы, растительные масла, шафран, киноварь), доходы от монополий, полностью контроли-

ровавших все процессы производства и реализации продукции, и, во-вторых, огромные прибыли от непосредственной контрабандной торговли с островами Рюкю. Тот факт, что в Сацума раньше других появились княжеские мануфактуры и машинное производство, говорит не о высоком уровне нормально протекавшего капиталистического развития в княжестве, а о крепости феодальной власти, сумевшей построить все это за счет полнейшего подавления свободного развития непосредственных производителей.

Напротив, в княжестве Тёсю напор народных масс был значительно сильнее, что выразилось в мощном крестьянском восстании против княжеских монополий, вспыхнувшем как раз перед реформами Мурата Сэйфу. В княжестве сложились прочная экономическая основа для подъема товарного хозяйства в полукрестьянских, полурыбачьих деревнях, расположенных на побережье японского Внутреннего моря в Сэто, и условия для быстрого расслоения крестьянства⁵. Именно здесь, в княжестве Тёсю, нужно искать источники, питавшие радикализм и прогрессивность антисёгунской оппозиции.

Но в то же время в княжестве Тёсю, как и в княжестве Сацума, главной и основной силой, обеспечившей успешное проведение административно-политических реформ, была феодальная власть, еще настолько прочная, что она смогла принудительно осуществить финансовые реформы, приведшие к почти полному аннулированию долгов⁶. Почти аналогичное положение было и в княжестве Тоса.

Другими словами, борьбу против правительства бакуфу возглавили княжества со средним уровнем развития капиталистических отношений. Это прежде всего княжество Сацума, где определенный уровень развития товарного хозяйства (то есть такой уровень производительных сил, когда сверху принудительно насаждались подсобные домашние промыслы, но вместе с тем соответственно росло и крепло само товарное производство как таковое) и крепость феодальной власти, сумевшей взять это развитие под свой контроль, уравнивали друг друга, составляя как бы вертикальную нить канвы развития японского общества, и княжества Тёсю и Тоса, где те же элементы, дополненные местными особенно-

стями, вплетались в эту канву в виде ее горизонтальной нити.

В подобных благоприятных условиях именно эти старые феодальные силы смогли сыграть важнейшую роль в дальнейшем историческом развитии страны. Однако это произошло только там, где феодальная власть вследствие развивавшейся внешнеполитической обстановки должна была быстро трансформироваться в абсолютизм (хотя и не успев для этого полностью созреть) и создать мощные вооруженные силы.

Вторым немаловажным фактором, определившим значительную роль названных княжеств, явились образовавшиеся там новые кадры из княжеских самураев, которые стали активно участвовать во всех центральных политических событиях. Из этих представителей низшего дворянства (так называемой группы действия — дзицурёку-ха), выдвинувшихся в своих княжествах в ходе проведения финансовых и военных реформ и накопивших опыт политической борьбы в столкновениях с консервативным высшим дворянством, выковался новый тип политических деятелей, впоследствии превратившихся в высшую бюрократию абсолютистской монархии.

При проведении реформ в годы Тэмпо во многих княжествах велась ожесточенная политическая борьба между различными руководящими группировками высшей администрации вокруг вопроса о наследовании прав главы княжества. Ее масштабы говорят о глубине противоречий, существовавших в то время среди руководящей верхушки княжеств⁷. В ходе борьбы в нее включились широкие слои низшего самурайства, вследствие чего сознание необходимости проведения реформ переросло из вопроса, касавшегося только «просвещенного правителя» и его «мудрого канцлера», в вопрос, интересовавший все феодальные господствующие слои. Низшее самурайство, более других ощущавшее противоречия, разъедавшие феодальное общество, первым приступило к активным действиям. Процесс становления руководящей роли реформистски настроенного низшего самурайства совпал и был тесно связан с периодом, когда две тенденции, проявившиеся в административно-политических реформах годов Тэмпо и переплетавшиеся между собою (одна — чисто феодальная, реакционная, и дру-

гая — реформистско-абсолютистская), с годами постепенно стали превращаться в то политическое направление, которое определило собою Мэйдзи исин.

Хорошо известно, что сторонниками Мэйдзи исин были выходцы из среды низшего самурайства, чаще всего из низшего самурайства периферии (госи), а также из близкого им социального слоя старост, помещиков и торгово-ростовщической буржуазии⁸.

Как же формировалось среди этого низшего самурайства сознание необходимости проведения реформ? Не без оснований главной причиной считают то, что жизнь такого самурая (наполовину дворянина, наполовину крестьянина или наполовину дворянина, наполовину купца, или положение самурая как представителя деревенской администрации, а иногда лица, непосредственно осуществлявшего контроль над развитием промышленности) явственно обнажала перед ним кризис феодальной системы; он ощущал его на себе. Убедительно звучит также и довод о том, что склонность самурайства к реформаторству, направленному против стремления высшего дворянства сохранить неизменными существующие порядки, подогревалась недовольством против обычая замещать правительственные должности и должности в княжествах по признаку родства и т. д. Наконец, существует мнение, что сторонники реформ из среды низшего самурайства отрешились от сословных условностей и традиций господствующего феодального класса, поскольку условия их жизни ничем не отличались от условий жизни простого народа, и потому были до некоторой степени революционны и в той или иной мере представляли интересы простого народа, интересы непосредственных производителей. Но подобный вывод слишком поспешен и ошибочен.

Конечно, чем больше низшее самурайство ощущало жизненные трудности и чем чаще оно было вынуждено браться за «презренные профессии» простого народа, тем настойчивее и активнее оно требовало реформ и, как сторонник реформ, пробивалось к участию в административно-политических делах княжества. Однако идеологически оно стояло на позициях привилегированных слоев общества, чуждых и враждебных народным массам. Как часть господствующего класса, оно считало себя выше народа, отгораживалось от него⁹. Чаще всего

госи были крупными помещиками-крепостниками, занимавшимися одновременно торгово-ростовщической деятельностью, и в период Бакумацу непосредственно и прямо выступали против крестьянских восстаний.

Короче говоря, процесс роста и превращения этого низшего самурайства — части господствующего класса — в сторонников реформ, пролагающих дорогу абсолютизму, был главным моментом в политической истории периода Бакумацу. В княжествах, где борьба между высшим и низшим дворянством (самурайством) была наиболее ожесточенной, многочисленные представители последнего появлялись на политической арене, брали в свои руки проведение административно-политических реформ, добивались некоторой реорганизации аппарата феодальной власти и накапливали силы для активного участия в общегосударственных политических делах.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 3 ГЛАВЫ I

¹ О Хосокава Сигэтака см. биографическое исследование «Гиндай-ко идзи» («Деяния князя Гиндай») и книгу Икэбэ Иосиката «Гиндай-ко» («Князь Гиндай»); об Уэсуги Харунори см. произведение Икэда Нариаки «Иодзан-ко сэйки» («Записки о жизни князя Иодзан»); О Сатакэ Иосикадзу — книгу Окубо Тэссаку «Тэндзюин Сатакэ Иосикадзу-ко» («Князь Сатакэ Иосикадзу»). Указанные произведения дают общее представление о политике, осуществлявшейся этими реформаторами.

² Об административных реформах, проведенных в княжестве Мито, собраны данные в книге «Мито-хан сирё» («Материалы по истории княжества Мито»), но до сих пор детальное их изучение не завершено.

О княжестве Тоса см. исследования Мацуёси Садао «Тоса-хан кэйдзай-си кэнкю» («Исследование экономической истории княжества Тоса») и Ирикаэ Иосинага «Хокэн-сэй хакай катэй-но кэнкю» («Исследование процесса распада феодализма»), о княжестве Этидзен — исследование Сиюбу Сэйсабуро «Манюфактя» («Мануфактура»).

³ Глава княжества Сацума — Симадзу Нариаки — регулярно получал информацию об обстановке за рубежом через королевство острова Рюкю и был хорошо осведомлен о международном положении. Нариаки поощрял ознакомление с западной культурой, оказывал поддержку так называемым голландоведам* и уделял особое внимание пополнению и укреплению вооруженных сил. В 1853 году

* Голландоведами в Японии того времени называли всех, изучавших иностранные языки и науки. — *Прим. ред.*

он построил на территории своей резиденции в Кагосима целый ряд фабрик и заводов по европейскому образцу: текстильную фабрику, отражательную и доменную печи, организовал производство стекла, серной и азотной кислоты, телеграфной аппаратуры, пороха из хлопка. В 1857 году всему этому комплексу предприятий было присвоено название «Сюсэй-кан».

Нариаки был пионером в деле создания военно-морского флота и уже тогда приступил к постройке первого крупного военного корабля. Этот корабль под названием «Кохэй-мару» в 1854 году был спущен на воду и преподнесен в дар сёгуну. Его длина — 15 кэн, ширина — 4 кэн 1 сяку, осадка — 3 кэн; на борту этот корабль имел 16 малых и больших орудий. В княжестве было налажено производство артиллерийских орудий и ружей (см. «Сацума-хан кайгун-си» («История военно-морского флота княжества Сацума») и «Кагосима-кэн-си» («История префектуры Кагосима»).

Говорят, будто князь Нариаки заявлял: «Больше всего я боюсь не иностранных пушек и военных кораблей, а иностранных хлопчатобумажных тканей». На организованном им машинном предприятии с водяным двигателем производство парусины за какие-нибудь четыре месяца работы удовлетворило годовую потребность всего княжества. Это грозило полным крахом кустарному промыслу, и в конце концов машинное производство парусины пришлось прекратить. Оно не привилось на феодальной почве (Кинугава Тайити, Хомпо мэнси босэки-си (История развития текстильного производства в Японии), т. I).

Но даже и такой уровень заимствованной иностранной промышленной техники создавал условия для того, чтобы это княжество приобрело большой вес в политической жизни страны.

По вопросу о крепостничестве со значительными пережитками рабской зависимости крестьян, сохранившемся в княжестве Сацума, см. следующие работы: Фудзитани Тосио, Сацума хан-но сякай сосики то сэмбай сэйдо (Социальная структура и система монополий в княжестве Сацума), журнал «Нихон-си кэнкю», № 6; «Кю-Кагосима хан-но монвари сэйдо» («Система «монвари» в бывшем княжестве Кагосима»), издана Управлением сельского хозяйства при министерстве сельского хозяйства и торговли; Цутия Такао, Кагосима кэн косаку канко тэсасэ (Исследование типичных форм аренды земли в префектуре Кагосима), серия «Кэйдзай-гаку ронсю» («Экономические учения»), том 13, № 5.

Что касается так называемой системы «тодзэ» [дословно: «за пределами замка». — *Ред.*], то под этим термином подразумевались все территории княжества, кроме призамкового города Кагосима. Оборона этих земель была вассальной обязанностью госи, занимавших посты деревенской администрации и непосредственно управлявших крестьянами. Госи в свою очередь подчинялись дэнто, которые имели свой собственный административный аппарат. Более подробно об этой системе см. в работе Оно Такэо «Госи сэйдо-но кэнкю» («Исследование системы госи»). Заслуживает внимания тот факт, что, по статистическим данным, в 1871 году в княжестве Сацума самурайство составляло 30,19 процента всего населения, то есть в 5 раз выше среднего процента во всей Японии (см. упомянутую выше статью Фудзитани). Почти все руководящие должности в деревнях были заняты госи. Они строго

контролировали выполнение крестьянами всех повинностей, введенных в княжестве, и применяли различные наказания за малейшую провинность. Весь сельскохозяйственный процесс, начиная от пахоты, внесения удобрений и кончая сбором урожая и упаковкой зерна в мешки, находился под их наблюдением и контролем.

Монопольные права княжеской власти на некоторые виды продукции сельского хозяйства поддерживались с крайней жестокостью. Примером может служить сахарная монополия. Крестьянину, утаившему какую-то часть сахара, грозила смертная казнь, его сообщникам — высылка в отдаленную местность. Непосредственному производителю не разрешалось съесть или утаить даже самую малую толику сахара. Тех, кто украдкой макал кончики пальцев в сахарную пыль и облизывал их, били кнутом, а ребенка, взявшего сахарную тростинку, оставляли надолго привязанным к бревну (см. «Кагосима-кэн-си», том II).

По данным, имеющимся в настоящее время, нам известны лишь два крестьянских восстания в провинции Сацума: одно в Касэда в 1858 году, направленное против деревенской администрации, во главе которого стояли низшие слои геси, и второе — в 1862 году в Токуносима. Это восстание было направлено против княжеской монополии на сахар.

⁵ В «Тёбо фудоки» («Географо-этнографическое описание провинций Нагато и Суво»), составленном в 1852 году, приводятся следующие данные о расслоении крестьянства в княжестве Тёсю: крестьяне с наделом (хомбьякусэ) преобладали в 182 деревнях, а в 109 деревнях их было менее половины (большинство составляли так называемые мото — крестьяне, не имевшие надела). В целом же крестьяне-арендаторы, рыбаки и поденные сельскохозяйственные рабочие составляли более 44 процентов населения деревни.

Процесс расслоения крестьянства протекал более интенсивно там, где крестьян, имеющих наделы, было сравнительно немного, то есть в деревнях, расположенных вблизи крупных городов, вдоль морского побережья и важнейших дорожных магистралей или, наконец, в горах, где годной для обработки земли было мало. Там же наблюдалось и значительное разделение труда в производстве, существовавшее не только в хозяйствах богатых крестьян, но и в хозяйствах мото. В 64 деревнях процесс расслоения крестьянства протекал замедленно. Здесь более 80 процентов крестьян имели наделы, разделение труда в производстве было редким явлением, преобладало натуральное хозяйство. Эти деревни были удалены от путей сообщения, и крестьяне имели достаточное количество земли (см. Симо мур а Фудзиро, Кинсэй носонно кайкю косэй (Классовая структура деревни в новое время), журнал «Рэкисигаку кэнкю», т. 3, № 2).

Таким образом, различие между отдельными районами было очень значительным.

⁶ О реформах Мурата Сэйфу см. следующие труды: «Ботэ кайтэнси» («История великих деяний в провинциях Нагато и Суво»), том I; Мисака Кэйдзи, Хаги хан-но дзайсэй то бунку (Финансы и мудрое управление народом в княжестве Хаги); Нарамото Тацуя, Кинсэй хокэн сякай сирон (История феодального общества в новое время). О реформах Дэусэ Хиромити

см. книгу Цутия Такао «Хокэн сякай хакай катэй-но кэнкю» («Исследование процесса распада феодального общества»).

Дзусё Хиромити, которому было поручено привести в порядок финансы княжества Сацума, объявил о том, что займы княжества, сделанные у ростовщиков Осака, Киото и Эдо, будут принудительным порядком погашаться равными взносами в течение 250 лет; по займам же, сделанным с разрешения правительства бакуфу, ни проценты, ни основной долг выплачиваться не будут вовсе, и все они аннулируются. В возмещение ущерба всем кредиторам было присвоено самурайское звание. Таким путем финансовое положение княжества, находившегося на грани катастрофы, было сразу поправлено.

В Тёсю за приведение в порядок финансов княжества очень решительно взялся Мурата Сэйфу. Долги княжества (лишь основной долг) намечалось погашать без процентов в течение 37 лет из расчета по 30 моммэ серебра за 1 каммэ серебра ежегодно. Личные долги княжеских самураев были приняты на себя княжеством, и по ним установлена рассрочка платежа основной суммы долга также на 37 лет, но с выплатой процентов по 2 сю годовых. Было объяснено, что таким образом в последний год платежа вся сумма долга будет считаться погашенной. Это вызвало бурную кампанию протеста со стороны купцов-кредиторов.

⁷ Наринага — восьмой по счету глава княжества Мито — не имел сыновей, и между группой сторонников реформ из числа низшего самурайства (Фудзита Токо, Аидзава Сэйсисай и другие), выдвигавших наследником его брата Нариакира, и группой консервативного высшего дворянства, выдвигавших кандидатуру сына сёгуна Иэнари, возникли серьезные разногласия. Эта политическая борьба предоставила удобный случай группе сторонников реформ выдвинуться на политической арене. Впоследствии главой княжества стал Нариакира, но его политическая деятельность вызвала у бакуфу недовольство и подозрение, и в 1844 году последовали санкции. В кампанию за реабилитацию Нариакира, организованную его сторонниками (Такахаси Таитиро, Такэда Коунсай, Тоёда Тэнко и другие) и принявшую довольно значительные размеры, были вовлечены широкие слои госи, которых называли «людьми высокого чувства долга», и некоторые группы богатых крестьян и купцов.

Ожесточенная политическая борьба разгорелась и в княжестве Сацума вокруг вопроса о наследовании прав главы княжества — князя Нарюки — между группой, поддерживавшей законного наследника — его старшего сына Нариаки, и группой, поддерживавшей его третьего сына — Хисамицу. Эта борьба получила название «О-Юра содо» (беспорядки в Юра) или «Такасаки кудзурэ» (поражение Такасаки). В то время в числе сторонников Нариаки было много представителей низшего самурайства, впоследствии влившихся в ряды сторонников группировки сонно-ха (почитания императора). Среди них были Сайго Такамори и Окубо Тосимити.

⁸ В книге Тадзири Тасуку «Дзои сёкэн-дэн» («Биографии мудрых людей, пожалованных за заслуги чинами») указано социальное положение лиц, получивших чины и звания в период Бакумацу. Среди лиц, социальное положение которых не выяснено, видимо,

больше всего было госи и землевладельцев (дзинуси). Чины и звания получили 1070 человек, в том числе:

Самурай	676
Госи и ронины	62
Земледельцы	109 *
Торговцы и ремесленники	60
Прочие **	163

⁹ Примером может служить биография Ито Хиробуми. Утверждают, будто он был потомком Коно из провинции Иё. На самом деле Хиробуми происходил из семьи наследственного старосты, исполнявшего обязанности чиновника по сбору податей. Отец Хиробуми имел 5 тан заливных, 2 тан суходольных полей и 6 тан леса. Он был крестьянином среднего достатка и к собственному наделу приарендовывал некоторое количество земли, но тем не менее был допущен к должности чиновника. Он растратил деньги, собранные с подведомственного ему района, после чего вынужден был покинуть деревню. Затем поступил на службу к некоему Мндзун Такэбэй и впоследствии женился на его дочери.

Как же сформировалась рыцарско-дворянская идеология у Хиробуми?

В «Биографии Ито Хиробуми» («Ито Хиробуми дэн»), составленной Комитетом по увековечению памяти Ито Хиробуми, о юном Хиробуми говорилось: «Нельзя было подумать, что он родился в крестьянской семье. С детства он подражал самураям: затыкал за пояс палки, изображавшие малый и большой мечи, к всегда старался ходить и держаться, как самурай». В юношеские годы он примыкал к группе молодых самураев этого княжества, учился в частной школе «сёка сондзюку», руководимой Иосида Сёни, где ему привилк самурайский дух.

Следующий эпизод весьма характерен для того времени (цитируется по упомянутой выше книге «Ито Хиробуми дэн»):

«В углу сада стояла небольшая часовенка с каменной статуей бога Инари. Котоко, мать Хиробуми, каждое утро приходила туда молиться. Однажды Хиробуми спросил ее, о чем она так усердно молится. Мать отвечала: «Я прошу бога, чтобы он помог тебе выйти в люди». В ее представлении «выйти в люди» означало не оставаться крестьянином, а стать самураем. Официально Ито Хиробуми получил дворянское звание значительно позже — в 1863 году. Стать самураем, несмотря на крайнюю бедность, ему во многом помогло это упорное честолюбивое стремление всей его жизни».

* Из них 74 человека землевладельцы и старосты.

** Врачи, буддийские и синтоистские священники, а также лица, социальное положение которых не выяснено.

Глава II

РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ СОННО ДЗЭИ («ПОЧИТАНИЕ ИМПЕРАТОРА И ИЗГНАНИЕ ВАРВАРОВ»)

1. ХАРАКТЕР ДАВЛЕНИЯ ИЗВНЕ

Быстрому развитию событий в период Бакумацу в сильной степени способствовало прибытие в Японию в 1853 году официального представителя Соединенных Штатов Америки Перри и открытие в следующем году по его требованию страны. Превращение отсталых стран в современные происходит, если для этого еще не созрели необходимые условия внутри страны, либо под воздействием передовых капиталистических стран, либо путем оказания сопротивления внешнему давлению. Но в том и другом случае такое превращение в большой степени зависит от международных условий. И Япония в этом смысле не является исключением.

В отсталых странах пути такого перехода могут быть различны в зависимости от того, насколько в той или иной стране созрели необходимые условия для превращения ее в современное государство (разложение феодализма и связанное с этим процессом буржуазное развитие), а также в зависимости от международных условий. Однако роль внешних условий нельзя рассматривать изолированно. В действительности они тогда только превращаются в конкретные исторические условия, когда сочетаются с внутренними условиями.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, японское общество периода Бакумацу перед открытием страны было развито еще очень слабо, и тем не менее в Японии существовали такие силы, которые самостоятельно положили дорогу абсолютизму. В этом как раз и коренится причина того, что судьба Японии сложилась иначе, чем судьба Китая, хотя Япония и Китай в равной

Мере испытывали давление европейского и американского капитализма.

Давление на Японию в период Бакумацу оказывал поднимающийся европейский и американский промышленный капитализм, требовавший расширения мирового рынка, необходимого для сбыта огромного количества промышленных товаров, производство которых непрерывно увеличивалось, а также для закупки сырья для промышленности¹.

Англия, которая стояла в то время во главе европейского и американского капитализма и посланники которой занимали в Японии на протяжении всего периода Бакумацу главенствующее положение среди дипломатического корпуса, совершала переход от протекционизма к фритредерству, а во внешней политике — от абсолютизма к политике, проводившейся в интересах промышленного капитализма².

Если раньше, в период господства торгово-ростовщического капитала, внешняя торговля Англии имела посредническую монопольную форму, образцом которой может служить Ост-Индская компания, основанная в 1600 году, а ее внешняя политика в отношении Индии, осуществляемая через Ост-Индскую компанию, носила военно-политический (насильственный) характер, то в период промышленного капитализма она отказалась от монополий, свойственных торгово-ростовщическому капиталу. Основным принципом ее внешней политики в период промышленного капитализма, основанного на свободном производстве и обращении товаров, становится принцип «внешняя торговля прежде всего», преследующий цель максимального увеличения экспорта дешевых товаров, вырабатываемых на основе массового производства; необходимость в прямом покровительстве государственной власти (применение военной силы) исчезает. Англию вследствие такой особенности ее внешней политики в этот период называли даже другом либерализма (*friend of liberalism*) и покровителем национализма (*patron of nationalism*). Поэтому было бы ошибкой, проводя параллель между внешней политикой Англии в отношении Индии в XVII веке, когда последняя была превращена в колонию, и внешней политикой Англии в отношении Японии в 50—60-е годы XIX века, делать вывод о том, что в тех условиях Япония могла

лишиться своей независимости³.*, но вместе с тем неправильно было бы и слишком переоценивать миролюбивый характер английской внешней политики, основанной на свободе торговли⁴. Нет никаких сомнений в том, что Нанкинский договор 1842 года, по которому цинское правительство открыло Китай, был, по словам К. Маркса, заключен «под давлением английских пушек»**.

Бесспорно также и то, что на Японию при заключении мирного договора в Канагава был оказан сильный нажим со стороны курсировавшей в японских водах Восточно-индийской эскадры, которой командовал Перри. Такая дипломатия лишь считалась мирной. Под угрозой пушек феодальные правители Японии вынуждены были признать, что они отказываются от политики изоляции страны, одобряют принципы свободной торговли и соглашаются с тем, чтобы Япония была включена в сферу мирового рынка⁵. Основной курс внешней политики европейских великих держав и США имел одно и то же направление, что нашло свое выражение в заключении целого ряда договоров с Китаем — Нанкинский договор, Тяньцзинский договор (1858), Пекинский договор (1860) — и с Японией — договор о дружбе в Канагава, торговый договор в Эдо (1858) и соглашение о пошлинах (1866).

Требования великих держав сводились в конечном счете к открытию портов, обмену дипломатическими миссиями, установлению свободной торговли без вмешательства феодальных правителей. Разумеется, это не были отношения взаимного равенства. Договоры, заключенные с Китаем и Японией, содержали, например, статьи о праве консульской юрисдикции (право экстерриториальности для иностранцев), о размерах пошлин (размеры пошлин нельзя было менять без согласия обеих сторон, то есть не было самостоятельности в определении размеров таможенных пошлин, в результате чего пошлины держались на очень низком уровне),

* Этот вывод автора, основанный на чисто теоретическом анализе английского капитализма в середине XIX века, не согласуется с историческими фактами, с реальной политикой капиталистических держав в отношении Японии в рассматриваемый период. — *Прим. ред.*

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 313.

о предоставлении права наибольшего благоприятствования (это право распространялось не на обе стороны, а служило лишь интересам иностранных государств) и не были равноправными. Эти договоры отражали стремление американского и европейского капитализма превратить Японию и Китай в полуколонии и обеспечить себя таким образом рынком сбыта⁶.

Сопrotивление, которое оказывали этому внешнему давлению господствующие классы Китая и Японии, как по существу, так и по форме было одинаковым. И в Китае и в Японии господствующие классы в проведении политики изоляции страны видели необходимое условие обеспечения своего господства. Но они не располагали такими силами, которые в состоянии были бы отразить иностранное вмешательство, и поэтому как тактическую меру приняли политику открытой страны⁷. При этом они всячески стремились либо отсрочить, либо как-нибудь затормозить осуществление уже заключенных договоров, что являлось причиной частого возникновения всякого рода международных конфликтов с иностранными государствами. При поддержке правительства бакуфу и цинского правительства в обеих странах началось движение за изгнание иностранцев; в результате возник целый ряд вооруженных столкновений с европейскими великими державами и с США. К их числу относятся первая и вторая объединенные войны Англии и Франции против Китая (1858—1860)*, военные действия Англии против княжества Сацума (1863) и вооруженное нападение объединенной эскадры четырех держав на Симоносеки (1864).

Наконец, венцом такой внешней политики явились возникшие в одно и то же время движения, известные под названием «Тунчжи чжунсин» (реформы в царствование императора Тунчжи⁸) — в Китае и «Мэйдзи нси» — в Японии, смысл которых заключался в том, что феодальные правители, изменив свое отношение к иностранным государствам, решили пойти на компромисс и сотрудничество с ними, чтобы использовать это в своих интересах и провести некоторые политические реформы. Несмотря на кажущееся сходство этих процессов в Ки-

* Речь идет о второй и третьей «опиумных» войнах. — *Прим. ред.*

тае и Японии, существовали довольно значительные различия в этих странах как в смысле условий, в которых происходил процесс объединения стран, так и с точки зрения степени их превращения в современные капиталистические государства. Это совершенно бесспорный факт. Наиболее же ярко различие этих процессов проявилось в том, что, в то время как великие европейские державы и США превратили Китай в свою полуколонию не только в экономическом, но и в политическом отношении, Япония сумела отстоять свою политическую независимость. Кроме того, реформы так называемого возрождения периода Тунчжи и Мэйдзи исин совершенно несравнимы по своему существу.

Каковы же причины, обусловившие столь существенные различия между Китаем и Японией? Несмотря на то, что внешняя политика Англии по отношению к Японии была неразрывно связана с ее политикой в отношении Китая, в Японии Англия проводила более гибкую линию. Это объясняется тем, что, во-первых, в конфликт с Китаем была втянута большая часть вооруженных сил Англии, находившихся на Дальнем Востоке, и поэтому Англия не имела возможности более эффективно использовать их против Японии, а во-вторых, внешняя политика Англии в Китае и Индии вызвала сильное сопротивление со стороны народных масс этих стран (восстание тайпинов в Китае в 1851—1861 годах* и восстание сипаев в Индии в 1857 году), которое препятствовало Англии в осуществлении ее главной цели — завоевании рынков сбыта. Этот опыт заставил Англию проводить в отношении Японии более осторожную и менее активную внешнюю политику. Поэтому Англии приходилось делать заявления о том, что она готова «уважать тот строй, который представляется в лице правительства и контролируется им, и тот порядок, какой существует в стране, а также другие местные условия»⁹.

Эти два обстоятельства относятся к чисто внешним факторам. Основная же причина коренится во внутренних условиях и сводится к следующему. Несмотря на то, что движение за изгнание иностранцев, охватившее политические круги, приняло, казалось бы, ожесточенный характер, торговля тем не менее развивалась вполне нор-

* Точнее 1851—1864 годы. — *Прим. ред.*

мально. Это свидетельствует о том, что торговля играла не только роль тарана, способствующего разрушению феодальной экономики, но и роль созидателя, ускоряющего капиталистическое развитие. Вызвано это было тем, что в период Бакумацу в японском обществе нашлись силы, которые вели Японию по капиталистическому пути.

В Китае имели место народные движения, направленные против иностранцев, такие, например, как «дружины усмирения англичан» (пининтуань)¹⁰. В Японии же крестьянские восстания в период Бакумацу не были направлены непосредственно против иностранцев; это были антифеодальные выступления. Все это свидетельствует о более высоком уровне развития классовой борьбы в Японии в период Бакумацу и наличии внутренних условий для создания абсолютизма. Короче говоря, в Японии народные силы, содействовавшие превращению страны в современное капиталистическое государство, были крепче, чем в Китае.

Все эти факты убедили английские дипломатические круги в реальной возможности «мирного» завоевания японского рынка; они также поняли, что народные массы Японии не столь захвачены антииностранными идеями, что в движении за изгнание иностранцев участвует лишь небольшой слой самураев, которые стремятся сохранить свое феодальное господство, и что, следовательно, Япония может пойти по пути превращения в цивилизованное государство¹¹.

Таким образом, политика Англии в отношении Японии сводилась к следующим основным принципам:

1) по возможности избегая применения военной силы, делать основной упор на установление и расширение путем дипломатических переговоров торговли с Японией;

2) для того чтобы доказать феодальным правителям всю бессмысленность лозунга изгнания иностранцев, не отказываться от применения силы, но вместе с тем всеми мерами стремиться воздействовать на те слои феодальных правителей, которые могли бы потребовать открытия страны, и таким образом выйти из внешне-политического кризиса;

3) выступать за ликвидацию феодальной системы, которая служит препятствием на пути развития тор-

говли, не допустить, однако, революции снизу, а поддерживать политику постепенных реформ сверху¹².

Такая позиция английской буржуазии соответствовала сложившимся условиям, когда в период подъема революционного движения, охватившего всю Европу, кульминационной точкой которого явилась февральская революция 1848 года, буржуазия перед лицом роста пролетариата и подъема социалистического движения превращалась в реакционную силу и шла на компромисс с феодализмом¹³.

Если в Японии в отличие от Китая могла возникнуть Мэйдзи исин, то причины этого были заложены в международной обстановке, о которой говорилось выше, и во внутреннем развитии страны, неразрывно связанном с внешними факторами. Иными словами, это было обусловлено экономическим развитием самой Японии, которое протекало под воздействием европейского и американского промышленного капитализма и в то же время в борьбе против него сумело в какой-то мере обеспечить экономическую независимость страны, а также политическим развитием Японии, обусловленным подобными же экономическими условиями, когда феодальные правители и прежде всего их передовые слои превратили движение за изгнание иностранцев в борьбу за свержение правительства бакуфу. Разумеется, нельзя сказать, что история дипломатии в период Бакумацу целиком определялась интересами английского промышленного капитала. Внешняя политика царской России и бонапартистской Франции имела свои особенности и несколько отличалась от политики, проводимой Англией. Внешняя политика России и Франции в большей степени носила военно-политический характер¹⁴. * К этому следует добавить, что соперничество

* Этот вывод автора, видимо, также основан на чисто теоретическом анализе общественного строя России в середине XIX века, а не на конкретных исторических фактах.

Внешняя политика царской России в отношении Японии в период Мэйдзи исин несколько отличалась от политики западных держав. В частности, Россия не участвовала в военных действиях западных держав в Японии, отвергла просьбу сёгуната о помощи и т. п. Объясняется это не каким-то особым миролюбием царского правительства, а определенными причинами — экономической отсталостью царской России, в особенности ее дальневосточных окраин, внешнеполитическими осложнениями на Ближнем Востоке и др. — *Прим. ред.*

между державами, вытекавшее из противоположности их интересов, осложняло развитие внешних отношений Японии, но в то же время создавало там своеобразное равновесие их сил. Позиции же Англии в мировой экономике были преобладающими, и потому в дипломатических отношениях с Японией она играла руководящую роль.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I ГЛАВЫ II

¹ О значении открытия Японии Маркс писал:

«Действительная задача буржуазного общества состоит в создании мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах, и производства, покоящегося на его основе. Так как земля круглая, то, по-видимому, колонизацией Калифорнии и Австралии и открытием дверей Китая и Японии процесс этот закончен (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 362).

Первый английский посланник в Японии Оллок так говорил о значении внешней торговли для английского капитализма, а также о революционном влиянии, оказываемом ею на отсталое феодальное общество:

«Внешняя торговля для нашего национального существования, подобно воздуху для человеческого организма, является вопросом жизни или смерти, не предметом роскоши, а жизненной необходимостью. Это то, без чего мы не можем обойтись. И если наши непрестанно расширяющиеся легкие не будут обеспечены обильным и необходимым количеством [воздуха], то [его] надо завоевать...

Торговля удовлетворяет наши насущные жизненные потребности. Поэтому мы, невзирая на неизбежные расходы и риск, повсюду стремимся завязать торговые связи. Мы добиваемся постоянного расширения новых рынков, которые должны соответствовать нашим непрестанно увеличивающимся потребностям и производительным силам. Сейчас, как мне кажется, эти новые рынки находятся главным образом на Дальнем Востоке. И совершенно естественно, что мы направляемся туда. Наш первый шаг — посредством договоров получить доступ к рынкам, предоставляемым этими странами...

До тех пор, пока развитие, толчок которому дала торговля, не пройдет весь предначертанный судьбой путь, ничто не в состоянии его остановить. Я мало верю в более умеренный, более постепенный процесс, который часто склонны считать панацеей от всех зол. Я не знаю примера в истории, чтобы просто путем взаимного обмена идеями и развитием торговли слились две различные формы цивилизации: высшая и низшая. Напротив, всегда и всюду, за исключением ряда стран европейского или родственного ему национального характера и подобной ему системы, торговля первая пробивала брешь для проникновения в страну, и это сопровождалось столкновениями и конфликтами...

Так вообще начинаются все социальные и политические революции; и торговля Запада с Дальним Востоком независимо от того, желают ли этого торговцы и правительства или нет, несет с собой семена революции» (R. Alscock, *The Capital of the Tycoon. A Narrative of the three years' residence in Japan, New York, 1863*, vol. 2, ch. XV, pp. 363, 364, 371, 373).

² В США, первыми пробивших брешь в Японию, в 1861—1865 годах происходила война между Севером и Югом, мешавшая им всерьез заняться восточной политикой; кроме того, тогдашний уровень американской экономики еще не был настолько высоким, чтобы США могли настойчиво добиваться восточных рынков. Поэтому после того, как Япония начала вести внешнюю торговлю, руководящую роль в дипломатическом корпусе в Японии играла Англия.

³ Сторонники мнения, что в период Бакумацу существовала опасность превращения Японии в колонию, указывают на войну Англии с Сацума, нападение на Тёсю объединенной эскадры четырех государств или же на факт англо-французских противоречий в период развала бакуфу.

Однако Оцука Такэмацу, исследовавший внешнюю политику Японии периода Бакумацу, отстаивает противоположную точку зрения.

Он считает, что самым опасным в отношениях Японии с другими странами был двух- или трехгодичный период после заключения торгового договора (1858), а не время, когда разыгрались вышеприведенные события; уже потом, по мере появления взаимного понимания между дипломатическими представителями обеих сторон, опасность значительно уменьшилась.

Вместе с тем заслуживает внимания и мнение о том, что опасность извне порождалась не политикой иностранных государств, а скорее во многом зависела от безрассудной кампании самураев за изгнание «варваров» (см. Оцука Такэмацу, Бакумацу-но дзёи ундо то гайко-но кики (Движение за изгнание варваров в период Бакумацу и кризис внешней политики), помещено в сборнике «Яманогути хатидзюхати сёдзо кинно сиси ибоку, тэнранкай кинэн коэн-сю»).

⁴ Относительно перехода Англии от протекционизма к фритредерству и о значении сопутствовавшего этому поворота в восточной внешней политике см. Мацуда Томоо, Игирису сихон то тоё (Английский капитал и Восток).

Недостатком этой книги является безусловное признание прогрессивности фритредерства и то, что правильный в общем анализ ограничен противопоставлением торгово-ростовщического капитала современному капиталу.

Историческая ограниченность фритредерства, так же как и его прогрессивное значение, прекрасно охарактеризована Марксом:

«...Что же такое свобода торговли при современных общественных отношениях? Свобода капитала...

Он [рабочий. — *Ред.*] увидел бы тогда, что свободный капитал так же точно обращает его в раба, как и капитал, обложенный пошлинами.

Господа, не позволяйте обманывать себя абстрактным словом *свобода!* Чья свобода?.. Оно означает свободу, которую капитал пользуется для угнетения рабочего... [выделено Т. С. — *Ред.*]

Мы показали, какого рода братство устанавливается свободной торговлей во взаимных отношениях различных классов одной и той же нации. Не более братскими свойствами отличалось бы и то братство, которое было бы создано свободной торговлей во взаимных отношениях различных наций. Только у буржуазии могла

явиться мысль назвать всеобщим братством космополитический вид эксплуатации. Все разрушительные явления, обуславливаемые свободной конкуренцией внутри данной отдельной страны, повторяются на всемирном рынке в еще более огромных размерах...

Не думайте, однако, господа, что, критикуя свободу торговли, мы намерены защищать покровительственную систему... вообще говоря, покровительственная система является теперь консервативной, между тем как система свободной торговли действует разрушительно. Она разлагает прежние национальности и доводит до крайности противоположность между пролетариатом и буржуазией... И только в этом, революционном смысле, господа, я высказываюсь за свободную торговлю» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 459—461).

⁵ Оллок вновь утверждает, что нельзя избежать вооруженного насилия.

«Все договоры, ранее заключенные с правительствами Востока от Константинополя до Эдо, были навязаны силой или чем-либо подобным. За исключением сиамского короля, никто из восточных суверенов не принял радушно дружбу и союз, предложенные западными странами... Договоры, навязанные силой и давлением, всюду поддерживаются теми же средствами. Этот вывод подтверждается всем нашим опытом на Востоке» (R. Alcock, op. cit., vol. II, ch. XI, p. 205—206).

Однако Оллок ожидает мирного разрешения вопроса посредством просвещения японских феодальных правителей. «Если Япония сможет стать достаточно сильной, чтобы отстоять, а затем поддерживать свою независимость, если ее правители станут в достаточной степени просвещенными, чтобы прямым путем ввести Японию в семью цивилизованных наций, если они признают все обязанности, связывающие воедино эти нации, то, возможно, черные тучи, застилающие в настоящее время горизонт, исчезнут без грозы. Ускорение выхода из теперешних опасностей и трудностей явно выгодно для всех западных держав, не имеющих никаких других целей, кроме расширения внешней торговли и привнесения цивилизации. В самом деле, мы больше всего стремимся к такому мирному и выгодному для всех решению вопроса (R. Alcock, op. cit., vol. II, ch. XV, p. 367—368).

⁶ Разумеется, «полуколония», о которой здесь говорится, означает экономическое подчинение периода промышленного капитализма, а не выражает политическое и военное порабощение эпохи абсолютизма и эпохи империализма. Но даже и здесь проявляется историческая ограниченность лозунгов фритредерства: «Свобода, равенство, братство».

Принцип «внешняя торговля прежде всего» под жерлами пушек легко может превратиться в захват территории в зависимости от развития кризиса во внешних сношениях. Пальмерстон — глашатай дипломатии, основанной на принципах фритредерства, — в течение 1830—1865 годов неоднократно в качестве министра иностранных дел либо премьер-министра направлял английскую внешнюю политику. Он был организатором «опиумных» войн, захвата Гонконга. Вслед за захватом Англией Гонконга (официально это было подтверждено Накинским договором в 1842 году) Франция протянула руки к Аннам, Португалия — к Макао, царская Рос-

сия — к Приморью*; наконец, в 1856 году через американского представителя в Китае Паркера был предложен проект раздела Восточной Азии Англией, Америкой и Францией.

Раздел Китая был произведен после 1895 года, но необходимо отметить, что первые шаги к нему были сделаны еще в 50-е годы XIX века. Могла ли дипломатия английского промышленного капитала продолжать соблюдать принципы мирной торговли, являвшиеся ее первоначальной целью, зависело в какой-то степени и от позиции самих восточных стран.

⁷ Цинская династия, вынужденная после поражения в «опиумной» войне заключить Нанкинский договор, считала, что «лучше торговать с варварами, чем ублажать их», и рассматривала этот договор как удобный способ заставить уйти английские войска; она даже стояла на той точке зрения, что якобы уступка Гонконга — это не больше чем «подарок» бесплодного дикого острова (Умэда Сигэо, Тоё гайко-си гайсэцу (Общий обзор истории дипломатии Востока)).

Бакуфу также считало, что принятие им послания Перри с требованием открыть страну — лишь «временная тактика» (правительственное совещание с заслушиванием мнения даймё в 1853 году). Это была «тактика успокоения, основанного на обмане».

Родзю Манабэ Акикацу в докладе императору, в котором он испрашивал позволения на утверждение японо-американского договора, пишет также о том, что отсутствие надежд на победу в случае открытия западными державами военных действий временно вынуждает Японию идти на некоторые минимальные уступки. Эту фразу не надо непременно рассматривать как вынужденный тактический маневр по отношению к императорскому двору, при котором преобладали идеи изгнания варваров; пожалуй, это было высказыванием действительных намерений бакуфу «проводить политику открытия страны в духе закрытия страны» (см. Фукути Гэнъитиро, Бакумацу сэйдзика (Политические деятели периода Бакумацу)).

⁸ Как только умер китайский император Сянь Фын и на престол вступил шестилетний император Тунчжи, принц Гун, убив в 1861 году Су Шунь, центральную фигуру антиностранный оппозиции, захватил политическую власть и, взяв курс на дружбу с иностранными государствами, принял западную культуру и занялся политической реформаторской деятельностью.

Он пригласил английских и французских офицеров, пытался улучшить вооружение, основал военные предприятия и организовал поездки студентов на учебу за границу. Во внутренней политике он проводил линию на выдвигание китайцев [в отличие от маньчжур. — *Ред.*] и стремился уничтожить атмосферу косности и застоя.

Однако его мероприятия не были последовательными и не дали результатов, к тому же в 1878 году [по другим данным, в 1884 году. — *Ред.*] императрица Цыси удалила принца Гуна в отставку, взяв руководство политикой в свои руки. Так в правлении Цинской династии вновь возродились реакционные принципы.

* Освоение русскими Приамурья и Приморья началось еще в XVII—XVIII веках. — *Прим. ред.*

Если события «Тунчжи чжунсин» носили чисто дворцово-заговорщический характер, события Мэйдзи исин, имевшие тот же оттенок, являлись движением группы низших самураев, включавшей богатых крестьян, крупных купцов, следовательно, можно сказать, был движением снизу, внутри господствующих слоев феодального общества. Различие этих реформ по глубине привело к тому, что их судьба оказалась разной.

⁹ В ответ на упреки оппозиции, высказавшейся против вооруженного вмешательства в Тайпинское восстание и провозглашавшей политику мира и невмешательства, Оллок писал: «Да, хотя это и неправильно, но это необходимо». И он выдвигал свою программу:

«Англия, или же Англия и Франция, должна сделать одно из двух: либо взять на себя защиту важных портов и торговых центров с помощью своих военно-морских и сухопутных сил и заставить Китай оплатить связанные с этим военные расходы, либо помочь китайскому правительству создать свои собственные сухопутные и военно-морские силы и возложить на него эти обязанности. Естественно, что в случае оказания помощи китайскому правительству надо ожидать, что враждебность партии тайпинов будет направлена против нас.

Тем не менее нет ничего более губительного для наших интересов, чем нейтралитет и невмешательство в полном смысле этого слова; придерживаться этой позиции — значит отказаться от всякой деятельности» (R. Alsop, *op. cit.*, vol. I, ch. I, p. 31).

О развале рынка в результате применения [Англией. — *Ред.*] вооруженных сил в Китае и разложения китайской монархии Оллок писал: «Развитие процесса распада под общим влиянием войны между обширной Китайской империей и нами, излишка населения и бессилия разлагающегося правительства угрожает нам потерей главного источника снабжения чаем и шелком-сырцом» (R. Alsop, *op. cit.*, vol. II, ch. XV, p. 351). Именно в этом заключается причина, почему в основу своей политической программы в отношении Японии Оллок положил мирное развитие, а также поддержку феодальных правителей.

Следует привести выдержку из работ Маркса и Энгельса о Китае.

Энгельс считал, что в Китае происходит «...война pro aris et focis [за алтари и очаги], что это — война народная, ради сохранения китайской национальности...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 166).

Маркс писал о влиянии этих событий на Европу: «...можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в сильно заряженную мину современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося всеобщего кризиса, за которым, когда он распространится за границы, непосредственно последуют политические революции на континенте» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 316).

См. также сочинения Ханн Горо: «Тоё-ни окэру сихонсюги-но кэйсэй» («Формирование капитализма на Востоке»); «Бакумацу-ни окэру сисотэки доко» («Идеологические течения в период Бакумацу») и «Нихон сихонсюги хаттацу-си кодза» («Лекции по истории развития японского капитализма»).

10 Национализм может стать революционным лишь при соединении с буржуазно-демократической революцией или же с пролетарской социалистической революцией.

Национально-революционное течение в китайском народе (ремесленники, крестьяне, разоренное и бездомное население) было прямо и непосредственно направлено против вторжения европейского и американского капитала, который вел себя там еще более бесцеремонно, чем в Японии (в центре течения были ткачи, ощущавшие угрозу импорта дешевых английских хлопчатобумажных тканей, и крестьяне, занимавшиеся домашним ремеслом; они явились ядром пининтуаней — антианглийского движения, возникшего как протест против взимания контрибуции в «опиумной» войне).

Национальное движение масс в Китае в форме выступлений против иностранцев преобладало над выступлениями против правящих классов. Цинская династия, действуя в собственных интересах, использовала это, разжигая феодальный антииностраный шовинизм. Возмущение правлением Цинской династии последняя направляла против маньчжур. В обоих случаях это преграждало национальному движению путь к правильному революционному развитию или же придавало ему контрреволюционное значение.

Даже в Тайпинском восстании, наиболее показательном по своему антифеодальному характеру, по направленности к крестьянской аграрной революции, участники которого в своей позиции по отношению к иностранцам не впали в свойственные китайским правящим кругам ненависть и шовинизм и обнаружили правильное национальное устремление к равенству в отношениях с иностранными государствами, даже в нем вследствие огромной неравномерности развития китайского общества отразилось подавляющее влияние старых сил, еще был слишком силен дух крестьянских бунтов прошлого. Пагубную роль сыграли также и руководители восстания, которые превратились в деспотических правителей восточного типа, и движение в конце концов развалилось изнутри и было подавлено. При подавлении Тайпинского восстания европейско-американские державы (Англия, Франция, США) оказывали поддержку Цинской династии, вооружали местные слои помещиков и чиновников (тухао, лешэнь), укрепляли весьма слабые регулярные правительственные войска.

Превращением Китая в полуколонию была создана основа для всех последующих явлений — продажности китайских правителей и военных клик, связанных с иностранными государствами. Таким образом, разгром европейско-американским капитализмом крестьянской революции (Тайпинского восстания) продлил еще на полстолетия существование Цинской династии, которая неминуемо должна была пасть, воспрепятствовал нормальному росту китайского капитализма и ускорил превращение Китая в полуколонию. Чем больше усиливалось господство европейско-американского капитала, тем более загнивал и распадался старый социальный порядок в Китае, но благодаря поддержке продолжал существовать. А вследствие предательства правителями Китая национальных интересов этот режим не только сохранялся, но даже, наоборот, усиливался; чудовищные формы начало принимать ограбление народных масс, осуществляемое полуфеодальным торгово-ростовщическим капиталом; ростки национального капитала были совершенно задушены, домашняя промышленность пришла в упадок, и, таким образом,

Китай был искусственно задержан на положении аграрной страны, подчиненной европейско-американскому капиталу.

Позже антииностранные настроения правящих кругов Китая до некоторой степени смягчились и стали даже делаться попытки освоения европейско-американской культуры; но Цинская династия, военные клики и связанная с ними привилегированная торговая буржуазия лишь служили иностранному капиталу и являлись посредниками в деле превращения Китая в колонию. Все это совсем не было похоже на самостоятельный переход Китая на путь современного развития. В эти годы возможность возникновения буржуазно-демократической революции в Китае все более уменьшалась; в движении китайских народных масс против превращения страны в колонию усиливаются тенденции следовать реакционному шовинизму, и в результате оно стало использоваться наиболее консервативными силами внутри Цинской династии.

Боксерское восстание (1900), подавление которого положило начало разделу Китая империалистическими державами, было конечным пунктом развития такой тенденции. Впоследствии национальное движение в Китае, возглавленное пролетариатом, твердо вступило на путь, выводящий из этого болота.

¹¹ Оллок следующим образом высказывается о «движении за изгнание варваров»:

«Представители феодального господствующего класса по-разному осознают причины и следствия улучшения международных отношений и развития торговли, но почти все они инстинктивно видят в этом уничтожение своих привилегий и гибель своей власти. Они видят, что вместе с товарами, которые, по их мнению, ввергнут народ в бедственное положение, мы несем новые религии, идеи о новом социальном порядке, свободе и политических правах, новые обычаи и привычки, враждебные феодальному строю и разрушающие его...

Я не могу обнаружить каких-либо признаков злых чувств и враждебности народных масс в отношении иностранцев. Если иногда имеют место оскорбления и угрозы, то они исходят от сословия с двумя мечами [самураев. — *Ред.*]. Среди группы даймё и крупных чиновников есть лица, которые в развитии торговли, и особенно внешней торговли, видят семя революции и которые скорее согласятся на разрыв со всеми западными странами, чем на то, чтобы семена дали всходы. Я достоверно знаю об этом по собственным наблюдениям и глубоко уверен в том, что сказано выше» (R. A. Coase, *op. cit.*, vol. II, ch. XV, p. 348).

¹² Развивая эти положения, Оллок писал следующее:

«Необходимо коренным образом изменить всю систему управления сверху донизу. Для этого необходимо значительное изменение существующих взглядов, требующее длительного времени. Любая реформа, рассчитанная на долгий срок и выгодная японцам, должна строиться на прочном, возводимом без спешки фундаменте и должна постепенно укореняться и сливаться с их привычками, представлениями и традициями. Конечно, медлительность темпов нежелательна, но зато она сделает окончательную победу еще более завершённой, гарантирует ее.

Нужно допустить, чтобы новые идеи, представления, чувства прочно овладели широкими массами японского народа... не навязыв-

вать [их] извне и не применять насильственные меры давления снизу, которым невозможно противостоять. Самое важное — найти и обеспечить справедливый путь для постепенного проникновения этих идей в массы и их вызревания в умах народных масс». (R. Alsop, op. cit., vol. II, ch. XI, p. 226).

13 Об английской буржуазии, которая становилась все более реакционной по мере развития чартистского движения, Маркс писал: «...если они в аристократии видят своего умирающего противника, то в рабочем классе они видят своего нарождающегося врага. И они предпочитают вступить в сделку с слабеющим, уходящим в прошлое противником, нежели усиливать не показными, а реальными уступками и без того все усиливающегося врага, которому принадлежит будущее» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 11).

«Основные отношения, — писал Оллок, — отношения между сюзереном и его подданными, уже переживают серьезнейшие изменения, что до основания потрясает всю феодальную систему. И политическая и общественная организация феодализма разбивается под ударом внезапного соприкосновения с Европой. Я сильно сомневаюсь в том, что новая социальная и политическая система возникнет и утвердится без беспорядков, насилия и кровопролития» (R. Alsop, op. cit., vol. II, ch. XVIII, p. 439). Признавая неизбежность коренных изменений, Оллок, однако, считал, что нужно всеми средствами сдерживать этот процесс.

«Рост нашего влияния в Японии, — пишет он, — вначале не был таким, чтобы можно было делать слишком оптимистические предположения. Но сейчас можно добиться значительно большего, если мы не будем опрометчиво, с излишней горячностью двигаться вперед.

Важнейшая задача данного момента — предотвратить возникновение в стране гражданской войны, ибо опасность ее чрезвычайно велика. Поэтому желательно также и с нашей стороны не прибегать к каким-либо враждебным действиям» (R. Alsop, op. cit., vol. II, ch. XI, p. 225).

Английская дипломатия под предлогом предотвращения внутренней войны стремилась примирить враждующих феодальных правителей, восстановить власть коалиции княжеств под эгидой императора; словом, приступить к постепенному проведению реформ сверху (установление абсолютизма), предварительно объединив и несколько реорганизовав феодальную власть.

14 Попытка русского военного корабля в 1861 году захватить остров Цусима показала, какова истинная внешняя политика царизма, выкашивавшего планы закрытия для других государств в военном и в торговом отношении Японского и Желтого морей и создания в этом районе базы для своего продвижения.

Однако в конце концов, после переговоров с командующим английской эскадрой в восточном Индокитае Хоупом, который прибыл с двумя кораблями, русские были вынуждены отступить (см. сочинение Нэдзу Сэйси «Бункю ганнэн рокан Посадонику-но Цусима сэжкэ ни цуитэ» («О захвате острова Цусима русским кораблем «Посадник» в 1861 году»), «Хо то кэйдай», т. 2, №№ 2, 3, 4). В военно-экономическом отношении превосходство Англии на Дальнем Востоке было подавляющим. Об англо-французских противоречиях см. ниже (глава III, раздел 3).

2. ИДЕЙНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДВИЖЕНИЯ СОННО ДЗЭИ

Идеологическим столпом политического движения против бакуфу в период Бакумацу, идейной основой Мэйдзи нсин было течение за почитание императора и изгнание иностранцев. Течение за почитание императора (сонно), призывавшее к почитанию императорского дома с его многовековым авторитетом как высшему проявлению отношений между монархом и подданными, и течение за изгнание иностранцев (дзэи), призывавшее к отражению вторжения «варваров», пытавшихся захватить «божественную землю» [Японию. — *Ред.*], возникли как совершенно независимые друг от друга течения. Однако, поскольку оба они основывались на конфуцианском учении о феодальном долге, то здесь была заключена неизбежность их объединения в единое целое, ибо это находило свое выражение и в области внутренних отношений в стране (в проповеди «великого долга монарха и поданных») и в отношении к иностранцам (в проповеди отличия «избранного народа» от «варваров»; сторонники этих течений, считая свою страну «избранной», а иностранцев «варварами», тем самым подчеркивали свое «благородство» в отличие от «пизменности» иностранцев). Оба эти лозунга идеализировали феодально-иерархический порядок, не признававший равных отношений между людьми и строившийся лишь на отношениях подчинения снизу доверху.

Особенностью такого учения о феодальном долге являлось то, что оценки явлений жизни производились в отрыве от сложной действительности, на основании догм, стоящих над действительностью, исходя из трафаретных абстрактных идей о подчиненности снизу доверху, о разделении на «избранных» и «варваров», о добре и зле. Например, целью составления «Истории великой Японии» [в середине XVII века. — *Ред.*], считающейся историческим евангелием движения за почитание императора и изгнание варваров в период Бакумацу, было «возвеличивание императорского рода и утверждение долга подданных»¹. Сторонники этих теорий не проявляли стремления к тому, чтобы наблюдать живую конкретную действительность и стараться понять ее внутреннее развитие².

Короче говоря, это было учение, целиком соответствовавшее политическим отношениям абсолютизма и утверждавшее абсолютный авторитет феодальной морали.

Но как бы учение о феодальном долге ни пренебрегало действительностью, се развитие от этого не приостанавливалось. Если бы это учение упрямо, несмотря на появившийся разрыв с действительностью, придерживалось своих положений о феодальном долге, то это, естественно, вылилось бы в пустую игру ученых идеями³. Разумеется, сами ученые не имели реального представления о том, как посредством учения о феодальном долге изменить действительность. Если они и считались с действительностью, то самое большее, на что они были способны, являло собой лишь талмудистские попытки абстрактного подтверждения существующего порядка ссылками на авторитет «мудрецов» или их же идеи о «государственном строе» Японии. Развитие в период Бакумацу идей почитания императора и изгнания варваров шло по пути ликвидации отрыва учения о феодальном долге от действительности, его растущего бессилия и предвещало скорее его возрождение и подъем. Эти идеи вышли на сцену, приняв форму ярко выраженного политического течения, тесно связанного с действительностью⁴.

Течение за почитание императора в период Бакумацу боролось против неизбежного ослабления морали феодального подчинения — идеологической опоры феодального режима, упорно отстаивало абсолютное величие «императорского строя, не изменяющегося вместе с остальным миром», и стремилось найти в этом последнюю опору для традиционной японской морали лояльности императору. В нем никогда не было антитокугавских элементов, более того — не было ничего, что могло бы привести к антифеодальной идеологии.

Для того чтобы род Токугава, равный по происхождению со всеми 300 князьями (даймё), пользуясь должностью сёгуна, мог править страной, надо было возвысить его: облечь титулами удайдзин (или же найдайдзин) и сэйи тай сёгун*, утвердить ректором лицеев

* Удайдзин — «левый министр» при императоре; сэйи тай сёгун (великий военачальник, покоритель варваров) — титул, принимавшийся каждым сёгуном династии Токугава. — *Прим. ред.*

Дзюнваин и Сёгакуин *, считать его род старшей ветвью рода Минамото.

И это не было специфическим японским явлением. В феодальном обществе Европы с таким же трудом удавалось поддерживать трещавшее по швам единство феодального государства, используя для этого светский авторитет императора священной Римской империи и христианский религиозный авторитет папы римского ^б.

Даже тогда, когда стало очевидно, что спокойный сон изолированной страны окончен и международные отношения сделали неизбежным открытие Японии, сторонники изгнания варваров в период Бакумацу наперекор ходу событий продолжали упорно доказывать превосходство феодальных общественных отношений в духе учения о феодальном долге, стремились остановить «осквернение божественной страны» иностранными «варварскими обычаями» ^б. Такие взгляды выражали лишь отношение к внешнему миру феодальных деспотических правителей, которые отрицали равные отношения между государствами и чьим идеалом было «покорение варваров». Эти идеи, не имели никакой связи с современным национальным сознанием (национализмом). Ибо в конце концов современное национальное сознание (национализм) складывается лишь на основе демократии, а именно только при условии существования такого политического строя, который дает возможность народным массам участвовать в государственном управлении и чувствовать ответственность за судьбы государства ⁷.

Сторонники течения за почитание императора, течения за изгнание варваров и, наконец, объединенного течения за почитание императора и изгнание варваров подняли голову как раз в период Бакумацу. Это политическое движение, несмотря на все свои упомянутые выше отрицательные качества, сыграло большую роль в период поисков выхода из создавшегося положения, когда изнутри и извне надвинулся кризис феодальной системы; оно стало концентрированным выражением осознания господствующим классом феодального общества этой опасности. Сторонники данного движения не под-

* В этих учебных заведениях обучались члены императорской фамилии и высшей аристократии. — *Прим. ред.*

давались общей растерянности перед распадом феодальной системы, не ограничивались пустыми разговорами об оздоровлении феодализма путем укрепления феодальной морали, а выдвигали требования реформ существующего строя.

Дело Такэути Сикибу (1758 год)⁸ и дело Ямагата Дайни (1776 год)⁹ — это первые события, в которых обнаружилась неприязнь к бакуфу со стороны приверженцев теории почитания императора. Замешанные в этих делах лица действовали под влиянием традиционных чувств почитания императора и презрения к узурпатору [сёгуну. — *Ред.*], существовавших в дворцовом окружении, чувства недовольства и обиды ронинов, которые были отстранены от дел. Поэтому указанные события не выходили за рамки заговоров в узком кругу и не создали перспективы для открытого политического движения.

Течение за почитание императора как политическое течение, опирающееся на конкретную действительность, широко захватило политическое сознание самураев лишь после того, как его сторонником стал Токугава Нариакира, глава княжества Мито, со своими приближенными¹⁰. Идея почитания императора, по мысли Нариакира и его сторонников, выступавших с позиций сёгуна и даймё, должна была противостоять недовольству народных масс феодальным господством, впервые проявившемуся в восстании Осю Хэйхатино, противостоять той идее реставрации монархии, которая вынашивалась ронинами и предусматривала необходимость политических реформ, а также противостоять соединению этих двух опасностей. Следовательно, Нариакира стремился к сохранению токугавского сёгуната и укреплению его. Он отстаивал феодальный порядок с его моралью лояльности и преданности императорскому дому, верноподданнически служить которому должны сёгун, даймё, самуран и простой народ, каждый в соответствии со своим сословным положением¹¹.

Нариакира указывал на четыре основные силы, угрожавшие в то время господству Токугава: кугэ, даймё, бродячий люд и «варвары». Он убеждал сёгуна проявлять как можно больше уважения к императорскому дому, полагая, что таким путем можно смягчить антисёгунские настроения среди кугэ и укрепить ло-

яльность князей правительству бакуфу. Что касается «варваров» и «бродячего люда», то он считал, что растущее из года в год сопротивление низов народа является центральным вопросом в создавшемся положении. Будучи феодалом, он, однако, не мог уже просто говорить о добром феодальном правлении, исходя из того, что «народ — основа страны». Конечно, было бы желательно выжимать не все соки из народа; тем не менее, если жизнь его слишком облегчить, то трудно будет «прокормить хорошего самурая», говорил Нариакира, сознавая существование непримиримых противоречий между народом и самураями¹². Зная силу масс, он страшился народа, враждебно смотрел на народ. Сетуя на то, что иностранные «варвары» для захвата Японии прибегают к христианству и пушкам, Нариакира открыто призывал к презрению и ненависти к ним¹³, опасаясь, как бы их политика не обманула «темный народ» и не привела Японию к подчинению иностранцам. И, таким образом, указывая на внутренние трудности и угрозу извне, отнюдь не преуменьшая их, он подчеркивал необходимость перестройки феодальной системы.

Так доктрина школы Мито о почитании императора и изгнании варваров, отражая действительность годов Тэмпо, чреватую потрясением и развалом феодальной системы, стала политической платформой феодальных кругов, осознавших нависшую над ними опасность. Эта платформа вышла из рамок кабинетного, академического учения о феодальном долге, изложенного в трудах философов, и по мере все более тесного соприкосновения с действительностью ее феодально-реакционный характер усиливался. Постепенно действительность порождавшая рост антифеодального движения, приводила к тому, что сторонники этой доктрины, опасавшиеся за будущность «божественной страны», все более склонялись к твердолобому учению о феодальном долге.

Хотя сторонники реформы существующего положения остро осознавали кризис феодальной системы и страстно стремились найти выход из создавшегося положения, они вынуждены были в конце концов следовать идеям почитания императора и решительного проведения политики изгнания варваров. Это привело к укреплению феодальной морали, возбуждению воин-

ственного духа и в конечном счете к ограниченности всякого течения за политические реформы рамками феодальной системы.

И действительно, в последующие годы развития политической борьбы в период Бакумацу цель Мэйдзи исин воспринималась исключительно как реставрация монархии и поход императора для изгнания варваров; даже необходимость абсолютистской реформы нелегко осознавалась, а сама политическая борьба носила крайне сложный и запутанный характер.

Доктрина почитания императора и изгнания варваров, зародившаяся в японской классической школе, по своему идейному характеру не отличалась от конфуцианского учения. Хотя японская классическая школа в начале своей деятельности, критикуя в рамках аполитичной литературной полемики религиозные литературные взгляды конфуцианства, искала в самой жизни чистые ценности души каждого индивидуума, она, как раз вследствие своей аполитичности, проявила чрезвычайную слабость собственных общественно-политических идей, которые должны были бы противостоять реальной политической власти бакуфу и княжеств, и в конце концов пришла к оправданию существующего порядка как проявления божественного провидения¹⁴. Начиная с Мотоори Норинага и до Хирата Ацутанэ шел процесс становления на политические позиции классической японской школы, которая, однако, перенеся центр тяжести на лозунг почитания императора и изгнания варваров, не пошла по пути развертывания антифеодальных идей.

В период Бакумацу японская классическая школа завоевала симпатии богатых купцов и зажиточных крестьян и начала содействовать их духовному пробуждению. Но в атмосфере идей почитания императора и изгнания варваров их пробуждение сводилось к осознанию ими своего главенствующего положения деревенских чиновников по отношению к рядовым крестьянам или помещиков по отношению к арендаторам, осознанию ими, ранее находившимися в одном ряду с простым народом, своего нового положения — положения опоры феодального строя. Когда свершилось их политическое пробуждение, протекавшее на основе учения о феодальном долге, идеи почитания императора и изгнания варваров, то их жизненная заинтересованность

В коренном для них аграрном вопросе оказалась как бы поглощенной пустым идеалистическим возмущением, направленным против упадка «морали» поднебесного государства; их политическое пробуждение замерло, не успев развиться.

Следствием такого рода эволюции явилось то, что японская классическая школа (противники Хирата), все более переходя на «изящный жанр», начала заниматься лишь комментированием истории (косёгаку) либо изучением летописей (сёсигаку). Закрыв глаза на суетную действительность, она уходила от жизни, погружившись в чтение старинных японских книг и стихотворство¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2 ГЛАВЫ II

¹ Характерно изречение Токугава Мицукуни, главы княжества Мнто, выгравированное на памятнике «Байри сэнсэй» [«Учитель Байри». — *Ред.*]. Инициатор составления «Дайнихон си» («История великой Японии») оправдывал социальные различия феодального строя, восхвалял величие императорского рода, разделял всех подданных на лояльных и нелояльных и на этом основании пытался создать раз навсегда установленные «правила о поощрении и наказании». В те времена исторические трактаты были той особенной областью, где свободно дискутировались теории о социальных различиях феодального строя и где столь же свободно определялась лояльность или нелояльность всех деятелей прошлого.

² Например, когда Асикага Такаудзи вынужден был поднять мятеж против императора Годайго, некоторые авторы исторических трактатов, совершенно не пытаясь понять ту историческую обстановку, не задумываясь о самой личности мятежника, обвинили его в нарушении долга верноподданнической преданности императору, в мятеже и измене. Такого рода примеры типичны для Асака Тампаку в «Дайнихон-си ронсан» («История великой Японии»).

³ Критика отхода конфуцианских ученых от действительности постепенно развернулась с середины эпохи Эдо. В частности, представитель западной школы Хирага Гэннай со свойственной ему острой иронией обрушился на позицию, предпочитавшую осознанию действительности учение мудрецов, учение святых: «Ошибочно также думать, что только чтение книг — наука, что пустые рассуждения на бумаге — исследование вещей» («Хохирон», Собрание сочинений Хирага Гэннай, 1780, т. I). «Китай есть Китай, Япония есть Япония, старые времена есть старые времена, сегодня есть сегодня. В разное время этикет [курс наук, преподаваемых аристократии. — *Ред.*] неодинаков: если раньше честь отдавали стоя, то теперь перед благородным человеком не стоят; если бы теперь стали применять систему распределения земельных наделов — сэйдэн [выделение участка земли в пользу властей. — *Ред.*] только потому, что она была установлена древними мудрецами, то крестьяне оказались бы в дураках» («Фурюсидокэндэн», 1763). В рассказе,

высмеивающем лицмерие ученых-моралистов, есть следующее место: «Волк рыскал ночью по деревне и притаился у одного дома. Из дома вышел мудрец-конфуцианец, бормоча наставления. Волк сразу проглотил его и... тут же отгрынул. Другой волк спросил его: «Почему ты это сделал? Что с тобой?» И услышал ответ: «Тухлятина!» («Коси ёбанаси», т. 36).

См. также еочинения Такахаси Синъити (Егакурон («Заморская наука»); Хаши Горо «Бакумацу-ни окэру ринри сисо» («Этические идеи периода Бакумацу»), помещены в «Нихон-ни окэру киндай сисо но дзэнтэй» («Предпосылки современной мысли в Японии»).

⁴ Фудзита Токо, сторонник доктрины почитания императора и изгнания варваров, в сочинении «Кодокан кидзюцуги» (1846 год) перечисляет четыре самых больших зла современной науки, а именно: отсутствие в ней действительности, отрицание практики, слепое следование за обычаями (старые догмы, схоластичность) и авторитетами. В этом сочинении утверждается, что все это отрицательно сказывается на науке и жизни. Что касается последней, то требуется связать в одно целое науку и общественную жизнь, другими словами, связать науку и политику (Фудзита Токо, Собрание сочинений).

⁵ См. статью Исимота Сё «Хокэи кокка-но риронтэки сёмондай» («Теоретические вопросы феодального государства»), напечатанную в «Кокка кэнрёку-но сёмондай» («Вопросы государственной власти»), издание Исторического научно-исследовательского общества, и работу Хоримай Иодзо «Тюсэй кокка-но кодзо» («Устройство средневекового государства») в сборнике «Сякай косэй-си тайкэй» («История общественных формаций»).

⁶ В сочинении сторонника течения за изгнание варваров Айдзава Сёсисай «Синрон» («Новые взгляды»), изданном в 1825 году, говорится о том, что на иностранные государства надо смотреть пренебрежительно, ибо только Япония занимает положение «главы вселенной», является олицетворением рассвета и правды, положительным началом. Наоборот, иностранные государства, пишет Айдзава, олицетворяют нечто уходящее, сумеречное, ложное, являются отрицательным началом.

Следовательно, говорится дальше, японский путь развития должен непременно одолеть «путь варваров», ибо японский путь — это путь правды и света, утверждающий нравственность (вассальную верность и сыновнюю любовь). Путь же варваров — это путь мрака и скверны, разрушающий нравственность. В заключение Айдзава призывает к решительному изгнанию варваров, пока те не превратили японцев в «зверей».

Различия между избранными и варварами, являвшиеся предпосылкой идеи изгнания варваров, использовались господствующим классом для нового подтверждения целесообразности существования феодальных порядков. В своем произведении Айдзава критикует «грубых западных варваров» за то, что они провозглашают моногамию и, таким образом, «нарушают супружескую мораль с ее принципом двух женских начал на одно мужское и не понимают, что нужно прежде всего заботиться о продолжении рода». Он их упрекает в том, что в вопросах взаимоотношения людей они «считают главным взаимную любовь и нарушают устой дружбы старших и младших, называя всех людей своими близкими и объявляя братьями случайных прохожих» («Кагаку дзигэн», 1847).

Феодалы, для которых представлялось естественным деление людей на высших и низших, на господ и подчиненных, в своих отношениях с иностранными государствами считали возможным установление только одной из двух форм отношений: либо покорить иностранные государства, либо самим вступить в подчинение. Известия о покорении Индии Англией и о развязанной ею же «опиумной» войне в Китае еще более способствовали усилению подобных мнений.

⁷ При феодальном строе не существовало современной идеи государства и национального сознания. Так как феодальный порядок держался на отношениях господства и подчинения между сюзереном и его самураями, то между самураями внутри одного княжества не прививались равные общественные отношения. Это было строжайше запрещено, так как подобные отношения рассматривались как «группировки», «преступные сборища». Поэтому, естественно, не могло существовать уз, связывающих весь слой самураев, единства, способного преодолеть феодальную раздробленность.

Широкие народные массы, закабаленные феодалами, рассматривались последними только как средство для получения оброка; неграмотные и темные, они были совершенно отстранены от политики; не будучи едиными и сплоченными, они были принуждены вести существование крепостных рабов.

Поэтому в стране совершенно не было условий для возникновения идей о «нации» или о «государстве», которые охватили бы широкие народные массы. Опасность для княжества осознавалась как «опасность для княжеского дома». А опасность для княжеского дома означала опасность лишь для самураев, получавших жалованье от князя и потому тесно связанных свою судьбу с судьбой сюзерена. Даже в период Бакумацу, когда вследствие наступления иностранных государств начало в некоторой степени складываться понятие о своей стране, слово «государство» по большей части еще продолжало означать «свое княжество», а под словами «другая страна», «другое государство» подразумевалось другое княжество.

Всю страну в целом изредка называли словом «Япония», но обычно пользовались термином «божественная страна» («дзинсю», «хонтё») и т. д. В этих названиях всегда заключалось лишь отвлеченное представление о государственном строе Японии с его принципом долга подданных по отношению к монарху, существованием родственной любви отца и сына, принципом, противопоставляемым морали «варваров», которые лишены пяти нравственных обязанностей и пяти добродетелей [свойственных так называемой японской феодальной морали. — *Ред.*]. Если после Мэйдзи слово «Япония» приобрело конкретное содержание, включавшее территорию и народ, то до этого оно лишь содержало смутное, неформальное представление о существовавшем тогда феодальном порядке.

Поэтому совершенно безответственно повторялись стереотипные утверждения сторонников почитания императора и изгнания варваров о том, что «если соблюдается долг верности монарху... то не будет и вражды в отношениях между старшими и младшими» (Охаси Тоцуэн, Бакумацу гайкоку канкэй бунсё (Документы об отношениях с иностранными государствами в период Бакумацу), т. 5). Такие утверждения были далеки от

конкретной политики, направленной на счастье народа, на достижение государственной национальной самостоятельности и независимости.

Весьма знаменательно заключение Фукудзава Юкити о том, что «в Японии есть правительство, но нет нации» (Фукудзава Юкити, Бунмэйрон-но гайряку (Основы цивилизации), 1875). О перспективах развития национализма в тесной связи с мировой историей см. в сочинении Када Тэцудзи «Кокуминсюги то кокусайсюги» («Национализм и интернационализм»).

* Такэути Сикибу служил княжескому дому Токудайдзи и проповедовал синтоистское учение секты Суйка, созданной Ямадзакки Ансай. Среди его учеников были многие кугэ и даже сам глава этого дома — Токудайдзи Киммура. Однако вскоре распространились слухи, что Сикибу преподает для кугэ военное искусство и науки; Сикибу даже читал лекции императору Момодзону, в которых толковал японскую летопись [Нихонги. — *Ред.*] в духе синтоистского учения Суйка. Кончилось тем, что бывший кампаку Итидзё Митиёси и кампаку Коноэ Утисаки, опасаясь осложнения взаимоотношений между двором и бакуфу, подвергли наказанию кугэ, причастных к лекциям, и поручили сёсидай произвести следствие в отношении Сикибу. Сикибу приговорили к дальней ссылке.

Основной идеей учения Сикибу было почитание императора и обуздание узурпатора-сёгуна. Однако кугэ ограничивались лишь отвлеченными рассуждениями о том, что обучение наукам и установление добродетели в мире само приведет к осуществлению этих идей.

По существу, это дело было вызвано прежде всего противоречиями между кугэ и борьбой двух сект в синтоистском мире: Иосида и Суйка. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что общая социальная неустойчивость того времени обостряла отношения между двором и бакуфу. Между прочим, во время следствия на вопрос бугё города Киото: «Значит, вся страна теперь стоит перед лицом опасности?» — Сикибу ответил: «Да, Я считаю, что в самом деле вся страна в опасности» (Хосино Ватару, Такэути Сикибу-кун дзисэкико (Воспоминания о деле Такэути Сикибу)).

9 Ямагата Дайни (Сётэй) проповедовал синтоизм и конфуцианство старой школы, читал в Эдо лекции о конфуцианских военных трактатах и имел многих последователей. Его учение, судя по сочинению «Рюси Синрон» (1759), было по своей сути учением о феодальном долге, пытавшимся обобщить путаное понятие о верноподданническом долге с не менее путаным понятием о лояльности. Однако в его учении, особенно там, где прямо критикуется существующее положение, была довольно ярко выражена политическая струя.

Дело против Ямагата возникло на основании секретного доноса во время внутренней борьбы в княжестве вокруг Иосида Гэмбан (канцлера княжества Обата в провинции Кодзукэ), находившегося в дружеских отношениях с Дайни. Дайни и его товарищ Фудзии Умон были схвачены и присуждены к смерти. Прежде Умон был на службе в доме отонэри (начальника лейб-гвардии) Ясономия, но бежал в связи с делом Такэути Сикибу и жил у Дайни. Есть сведения, что он был сторонником решительных действий и разработал план нападения на Эдо и наступления на город Кофу. На их деятельность большое влияние оказала напряженность положения, создавшаяся в связи с подъемом в то время крестьянского

движения. В смертном приговоре Дайни говорилось о том, что их «планы военного мятежа были выработаны на основе чтения старинных книг, а уже позже на них оказали влияние беспорядки крестьян в районе Дзёсю» [провинция Кодзукэ. — *Ред.*] (Найто Дэньуэмон, Ямагата Дайни дзикки (Жизнеописание Ямагата Дайни).

Но недовольство и Дайни и Умон, отражавших в военных науках взгляды, характерные для ронинов, было ограниченным. В самом приговоре говорилось, что «хотя факта мятежа не было, имело место оскорбление величества [речь идет о сёгуне. — *Ред.*] и крайняя дерзость», то есть осуждались лишь их словесные выпады против властей.

¹⁰ Беря за основу учение о феодальном долге, изложенное в «Истории великой Японии», издание которой в княжестве Мито продолжалось более двухсот лет, деятельность школы Мито можно подразделить на два периода: ранний и позднейший. Ранний период — это период второго князя Мито — Токугава Мицзукуни. Следующие сочинения относятся к этому периоду: «Тогэн идзи» («О жизни Токугава Мицзукуни»); Асака Тампаку, Дайни-хон-си ронсай, Курияма Сэмпо, Хокэн Дайки (1687), Миякэ Канран, Тюко Кангэн. Позднейший период — это период, относящийся примерно к правлению девятого князя — Нариакира. К этому времени относится появление следующих сочинений: Фудзита Юоку, Сэймэйрон (1791); Фудзита Токо (сын Фудзита Юоку), Кайтэн Сиси (1844), Дзёрикутай (1845) и Кодокан кидзюцуги; Айдзава Сёсисай, Снрон.

В школе Мито зародилось то течение за почитание императора и изгнание варваров, которое окончательно оформилось в период Бакумацу.

¹¹ В известном докладе «Босин ходзи» (1839) Нариакира предлагал двенадцатому сёгуну Изёси реформу всего управления бакуфу, указывая на то, что важнейшими из внутренних затруднений являются восстания бедствующего народа и слабость военной подготовки в стране. Он говорил: «В священных текстах сказано, что когда люди, стоящие наверху, имеют достаточно продовольствия и войск и помогают низам в их затруднениях, то и низы выражают им благодарность и преданность, не восстают против них, и, таким образом, долго сохраняется общее спокойствие. Но когда в черный год крестьянам остается лишь умирать голодной смертью, когда ослабляют вооружение, допускают, чтобы самуран и народ обленились и захирели, нет ничего удивительного, что в последнее время возникли крестьянские мятежи в Савсю [провинция Микава. — *Ред.*] и Косю [провинция Каи. — *Ред.*], затем серьезный бунт в Осака и одновременно с ним крестьянское восстание на острове Садо; все это в конечном счете происходит потому, что в низах выросла ненависть к верхам, исчез страх перед ними».

Нариакира особо отмечал восстание Осио и восстание в провинции Каи как показатели растущего возбуждения и сопротивления народных низов, пугавшие его своим огромным размахом. В январе 1838 года, сразу после восстания Осио, он писал властям княжества:

«Согласно совершенно секретным сообщениям, полученным прошлой зимой от генерального полицейского инспектора (омэцукэ),

в провинции Каи, Осака и других местах еще и теперь идут аресты, карательные операции не закончены, и даже омэцукэ поражен этим. Как показало расследование, число приверженцев Осю превышает 80 тысяч человек, и ничего нельзя поделать с ними; положение такое, что если еще раз случится неурожай или что-нибудь подобное, то сразу могут возникнуть крупные события...»

Немного ранее, в 1834 году, Нариакира в письме к родзю Окубо-Талахино советовал привести в порядок гробницу императора Дзимму. «Мы видим, — доказывал он, — что более 200 лет продолжается общее спокойствие и никто, к счастью, не замыслил беспорядков. Однако и в мирное время нельзя забывать о возможности смуты, надо заглядывать в будущее далеко вперед. Два момента беспокоят нас: внешняя опасность и внутренние трудности. Внешнюю опасность создают варвары, и я пока не буду касаться этого вопроса. Что же касается внутренних трудностей, то их создают две категории людей: князя и бродячий люд. И те и другие прикрываются в своих действиях ссылкой на авторитет Киото. Хотя Киото никогда и не пойдет навстречу замыслам каких бы то ни было злодеев, тем не менее нынешний момент особенный, и поэтому если бакуфу проявит заботу о почитаемой гробнице великого основателя [императора Дзимму. — *Ред.*], то это сделает положение бакуфу еще более непоколебимым и не повредит благополучию сёгуна».

Опасения использования императорского дома «группой заговорщиков» были не напрасны. Во время вооруженного выступления Осю в воззвании призывал вернуться к образу правления императора Дзимму. Недаром Нариакира снова в 1842 году, касаясь своего прежнего предложения о приведении в порядок гробницы, писал родзю Мидзуно Тадакуни: «Не хвалюсь своим предвидением, но все же хочу заметить, что сразу же после вышеупомянутого моего предложения осакский злодей [имеется в виду Осю. — *Ред.*] действительно в своих мятежных обращениях писал о делах, касающихся Киото. Если бы паче чаяния этот злодей замыслил восстановление гробницы, то это было бы еще более грозным. Дабы не случилось этого, надо поддерживать великий дух блестящего века [легендарного периода правления Дзимму. — *Ред.*].»

Нариакира гордился ясностью своего предвидения и считал необходимым, чтобы бакуфу проявляло еще большую осторожность по отношению к императорскому дому. Он утверждал, что как раз проявление со стороны бакуфу искренности в почитании императора приведет к подрыву «несбыточных надежд» князей, бродячего люда и иностранных варваров (он боялся, как бы иностранцы, используя как предлог почитание сёгунатом императорского дома и бедственные условия существования народных низов, не выступили бы с каким-либо предложением о помощи; правительство бакуфу было бы поставлено этим предложением в тупик), заблаговременно предупредит взрыв надвигающейся внутренней войны, и, таким образом, все это явится первым шагом к укреплению основы существования бакуфу.

Здесь Нариакира отделяет свою позицию по вопросу о гробнице от позиции так называемых «косицу-ка» [лиц, выдвигающих принцип главенства императорского дома. — *Ред.*]. Он лишь провозглашает необходимость порядка, основанного на феодальной морали вассальной верности сюзерену — «Тю».

«Как известно, — заявлял он, — всюду жалуются на захирение Киото, особенно те, кто называет себя сторонниками императорского дома. По моему мнению, необходимо всем, начиная с сёгуна, почитать Киото и рассматривать его как некий принцип единства всей страны. Однако прежде всего в соответствии с сословным положением каждого самурая и народ должны почитать своего князя, князя — сёгуна и тот уже — императора. Если пренебречь этими сословными отношениями, то народ может начать смуту, не обещающую ничего хорошего. Это я ежедневно всем повторяю» («Мито-хан сирё» («Исторические материалы княжества Мито»)).

Можно думать, конечно, что подобное заявление было вызвано политическими соображениями, поскольку Нариакира адресовал свое предложение правительству бакуфу. На самом деле оно соответствовало его убеждениям, и это подтверждает Фудзита Токо в «Кодокан кидзюцуги», где цитируется «Кокуси хэн», собственноручно написанный Нариакира, а также Фудзита Юококу в «Сэй-мэйрон» и Айдзава Сёсисай в «Синрон».

Антиправительственная направленность в идеях Нариакира появляется после 1857 года, когда его политическое положение, после того как бакуфу отвергло его предложения, стало крайне затруднительным. Но его недовольство было направлено не против самого строя бакуфу, а против членов правительства бакуфу. Это можно ясно видеть и из того, что в воззвании в связи с убийством тайро Ии Наосукэ ронинами из княжества Мито в 1860 году и в воззвании в связи с вооруженным выступлением Фудзита Сёсиро в Цукуба в 1864 году — в обоих случаях восхвалялись стремления Тосёгу (Токугава Иэясу) к почитанию императора и изгнанию варваров, подчеркивалось, что смысл существования бакуфу заключается в почитании императора и изгнании варваров и что цель вооруженного выступления ограничивалась «убийством негодяя» (Ии Наосукэ).

¹² В 1843 году на вопрос Мацудайра Иосинага, князя Этидзэн, о том, «как понимать жалость по отношению к крестьянам и горожанам», Нариакира говорил:

«Главе княжества и его подчиненным, разумеется, надо проявлять жалость к страдающим крестьянам, чтобы поддержать их жизнь; не следует выжимать из них последние соки. Однако если слишком облегчить жизнь народа, то трудно будет прокормить хорошего самурая; поэтому надо обязательно собирать подать согласно установленным законам. Крестьянин темен, и если раз оказать ему временное благодеяние, эта милость может испортить его и ничего, кроме вреда в будущем, не принесет».

Мацудайра, который не мог не знать о несовместимых противоречиях между народом и самураями, искренне полагал, что «народ является основой страны» и что «любовь к народу — главное». Однако одновременно он считал, что не нужно давать крестьянам образование, так как «наука и грамота... станут препятствием земледелию», в то время как им необходимо лишь «без корысти и алчности трудиться на земле, выполнять свой долг по воспитанию детей и, подчиняясь установленным обычаям, не задерживать уплату подати» (письмо, адресованное уездным бугё в 1830 году, и письмо от 1834 года на имя сельского старосты Катиробэй).

Следовательно, вся «любовь» Мацудайра к народу заключалась в том, чтобы «обласкать» народ, потому что он кормит саму-

раев. Это было типичным милосердием деспотических правителей. Поэтому, натолкнувшись на сопротивление народных визов, не понявших этой «высокой милости» и «не страшившихся высших», его «любовь к народу» сразу превратилась в подозрительность и ненависть к этим «мятежникам».

¹³ Неверие в народные массы, взгляд на простой народ как на чернь и признание ответственности за защиту независимости государства только за самураями, сознающими свой вассальный долг, были специфической чертой доктрины почитания императора и изгнания варваров. Фудзита Юоку в письме на имя Нагакубо Акамидзу (1797) опровергал его мысль о том, что при изгнании варваров надо применять тактику «чистого поля» (партизанская война с тактикой «выжженной земли»).

«Хотя Вы совершенно правильно считаете, — писал Юоку, — что тактика в отношении заморских стран должна строиться на том, чтобы завлечь противника на сушу и бить его там, изматывая его силы в том числе и путем опустошения местности, однако способ войны, который Вы намечаете, не отвечает настоящему положению в стране, ибо потеряно внутреннее единство между четырьмя сословиями, что может привести к разброду. Если рыжеволосые [иностранцы. — Т. С.] используют это в своих целях, увлекая чернь христианской ересью и соблазняя ее искусными словами и подачками, то не только страдающая от голода и холода чернь, но и люди, способные забыть свой долг ради выгоды, пожалуй, могут перед лицом врага повернуть оружие» (Фудзита Юоку, Собрание сочинений).

Это, конечно, плод больной фантазии Юоку, особенно когда он говорит, что в трудный для государства момент народные массы могут повернуть копьё против родины. В его письме можно прочесть о безграничном пренебрежении к народу. См. также статью Тояма Сигэки «Мито-гаку но сэйкаку» («Характер школы Мито»), помещенную в сборнике под редакцией Накамура Такая «Сэйкацу то сисо» («Жизнь и идеи»).

¹⁴ Требования японской классической школы об очищении (обновлении) конфуцианской литературной школы можно найти в сочинениях Хани Горо «Кокугаку-но тандзё» («Зарождение японской классической школы») и Хани Горо «Кокугаку но гэнкай» («Сфера японской классической школы»), помещенных в «Нихон ни окэру киндай сисо но дзэнтэй». Идейная структура классической японской школы, представляющей синтез критических литературных и некритических политических взглядов, а также ее аполитический характер, вытекающий из обстоятельств ее возникновения, разобраны в превосходном труде Маруяма Масао «Кинсэй нихон сэйдзи сисо ни окэру сидзэн то сакуи» («Естественное и искусственное в японской политической мысли нового времени»), журнал «Кокка гаккай дзасси», т. 56, № 5, и в сочинении Сайго Нобуцуна «Кокугаку но хихан» («Критика классической японской школы»).

¹⁵ О формах классической японской литературы, проникших в период Бакумацу в слон простого народа, см. сочинения Ито Тасабуру «Сомо но кокугаку» («Простонародная классическая японская школа»); сельского старосты деревни Кумадзака уезда Кимисава провинции Идзу Такэмура Сигэо «Митимори но си-

руси»; сельского старосты деревни Мацудзава уезда Катори в провинции Симоса Мияои Садао «Минка ёдаюцу» и крестьянина из деревни Минами-Хатори уезда Уэо, провинции Симоса Судзук Масазюки «Минсэй ёрон».

Полезно также прочесть повесть Симадзаки Тосон «Ёакэ маэ» («Перед рассветом»), главный герой которой Симадзаки Масаки (в романе он назван Аояма Хандзо) был первым поселенцем в деревне, затем помещиком — владельцем нескольких крестьян, деревенским старостой, а также смотрителем почтовой станции.

Кроме того, см. статью Тояма Сигэки «Сонно дзёи сисо то на-сёнаридзуму» («Идеи почитания императора и изгнания варваров и национализм»), помещенную в книге «Сондзё сисо то дзёттай-сюги» («Идеи почитания императора и изгнания варваров и абсолютизм»).

3. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

В 1853 году, когда в Японию прибыл американский посол Перри с требованием открыть страну, во главе бакуфу стоял родзю Абэ Масахирос¹.

Чтобы смягчить противоречия среди феодальных правителей, постепенно начавшие возникать в связи с вопросом о внешних сношениях, Абэ назначил для руководства внешней политикой самых способных чиновников бакуфу², начал проводить политику соглашения со всеми общественными силами страны — политику заплат, — стремясь добиться единства всей страны, выдвигая на первый план проведение мероприятий во внешних отношениях и укрепление обороноспособности. Он вопреки обычным правилам советовался по вопросам внешней политики с князьями и другими авторитетными лицами, а также докладывал императорскому двору о положении в стране, складывавшемся в связи с прибытием иностранных кораблей³. Затем он обратился к Токугава Нариакира, бывшему князем Мито, принадлежавшему к одному из трех главных домов рода Токугава, и предложил ему пост советника бакуфу. В то время Нариакира, державший твердую линию на изгнание варваров, а также предлагавший реформу бакуфу и усиление военных приготовлений, считался «блуждающей звездой» в политическом мире. Абэ установил тесные связи с Мацудайра Иосинага, князем Этидзэн, представителем крупнейших князей в ранге дайрокадзумэ, с центральными фигурами из среды владетельных даймё-тодзама в ранге охиромадзумэ и персонально с главой княжества Сацума Симадзу Нариаки⁴.

Поскольку у Абэ не было полной уверенности в том, что осуществляемая им политика диктатуры правительства бакуфу стабилизирует положение в стране, его политика строилась на укреплении связей между всеми феодалами, использовании авторитета императора; таким образом предполагалось укрепить фундамент власти бакуфу. Здесь уже ясно обнаруживается курс на переход к сотрудничеству двора и сёгуна («кобу гаттай») и к созданию совета сильнейших княжеств. В создавшемся положении этот курс поддерживали все феодальные правители⁵. И не случайно, что в начале произошло смягчение отношений между бакуфу, с одной стороны, и двором и сильнейшими княжествами — с другой, и был достигнут некоторый прогресс в деле разрешения важнейших вопросов внешней политики, стоявших перед страной. Однако это вскоре же привело к вмешательству кугэ в политику, к выдвижению сильнейших княжеств в центр политической жизни, положило начало спорам в среде самурайства и тем самым стало причиной нового обострения политической борьбы в стране в период Бакумацу. Борьба развернулась потому, что внутреннее и внешнее положение в Японии было уже настолько обострено, что феодальные правители оказались неспособными управлять страной прежними методами, основанными на законах предков и неуклонном соблюдении устаревших рангов и древних обычаев. Политика консультаций с различными феодальными кругами, когда общественное мнение страны определялось такого рода «общественным обсуждением», говорила о неспособности руководящих деятелей бакуфу, княжеств и двора управлять страной. С этого времени впервые возникла практика обращаться за советом к некоторым способным вассалам и другим подданным и только после этого принимать окончательное решение⁶.

Быстро начала нарастать и критика феодально-деспотического правления, клановой системы со стороны низших слоев господствующего класса феодального общества.

После смерти Абэ Масахиросы (1857) его политика поисков соглашения потерпела крах. Еще до его смерти родню стал Хотта Масаёси, князь Сакура, выдвинутый силами фудай-даймё в ранге тамаримадзумэ; ему было поручено ведение внешних сношений, и с тех пор бакуфу

в вопросе открытия страны стало проводить более активную политику.

Масаёси проявлял большой интерес к европейским книгам и даже получил прозвище «голландившегося». Стоявшие за ним тамаримадзумэ были противниками войны и выступали против линии Нариакира, настаивавшего на войне; в этом вопросе они сходились во мнениях с дипломатическими руководителями бакуфу, прежде всего с Ии Наосукэ, князем Хиконэ. С упреками в мягкости позиции бакуфу выступали госанкэ*, возглавляемые Токугава Нариакира, а также князья в ранге дайрокадзумэ и князья тодзама в ранге охиромадзумэ, которых представлял Мацудайра Иосинага. Расхождения между обеими группами постепенно росли. Все даймё — единомышленники одинакового ранга, собираясь вместе, определяли свою точку зрения, представляли родню коллективные письма или же докладывали о своем мнении через своих представителей — таким образом открыто проявлялась групповая борьба среди даймё.

Правительство продолжало политику открытия страны, но на самом деле позиция бакуфу в отношении «изгнания варваров» несколько не отличалась от взглядов других феодальных правителей. Разница была лишь в том, что, прекрасно представляя действительное крайне тяжелое финансовое положение и слабость обороны Японии, оно рассчитывало, всячески избегая опасности войны в данное время, усовершенствовать вооружение и тогда снова восстановить изоляцию страны⁷.

Под давлением держав правительство бакуфу шаг за шагом отступало, переходя от заключения договоров о дружбе к заключению торговых договоров. Заключая договоры о дружбе, правительство успокаивало себя мыслями о том, что снабжение иностранных судов по договоренности топливом и водой — это-де милость в отношении иностранцев, а не торговые отношения; при заключении торговых договоров оно утешало себя тем, что выгоды от торговли в открытых портах не попадут в руки торговцев, ибо, сумев ограничить число открытых портов и сохранив контроль над внешней торговлей, оно рассчитывало таким путем преодолеть многолетнее оскудение финансов бакуфу и княжеств⁸.

* Госанкэ — княжеские дома Овари, Кии и Мито, основанные тремя сыновьями первого сёгуна — Токугава Иэясу. — *Прим. ред.*

Нариакира, напротив, утверждал, что в самой основе государственной политики должна лежать твердая решимость изгнать варваров и, следовательно, необходим курс на войну; что, указав стране такой курс, надо поднять упавший воинский дух, усилить вооружения и, используя напряженность, сплотить народ, неприязненно настроенный по отношению к правительству.

Но и Нариакира, с тех пор как столкнулся с политикой бакуфу, стал понимать, насколько было бы трудно немедленно начать войну⁹.

Однако, сознавая глубину кризиса феодального господства, он искал выход в сохранении напряженности во внешних отношениях. Признавая, что надо вести «мирную» политику оттягивания по мере возможности открытия страны и избегать вооруженного столкновения при помощи дипломатических переговоров, он настаивал на том, чтобы представители бакуфу скрывали от народа необходимость дипломатических переговоров и провозглашали курс на войну и изгнание варваров (по принципу: внутри — война, а вне — мир)¹⁰.

Разумеется, непосредственно ответственные за дипломатию члены правительства бакуфу, которые сознавали необходимость избегать войны, не могли принять эту крайне опасную политику. В такой позиции правительства Нариакира и его сторонники видели трусливое подчинение давлению иностранных держав и считали это «приспособленчеством», отвергающим политические реформы ради одного дня спокойствия.

Можно сказать, что в то время течение за открытие страны, поддерживаемое не только правительством бакуфу, но и князьями и другими авторитетными лицами, по существу, не слишком отличалось от течения за ее изоляцию¹¹. В течении за открытие страны ясное понимание основных международных тенденций чередовалось с консервативной идеей о поддержании существующего положения и оттягивании открытия страны, становившегося все более неизбежным. С другой стороны, в движении за изгнание варваров реакционные взгляды на иностранцев как на «зверей» сочетались с идеей выхода из существующего положения путем проведения политических реформ, которые дали бы возможность осуществить изгнание варваров. Таким образом,

противоречие между открытием страны и продолжением изоляции стало крайне сложным и путаным.

К тому же расширение вооружений и подъем боевого духа, к чему призывал Нариакира, нелегко было осуществить из-за глубоко зашедшего процесса разложения феодальной системы. Что можно было делать с истощенными финансами? Разве можно было изготавливать ружья, пушки и строить корабли при общественной организации, основанной на ремесленном производстве и раздробленности княжеств? ¹² Разве при бедственных условиях жизни самураев можно было рассчитывать на восстановление у них феодальной морали?

Нариакира терзался. По мере того как действительность показывала несостоятельность его политических планов, в нем росло недовольство тем, что правительство бакуфу не разделяет его взглядов; в отчаянии он все более склонялся к пропаганде безответственной идеи изгнания варваров и наконец, отвернувшись от бакуфу, стал пытаться «воздействовать на Киото», на императорский совет.

Кугэ, ранее стоявшие вне политики, теперь, после того как Абэ Масахиро официально ввел в практику доклады императору о внешней политике Японии, накапливали постепенно политический опыт и сменили первоначальную пассивную позицию на активную. Не имея сложившихся политических взглядов, кугэ являлись либо сторонниками бакуфу, либо просто выступали за «изгнание варваров» ¹³; вторая группа кугэ постепенно стала критически относиться к бакуфу, неспособному осуществить изгнание иностранцев ¹⁴.

Эта тенденция усиливалась тем, что к подобным взглядам примкнули княжества из группы сторонников изгнания варваров (Мито и другие), а также ронины. Упования кугэ, вспоминая о старом монархическом правлении и желавших вновь вернуться к власти, и стремление сил антиправительственной группировки оказывать свое влияние на политику бакуфу, используя авторитет императора, переплелись в специфической дворцовой политике заговоров и коррупции ¹⁵. Киото становился базой движения за почитание императора и изгнание варваров.

К 1858 году противоречия среди феодальных правителей вокруг вопроса о внешних отношениях вылились

в борьбу между даймё за гегемонию в правительстве бакуфу; группировки соперничали между собой за привлечение императорского двора на свою сторону. В результате влияние кугэ на политику резко возросло.

Ведущую роль в политической жизни страны в период, когда у власти стоял Абэ Масахиро, стали играть, воспользовавшись его «мягкой» политикой, крупные княжества камон* тодзама. Этим княжествам противостояли фудай-даймё, возглавляемые Ии Наосукэ, князем Хиконэ, которые после смерти Абэ стремились вернуть свое прежнее влияние на политику. В то время как крупные княжества камон и тодзама старались обуздать деспотизм правительства бакуфу посредством системы совета княжеств, их противники (фудай-даймё), ранее оказывавшие значительное влияние на политику, взяли реакционный курс на усиление диктатуры бакуфу.

Толчком к открытой борьбе этих двух сил послужил вопрос о преемнике дряхлого и беспомощного сёгуна Иэсада.

Таким образом, центр тяжести политической борьбы стал перемещаться от внешних вопросов к внутренним. Группа сторонников реформ (опорой которых были княжества Тикудзэн и Сацума), стремившаяся ограничить диктатуру правительства бакуфу, хотя в ней самой и существовало расхождение в мнениях по вопросу открытия или изоляции страны, действовала как единое целое в деле поддержки Хитоцубаси Иосинобу (седьмой сын Токугава Нариакира), у которого в то время была репутация «просвещенного правителя»; консервативная группа, стремившаяся защитить традиционный авторитет сёгуна, сплотилась для поддержки Токугава Иоситоми, князя провинции Кии (впоследствии названного Иэмоти), который был близок по крови тогдашнему сёгуну.

В тот момент Ии Наосукэ неожиданно был назначен тайро¹⁶. По собственному усмотрению он решил поддерживать князя провинции Кии; кроме того, под давлением настойчивых требований американского посланника Гарриса, использовавшего для шантажа известие о наступлении на Пекин англо-французской объединенной армии,

* Титул, присваивавшийся князьям, находившимся в родстве с домом Токугава. — *Прим. ред.*

он подписал японо-американский торговый договор, даже не дождавшись высочайшего утверждения. Вот тут-то группа сторонников реформ, потерпевшая поражение в вопросе о преемнике сёгуна, и использовала как предлог для нападения на Ии обвинение его в нарушении прерогатив императора при подписании договора.

Теперь центр тяжести политической борьбы сразу от абстрактных споров в духе учения о феодальном долге, об открытии или изоляции страны переместился прямо к внутреннему вопросу: власть коалиции сильнейших княжеств или же диктаторская власть сёгуна. Но опять-таки в конечном счете внешне это вылилось в форму идейных противоречий: или почитание императора и изгнание варваров, или помощь сёгуну и открытие страны; и вопрос о центре тяжести в политике остался столь же запутанным, как и прежде.

Развитие политической борьбы охватило не только все господствующие слои феодального общества, но и проникло вглубь, захватило низшие слои. В ходе борьбы среди даймё в центр политической жизни страны выдвинулись способные низшие самураи княжеств и ронины, зависимые от отдельных даймё. Установилась даже определенная связь в масштабе всей страны между ронинами, стоявшими на различных платформах (начиная от сторонников почитания императора и изгнания варваров и вплоть до сторонников реформы управления бакуфу путем поддержки Хитоцубаси). Затем, с развитием этой тенденции, начали коллективно действовать низшие кугэ из группы сторонников почитания императора и изгнания варваров, противостоявшие высшим кугэ, сторонникам поддержки бакуфу¹⁷.

Распознав в этом серьезную опасность для власти бакуфу, тайро Ии прибег к решительным репрессивным действиям. Он удалил «на покой» даймё и кугэ из группы противников бакуфу, уволил многих талантливых чиновников и беспощадно расправлялся с «патриотами». Эти события стали известны как «массовые аресты годов Ансэй»¹⁸.

Однако репрессии привели к тому, что различные противоречия внутри феодального господствующего класса вылились в одно большое противоречие между сторонниками и противниками правительства бакуфу. Недовольство и возмущение феодально-деспотическим

господством Токугава свелось к стремлению «путем убийства» свергнуть «мятежного разбойника» Ии. Насколько обострились формы движения, настолько его содержание сузилось, а значение уменьшилось¹⁹.

После того как в 1860 году экстремистская группа сторонников почитания императора и изгнания варваров, центром которой были ронины из Мито, совершила убийство Ии за воротами Сакурада, правительство бакуфу, возглавляемое родзю Андо Нобуюки (Нобумаса) вновь стало проводить примирительную политику сотрудничества императорского двора и сёгуна. Однако оно уже не смогло выправить положение и было смыто бурным движением за почитание императора и изгнание варваров. В это время в политическом мире восторжествовало учение о феодальном долге, утратившее способность спокойно и разумно оценивать международное и внутреннее положение. Так объективно прогрессивное движение за почитание императора и изгнание варваров, направленное против власти бакуфу, было поддержано и усилено реакционной идеологией. В этом заключались противоречивость и слабость этого движения.

В описываемый период открытие портов начало уже влиять на всю жизнь страны. В 1860—1863 годы — период грандиозного размаха движения за почитание императора и изгнание варваров — внешняя торговля вопреки различным внутриполитическим препятствиям (покушения на иностранцев, запугивание японских купцов), бурно развиваясь²⁰, начала наносить смертельные удары по разваливающейся феодальной экономике. Вот почему ограничение или прекращение внешней торговли, а также изгнание варваров стали действительно необходимы феодальным правителям для поддержания того экономического фундамента, который являлся основой их собственных привилегий.

В самом деле, разрушающее действие внешней торговли прежде всего сказалось на повышении цен на товары первой необходимости, ставшие предметом экспорта²¹, и это легло тяжелым бременем на городскую бедноту и крестьян. В связи с этим у сторонников движения за изгнание варваров возникли иллюзии, будто теперь, наконец, можно будет завоевать себе общенародную поддержку. Они начали широкую пропаганду своих взглядов о том, что тяжелое положение народа

является последствием агрессии иностранных варваров, результатом вреда, причиняемого стране внешней торговлей²². Эта агитация оказала сильное воздействие на низшее самурайство, страдавшее от повышения цен, но не имела заметного влияния на народные массы²³ и даже вопреки ожиданиям не увлекла молодежь. Народные массы не восприняли феодально-религиозного учения о феодальном долге, но вместе с тем были еще далеки от национального самосознания.

Такое безразличие народных масс к вторжению иностранцев вызвало у сторонников изгнания варваров лишь представление о народе как о «черни» и о «предателях-купцах», еоблазненных злодейскими планами иностранных варваров привлечь их выгодами от внешней торговли и сразу же забывших о своем долге. Таким образом, движение за изгнание варваров принимало все более экстремистский характер, оставаясь чисто феодальным проявлением самосознания господствующих слоев феодального общества в их противопоставлении себя за границе.

Во внешней торговле Японии продолжалось превышение экспорта над импортом. Увеличение спроса, вызванное вывозом шелка-сырца, чая, различных полуфабрикатов и продовольствия, разрушало натуральное хозяйство деревни, производящей эти товары, и поворачивало ее к товарному хозяйству. Одновременно рост спроса на товары, идущие на экспорт, и повышение их качества сильно ускоряли развитие промышленности, появление мануфактур, а также новых форм капиталистической работы на дому²⁴.

Ускорилося разложение крестьянства: резко выделяются помещики и разбогатевшие крестьяне, а также тесно связанные с ними торговцы и ростовщики — с одной стороны, и самостоятельные крестьяне и арендаторы — с другой. Росли и углублялись противоречия между этими двумя группами, усиливалось господство в деревне помещиков и ростовщиков; развитие в деревне шло в направлении установления новых капиталистических отношений²⁵.

Так как внутренняя экономика Японии начала приспособляться к открытию страны, то зарождавшийся национальный капитал не всегда придерживался шовинистических позиций. В то время в Японии почти не

наблюдалось подъема крестьянского движения. В этом заключалась экономическая причина того, что движение за изгнание варваров не смогло пустить корни ни в городе, ни в деревне. Руководящую роль в движении за почитание императора и изгнание варваров играли уже не главы княжеств, а низшее самурайство и ронины, которые применением крайних средств придали борьбе острый характер. Террористические действия, вначале проводившиеся против проживавших в Японии иностранцев, теперь были направлены главным образом против полицейских чиновников бакуфу и вассалов кугэ — сторонников бакуфу. Угрожая своим противникам «небесными карами», сторонники этого движения добились превращения императорского совета в свое послушное орудие. Господствовавшее ранее в Киото влияние бакуфу было вытеснено.

Воспользовавшись этим моментом, три княжества: Сацума, Тёсю и Тоса, добились усиления своего влияния и ввели в Киото свои войска. Хисамицу, отец сацумского князя Симадзу Тадаёси, фактически управлявший княжеством с помощью экстремистской группы «патриотов» (гэкиха-юси) — сторонников почитания императора и изгнания варваров, получил императорский указ о реформе управления бакуфу и, сопровождая императорского посланца Охара Сигэтоми, выехал в Эдо. Правительство бакуфу, получив императорский указ, назначило Хитоцубаси Кэйки опекуном сёгуна, а Мацудайра Иосинага ответственным за политические дела и приступило к всесторонним реформам управления бакуфу²⁶. Сильнейшие княжества возлагали надежды на реформы еще тогда, когда вставал вопрос о преемнике сёгуна. Установлением правления Кэйки — Иосинага были созданы предпосылки для сотрудничества императорского двора и сёгуна, для создания совета сильнейших княжеств.

Однако события уже переросли эту ступень. Размах движения за почитание императора и изгнание варваров смешал планы князей сильнейших княжеств; масштабы перестройки правительства бакуфу уже не удовлетворяли сторонников движения. Положение в Киото по возвращении туда Хисамицу, находившегося в неподнятом настроении после выполнения своей миссии,

было вопреки его ожиданию напряженным²⁷. Разочарованный Хисамицу вынужден был возвратиться домой, а его сменили князья из Тоса и Тёсю, к которым экстремистская группа «патриотов» обратилась за поддержкой.

Так, не прошло и полугода после поездки в Эдо Хисамицу с первым императорским посланием, как туда же были направлены с новым императорским повелением, настойчиво требовавшим изгнания варваров, два новых посла от императора — Сандзё Санэтоми и Анэнокодзи Кинтомо, — которых активно поддерживали князь Тоса — Яманоути Тоёнори — и наследник княжества Тёсю — Мори Мотонори (Садахиро, Хирокапэ). Главы сильнейших княжеств уже в это время ввели в систему регулярный проезд в Киото, где получали императорские повеления содействовать государственным делам; Киото теперь стал политическим центром, противостоящим Эдо.

К началу 1863 года движение за почитание императора и изгнание варваров и по идеологической глубине, и по размаху достигло своего апогея. Скрытым механизмом, действующим за спиной приезжавших и уезжавших из Киото глав сильнейших княжеств, были экстремисты, которые стремились превратить всемогущих даймё в свое орудие. Однако добиться этого им не удалось, так как основой политического влияния низшего самурайства и ронинов в конечном счете была сила княжества. Они могли действовать по своему усмотрению, иногда даже выходить из-под контроля главы княжества, но лишь постольку, поскольку они пользовались его поддержкой, и лишь тогда, когда он сквозь пальцы смотрел на это. Но, лишь однажды вызвав его гнев, они отзывались в княжество и не могли избежать заключения в тюрьму или «милостивого приказа, дарующего смерть». В этом отношении показательна судьба Такэдзи Суйдзан (Хампэйта), возглавлявшего сторонников почитания императора и изгнания варваров в княжестве Тоса²⁸.

Экстремисты стремились, сломав барьеры, разделявшие княжества, образовать объединенную политическую организацию. Во время встречи представителей «патриотов» разных княжеств был специально составлен план движения²⁹. Однако, когда оставалось сделать еще только один шаг, они не смогли осуществить

объединение. Между «патриотами», в том числе между «патриотами» Сацума, Тёсю и Тоса, по-прежнему существовали глубокие противоречия, и это затрудняло дальнейшее расширение и развитие движения. Существовал барьер, который не могли преодолеть ни почитающий императора самурай, ни преданный вассал князя, ни добивавшийся изгнания варваров «патриот», стоявший на позициях учения о феодальном долге.

В императорском совете тон задавали молодые низшие кугэ в рангах кокудзи-сансэй и кокудзи-ёриудо, связанные с экстремистами³⁰. Экстремисты и эти кугэ ради осуществления своих целей шли даже на изменение уже изданных императорских указов³¹. Но теория почитания императора, в основе которой лежало старое учение о феодальном долге, утверждавшее, что личная воля императора является законом и ему нужно безусловно повиноваться, уже достигла ступени, когда нужно было перешагнуть ее. Этого не произошло потому, что высший феодальный долг, необходимостью выполнения которого экстремистская группа оправдывала свои стремления к захвату власти, по-прежнему понимался ею как выполнение императорской воли об изгнании иностранцев, то есть опять-таки как почитание императора, не больше.

Нельзя сказать, чтобы в это время, когда даже сторонники почитания императора и изгнания варваров стали более или менее представлять себе международное положение и в том числе военную силу держав, они серьезно верили в возможность изгнания варваров. Они, прикрываясь авторитетом императорского указа и в расчете на консерватизм кугэ, требовали от бакуфу быстрого проведения изгнания варваров лишь для того, чтобы поставить его в затруднительное положение, а свой престиж поддержать. Прежнее почитание императора ради изгнания варваров теперь превращалось в изгнание варваров ради почитания императора и оппозиции бакуфу. Хотя идея изгнания варваров в чистом ее виде должна была бы быть выброшена, на деле получилось не так: чем более нереальной становилась эта идея, тем сильнее она, как догма о феодальном долге, воздействовала на политическое положение.

Эта противоречивость движения за почитание императора и изгнание варваров могла быть преодолена

лишь при условии, если бы движение, являвшееся движением низшего самурайства, разломав сковывавшие рамки, установило связь с народными массами. Действительно, среди части экстремистской группы выдвинулось течение, которое выдвинуло идеал «успокоения народа и обновления политики», критиковало чиновников бакуфу, денежных менял, ростовщиков и торговцев рисом за их несправедливость и нечестность и угрожало им «небесной карой»; представители его требовали оказания помощи народным массам и добивались снижения цен на рис. Но так как такая новая тенденция, не будучи логическим развитием движения за почитание императора и изгнание варваров, была лишь продуктом обострения практической борьбы, то ее последователи, рассматривавшиеся как «неискренние сторонники служения монарху»³², вскоре потонули в основном течении экстремистской группы.

Так, непосредственной целью движения за почитание императора и изгнание варваров в период его апогея стал убогий лозунг похода императора для изгнания варваров, соответствовавший основному духу учения о феодальном долге. Самое большее, на что были способны феодалы в своем стремлении противостоять требованиям международного промышленного капитала, — это лишь грезить об изгнании варваров и о примитивной реставрации монархии; они не представляли перспективы Мэйдзи исин как установления абсолютизма.

Крайняя бедность созидательных планов — критика бессилия бакуфу, не способного осуществить изгнание варваров, и одновременно отсутствие ясного представления о будущем политическом строе — являлась отличительной особенностью политических идей «патриотов» того времени³³.

Таким образом, движение за почитание императора и изгнание варваров вследствие всей его противоречивости несло прямое к экстремизму и в результате развалилось, натолкнувшись на непреодолимые препятствия.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 3 ГЛАВЫ II

¹ Абэ Масахиро был владельцем замка Фукуяма в провинции Бинго. В 1843 году 25-летний Абэ занял пост родзю; ему, обладавшему обходительным характером и дипломатическими качествами,

было поручено ведение внешней политики. На этом поприще он показал себя способным дипломатом. О политическом положении в этот период и о биографии Абэ Масахиро см. сочинения Хамано Сёкити «Кайкю кидзи — Абэ Исэ-но-ками дзисэки» («Воспоминания о прошлом — История Абэ Исэ-но-ками») и Ваганабэ Сёдзиро «Абэ Масахиро дзисэки» («Деяния Абэ Масахиро»). Большую ценность для изучения закулисной стороны дипломатии Абэ представляет дневник Эноки Гакусуй, его заслуженного вассала, и другие исторические материалы, хранящиеся в Архиве исторических материалов.

² Среди лиц, выдвинутых Абэ Масахиро, были: Кавадзи Тосиакира, Мидзуно Таданори (оба — на посты бугё по финансовым делам), Цуцуи Масанори (омэцукэ), Хори Тосихиро, Нагао Наомунэ, Ивасэ Таданари, Окубо Тадахиро (все — мэцукэ), Такэути Ясунори (бугё Хакодатэ), Иноуэ Киёнао (бугё Симода) и другие. Их деятельность оставила заметный след во внутренней политике и внешних сношениях в период до и после открытия страны. Следует упомянуть, что Кавадзи был сыном помощника дайкана в Хида провинции Бунго и был взят на воспитание в дом кобусин гуми Кавадзи*. Иноуэ, являвшийся его родным братом, был наследником в доме судебного чина Иноуэ. Нагао и Ивасэ были выдвинуты из хэядзуми, а Окубо — из конодо**.

Масахиро назначил на должность инспектора финансов (кандзё гамми — яку) и по совместительству поручил ведать артиллерией Эгава Тародзаэмон, дайкану в Нираяма провинции Идзу, известного своими заслугами в деле обороны страны и в артиллерийском мастерстве. Затем, приняв предложения Нариакира и Эгава, он амнистировал Такасима Сюхан (основатель метода Такасима в артиллерийском деле), находившегося в то время в заключении в княжестве Окабэ, и назначил на пост помощника дайкана в Нираяма.

³ Прецеденты обращения за советами к даймё и другим авторитетным лицам и доклады императору по вопросам внешней политики имели место и до прибытия Перри в Японию. Еще в 1844—1847 годах бакуфу запрашивало мнение авторитетных лиц и даймё по вопросу о том, следует ли восстановить приказ об удалении иностранных судов от берегов Японии. В этих запросах Абэ подробно и откровенно излагал действительное положение и высказывал опасения и сомнения правительства. Он писал: «Мы хотели бы соблюдать законы предков о закрытии страны, но если их соблюдать, то придется воевать с иностранными государствами без уверенности в победе и не зная, как покрыть расходы на войну». С тех пор Масахиро и установил практику так называемого «обращения за советами».

Доклад императору о внешних отношениях Абэ сделал в октябре 1846 года через сёсидай в ответ на императорский рескрипт в августе того же года об усилении морской обороны в связи с участвовавшим появлением у берегов Японии иностранных судов. Не известны обстоятельства, при которых в то время неожиданно

* Звание «кобусин гуми» обычно присваивалось тем непосредственным вассалам Токугава, которые не занимали официальных постов. — Прим. ред.

** Низшие чиновные должности. — Прим. ред.

был издан такой рескрипт (есть версия, что это было сделано не без участия Токугава Нариакира), но в докладе сёсидай на имя родзю указывалось: «Уже в годы Бунка (1804—1817) о появлении иностранного корабля было доложено [императору]. Вероятно, и теперь не существует препятствий к тому, чтобы также доложить о событиях последнего времени». Следовательно, уже в годы Бунка был прецедент доклада императору о внешних отношениях Японии.

Еще в инструкции бакуфу местным властям в 1804 году по случаю прибытия русского посла Н. Резанова говорилось: «Разве мы можем менять многолетние императорские законы из-за одного этого факта... Таково мнение императора. Вторичного прибытия не допускать». Этот случай, о котором сообщается также в материалах русских исторических архивов (см. статью Военского «Русское посольство в Японии в начале XIX века», журнал «Русская старина», 1895, № 7, стр. 132—136), позволяет думать, что, вероятно, уже тогда велись переговоры между императорским двором и бакуфу.

Затем в 1813 году было восстановлено празднество Ивасимидзу, происхождение которого связано еще с молением о подавлении мятежа Тайра Масакадо; вероятно, за этим скрывалась цель, проводить моления об избавлении от внешней опасности.

Одним словом, вполне возможно, что бакуфу уже в годы Бунка, когда оно впервые столкнулось с необходимостью ведения внешних переговоров, использовало авторитет «давних императорских законов» о закрытии страны как предлог для отказа иностранным государствам в их требованиях установить торговые отношения, а императорский двор — как средство для проведения единой государственной линии во внешней политике.

⁴ Все даймё размещались в Эдосском дворце по знатности рода и им присваивались соответствующие ранги*. К рангу дайрокадзумэ относились камон (дом Мацудаира, являвшийся ветвью рода Токугава и не относившийся к трем главным домам этого рода) и часть тодзама (дома, близкие к бакуфу), которые шли по своему положению за тремя главными домами Токугава. К охиромадзумэ — князья из тодзама; в число томаринодзумэ входили три дома из камон (Такамацу, Кувано, Айдзу) и видные дома фудай-даймё; к более низким рангам — тэйканно-ма и ганно-ма принадлежали остальные фудай-даймё.

Томаринодзумэ, являясь в определенные дни в Эдо, принимали активное участие в политических делах. Обычно родзю назначались из числа томарино-дзумэ, а также некоторых домов, причислявшихся к тэйканно-ма и ганно-ма, которые, несмотря на сравнительно низкий ранг своего дома, имели большой вес в управлении бакуфу.

⁵ На выдвижении людей и на широком обсуждении вопросов настаивали все низшие чиновники бакуфу. Например, Иноуэ Сабуроуэмон, управляющий уофусигуми Огасавара Яхатири, говорил: «Хотя делается различие между хатамото и другими вассалами, но перед лицом внешнего врага и те и другие являются равными подданными империи; каждый ждет императорского повеления и

* Названия этих рангов устанавливались по имени тех помещений, где даймё занимали свои места. — *Прим. ред.*

рад умереть за императора — в этом, разумеется, нет различия между прямыми вассалами Токугавакого дома и другими вассалами... Поэтому необходимо опираться на всю империю в целом и во время серьезных событий не делать различия не только среди даймё, но вообще между высшими и низшими подданными; необходимо принимать хорошие предложения даже от второстепенных вассалов и рониннов» («Бакумацу гайкоку канкэй бунсё» («Документы об отношениях с иностранными государствами в период Бакумацу»), т. I).

Между прочим, принятие Абэ Масахиро так называемой «системы общественного обсуждения» было очень ловким ходом с его стороны. Бакуфу в своих запросах не раскрывало государственных тайн, чтобы ни в коей мере не повредить принципам деспотического правления, а лишь отдаленно намекало на них, да и сами советы разрешалось подавать лишь в форме верноподданнических докладных записок. О действительных намерениях Абэ наиболее полно можно судить по проекту реформы государственного управления, заключавшейся в введении системы общественного обсуждения. Масахиро подчеркивал, что надо, «не сообщая мелким вассалам государственных секретов, но и не отвергая их отдельных полезных предложений, выявлять общественное мнение» («Кайбо кэнги» («Предложения об обороне страны»), Архив исторических материалов).

Глава княжества Хиконэ Ии Наосукэ, которого впоследствии упрекали за то, что он подписал договор без императорской санкции, еще в 1853 году первым предложил, чтобы дела о сношениях с границей немедленно и обязательно докладывались императору. Этого же мнения придерживались и многие даймё, которые считали, что о заключении договоров вследствие большой важности для государства этих вопросов необходимо обязательно докладывать императору и проводить их в жизнь только после императорского утверждения (см. «Бакумацу гайкоку канкэй бунсё», т. I, II, III).

⁶ Один пример. Мацудайра Иосинага, который слыл в период Бакумацу «просвещенным правителем», в 1853 году занимал твердую позицию в вопросе об изгнании варваров и считал, что бакуфу должно решиться воевать во что бы то ни стало, запретив всякие «нелепые рассуждения» о мире; однако через четыре года он перешел на точку зрения допущения открытия страны (см. На канэ Сэцуэ, Сакуму кидзи). На перемену в его взглядах на отношения с границей повлияло то, что с некоторого времени он начал прибегать к советам самурая этого княжества Хасимото Санай.

⁷ В июне 1854 года Кавадзи Тоснакира и Цуцуи Масанори, ведавшие дипломатическими сношениями и слывшие наиболее просвещенными людьми, по приказанию родю Абэ посетили Нариакира и, объясняя дипломатический курс бакуфу, заявили: «Если бы страна была достаточно подготовлена, можно было бы оставаться спокойным. Но наша оборона крайне слаба, она, попросту говоря, носит чисто показательный характер, и поэтому сложившееся положение весьма серьезно. Об этом мы на протяжении 5—10 лет не перестаем заявлять и теперь столь же решительно вновь подтверждаем. Поэтому мы не можем согласиться с вами...» («Син Исэ моногари», т. 5). Словом, курс бакуфу заключался все в той же «показной» политике (см. также выше, стр. 73).

Однако Масахиро сам сожалел о заключении договоров. В прошении об отставке, поданном в апреле 1854 года, он считает себя ответственным за то, что «хотя мероприятия были правильными, но постепенно рухнули законы страны и она запятнала себя позором» («Кайкю кидзи»).

⁸ Запрос Хотта Масамунэ начальнику морской обороны («Бакумацу гайкоку канкэй бунсё», т. 15). В первом пункте запроса он говорит о том, что необходимо решить основной принцип внешних отношений: идти ли по пути расширения связей с иностранными государствами или же взять курс на изгнание варваров. Развивая мысль о путях установления связей с соседними странами, Хотта как бы вынужден сделать единственный вывод. Этот вывод — признание равенства на международной арене, что, конечно, в корне противоречило доктрине об «избранном народе и варварах». Причем установление дружественных отношений с соседними странами изображалось им как благодеяние со стороны Японии.

⁹ В мае 1854 года глава (бугё) финансового ведомства бакуфу Кавадзи Тосиакира в письме сообщил Фудзита Токо, особо доверенному лицу Нариакира, сугубо секретные данные о финансовом положении страны, которые были «прямо-таки ошеломляющими». Кавадзи писал, что при нынешнем финансовом положении даже в случае победы в войне с иностранными государствами трудно будет продержаться хотя бы один год и что, кроме миролюбивого обращения с Перри, нет другого выхода («Митохан сирё» («Исторические материалы княжества Мито»).

¹⁰ В докладной записке «Кайбо гудзон» («Взгляд на морскую оборону»), которую Нариакира представил Масахиро, приводятся 10 пунктов с указанием причин, почему нельзя вступать в мирные отношения с иностранными государствами... Внешне с прежней непреклонностью настаивая на изгнании варваров, Нариакира в приложении к этому документу писал: «...если отношения с иностранцами будут проводиться согласно моим планам, то желательно, чтобы этим занимался начальник морской обороны. Поэтому я в основном тексте совершенно и не допускаю слов о мире» («Бакумацу гайкоку канкэй бунсё», т. I).

Затем в другом документе, объясняя Мацудайра Иосинага идею «народу говорить о войне, а иностранцам — о мире», он открывает свои истинные намерения. «Мои планы, — писал он, — предполагают хорошую внутреннюю подготовленность страны. В случае прибытия иностранных кораблей надо по возможности избегать открытия с нашей стороны военных действий и проводить мирную политику; но если варвары не пойдут на это и со своей стороны откроют военные действия, то не остается ничего другого, как, не раздумывая, уничтожить их, напрячь силы всей страны и поддержать авторитет государства» («Сакуму кидзи», т. I).

¹¹ В момент прибытия Перри в Японию подавляющее большинство даймё предлагало твердо соблюдать изоляцию страны, но было небольшое число сторонников открытия страны и развития внешней торговли. Ии Наосукэ говорил о так называемой активной внешней торговле, то есть о необходимости, возродив систему «госюинбунэ» [выдача торговым кораблям специальных лицензий от правительства. — *Ред.*], расширить японскую торговлю за границей и скрытно проводить подготовку военного флота, чтобы та-

ким путем укрепить военные силы страны. Но основной смысл его предложений сводился к следующему: «Для того чтобы предотвратить насильственное вторжение иностранцев в Японию, наиболее правильным явилось бы их допущение в Японию, как это было в годы Канэй (1624—1643), с тем чтобы затем в любой удобный момент запретить их пребывание в стране».

Словом, это была политика, направленная против проникновения иностранцев в Японию (доклад Ии сёгуну в 1853 году, «Бакумацу гайкоку канкэй бунсё», т. II).

А в докладе, представленном правительству несколько раньше, Ии Наосукэ, напротив, доказывал, что нельзя изменять законы предков, оберегающие Японию от проникновения учения еретической секты (христианства). Даже ученые, защищающие Ии, отметили противоречивость его высказываний. Они писали: «Хотя и имеется разница» между содержанием первого и второго докладов, в конце концов «нельзя требовать от Ии Наосукэ, чтобы он смело высказывал свои внутренние убеждения» (Накамуро Кацумаро, Ии тайро то кайко (Тайро Ии и открытие портов). Эти его шовинистические идеи не изменились даже тогда, когда Ии Наосукэ был уполномочен подписать торговый договор 1858 года (см. Исин Такаси, Гокай сарэтару Ии Наосукэ (Превратно понятый Ии Наосукэ), «Рэжисигаку кэнкю», VIII, № 5).

Говоря об открытии страны, Курода Нарихиро, князь Тикудзэн, высказал довольно прогрессивную точку зрения о том, что дружественная внешняя торговля не противоречит прежней практике Японии и является основой для богатства и усиления страны. Это был феодальный взгляд на внешнюю торговлю, развитие которой допускалось на определенных началах, в рамках, за которые не выходила торговля с голландцами в Нагасаки. Курода предлагал разрешить торговлю только с Америкой и Россией, чтобы, используя эти две страны, отклонить требования Англии и Франции. Он считал, что лучшая тактика для сохранения войск империи заключается в натравливании иностранных государств друг на друга («Бакумацу гайкоку канкэй бунсё», т. I).

Можно привести и взгляды на внешнюю торговлю другого политического деятеля — Ивасэ Таданари, которого Фукути Гэнъитиро считает самым прогрессивным политиком среди наиболее способных чиновников бакуфу, свободным от предубеждений против иностранных варваров. Он стоял за расширение существующей, контролируемой правительством внешней торговли лишь в разрешенных для этого местах, например в Нагасаки; его взгляды нашли свое выражение в дополнительном японо-голландском договоре 1857 года.

В докладе Хотта Масамунэ, испрашивавшем у императора санкцию на заключение договора, представленного двору в 1858 году (есть сведения, что Ивасэ также участвовал в составлении этого доклада), было дано описание международного положения, характеризовавшегося тем, что «создалась обстановка, когда все пять континентов объединились в торговле и дружбе». В то же время там говорилось, что открытие Японии — это смелый прыжок за границу; что широкие морские связи откроют пути для внешней торговли со всеми странами, что использование всех сильных сторон других стран укрепит силы родины и усилит ее военную мощь и что

тогда можно будет добиться того, «чтобы великие президенты и великие императоры всех стран мира уважали образ правления, религию и законы нашей страны». Другими словами, открытие страны — это «сплочение для создания такой основы, на которой можно было бы в последующем возглавить объединение всего мира» («Хотта-кэ бунсё» («Документы дома Хотта»), приведенные в «Комэй тэнно ки» («Хроника правления императора Комэй»), т. 79).

Всего до нас дошло более 800 относящихся к 1859 году докладов сёгуну разных даймё об их взглядах на внешние отношения; они собраны в «Тэкибан яги» (Архив дома Токугава в Мито). Относительно их основного содержания см. сочинение Инобэ Сигэо «Пэри торай-но сай-ни окэру кокурой-но кисю» («Общественное мнение Японии в связи с прибытием в страну Перри»), «Сирин», т. 13, № 3.

¹² Осима Такатоо, решивший по указанию Токугава Нариакира наладить производство ружей и пушек, искал повсюду железную руду соответствующего качества, так как руда, которой до этого пользовались в княжестве Мито, не удовлетворяла новым требованиям. Наконец он нашел, что железная руда в Камаиси наилучшая, но так как производство железа там было основано на дутье (мехами), то надо было построить отражательную печь по европейскому образцу.

Однако железные рудники Камаиси были собственностью княжества Намбу, и, чтобы их использовать, пришлось вести затяжные переговоры между главами обоих княжеств. Когда, наконец, они закончились, Осима лично поехал в Камаиси для руководства постройкой отражательной печи и добился производства желаемого железа. Но происшедшие вскоре события в княжестве Мито (обвинение в заговоре, наказание и удаление от политических дел Нариакира в период массовых репрессий годов Ансэй) привели, к сожалению, к приостановке производства и литья пушек (О с и м а Н о б у м а с а, Осима Такатоо кодзюцу (Факты из жизни Осима Такатоо).

¹³ Бакуфу сразу же после прибытия в Японию Перри, ссылаясь на «чрезвычайную важность этого дела для государства», представило императорскому двору перевод послания президента Америки. В среде придворных чинов это американское послание вызвало оживленное обсуждение. Букэ-дэнсо Сандзё Санэцуму отстаивал политику изоляции страны: «Разве может принести вред твердое соблюдение правил, действующих в нашей стране? Нет, неизменный великий закон империи нельзя изменять» («Сандзё Санэцуму сюрюку» («Записки Сандзё Санэцуму») т. 1).

Гондайнагон Накаяма Тадаёси предложил, чтобы по этому вопросу, как и всегда, когда дело касалось допущения или недопущения в страну варваров, решение принималось только после запроса божьей воли через подходящие для этого крупнейшие храмы Исэ, Хатиман, Камо, Касуга и другие («Накаяма Тадаёси рирэки сирё» («Биографические материалы Накаяма Тадаёси»), т. 1).

Следовательно, понимание существующего положения князьями и другими влиятельными сановниками почти не выходило за подобные рамки. Поэтому, пожалуй, заслуживает внимания их постепенное политическое пробуждение, выраженное в словах Сандзё Санэцуму: «Во время грозных для государства событий необхо-

дино независимо от приверженности к императору или сёгуну действовать как единое целое и быть преданным своей стране»; или же в словах Накаяма Тадаёси: «Хотя мои рассуждения о важных мировых вопросах едва ли могут принести пользу, я все же считаю, что наша божественная родина в данное время требует беззаветного служения ей».

¹⁴ Вскоре после доклада императору о заключении японо-американского договора о дружбе Тободзё Сотё сетовал на то, что «это... страшный и неслыханный позор для страны... Политика дома Токугава ведет нас в пропасть» («Комэй тэнно ки» («Хроника правления императора Комэй»), т. 28).

Сандзё Санэцуму подразделял всех кугэ на сторонников передышки, желающих спокойствия (сторонники поддержки бакуфу и открытия страны) и на группу возмущенной молодежи (сторонники почитания императора и изгнания варваров). Сандзё говорил: «И у нас мнения людей разделились. Существуют люди нерешительные, желающие спокойствия, но появилась и некоторая часть разочарованных и возмущенных. Это совершенно разные люди: одни приспособляются к положению, а другие готовы целиком к самопожертвованию. Но надо быть беспристрастным и справедливым. Нехорошо разжигать горячность, свойственную молодежи» («Сандзё Санэцуму сюрюку», т. 1).

¹⁵ Князя воздействовали на Киото, используя свои родственные связи с приближенными императора. Княжество Мито из поколения в поколение имело связи с кугэ: мать Нариакира была внучкой Торимару Мицунори, жена — дочерью принца Арисугавано-мия Орихито, а две сестры были замужем за Нидзё Наринобу и Такацукаса Масамити. Что касается сацумского князя Симадзу Нариаки, то его дом издавна был связан родственными узами с домом Коноэ, через главу которого — Коноэ Тадахиро — княжество Сацума и оказывало влияние на императорский двор.

На Киото влияли и через вассалов домов кугэ: Икэути Дайгаку (Кёсё), родившегося в семье главы одного из торговых домов Киото, преподавателя у принцев Тионин-но-мия и Сэйрэнин-но-мия; Микуни Дайгаку (Тёкудзюн) из семейства богатого купца в Этидзэн Санкоку Минато, преподавателя в доме кугэ Такацукаса, вассалов дома Такацукаса Сёдайбу Кобаяси и других, а также через связанных с ними роиннов: Умэда Умпин, Янакава Сэйган и т. д.

О тяжелом материальном положении императорского дома и кугэ см. сочинение Сэта Сёхо «Омои-но мама-но сируси» («Воспоминания»), «Нихон дзуйхицу тайсэй», т. 8; «Кодай итиран» в «Нихон бункю», т. 10; а также повествование Симохаси Кэйтё «Исиндзэн-но кютэй сэйкацу» («Императорский двор до Мэйдзи исин»), изданное Историческим научным обществом Мито, и его продолжение, помещенное в журнале «Сигаку дзасси», т. 3, № 1.

Многие кугэ вынуждены были заниматься изготовлением игральные карт, перепиской старых рукописей, рисованием и другими побочными занятиями, а также перепродажей секретов ремесленного производства. Поэтому общество в их поведении видело много дурного и «безнравственного».

В записках Сандзё Санэцуму под заголовком «О бедственном положении придворных» сообщается: «В самом деле, очень жаль, что приходится видеть и слышать о весьма неблагоприятных поступках, вызванных неустойчивым материальным положением и мо-

ральным состоянием. В результате пошатнувшихся нравов дело идет к тому, что отец уже не отец, сын — не сын, и стало трудно заниматься воспитанием в нужном направлении» («Сандзё Санзюму сюрюку», т. I).

Пользуясь таким положением, бакуфу и даймё для нажима на Киото часто «дарили» большие суммы денег императору, а также кугэ.

Когда 9 февраля 1858 года родзю Хотта Масамунэ явился во дворец для императорского утверждения японо-американского торгового договора, он преподнес императору в дар от сёгуна 30 мон золота и курительницу для ладана, а от жены сёгуна — 30 кусков лучшего японского шелкового сатина; кроме того, императрице от сёгуна — 20 кусков шелковой тафты, а от жены сёгуна — 10 кусков цветного шелкового сатина. Получили подарки и другие: кампаку и бывший кампаку — по 100 мон серебра и 10 японских картин в свитках, двоим дэнсо — по 50 мон серебра и по 5 картин, котонайдзи — 30 мон серебра («Комэй тэнно ки», т. 75).

Широкое распространение получили слухи о том, что бывший кампаку Такацукаса Масамити и букэ-дэнсо Тободзё Сотё, получив взятки (Такацукаса — 300 рё золотом, Тободзё — 500 рё золотом), служат бакуфу (см. официальный доклад из Киото Харада Сайсукэ, самурая княжества Сацума, «Дай нихон исин сирё» («Материалы по истории великой Японии», т. III, ч. 5). Затем Номура Эндзо, самурай княжества Этидзэн, сообщал о том, что княжество Сацума истратило на подкулы 20 тысяч рё золотом («Дай нихон исин сирё», раздел III, ч. I).

Кроме того, факты взяточничества излагаются в секретном письме (от февраля 1858 года на имя Наканэ Юкиэ, находившегося в княжеском дворце в Эдо) Хасимото Санай, тайно действовавшего в Киото по приказу Мацудайра Иосинага. «Уже истратил 50 рё на взятки разным людям, — докладывал он, — написание иероглифических надписей, на книги... А так как не известно, что еще потребуется в дальнейшем, то прошу выслать 50 или 100 рё. Здесь все вассалы кугэ рады и деньгам и вещам. Необходимо прислать сюда из нашего дома вещи для взяток и продукты, так как надо приглашать гостей, а здесь покупать слишком дорого» («Хасимото Кэйгаку дзэнсю» («Собрание сочинений Хасимото Кэйгаку»), т. I).

¹⁶ Когда при поддержке родзю Мацудайра Тадами, а также благодаря маневрам сторонников кандидата в сёгуны князя из провинции Кии вкупе с женской половиной сёгульского дворца было тайно подготовлено, а затем неожиданно осуществлено назначение на пост тайро Ии Наосукэ, это сильно поразило всех. Женщины при особе сёгуна, начиная с Ходзюин, матери сёгуна Иэсада, считали, что Нариакира замышляет заговор, рассчитывая провести во дворец Нисимару [дворец сёгунского наследника. — *Ред.*] Кэйки и единолично завладеть делами бакуфу; с целью предотвращения этого они поддержали выдвижение Наосукэ.

Относительно назначения преемника сёгуну Наосукэ говорил: «Мир и порядок в стране зависят от величия и добродетели великой сёгунской династии, а не только от умственных способностей сёгуна. Этим обычай империи отличаются от иностранных. И если теперь считается наиболее правильным выдвинуть сёгуном лицо, самое близкое к династии [*Токугава. — Ред.*] по крови, то это во-

все нельзя приравнять к европейским обычаям о непрерывности королевских династических линий. Мне представляется, что надежды людей во всей стране, видимо, возлагаются на лицо, наиболее близкое к сёгунам Токугава по крови, из какого бы княжества оно ни происходило» («Хисё суюоку» («Сборник секретных документов»), издание Министерства просвещения; «Исин си» («История Мэйдзи исин»), т. II).

Парадоксально, что как раз Наосукэ, которого называли даже «государственным изменником», выдвигал идею о династической непрерывности [сёгуната. — *Ред.*] в чисто монархическом духе, в то время как сторонники течения почитания императора поддерживали в этом вопросе идею о просвещенном правителе в европейском духе. Это, пожалуй, до некоторой степени можно рассматривать как исторический факт, подтверждающий, что идеи почитания императора были по своей сути феодальными и, следовательно, имели идеологическую основу, весьма близкую к идеям сторонников поддержки правительства бакуфу.

¹⁷ Когда сёгун обратился к императору за утверждением японо-американского торгового договора, 12 марта 1858 года во дворец явились 88 человек во главе с Накаяма Тадаёси с совместным протестом против пробакуфуской политики кампаку Кудзё Наотада; они потребовали явки кампаку во дворец, где хотели силой воздействовать на него. Однако, сославшись на болезнь, кампаку не явился. В последующие два дня, 13 и 14 марта, 50 человек в ранге хикуродо (молодые кугэ, которым было разрешено посещение дворца, но которые еще не получили ранга куродо 6-й степени) в письменном виде выразили императору свое мнение, требовали отказа от внешних сношений: 17 марта с тем же требованием обратились к императору 97 молодых аристократов из низших чинов (дзигэкамбито, которым не разрешалось посещать дворец).

Гисо Кога Такэмити по повелению императора предупредил «совместно явившихся во дворец низших аристократов» о том, чтобы впредь «группы молодых людей сгоряча не собирались и не делали заявлений трону». Принц Сонъю (Асахико), не сомневаясь в преданности явившихся во дворец представителей молодежи, был обеспокоен возможностью подрыва в конце концов придворной дисциплины («Ивакура-ко дзикки» («Описание жизни князя Ивакура»), т. I), ибо, по его мнению, их поведение носило характер групповых действий, и было налицо запрещенное законом «объединение сообщников и создание группировки».

Содержание петиции дзигэкамбито в данном случае заслуживает внимания. «Осмеливаемся заявить, — писали они, — что вся страна не принадлежит одному человеку. А когда отсутствует согласие всего народа, возникают беспорядки во внутренних делах и внешних отношениях. Поэтому верноподданически молим вас объявить о проведении впредь общественного обсуждения. Это не осквернит божественную страну, а даст возможность докладывать вам о положении всего народа» («Дай нихон исин сирё», т. III, ч. 3).

В действительности употребление здесь терминов «весь народ», «общественное обсуждение» означало лишь требование предоставления прав также и самому низшему слою кугэ, и потому в परिцании, вынесенном этим молодым аристократам, отмечалась также их «похвальная преданность». Одновременно это показывает,

что движение за почитание императора и изгнание варваров начало перерастать старые рамки (см. также сочинение Хани Гора «Мэйдзи исин» в очерках Иванами «Нихон рэкиси» («История Японии»)).

¹⁸ Из числа кугэ были лишены чинов и отличий: бывший кампаку Такацукаса Масамити, удайдзин Такацукаса Скэхиро, сарайдзин Коноэ Тадахиро, бывший найдайзин Сандзё Санэцуму. Получили предупреждение: принц Сэйрэнин-номия (Согью, Асахико), найдайзин Итидзё Тадаёси, Нидзё Нарююки, Коноэ Тадафуса, Кога Такэмити, Накаяма Таданори, Огимати Сандзё (Санэнару) и другие.

Из числа даймё предупреждение получили: Токугава Нариакира и Токугава Иосикацу, князь Овари; Мацудайра Иосинага был отстранен от дел со строгим предупреждением.

Затем из числа видных чиновников бакуфу получили понижение некоторые сторонники Хитоцубаси: омэцукэ Доки Иоримунэ, кандзёбугё Кавадзи Тосиакира, мэцукэ Удоно Тэйэй, бугё города Киото Асано Тёса. Были уволены с предупреждением: бугё по строительству Ивасэ Таданори, бугё военного флота Наган Наомунэ и Кавадзи. Было наказано еще более десяти человек.

Из числа «патриотов» были приговорены самураи княжества Мито: Адзима Татэваки — к харакири; Каянэ Иёноскэ, Угаи Китисаэмон, Хасимото Санай, Рай Микисабуро и Иосида Сёин — к смертной казни; Угаи Кокити — к тюремному заключению; сёдайбу дома кугэ Такацукаса-Кобаяси Иоснори — к ссылке в отдаленную местность; преподаватель того же дома — Микуни Дайгаку, приближенный принца Сэйрэнин-номия Игани Куродо, — к высылке. Еще было осуждено около ста человек, включая женщин и детей. В тюрьме вскоре умер Умэда Умпин.

Все они были осуждены за критику политики бакуфу. Их «забота о государстве» была расценена как дерзость, как нарушение рангов и вассального долга верности. Таким образом, политическая борьба шла внутри господствующих слоев феодального общества и велась вокруг вопроса о сохранении строгих внутрисловных порядков — основы деспотического правления бакуфу.

¹⁹ Прокламация ронинов из Мито, в которой они объясняли причины своих террористических намерений, насквозь пронизана духом учения о феодальном долге, их идеи о том, что «каждый должен думать о благодарности за благодеяния, которыми его осыпает более 3 тысяч лет императорская милость и более 200 лет — Тосёгу [посмертное имя Изясу — первого сёгуна дома Токугава. — Ред.]», не позволяют видеть в них противников бакуфу.

Относительно целей своей политики террора они заявляли: «У нас ни на йоту нет враждебности к сёгуну. Мы надеемся, что бакуфу снова встанет на путь справедливой императорской политики, основанной на мудрой высочайшей воле, то есть на путь почитания императора и изгнания варваров...» («Исин-си», т. II).

²⁰ По подсчетам Исин Такаси, объем внешней торговли всей страны изменялся следующим образом (объем 1860 года — то есть через год после открытия портов — принят за 100):

1861 1862 97
1862 1863 90
1863 — 289

(Исин Такаси, Бакумацу-но гайко (Внешняя политика в период Бакумацу), см. таблицу, помещенную в конце книги).

²¹ Рост цен, начавшийся с шелка-сырца, чая, продуктов морского происхождения, масла, меди, хлопка и других экспортных товаров в результате спекуляции торговцев, распространился и на другие товары. Для предотвращения утечки золота, происходившей из-за разницы в соотношении курсов золота и серебра внутри страны и за границей, в 1860 году была проведена денежная реформа и снижено золотое содержание японской валюты. Кроме того, сразу же после открытия страны в результате превышения экспорта над импортом в страну влилось значительное количество серебра из-за границы.

Все это привело к инфляции, вызвавшей повышение цен. Рост цен на рис в этот период можно проследить по таблице, приведенной в конце книги.

²² В 1862 году в связи с поездкой Симадзу Хисамицу в Эдо с императорским повелением император запросил своих приближенных о том, какие указания следует дать бакуфу. В императорском послании говорилось, что «цены подскочили, государственные дела захирели, положение всего народа стало крайне бедственным, страна стоит на грани подчинения варварам» («Исин-си», т. II).

Кусака Гэндзуй — сторонник почитания императора и изгнания варваров в княжестве Тёсю — указывал в своем произведении «Кайван тигон» на тот факт, что со времени открытия портов в результате экспорта предметов широкого потребления, чая, шелка-сырца, меди, железа, угля и хлебных культур силы страны ослабли, бедные люди разоряются и страдают. Выражая беспокойство по поводу ослабления сил Японии и бедственного положения народа, он говорил: «И богатый Китай за все, получаемое от них [иностранных государств. — Т. С.], должен будет неизбежно отдавать им подати».

Поскольку Кусака беспокоился исключительно о том, что варвары отберут подати, взимаемые с народа феодалами, естественно, что народные массы, которым было безразлично, кому их выплачивать, не откликнулись на его призыв к решительной поддержке императорского указа об изгнании варваров (Фукумото Сюнсуй, Мацусита сондзюку но идзин, Кусака Гэндзуй).

Другой руководитель движения за почитание императора и изгнание варваров, Маки Идзуми (Хосин), служитель храма Суйтэнгу в Курумэ, в сочинении «Ситидзэ суйсоку», в разделе «Жизнь народа», писал, что неумение вести внешнюю торговлю привело к тому, что народ страдает от высоких цен на товары и что все вплоть до женщин и детей возлагают свои надежды лишь на движение за почитание императора и изгнание варваров.

Однако, говоря о том, что поход императора против иностранцев должен «раздуть подобные настроения», он явно намеревается «обмануть темный народ» («Маки Идзуми-но-ками ибун» («Архив Маки Идзуми-но-ками»)).

²³ Вопрос о крайне тяжелом положении самураев, получавших жалованье в связи с ростом цен после открытия страны, а также об их движении в связи с этим к шовинизму рассматривается в «Токугава Кэйки-ко дэн» («Биография князя Токугава Кэйки»), т. I, гл. 7).

Цутя Такао в своих рассуждениях идет дальше. Он считает,

Что сторонники почитания императора и изгнания варваров, подняв вопрос о ценах, «непосредственно связали свои идеи с борьбой низших слоев самурайства и простого народа за существование, и, таким образом, их движение быстро разрослось и стало массовым» («Бакумацу дзэи ундо-но сякайтэки иги» («Общественно-историческое значение движения за изгнание варваров в период Бакумацу»), помещенное в «Нихон сякай кэйдзай-си но сёмондай» («Вопросы социально-экономической истории Японии»)).

Цутия основывает свое утверждение о единодушном участии в движении низших слоев города и деревни на произведениях народного творчества. Сомнительно, чтобы японские пародии (кёка), сатирические стихи (ракусю), народные песни и подобные вещи полностью отражали простые народные думы. Нередко орудием сатиры пользуются всевозможные политические течения, выступающие против существующей власти, причем прогрессивное подчас тесно переплетается с реакционным.

²⁴ Конкретные примеры можно найти во второй главе сочинения Ямагути Кадзуо «Бакумацу бозки-си» («История внешней торговли в период Бакумацу»).

²⁵ Увеличения производства товарной продукции (тутовые деревья, чай, хлопок, табак) можно добиться, лишь применяя покупные удобрения (рыбный тук, масляные жмыхи и т. д.), а интенсификация всех основных сельскохозяйственных работ прежде всего требует применения удобрений и высокой земледельческой техники. См. Ф у р у с и м а Т о с и о, Нихон ногё гидзюцу-си (История техники японского земледелия), последний том. Следовательно, после открытия портов прибыли от увеличения товарной продукции сельского хозяйства могли получать главным образом богатые крестьяне.

Подробные сведения о мануфактурах, принадлежащих богатым крестьянам и крупным купцам, а также об отношении к ним феодальных властей можно почерпнуть в исследованиях: С и н о б у К ё с а б у р о, Киндай нихон сангё-си дзэсэцу (Введение в историю японской промышленности в новое время), Х о р и э Э й и т и, Киндай сангё-си кэнкю (Исследование современной промышленности) и Ф у д з и т а Г о р о, Киндай нихон сангё но кэйсэй (Формирование современной японской промышленности).

²⁶ Реформы, проведенные бакуфу: 1) усиление почитания императора; 2) наказание некоторых руководителей правительства бакуфу и амнистия лиц, осужденных в 1858 году за участие в движении за почитание императора и изгнание варваров; 3) смягчение системы обязательного пребывания в Эдо даймё или их семей; 4) учреждение должности начальника охраны Киото (Киото сюгосёку); 5) реформа военной, школьной, должностной систем, а также одежды и др.

²⁷ Во время поездки Хисамицу в Эдо экстремисты — сторонники почитания императора и изгнания варваров начала кампанию против кугэ — сторонников сотрудничества императорского двора и сёгуна, — угрожая им «небесными карами». Во главе этих кугэ стояли Ивакура Томоми, много способствовавший бракосочетанию сестры императора Кадзу-но-мия с сёгуном Измоти, и три других кугэ, а также две придворные дамы. Экстремисты так упорно кричали о том, что надо зарезать «четырёх изменников и двух дам», что император в конце концов был вынужден наказать их.

Группа сторонников почитания императора и изгнания варваров предлагала расторгнуть все договоры с варварами, даже договор о дружбе, только что утвержденный императором, и торговый договор. Оказывая давление на императора, она добилась «высочайшего волеизъявления» по вопросу о проведении изгнания варваров.

Вернувшийся в Киото Хисамицу, придерживавшийся идей сотрудничества императорского двора и сёгуна, был чрезвычайно напуган этими событиями. Он заявил кампаку, что эти «мужики» преследуют свои собственные цели и интересы и вряд ли можно им чересчур доверяться. Он настаивал, чтобы регент, принцы и кугэ самовольно не встречались с «мужиками». Однако, видя, что его желание не выполняется, он, возмущенный, вернулся в свое княжество (см. «Симадзу Хисамицу-ко дзикки» («Биография князя Симадзу Хисамицу»), т. II).

²⁸ Предки Такэдзи Суйдзан были вассалами Тёсокабэ, владевшего княжеством Тоса в период междоусобных войн; после того как Тёсакабэ был лишен владений, они, обосновавшись на земле, стали самураями-земледельцами (госи), одними из так пазываемых хякунинсюгоси. [«Сто самураев-вассалов» (эта цифра условна, она выражает лишь понятие о значительном количестве) прежнего владельца княжества по существовавшим обычаям должны были с приходом нового князя лишиться своих владений и жалованья. Однако вопреки традиции новый князь, опасаясь их заговоров, выделил им некоторое количество земли. Материальное положение самураев особенно не ухудшилось, но морально они были низведены в низшую самурайскую категорию, а новые «коренные» вассалы князя смотрели на них, как на «пришельцев». — *Ред.*] В княжестве Тоса противоречия между самураями-земледельцами (госи) и высшим самурайством были крайне обострены, и во время событий, когда был убит Такамура Тайго (1797), самураи-земледельцы (госи), собравшись в Коти, устроили бунт и заставили правительство княжества подчиниться их требованиям (см. Осэки Тоёкити, Коти-хан-но госи нн-цуитэ» (О самураях-земледельцах княжества Коти), журнал «Тоса сидан», № 48).

Такэдзи отверг советы своих друзей Иосимура Торатаро из этого же княжества (который впоследствии стал руководителем группы «небесная кара») и Кусака Гэндзуй (из княжества Тёсю), настаивавших на вооруженном выступлении рядовых «патриотов», и продолжал стоять на позиции лояльности каждого княжества императору при обязательном соблюдении всеми великого долга вассальной верности главе княжества. «Высшие исполняют волю императора, а мы следуем воле старого князя [Яманоути Тоёнобу. — Т. С.]» — такова была клятва группы «патриотов» в Тоса, руководимой Такэдзи Суйдзан.

Намерениям этой группы препятствовал Иосида Тоё (Мотоёси), завоевавший доверие Тоёнобу и руководивший политикой княжества на основе идей поддержания сотрудничества императорского двора и сёгуната. Используя авторитет старого князя, Тоё старался подавить устремления сторонников почитания императора. Тогда экстремистская группа стала настаивать на убийстве Тоё; однако их главарь Такэдзи не соглашался и по-прежнему пытался, связавшись с каро и с княжеской фамилией, воздействовать на старого князя; но в конце концов, убедившись в тщетности своих

попыток и не будучи в состоянии обуздать экстремистскую группу, он дал согласие на убийство Тоё.

В правительстве княжества тем временем произошли перемены, и Такэдзи вновь обратился к членам княжеской фамилии с просьбой уладить создавшееся положение. По требованию князя он сам распустил своих возбужденных единомышленников, устраивавших бурные собрания. Поэтому реформа правительства княжества оказалась незавершенной и половинчатой и состояла в том, что консервативной верхушкой было допущено к власти лишь несколько сторонников Такэдзи Суйдзан. Тем не менее решительное осуществление убийства Тоё привело к коренной ломке прежних взглядов Такэдзи.

Его дальнейшие действия были стремительны, подобно стреле, выпущенной из лука. В Киото он, как представитель от княжества Тоса сторонников почитания императора и изгнания варваров, развернул кипучую деятельность: руководил террористическими действиями против чиновников бакуфу и вассалов домов кугэ, поддерживавших бакуфу; в 1862 году, действуя через главу своего княжества, добился посылки к бакуфу императорского посла с повелением, настойчиво требующим проводить изгнание варваров; сопровождал императорского посла Анэнокодзи в качестве его помощника (дзассё); во время встречи с ответственным лицом правительства бакуфу — Мацудайра Иосинага — сделал предложение о поездке сёгуна в Киото. Это был период его наивысшего расцвета и блеска. Такэдзи благоговел перед Тоёнобу за то, что последний твердо установил авторитет княжества Тоса. Тоёнобу осыпал милостями Такэдзи Суйдзан. Такэдзи говорил: «В это время я ежедневно имел честь видеть его светлость [Тоёнобу. — Т. С.] и получать от него любезные повеления. При этом он угощал меня вином, собственноручно наливая его... поистине я преисполнен благодарности» (Письмо на имя жены, февраль 1863 года.)

Однако Тоёнобу, который, как глава сторонников единства власти императора и сёгуна, был против насильственного изгнания варваров, не нравилось поведение Такэдзи; он стремился обуздать его. Правительство княжества, получая указания Тоёнобу, становилось все более консервативным.

А Такэдзи Суйдзан продолжал верить в хорошие намерения Тоёнобу и не изменял к нему своих чувств лояльности. Он старался даже во вред своей репутации «преданно увещевать» Тоёнобу. После политических событий 18 августа 1863 года, когда произошел спад движения за почитание императора и изгнание варваров, Такэдзи со своими единомышленниками был схвачен и после пыток и расследования в 1865 году приговорен к харакири. Его обвиняли в том, что он «тайком организовал мятежную группу», «часто проявлял дерзость по отношению к старому князю», «утратил вассальные чувства и пренебрежительно относился к авторитету старших», которым «причинял много неприятностей».

Но Такэдзи до конца своей жизни продолжал верить в Тоёнобу и ожидал помилования, подав прошение на имя старого князя. (Письмо к Симамура Дзюноскэ, сентябрь 1864 года.) Однако злобный Тоёнобу сам явился в суд на заключительное разбирательство дела Такэдзи Суйдзан, приказал доставить в суд тяжелобольного обвиняемого и добился приговора о харакири. После приведения

приговора в исполнение в письме на имя Мацудайра Иосинага он писал о том, что его терзает совесть, так как приговор запоздал на 3—4 года. («Такэдзи Суйдзан канкэй бунсё» («Документы, относящиеся к Такэдзи Суйдзан»), т. I и II; издание Общества памяти Суйдзан «Исин Тоса кинно-си»).

Одним словом, в своей деятельности Такэдзи Суйдзан, будучи смелым «патриотом», иногда шёл наперекор намерениям главы княжества; но ему мешала излишняя вера в Тоёнобу. Именно поэтому последний до поры до времени мог закрывать глаза на деятельность Такэдзи, льстить ему, когда желал воспользоваться его влиянием, и держать в своих руках, а в последний момент со спокойным сердцем «даровать ему смерть».

²⁹ Собрание происходило в помещении Инкокан (Киото, Хигасияма) в январе 1863 года. Здесь собрались видные «патриоты» почти всех княжеств: от княжества Кумамото — Миябэ Тэйдзо и Каваками Хикоёси (Гэммэй), княжества Тоса — Такэдзи Суйдзан и Хираи Сюдзиро, княжества Цусима — Тада Содзо, княжества Цувано — Фукуба Бундзабуро (Бисэй), княжества Мито — Симоно Дзюндзиро (Эммэй), княжества Тёсю — Накамура Кюро (Сэйкёку), Тэрадзима Тюсабуро (Сёсё), Кусака Гэндзуй (Цубу) и Иноуэ Каору (Сидо Монта). Они обсуждали план действий по изгнанию иностранцев.

Очевидно, результатом именно этого собрания было то, что в следующем месяце Кусака, Тэрадзима и Тодороки Такэбэй (последний — из княжества Кумамото), явившись в дом кампаку, представили предложение из трех пунктов: определить сроки изгнания варваров, предоставить широкие возможности для тесного делового контакта низших самураев с высшими сановниками страны и хорошо подбирать людей. Они настойчиво требовали осуществления этого, угрожая в противном случае поднять более 300 своих единомышленников. Кусака в письме (январь 1862 года) на имя Такэдзи писал:

«Недовольство выражают князья, кугэ; наши патриоты требуют объединения всех рядовых патриотов для выполнения своего долга. Извиняясь за резкость выражений, хочу добавить, что для осуществления великого долга [преданности императору] не будет жалко, если даже при этом погибнут ваше и наше княжества» («Мацусита сондзюку-но идзин — Кусака Гэндзуй»). Похоже на то, что Кусака постепенно освобождался от феодальной психологии защиты интересов только своего княжества.

³⁰ В феврале 1863 года были учреждены две должности: «кокудзи-сансэй» и «кокудзи-ёриудо». На первую было назначено четыре человека: Хасимото Дзицурэй, Тоёока Дзуйси, Хигасикудзэ Митиёси и Анэнокодзи Кинтомо. На вторую — десять человек: Огимати Сандзё, Сандзё Сэйкоти, Мибу Мотонага, Накаяма Тадамицу, Сидзё Такаута, Нисикинокодзи Райтоку, Сава Нобуёси и другие. Все они являлись сторонниками почитания императора и изгнания варваров и вместе с «патриотами» оказывали на кампаку давление во время «совместных посещений» его резиденции.

Гакусюин [лицей тех времен. — *Ред.*] стал местом встреч этих сансэй, ёриудо и «патриотов», базой движения за почитание императора и изгнание варваров.

³¹ В 1862 году Симадзу Хисамицу направился в Эдо для поддержки императорского посла Охара Сигэтоми. Одновременно кня-

жество Тёсю, которое оспаривало у княжества Сацума заслуги перед тронном, вызвало в Киото находившегося в Эдо Сэко Мотонори. Сэко, получив в Киото императорское разрешение на принятие участия в государственных делах и рескрипт об амнистии преступников, совершивших государственные преступления после 1858 года, вновь вернулся в Эдо. Но так как в тексте императорского рескрипта имелся негодный княжеству Сацума пункт, то самураи этого княжества настаивали, чтобы Охара изменил текст императорского рескрипта. Охара долго оставался в нерешительности, но затем самолично внес изменения, сообщив об этом представителю княжества Тёсю, и доставил уже измененный рескрипт. Действия Охара были позже признаны императорским двором правильными («Исин-си», т. 3).

В марте 1863 года личный представитель сёгуна Хитоцубаси Кэйки явился во дворец. Император Комэй «изволил милостиво сказать», что он «полагает все политические дела, как и прежде, поручить Канто [Канто — название местности, включающей город Эдо; ведение политических дел, следовательно, император намеревался поручить сёгуну. — *Ред.*] с условием максимального ускорения изгнания варваров». Однако в полученной Кэйки от кампаку записи этого императорского решения говорилось только об изгнании варваров. Кэйки заявил протест. Но кампаку подтверждал, что «императорское решение [действительно] было такое». Кэйки, ссылаясь на то, что он «опасается протеста сансэй и ёриудо», настаивал, чтобы ему обязательно дали «настоящий рескрипт», поэтому кампаку, не имея веских причин для отказа, переписал рескрипт. На этот раз отсутствовали первые четыре слова. Обещание императора вновь поручить власть сёгуну было изложено другими словами, и, «так как различие было небольшое», Кэйки не стал возражать и принял рескрипт («Токугава Кэйки-ко дэн», т. I, гл. 11).

В июле того же года по требованию находившихся в Киото самураев княжества Сацума, бывшего кампаку Коноэ Тадахиро и других император издал рескрипт о вызове Симадзу Хисамицу. Однако этому воспрепятствовали кугэ из группы сторонников почитания императора и изгнания варваров, связанные с княжеством Тёсю. Позже (в ноябре) в собственноручном письме императора, направленном Хисамицу, все излагалось следующим образом: «Глубоко доверяя Вам, я предложил вызвать Вас, но кампаку и другие не согласились. Уже почти два дня я настаиваю, но мне трудно спорить с многочисленными противниками. Особенно упорно выступал против Вашего приезда Мадэнокодзи Хирофуса, и мне пришлось уступить» («Симадзу Хисамицу-ко дзикки», т. III).

³² См. статью Тояма Сигэки «Бункю ни нэн-по сэидзи дзёсэй» («Политическое положение в 1862 году»), «Рэкиси гаку кэнкю», № 114.

³³ Маки Идзуми-настоятель храма Суйтэнгу в Курумэ и теоретик движения за почитание императора и изгнание варваров в 1862 году и первой половине 1863 года, в трактате «Кэйи гусэцу» (1861) изложил политические требования «патриотов»: 1) вся власть должна быть передана императору; 2) поощрять предпринимательскую деятельность; 3) укреплять нравственность; 4) изучать китайские классические книги; 5) строго соблюдать дисциплину; 6) предавать гласности награждения и наказания; 7) соблюдать экономию; 8) предпринять поход во главе с императором [против иностранцев]. —

Ред.]; 9) продолжать добиваться победы даже «после ста поражений»; 10) проводить общественное обсуждение; 11) искоренять старые дурные нравы; 12) проверить феодальные родословные; 13) присвоить высокие ранги или чины верным вассалам прошлого или же вознаградить их детей и внуков; 14) упорядочить титулы девяти классов; 15) в равной мере развивать культуру и военное искусство; 16) восстановить награждение чинами за заслуги; 17) пересмотреть правила о форме одежды; 18) учредить гражданские и военные высшие школы, в которых могло бы обучаться все население страны; 19) поднять авторитет святынь храма Исэи Овари; 20) создать личную гвардию императора; 21) монахов сделать солдатами, монастыри — крепостями; 22) изготавливать новое вооружение; 23) с помощью опытных учителей овладеть обращением с иностранными машинами; 24) ввести гласность в вопросах финансов и денежного обращения; 25) точно определить государственные границы; 26) установить столицу страны и место резиденции императора; 27) облегчить подати; 28) реорганизовать систему управления («Маки Идзуми-но-ками ибун»).

В подавляющем большинстве пунктов этих требований говорилось о восстановлении феодальной морали либо указывалось на то, о чем должен проявлять заботу монарх. Однако такие пункты, как 22-й, 24-й и 27-й, которые как будто содержат довольно реальные требования, к сожалению, совершенно не разъяснены.

Такая бедность конкретной разработки планов реформы присуща не только Маки; то же самое наблюдалось у Кусака Гэндзуй, Хирано Куниоми и других руководителей движения тех лет. Планы Хирано Куниоми подробно изложены в книге «Хирано Куниоми дэнки оёби ико» («Биография Хирано Куниоми и оставленные им рукописи»), издание «Кэнсёкай».

ПАДЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА БАКУФУ

I. СПАД И ПЕРЕЛОМ В ДВИЖЕНИИ СОННО ДЗЭИ

18 августа 1863 года произошли крупные политические события. Это было как раз в то время, когда антиправительственные силы в движении сонно дзэи объединились и активизировались под флагом изгнания иностранцев, когда по мере оживления движения все сильнее и сильнее проступали внутренние противоречия, усиливавшие радикальную струю в движении, и когда наконец от лозунга изгнания иностранцев начали переходить к лозунгу свержения правительства бакуфу и реставрации императорской власти («осэй фужко»).

Это был государственный переворот, значение которого заключалось в том, что сторонники сотрудничества императорского двора и сёгуната, представленные высшей придворной аристократией, князьями и высшим дворянством, опиравшиеся на вооруженные силы княжеств Сацума и Айдзу, разгромили движение низшей придворной аристократии и низших слоев дворянства, выступавших под лозунгом почитания императора и изгнания варваров.

В княжестве Сацума после инцидента в «Тэрадая» (апрель 1862 года) силы сторонников почитания императора и изгнания варваров были подорваны. К тому же они сами ослабляли себя, враждебно относясь к княжеству Тёсю, которое считали постоянной помехой для утверждения ведущей роли в государственных делах всей страны за княжеством Сацума. Воспользовавшись сложившейся обстановкой, князь Симадзу Хисамицу попытался снова восстановить в княжестве свое политическое влияние и руководство¹.

Симадзу Хисамицу считал мятежным лозунг о немедленном выступлении против иностранцев. Однако он

вовсе не был чужд идее изгнания иностранцев, о чем можно судить по инциденту в Намамуги [убийство англичанина, пересекшего путь процессии князя Симадзу. — *Ред.*] и по деятельности самого Симадзу после Мэйдзи исин. Но в данное время он выступал против изгнания иностранцев, так как этот лозунг выдвигала «чернь» и «бунтовщики».

Он писал: «Если императорский совет открыто поддержит требование черни и объявит о намерении изгнать варваров, то это лишь подхлестнет всех мятежников к действиям и может принести непоправимый вред. Больше того, мы сыграем на руку иностранным варварам, их коварным планам и вместо единения страны под эгидой монарха пойдем по гибельному пути смуты, подобно Китаю»².

Словом, Симадзу считал прежде всего необходимым отстранить экстремистов от участия в движении за изгнание варваров, чтобы за движением не укрепилась дурная слава. Его мнение разделяли бывший кампаку Коноэ Тадахиро, его сын Тадафуса и принц Накагава (он же Сэйрэнин-но-мия, принц Сонъю).

Хозяйство княжества Айдзу базировалось на отсталом сельском хозяйстве, преобладавшем на северо-востоке Японии, и не менее отсталых формах социальных отношений. Давно уже ощущавшийся кризис феодальной системы был частично преодолен в результате проведения феодальными князьями ряда реакционных мероприятий в годы Кансэй (1789—1800). Это была целая система политических и экономических реформ (поощрение развития сельского хозяйства и промышленности, разработка целинных земель, возвращение беглых крестьян и т. д.), осуществлявшихся тогда в княжествах.

Однако в годы Тэмпо (1830—1847), когда почти повсюду вновь началась реформаторская деятельность, князья Айдзу уже не были в состоянии заниматься проведением реформ. Они не могли справиться с внутренними противоречиями, все более обострившимися и углублявшимся.

Как и в юго-западных княжествах, в Айдзу развивалось помещичье землевладение и укреплялся торговоростовщический капитал, контролировавший товарную продукцию, вырабатываемую в княжестве (коконы, керамика, лак, воск и т. д.). Вследствие слабости сил снизу

богатые крестьяне (гоно) и торговая буржуазия (госё) могли постепенно проникать в управленческий аппарат княжества. Поэтому в Айдзу не наблюдалось особо резкой борьбы между высшим и низшим дворянством. Сформировавшееся здесь движение за почитание императора и изгнание варваров и даже заговорщическая деятельность его руководителей не угрожали могуществу главы княжества. В Айдзу господствовали феодальная мораль, именовавшаяся в поучении для учеников школы Ниссин-кан, созданной в 1803 году, «Лунъюй * Айдзу», и непререкаемый авторитет «просвещенного правителя» — Мацудайра Катамори³.

Мацудайра Катамори в 1862 году, во время проведения правительством бакуфу реформ и преобразований, был вместе с Мацудайра Иосинага назначен в правительство в качестве санъё, а затем на пост сюго в Киото. Он принадлежал к известным князьям «симпан» [княжеские семейства, родственные правящему дому Токугава. — *Ред.*], был противником вмешательства князей тодзама в государственные дела и страшно ненавидел стоявших за спиной последних ронинов.

Должность сюго была учреждена для того, чтобы Мацудайра, используя знатность своего происхождения и вооруженные силы княжества, мог сразу же призвать к повиновению мелких дворян и ронинов из различных княжеств, собравшихся в Киото. Во имя укрепления мира между сёгунатом и императорским двором Мацудайра Катамори требовал проявлять уважение к воле императора об изгнании варваров, отказаться от открытия портов в провинциях Сэтцу и Идзуми и прекратить строительство здания английской дипломатической миссии (в Синагава, на холме Готэндзан). Занимаемая им позиция в вопросе о союзе сёгуна с императором и в деле изгнания варваров завоевала ему доверие императора и высшей придворной аристократии (кугэ)⁴.

Таким образом, события 18 августа 1863 года, по существу, отражали борьбу между даймё, с одной стороны, и низшими княжескими самураями и ронинами — с другой, за то, кому достанется честь изгнания иностранцев. Те, кто выдвигал лозунг «изгнания варваров»

* Лунъюй — древняя китайская книга, евангелие конфуцианской морали. — *Прим. ред.*

(дзэи), безусловно, поддерживали и вторую его часть — «почитание императора» (сонно). Но эта часть лозунга по-разному трактовалась каждой из групп: князья стремились к возрождению правительства бакуфу во главе с императором, а низшее самурайство и ронины добивались возрождения императорской власти на развалинах правительства бакуфу.

Руководящие самураи княжеств Сацума и Айдзу втайне быстро и детально разработали план политического переворота.

В это время императором были изданы два указа. В первом предписывалось начать кампанию, возглавляемую самим императором, за изгнание иностранцев из Японии с последующим покаранием правительства бакуфу, послушавшегося высочайшего приказа об удалении варваров [несколько ранее император возложил эту миссию на сёгуна. — *Ред.*]; сигналом к началу кампании должна была послужить императорская поездка в Ямато. Одновременно было тайно отправлено письмо принцу Накагава, целиком отменявшее первый указ⁵.

Во втором указе Мацудайра Катамори предлагалось удалиться из Киото в Эдо. Но спустя два дня Мацудайра через бывшего кампаку получил секретное императорское письмо, в котором говорилось, что его отъезд из Киото не соответствовал бы высочайшей воле⁶.

Словом, сторонники почитания императора и изгнания варваров были преданы как раз в момент, когда они все силы направили на то, чтобы воздействовать на трон, и были у порога заветной цели — вооруженной борьбы во главе с императором за изгнание иностранцев. Последовал молниеносный переворот. В одну ночь все было кончено. Во дворце все входы и выходы охранялись вооруженными отрядами княжеств Сацума и Айдзу; пропускали только тех кугэ, о которых охрана была предварительно оповещена; и, наоборот, не допускали таких должностных лиц, как букэ дэнсо, гисо, кокудзи гоё какари, кокудзи гоё сансэй* и их сотрудников, а также других кугэ — сторонников группы почитания императора и изгнания варваров. Руководство при дворе перешло целиком в руки кугэ — сторонников сотрудничества императора и сёгуна (кобу гаттай).

* Ряд ближайших к императору должностных лиц. — *Прим. ред.*

Группа кобу гаттай утверждала, что только ее позиция действительно верноподданническая, и обвиняла группу сонно дзёи в получении императорского указа насильственным путем и в искажении его смысла. Однако последняя не сдавала позиций и в свою очередь настаивала на том, что истинная воля императора была выражена до переворота, а объявленная после — грубая фальсификация, сфабрикованная принцем Накагава вкупе с князьями Сацума и Айдзу, пыталась организовать движение под лозунгом «беззаветной борьбы за императорский указ» и всячески сопротивлялась тому, что совершилось⁷. Таким образом, подлинность императорского послания решалась вооруженным путем.

Но император Комэй, действительно желавший изгнания иностранцев, тем не менее отнюдь не хотел свержения правительства бакуфу. Он от всего отрекся, утверждая, что императорский указ, изданный вначале, не был настоящим, а являлся «волей, исходившей из низов»⁸. Императора заботило лишь одно: «как бы не оказались ниспровергнутыми основы государственного управления в результате перехода власти к низам»⁹.

Таким образом, внешне получалось, будто благодаря перевороту воля императора исполнилась, тем более что он сам подчеркивал свое «глубокое удовлетворение тем, что его желание исполнилось». На самом же деле переворот был вызван трениями между княжествами Сацума и Айдзу, с одной стороны, и Тёсю — с другой, и борьбой экстремистских элементов из низшего самурайства княжеств и ронинов против умеренных слоев высшего дворянства и глав княжеств, что не имело непосредственного отношения к императору. После переворота положение несколько не изменилось, ибо по-прежнему «принц И-номия (Накагава) и его группа действуют по указке Сацума, а Сандзё и его сторонники — по указке Тёсю, и на заседаниях императорского совета никогда не бывает единства»¹⁰.

Вернуть утраченное доверие к императорским указам оказалось нелегко. Император не знал, как известить все княжества о подлинности указа, изданного после переворота¹¹, как передать свою истинную волю князю Симадзу Хисамицу и как самому узнать действительные намерения последнего¹².

При дворе распространялись самые разнообразные слухи. «Секретное императорское послание» было у всех на устах¹³. По требованию дворян княжеств — сторонников кобу гаттай даже после переворота в уже опубликованные императорские послания вносились всевозможные поправки и изменения¹⁴.

В тех условиях, чтобы нормализовать обстановку, сложившуюся после переворота, требовалось восстановить утраченный авторитет императорского совета (тёги), отказаться от непостоянства в политике и выработать для ее проведения «вечные незыблемые основы». Считалось, что нужно создать объединенный совет представителей крупнейших княжеств (рэппан кайги) и проводить политику, основанную на открытом общественном обсуждении. Но требования проведения политики, основывающейся на общественном обсуждении, то есть требования «отказа правительства бакуфу от своекорыстных целей во имя общественных интересов», фактически не выходили за пределы планов создания совета из глав сильнейших княжеств, в котором участвовали бы такие лица, как Хитоцубаси Кэйки — опекун сёгуна, Мацудайра Иосинага из Этидзэн, Яманоути Тоёсигэ из Тоса, Датэ Мунэки из Иё и Симадзу Хисамицу из княжества Сацума¹⁵.

Требования Хисамицу и Иосинага были удовлетворены. Всей этой пятерке, а также и Мацудайра Кататори было присвоено звание «санъё» (советников) и предоставлено право участия в работе императорского совета. Впоследствии они заседали поочередно, то в императорском дворце, то во дворце Нидзё [резиденция сёгунов Токугава во время их пребывания в Киото. — *Ред.*], обсуждая текущие государственные дела, вопрос об изоляции страны и меры наказания княжества Тёсю.

Внешне нормальные отношения между правительством бакуфу и двором установились в январе 1864 года, когда сёгун Иэмоти прибыл в Киото и получил императорский рескрипт на управление страной. В действительности же в то время и сёгунские и императорские функции начали переходить в руки Совецаний советников (санъё кайги), представлявших собой так называемый Совет представителей крупнейших княжеств.

Тем не менее положение оставалось неустойчивым. Среди группировки кобу гаттай внезапно обнаружилось

противоречия, и спустя два месяца после переворота Сопещание советников было распущено. Одна из причин этого внутреннего раскола заключалась в том, что правительство бакуфу всячески противилось участию советников-князей в государственных делах. Кое-кто из правительства бакуфу начал питать надежды, что благодаря перевороту настало время восстановить прежнее могущество сёгуната, а иные даже мечтали вернуться к периоду, предшествовавшему реформам годов Тэмпо¹⁶.

Представители княжеств называли подобные стремления «неуклюжими маневрами». Это вызывало взаимную отчужденность. Поводом, обнажившим эти противоречия, вновь стал вопрос о внешней политике.

В позициях бакуфу и ведущих княжеств произошел резкий поворот, и они, так сказать, поменялись местами. Теперь бакуфу настаивало на закрытии Иокогама — крупнейшего внешнеторгового порта, рассчитывая таким путем ограничить торговлю с иностранными государствами и усилить свой контроль над ней. По поручению правительства Кэйки известил об этом Сопещание советников. Наоборот, Хисамицу, Иосинага, Тоёсигэ и Мунэки выступили с возражениями, указывая, что закрытие порта чревато опасностью серьезного внешнеполитического кризиса. Они выступали против монопольного захвата правительством бакуфу всех выгод от внешней торговли и настаивали на активном проведении политики открытия страны, которая дала бы и главным княжествам возможность пользоваться прибылями от торговли.

Такое резкое изменение во взглядах свидетельствовало о том, что наступил этап, когда вопрос об открытии или изоляции страны уже перестал быть определяющим фактором для политического размежевания. Быстрое развитие торговли стало фактом, с которым нельзя было не считаться¹⁷.

Обе стороны достаточно ясно понимали, что нет никаких существенных различий между теорией открытия страны, допускающей закрытие страны, и теорией закрытия страны, допускающей открытие страны, коль скоро обе они ставили перед собою одну общую цель: «завершить полную военную подготовку в стране и решительно приступить к изгнанию варваров»¹⁸. Таким образом, вопросы открытия или закрытия страны пре-

вратились в тактический маневр, длившийся определенный период времени¹⁹.

Правительство бакуфу последовательно проводило политику жесткого контроля и ограничений внешней торговли. Наиболее показательным явился указ о завозе в Эдо пяти видов товаров, изданный в марте 1860 года. Указом запрещалась непосредственная транспортировка в Иокогаму из других районов страны пяти важнейших экспортных товаров: зерновых культур, растительного масла, воска, тканей и шелка-сырца, и предписывалось осуществлять торговлю этими товарами через эдоских оптовиков (тойя). Это было одним из способов установления контроля бакуфу над внешней торговлей через посредничество крупных привилегированных эдоских купцов.

Бакуфу настойчиво добивалось неукоснительного выполнения указа, но под давлением извне — международного капитала, знаменем которого была свобода торговли, — а также изнутри — под нажимом периферийных купцов, появившихся после открытия портов повсюду в провинциях, — вынуждено было отступить. Для оказания отпора бакуфу эти периферийные купцы вошли в контакт с руководством ведущих княжеств, также заинтересованным в получении своей доли прибылей от внешней торговли²⁰. Но даже и они были купцами докапиталистического типа, подобными эдоским оптовикам. Правда, если последние, являясь типичными представителями торгового капитала, извлекали доходы исключительно из сферы обращения, то периферийные купцы, как новая категория, соприкасались с местным производством в форме авансирования скупщиком непосредственных производителей и в форме вложения капитала в мануфактуры.

В ходе борьбы, разгоревшейся вокруг указа о завозе в Эдо пяти видов товаров, обнаружили весьма примечательные явления: рост реальных сил периферийных купцов, с которыми уже нельзя было не считаться; перерастание экономического соперничества между эдоскими оптовиками и правительством, с одной стороны, и периферийными купцами и руководством ведущих княжеств — с другой, в политическое противоречие; невозможность для капитала бороться в одиночку против гнета феодализма и необходимость искать поддержки

и союза с новыми феодальными силами для противодействия бакуфу; и, наконец, установление связи представителей торгового капитала через деятельность монопольно-скупочных контор (самбуцу кайсё и кокусан кайсё), принадлежавших правительству бакуфу и княжествам, с органами феодальной власти. Именно тогда ведущие княжества начали непосредственно заниматься полулегальной «контрабандной торговлей». Каждое из них командировало своих постоянных представителей в открытые порты для организации экспорта специальных продуктов княжества и для импорта оружия и судов²¹.

Именно поэтому правительство бакуфу стремилось свести к минимуму последствия открытия портов. Добившись отсрочки предоставления статута открытых портов для Эдо, Осака, Ниигата и Хёго²², обусловленного в договорах, оно продолжало проводить ту же политику и после переворота 18 августа 1863 года. Бакуфу распространило указ о контроле над внешней торговлей на шелк-сырец и одновременно подготавливало закрытие порта Иокогама²³. Эти действия непосредственно были направлены против императорского двора и группировки сонно дзёи, с тем чтобы выбить из рук антиправительственных сил их козырь — требование об изгнании иностранцев. Однако по мере развития событий начала проявляться истинная сущность правительственной политики открытия страны. Усиление ограничений в области внешней торговли привело к сокращению экспорта в 1864 году (см. схему, приложенную в конце книги). Это привело также к тому, что усилилась решимость иностранных держав применить в защиту торговли силу, хотя до сих пор они питали некоторое доверие к политике открытия страны, проводимой бакуфу.

Под влиянием событий 18 августа 1863 года в среде сторонников почитания императора и изгнания варваров наметился определенный спад в отношении лозунга о «почитании императора». Неизбежно должен был произойти значительный поворот и в оценке лозунга об «изгнании варваров». И действительно, поворот свершился. Он произошел после двух событий: обстрела в июне 1863 года английской эскадрой города Кагосима в знак мести за инцидент в Намамуги в августе 1862 года и бомбардировки объединенной эскадрой че-

тырех держав — США, Франции, Англии и Голландии — в августе 1864 года владений княжества Тёсю, исполнявшего императорский указ об изгнании варваров и открывшего в мае 1863 года артиллерийский огонь по иностранным кораблям, проходившим через Симоносекский пролив.

В свое время княжество Сацума отвергло требования о наказании преступника, совершившего убийство в Намамуги, ссылаясь на японский обычай убивать всех, пересекших дорогу княжеской процессии. Это было проявлением слепой ненависти к иностранцам и демонстрацией против «мягкотелости» правительства бакуфу, выполнявшего все требования держав²⁴. Действия княжества Сацума были одобрены феодальными деятелями того времени, поддерживавшими идею изгнания иностранцев, и снискали ему широкую популярность.

Несколько позже правительство бакуфу, вынужденное все же уступить требованиям Англии уплатить компенсацию, обусловило ее уплату согласием держав на ведение переговоров о закрытии порта Иокогама и, по крайней мере внешне, декларативно заявляло двору и князьям о том, что «война начнется сразу же, как только сложатся благоприятные обстоятельства»²⁵.

Княжество Тёсю, являвшееся ядром антииностранных движения, рассчитывало возглавить борьбу за изгнание варваров. С этой целью вооруженные силы княжества подвергли артиллерийскому обстрелу иностранные корабли. Его руководители были воодушевлены императорским посланием, одобрявшим их действия. Правительство бакуфу в это время получило императорский указ, повелевавший изгнать иностранцев, и, таким образом, оказалось между двух огней — двором и иностранными державами. Не зная, как поступить, оно прежде всего попыталось призвать к порядку княжество Тёсю, заявляя, что действия по изгнанию иностранцев возложены императором только на правительство. Однако оно не осмелилось наказывать за решительные действия руководителей княжества, прикрывавшихся императорским указом. Чтобы противодействовать устремлениям княжества Тёсю, бакуфу само стало склоняться к поддержке политики закрытия страны и удаления иностранцев. Словом, оба инцидента — в Намамуги и в Симоносеки — вышли за местные рамки,

касавшиеся только двух княжеств, и переросли в широкую внешнеполитическую проблему изгнания иностранцев.

В ответ иностранные державы, и особенно Англия, которая была пострадавшей стороной в обоих инцидентах, резко изменили свою позицию и перешли от прежней осторожной линии поведения, когда они считали, что применение вооруженных сил может только повредить нормально развивавшейся торговле, к твердой политике. Этот переход ускорился и резким снижением объема внешней торговли в первом полугодии 1864 года, возникшим вследствие широкой антииностранной агитационной кампании, проводимой политическими кругами Японии. Англия считала, что наступил момент, когда следует либо избрать путь безропотного отступления и смириться, как когда-то Голландия, с открытием лишь одного порта Нагасаки, либо заставить Японию выполнять договор, действуя насильственными средствами. Она решила напасть на бастион своих наиболее сильных и неукротимых противников из лагеря феодалов и, доказав «всем господствующим силам — от императора и сёгуна до самураев и ронинов включительно» — невозможность изгнания иностранцев, заставить их отказаться от своих планов. В то же время Англия считала такой путь самым действенным для избежания прямого столкновения между Японией и державами²⁶. Доказательством того, что Англия во время карательной симонсекской экспедиции твердо придерживалась этих своих установок, служит меморандум представителей четырех держав, в котором последние обязывались не добиваться отчуждения японских территорий, не требовать и не получать специальных прав и концессий, не вмешиваться в дела местного управления и во внутренние конфликты в стране.

Расчеты держав на то, что демонстрация их военной мощи поможет формированию просветительных элементов из среды руководящих деятелей феодальных княжеств, оказались правильными. Действительно, мощный артиллерийский огонь из иностранных орудий пробил брешь во взглядах дворянства княжеств Сацума и Тёсю. Убедившись в превосходстве военной мощи иностранных держав, они, прежде проникнутые слепой ненавистью к иностранцам, вынуждены были смириться с необходимостью заимствования иностранной культуры.

После восстановления мира в обоих княжествах противоречия между ними и правительством бакуфу все углублялись. Оба княжества остро почувствовали необходимость срочного пополнения и модернизации вооружений. Поэтому тенденции на сближение с иностранными державами стали крепнуть. Князья считали, что если широко открыть страну и воспринять иностранную культуру, то в будущем это оградит Японию от иностранного вторжения. Таким образом, в движении за почитание императора и изгнание варваров в период 1863—1864 годов произошел перелом в оценке как внутривполитической, так и внешнеполитической ситуации. Это нашло свое выражение в том, что движение, не отвергая идеи об уважении императора и, даже наоборот, еще более настойчиво подчеркивая ее, сделало поворот к борьбе за свержение правительства бакуфу; в том, что, не отвергая идеи об удалении иностранцев и, даже наоборот, еще более настойчиво подчеркивая внешний кризис, движение сделало поворот к политике открытия страны в целях освобождения от иностранной зависимости, то есть к открытию страны в целях внешней экспансии, в целях внешних захватов.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I ГЛАВЫ III

¹ В декабре 1861 года князь Симадзу Хисамицу выехал в Киото с целью установить сотрудничество между двором и бакуфу. В то же самое время, чтобы пресечь деятельность группы, намечавшей свержение правительства бакуфу вооруженным путем, в гостинице Тэрадая в Фусими были убиты руководители экстремистской группы «патриотов» из княжества Сацума: Арима Синсити, Сибаяма Аидзиро и другие. Хисамицу выслал обратно в княжество и наложил взыскания на более чем 20 человек, в том числе на Сайго Цугумити (Синго), Ояма Ивао (Ясукаэ), Синохара Кунимики (Тоитиро). Несколько ранее гнев Симадзу Хисамицу обрушился даже на руководителя движения группы сонно дзэи в княжестве Сацума — Сайго Такамори (Иосиноскэ), который был сослан на остров Токуносима под тем предлогом, что он явился в Киото, не дожидаясь приказа Симадзу Хисамицу. Его обвиняли в связях с ронинами и подготовке вооруженного восстания, а также в подстрекательстве «невыдержанной и неуравновешенной» самурайской молодежи.

Сайго Такамори не мог сдержать своего возмущения действиями князя Симадзу Хисамицу и в письме к Коба Дэннай от июня 1862 года писал: «Вообще такие, как я, фактически ничего

не могут сделать. Видимо, не надо быть до такой степени самоотверженно преданным. Теперь на меня уже никаких надежд не возлагайте» («Дай-Сайго дзэнсю» («Полное собрание сочинений великого Сайго»), т. I). Несомненно, что только суровые репрессии Симадзу Хисамицу могли заставить Сайго Такамори, верного и преданного вассала князей Симадзу, которым он начал служить еще при князе Нариаки, выразиться подобным образом. Словом, Сайго был глубоко возмущен тем, что князь Хисамицу направил все внимание и силы на подавление мятежников. Между прочим, даже внешний вид «бунтовщиков» Хисамицу характеризовал с раздражением и тревогой: «Да и внешность у этой молодежи особая, держат себя небрежно, развязно и совсем не похожи на самураев». И далее: «Они не уважают волю и достоинство вышестоящих лиц, подстрекают толпу черни» («Симадзу Хисамицу-ко дзикки» («Биография князя Симадзу Хисамицу»), т. I, «Поучение самураям княжества Сацума от марта 1862 года»). Из его описания явствует, что экстремисты даже своим внешним обликом бросали вызов феодальному порядку.

Наоборот, друг Сайго — Окубо Тосимити (Итидзо), верный и преданный вассал Хисамицу, развернул иную, хотя и не менее активную деятельность в Киото. Его тревожило, что «безответственные нападки со стороны представителей княжеств Тёсю и Тоса, которые завидуют блестящей репутации княжества Сацума, превосходят все границы». И Окубо прилагал большие усилия, чтобы устранить все, что затрагивает «честь и репутацию» князя Хисамицу. В январе 1863 года Окубо в письме к Яманака Сэмон писал о своем глубоком уважении к Хисамицу, который собственно ручно одарил его: «Это неиссякаемая милость неба. Я был тронут до слез и не находил слов для выражения своих чувств» («Окубо Тосимити канкэй бунсё» («Архив Окубо Тосимити»), т. I). А затем, когда Окубо был выдвинут стажером на пост чиновника для согласования с сёгунским правительством всех важнейших вопросов в жизни княжества Сацума, он заявил: «Я несказанно благодарен. Не пожалею жизни, чтобы достойно выполнить свою службу» («Окубо Тосимити никки» («Дневник Окубо Тосимити»), сентябрь 1862 года, т. I). И действительно, в годы Кэйю (1865—1868) его преданная служба превзошла все ожидания князя Симадзу.

² Докладная записка, представленная князем Симадзу 21 августа 1862 года бывшему кампаку Коноэ Тадахиро («Симадзу Хисамицу-ко дзикки» («Биография князя Симадзу Хисамицу»), т. II).

³ См. Фудзита Горо, Нихон киндай сангё-но кэйсэй «Развитие японского хозяйства»; Сёдзи Китиноскэ, Фукусима-кэн ногё-си (История развития сельского хозяйства в префектуре Фукусима); Сато Гихати, Айдзу-си (История княжества Айдзу), т. 1—4.

⁴ Ямакава Хироси (Ко), Кёто сюго-сёку симацу (К вопросу об учреждении должности сюго в Киото).

⁵ Указ, объявлявший о поездке императора в Ямато, был издан 13 августа 1863 года. Указ был составлен вопреки колеблющемуся и нерешительному императорскому совету и содержал прямой призыв «подвергнуть небесной каре» тех, кто противится решительной кампании изгнания иностранцев, возглавляемой императором, ибо эти люди «вошли в преступный сговор с чиновниками прави-

тельства бакуфу и чинят препятствия императорскому правлению». Однако сразу вслед за этим указом император заявил принцу Накагава о том, что начинать кампанию преждевременно и что «тебе, узнав теперь нашу волю, надлежит все должным образом уладить» («Куни-но-мия синва бунсё» («Протокольная запись высказываний императора, составленная принцем Куни-номия»), «Исин си», т. III).

⁶ В императорском письме было сказано следующее: «Ваш отъезд был бы для меня весьма нежелателен. Но тогда, во время светского разговора с придворными, у меня вырвалось это глупое замечание, и теперь уж ничего не поправишь... Если станет известно об этом моем разъяснении, то могут снова начаться беспорядки, поэтому я хотел бы, чтобы Вы все это обдумали и взвесили. Секретно» («Комэй тэнно ки» («Хроника правления императора Комэй»), т. 87). Последняя часть письма означала просьбу хранить все в тайне из опасения, что, если содержание письма получит огласку, найдутся такие лица, которые «устроят смуту» в стране.

⁷ После переворота княжество Тёсю приняло такую политическую программу: «Мы не имеем иных мыслей и чувств, кроме верности нашему монарху. Чтобы рассеять тревоги, заботы и успокоить сердце его величества, надо прежде всего устранить все то плохое, что было во времена прежних правлений, уничтожить изменников внутри страны и, наконец, успешно завершить изгнание варваров». Теоретики из княжества Тёсю считали, что изгнание варваров — это воля монарха, что действовать в соответствии с нею — значит почитать императора и бороться за справедливость, а все, кто действуют иначе, — «враги трона» и должны быть уничтожены (см. «Ботё кайтэн-си» («История великих деяний в провинциях Нагато и Суво»), т. IV, часть 1).

Каро княжества Ихара Сюкэй обратился с просьбой разрешить ему въезд в Киото для того, чтобы доложить трону истинные намерения главы княжества, которые основывались на уверенности, что «истинная императорская воля была выражена до событий 18 августа. Таковой не является высочайшая воля, выраженная после этого дня. Она возникла как отражение взглядов принца И-номия (принц Накагава) и группировки княжеств Сацума и Айдзу и ложна от начала до конца. А потому необходимо настойчиво просить трон восстановить положение, существовавшее в стране до 18 августа» (Наканэ Юкиэ, Дзоку, Сайму кидзи, т. 2).

Наоборот, Маки Идзуми-ноками истолковывал события в совершенно противоположном смысле: «Предъявлять его величеству настойчивые требования — это насилие. Особенно когда в ход пускаются угрозы. В течение нескольких дней его величество непрерывно проливал слезы печали. А позже изволил сказать, что высочайшая воля, выраженная до событий 18 августа, не является подлинной волей монарха, что указ этот ложный от начала до конца» («Маки Идзуми-ноками ибун», письмо, посланное осенью третьего года Бункю (1863) в адрес Сайго Такамори). Короче говоря, Маки Идзуми-ноками среди группировки сонно дзён был самым ярким поборником вооруженных действий против Тёсю. Он требовал двинуть войска к воротам дворца. Даже после того, как был получен указ от двора, в котором сообщалось об отходе

войск княжества Тёсю, его мнение не изменилось, ибо он считал, что не может быть истинным указ, милостивый к изменникам.

А княжество Тёсю в конце текста обращения, выпущенного в ноябре 1863 года, взывало: «Где же подлинный императорский указ? Чему верить в императорском указе?» («Кихэйтай никки», («Дневник кихэйтай»), т. 32). Недовольство императорским указом отразилось и в лозунге «Беззаветно бороться за императорский указ».

* В письме к принцу Накагава, Коноэ Тадахиро и Нидзё Сэйкё (Наритака) император писал: «Меня глубоко опечалили необузданные действия Сандзё [Санэтоми. — Т. С.] и других. Они нисколько не считались с моим мнением. Больше того, они, ни о чем не докладывая мне, договаривались с ронинами и поступали по своему усмотрению и произволу. Они всюду заявляли, будто заботятся о возвеличении трона, но на самом деле это была воля, исходящая от мятежных низов, а вовсе не моя воля... Я очень рад, что 18 августа, как мы и надеялись, столица была очищена от этой презренной черни... Большое счастье для всей страны, что такие опасные изменники родины, как Сандзё и другие, удалены. Это было и моим желанием, и я глубоко удовлетворен тем, что оно исполнилось» («Комэй тэнно-ки», т. 90; «Ивакура-ко дзикки», т. 1).

15 ноября император через Коноэ Тадахиро передал Хисамицу секретное письмо. «Распространяются два вида слухов, — писал он, — первый — о том, будто все полномочия нужно предоставить Канто [сёгуну. — Ред.], и второй — о необходимости восстановления императорского правления. Наиболее необузданные элементы, поддерживающие вторую версию, упорно требуют восстановления императорского правления и вынашивают в связи с этим различные планы. Но я этого не одобряю. Я был несогласен с этим с самого начала». Император от правительства бакуфу лишь требовал почтения трона в духе теорий школы Мито: «Если бы правительство бакуфу встало на путь верноподданнического служения трону, — писал он далее, — и почтения императора, то весь народ также стал бы уважать бакуфу, а для меня это было бы высшей радостью» («Комэй тэнно-ки» («Хроника правления императора Комэй»), т. 92).

⁹ «Ивакура-ко дзикки», т. 1.

¹⁰ В первом году Кэйо (1865) Ивакура Томоми изложил свой взгляд на политическую обстановку в произведении «Дзоку. Соримэйтю». Желая узнать мнение Комацу Тайто, Окубо Тосимити и других самураев княжества, он передал им это произведение через жителя княжества Сацума Иноуэ Ивами (Нагааки).

Он писал: «Говорят, что княжества Сацума и Тёсю живут как кошка с собакой. Если грянет буря, то трудно себе представить, к чему это приведет. События 18 августа возникли исключительно из-за соперничества этих княжеств между собою... Принц И-номия [Накагава] и его группа действуют по указке Сацума, а Сандзё и его сторонники — по указке Тёсю, поэтому на заседаниях императорского совета никогда не бывает единства. Разве не достойно это всяческого сожаления?» («Ивакура-ко дзикки», т. 1).

¹¹ Ясно, что многие кугэ и главы княжеств не могли не сомневаться в том, действительно ли события 18 августа произошли в соответствии с волей императора. Ввиду этого 26 августа во дво-

рец были приглашены высшие официальные лица и главы княжеств, находившиеся в Киото. В присутствии императора кампаку зачитал следующее высочайшее послание: «До сих пор многие не имеют ясного представления о том, где истина, а где ложь. Между тем то, что было объявлено после 18 августа, есть подлинная моя воля. Прошу, чтобы у всех князей никаких сомнений и разногласий на этот счет не было».

Словом, разыгралась трагикомедия, когда императору лично пришлось подтвердить и доказывать подлинность своих указов и своей воли (см. «Комэй тэнно-ки», т. 90).

¹² В письме от 15 ноября к Хисамицу император писал, что упорно распространяемые слухи, будто события от 18 августа произошли вопреки его воле, ложны. «До сих пор распространяются всякие ложные слухи. Не верьте им. Если же паче чаяния у вас возникнут какие-либо сомнения, то письменно обратитесь к принцу И-номия [Накагава] или к бывшему кампаку и другим. Они совершенно ясно и конфиденциально ответят вам, где истина и где ложь».

Хисамицу написал ответное письмо императору, но последний все же продолжал питать сомнения, выразившиеся, например, в письме к принцу Накагава: «8 числа через бывшего кампаку [Коноэ Тадахиро. — Т. С.] я получил ответ от Сабуро [Хисамицу. — Т. С.] на мое секретное письмо. Коль скоро он ознакомился с моим письмом, то никаких оснований для сомнений у него не должно было бы быть. Но я не знаю, действительно ли его письмо свидетельствует о верности или же оно написано, что едва ли вероятно, по настоянию бывшего кампаку Коноэ Тадахиро. Об этом я неофициально навожу сведения. Хочу просить о том же и вас» («Комэй тэнно-ки», т. 92).

¹³ Вечером 8 февраля 1864 года посланник императора принц Но-номия Садакса посетил Мацудайра Катамори и передал ему конверт, устно добавив, что император, зная, что Катамори любит и понимает поэзию, присылает ему несколько написанных им самим стихов. Вскрыв конверт, Катамори обнаружил вовсе не стихи, а «секретное послание» императора, уведомлявшее о прежнем доверии к нему императора. В нем говорилось о том, что указ, изданный до событий 18 августа и предписывавший Катамори выехать в Эдо, не отражал его воли, что она была искажена мятежниками. Император добавлял, что это письмо он написал «непосредственно Катамори, не сообщая ничего кампаку и другим придворным». Тем самым он давал понять, что письмо следует сохранять в тайне от кампаку и других. Катамори в ответном письме поклялся вселенной и всеми богами, что об этом не узнает ни одна душа (см. «Комэй тэнно-ки», т. 95).

¹⁴ В послании императора от 22 августа, разосланном всем кугэ и находившимся в Киото представителям княжеств, сообщалось о текущих событиях и, в частности, были следующие слова: «Некоторые представители княжества Тёсю допустили грубые действия, видимо, потому, что у них было болезненно развито чувство справедливости». Последние слова вызвали острое недовольство самураев княжества Сацума, и по их настоянию 24 августа они были заменены выражением «чувство рыцарства». Кроме того, в заключительной части послания по тем же мотивам была исключена целая фраза (см. «Исин си», т. III, раздел 12, глава I).

Сразу же после событий 18 августа в послании к бакуфу император по-прежнему продолжал настойчиво требовать изгнания варваров и подчеркивал, что «в вопросе об изгнании варваров наша воля нисколько не изменилась». Но потом, отчасти под впечатлением доклада Хисамицу, взгляды императора постепенно смягчались, и в послании от 27 января 1864 года он уже выражал совершенно иное мнение, а именно «вместо нападения на иностранные корабли надо сначала укрепить собственную оборону».

Все это вместе взятое заставляло очень многих сомневаться в подлинности императорского указа. Одни утверждали, что последнее послание не могло быть написано императором, другие говорили, что проект послания был составлен самураем княжества Сацума — Такасаки Итаро (Томоёси). Накаяма Тадаёси в своем дневнике с прискорбием записал: «Секретное императорское послание, в котором объявлялась воля его величества, составлено простолудином! Что может быть ужаснее?» («Комэй тэнно-ки», т. 99).

15 октября Хисамицу сделал представление императору о «желательности согласия его величества на общественное обсуждение государственных дел при участии представителей княжеств, которые должны регулярно съезжаться в Киото» («Симадзу Хисамицу-ко дзикки» («Биография князя Симадзу Хисамицу»), т. III). То, что он имел в виду, предлагая создание Совета княжеств (рэппан кайги) и введение общественного обсуждения, он изложил Мацудайра Иосинага: «Поскольку сейчас наиболее благоприятный момент для определения государственной политики Японии, то следует создать совет во главе с императором в составе Хитоцубаси Кэйки, Мацудайра Иосинага, Яманоути Тоёсигэ и Датэ Мунэки» («Дзоку сайму кидзи», т. 2).

Из нижеследующего можно ясно понять, что истинное значение намечаемого Совета четырех князей заключалось в том, чтобы противопоставить этот Совет глав крупных княжеств Государственному совету токугавского правительства, состоявшему из глав мелких княжеств — непосредственных вассалов дома Токугава.

По дороге в Киото Хисамицу послал к Мацудайра Иосинага каро своего княжества Комацу Тайто с посланием, где говорилось: «До сих пор власть правительства бакуфу находилась в руках родю, назначаемых из числа глав мелких княжеств. В нынешних условиях уже невозможно, чтобы народ подчинялся такой системе. Нужно ее изменить. Следует создать другой орган, во главе которого стояли бы князья крупнейших княжеств» («Симадзу Хисамицу-ко дзикки», т. III).

Это показывает, насколько неглубоки и примитивны были идеи о привлечении общественного мнения для обсуждения государственных вопросов, как первоначально намечавшийся орган «общественного обсуждения государственной политики» (Осатакэ Такэси, Мэйдзи нсин, т. II) трансформировался в Совещание советников (санъё кайги), и раскрывает главную цель, заключавшуюся в создании объединенного политического органа крупнейших княжеств, обладавших мощными вооруженными силами. Этот орган должен был, по замыслу князей, заменить правительство бакуфу, которое уже не в состоянии держать в узде настроения и чувства народа.

16 В феврале 1865 года в письме принца Ямасина-но-мия (Акира Синъо) в адрес Хисамицу говорилось: «Может показаться,

что сѣгун честно и правдиво советует императору, как действовать, но на самом деле *высшие сановники бакуфу мечтают о том, как бы вернуть времена, существовавшие еще до годов Тэмпо (1830—1843)*. Поэтому весь ход событий не предвещает ничего хорошего» («Симадзу Хисамицу-ко дзикки», т. V).

Этот интересный исторический документ весьма показателен с точки зрения оценки значения реформ периода Тэмпо, коль скоро считалось, что целью бакуфу являлось восстановление своего могущества, существовавшего до этого периода.

¹⁷ Цитируем «Кэйо дзацудан» («Высказывания годов Кэйо») из «Михан дзуйхицу хякусю» («Непубликовавшиеся очерки»), т. II. Приведенные здесь сведения позволяют судить об отношении широких слоев народа в то время к вопросу о закрытии порта Иокогама. «Даже крестьяне отдаленных от города районов и горных деревень, несмотря на крайнюю бедность, разводят чай и тутовник на своих крошечных участках земли и сбывают эти товары в Иокогама. Поэтому они молят богов, чтобы Иокагама обязательно продолжала оставаться открытым портом. И таких негодяев в стране огромное количество. Идеи изгнания варваров постепенно исчезают из сознания народа. Больше того, искренних борцов-патриотов, таких, как мы, они презирают, издевательски называя *«твердолобыми упрямыми»*. Словом, в документе хотя и клеймятся «негодьями» те, кто желает вести внешнюю торговлю, тем не менее между строк сквозит горькая ирония самих сторонников изгнания варваров, вынужденных признать, что общественное мнение страны считает их *«твердолобыми упрямыми»*.

¹⁸ Заслуживает внимания, что в первом году Гэндзи (1864) Хисамицу в поучении самураям княжества воздержался от критики открытия страны. Он говорил: «Известно, что во всех княжествах шли ожесточенные споры между сторонниками и противниками открытия страны. Кое-кто договаривался даже до того, чтобы все наше княжество сделать *«открытым портом»*. Не следует их, однако, порицать. Но тем не менее нельзя необдуманно действовать под впечатлением какой бы то ни было теории, пришедшейся по душе. С позапрошлого года мы, придерживаясь наших постоянных и твердых правил, все внимание устремили на то, чтобы провести достаточную военную подготовку и приступить к нашей неизменной цели — изгнанию варваров» («Симадзу Хисамицу-ко дзикки», т. IV).

¹⁹ В воспоминаниях Кэйки говорится о том, что бакуфу стало энергично настаивать на политике изоляции страны с целью обезоружить Хисамицу и других представителей оппозиции: «Княжество Сацума категорически требовало изгнания варваров для того, чтобы оттеснить княжество Тёсю и не дать ему выдвинуться на первый план. Поэтому теперь, когда княжество Сацума добилось своего, оно, наоборот, решительно настаивает на открытии страны. Конечно, у княжества Сацума свои расчеты. Но я считаю, что нам ни в коем случае не следует соглашаться с ними» («Сэкиму-кай хикки» («Записи старины»); «Токугава Кэйки-ко дэн» («Биография князя Токугава Кэйки»), т. VI).

Мацудайра Иосинага также неоднократно менял свои взгляды и поддерживал то требование об изгнании варваров, то требование об открытии страны. В сентябре 1862 года Иосинага, заняв пост политического советника (сэйдзи сосай), переменял свои прежние

убеждения о необходимости открытия страны и стал настаивать на расторжении договоров с иностранными державами и изгнании варваров. Теперь он требовал безоговорочного расторжения договоров, считал необходимым подготовить общественное мнение страны к неизбежности войны, собрать князей всех крупных и мелких княжеств, совместно обсудить генеральный курс политики страны и, приняв единое решение, диктовать иностранным державам свою волю во внешнеполитических вопросах. Затем, ближе ознакомившись с планами Кэйки об открытии страны, он изменил свои взгляды и стал поддерживать Кэйки. Однако уже спустя месяц, когда обнаружились слабые стороны планов бакуфу об открытии страны, он снова вернулся к прежним принципам о необходимости расторжения договоров и об изгнании иностранцев. После этого он в четвертый раз переменял свою позицию. На Совещании советников он выступил против предлагавшегося Кэйки курса на закрытие портов и расторжение договоров. Советником Иосинага в вопросах внешней политики был Иокои Сёнан (Хэй-сиро), влиянием которого, видимо, и были вызваны шарахания Иосинага то в ту, то в другую сторону. Сёнан изучал европейские науки и считался прогрессивно мыслящим сторонником открытия страны. Однако из посмертно изданного произведения Ямадзаки Масатада (Сэйкун) «Иокои Сёнан» видно, насколько тесно теория Сёнан об открытии страны переплеталась с теорией изоляции страны.

²⁰ См. Исии Такаси, Бакумацу бэки-си-но кэнкю (Изучение истории внешней торговли в период Бакумацу), раздел 2, главы 1, 2.

Знаменательно, что периферийные купцы, торговавшие шелком-сырцом, постоянно нарушали запреты правительства бакуфу и вели экспортную торговлю, прикрываясь авторитетом княжества Сацума.

²¹ Оружие и суда импортировались главным образом через Нагасаки. По статистическим данным, в 1865 году половину всей суммы импорта через Нагасаки составляли военные грузы. Причем половина суммы, уплаченной за ввезенные в этом году суда, падала на княжество Сацума; правительство же бакуфу оставалось далеко позади (см. Исии Такаси, Бакумацу бэки-си-но кэнкю).

Княжество Сацума настолько преуспевало во внешней торговле, которая велась через порты Нагасаки и Иокогама, что это вызвало острое недовольство сторонников изгнания варваров. В январе 1864 года пароход княжества Сацума даже подвергся нападению со стороны самураев княжества Тёсю. Закупки оружия и ведение других внешнеторговых операций были поручены самураю княжества Сацума — Госиро Томоцу (Сайскэ), ставшему впоследствии, в период Мэйдзи, крупнейшим купцом, тесно связанным с правительством. Княжество Тоса также основало в Нагасаки свою контору «Торговый дом Тоса», через которую экспортировало камфару, являвшуюся княжеской монополией, и закупало оружие и суда. Главную роль в торговых операциях Тоса играли Гото Сёдзиро и основатель современного концерна Мицубиси — Ивасаки Ятаро.

Ведение внешней торговли княжества Этидзэн было поручено Юри Кимимаса (Мицуока Хатиго). В Нагасаки на принадлежав-

шем княжеству земельном участке были построены складские помещения и закупочно-сбытовая контора. Юри всячески содействовал накоплению княжеством богатств. Позже он стал одной из ведущих фигур в финансовой жизни страны периода Мэйдзи.

О внешней торговле княжества Сацума см. «Кагосима-кэн си» («История префектуры Кагосима»), т. III; Цутия Такао, Хокэн сякай хакай катэй-но кэнкю (Исследование процесса крушения феодального общества) и Госиро Рюсаку, Госиро Томоцу дэн (Биография Госиро Томоцу).

О внешней торговле княжества Тоса см. Это Цунэдзи, «Коти-хан ни-окэру бакумацу-но син-сэйсаку» (Новая политика в княжестве Коти в период Бакумацу), в работе «Бакумацу кэй-дзай си кэнкю» («Изучение истории экономики в период Бакумацу»), составленной Институтом по изучению экономики Японии.

О внешней торговле княжества Этидзэн см. Миока Такэо (Дзёфу), «Юри Кимимаса дэн» (Биография Юри Кимимаса).

²² Согласно заключенным с иностранными державами договорам, город Ниигата должен был стать открытым портом с 1 января 1860 года, Эдо — с 1 января 1862 года, а Хёго и Осака — с 1 января 1863 года. Правительство бакуфу, желая предотвратить усиление и обострение противоречий внутри феодального общества по поводу открытия этих портов и городов и добиться отношений мира и дружбы между правительством и двором, в декабре 1861 года командировало в Европу для ведения переговоров с правительствами Англии и Франции об отсрочке открытия портов Такэути Ясунори, занимавшего посты кандзё-бугё и гайкоку-бугё [соответственно пост главы ведомства финансов и ведомства иностранных дел. Каждое ведомство возглавлялось не одним, а несколькими лицами. — *Ред.*], и Мацудайра Ясунао, занимавшего посты канагава-бугё [префект города Канагава. — *Ред.*] и гайкоку-бугё. Это была вторая делегация, направленная за границу. Первая делегация, возглавляемая Ниними Масаоки и Мурагаки Нормаса, выехала в январе 1860 года в США для обмена ратификационными грамотами по японо-американскому торговому договору. В итоге переговоров посланной в Европу второй делегации в Лондоне был составлен меморандум. Взамен согласия на отсрочку открытия портов на пять лет, считая с 1 января 1863 года, Англия добилась снятия ограничений на свободу торговли в других открытых портах и гарантий на снижение импортных тарифов. Англия пошла на эти «уступки» потому, что рассматривала правительство бакуфу как надежный оплот против движения за изгнание варваров.

²³ В 1863 году правительство бакуфу командировало в Европу делегацию во главе с гайкоку-бугё Икэда Нагаакירה и гайкоку-бугё Кавацу Скэкуни для ведения переговоров о закрытии порта Иокогама.

В это же самое время сёгун собирался выехать в Киото для того, чтобы, ссылаясь на посылку этой делегации, подтвердить, что правительство старается выполнять императорскую волю об изгнании варваров.

Делегация прежде всего начала переговоры с правительством Франции. Это было как раз в тот момент, когда Франция, прежде державшаяся во внешней политике курса на совместные действия с Англией, начала проводить новую, самостоятельную активную

внешнеполитическую линию. Французское правительство быстро согласилось на ведение переговоров. В итоге переговоров, состоявшихся в Париже, было выработано соглашение, в котором, однако, Франция не признавала Иокогаму закрытым портом. Больше того, Франции обеспечивалась компенсация за ущерб, нанесенный французскому военному кораблю обстрелом, произведенным княжеством Тёсю во время следования иностранных судов через Симоносекский пролив, и за ущерб от снижения пошлин на импортируемые в Японию французские товары. Взамен французское правительство лишь обещало начать постройку во Франции военных судов по заказам Японии, допустить обучение японских студентов-стажеров и оказать помощь в карательной экспедиции против княжества Тёсю. Делегация Икэда, оставив мысль о переговорах с другими странами, вернулась в Японию. Правительство бакуфу наказало членов делегации, а соглашение денонсировало.

²⁴ Окубо Тосимити в письме к князю Хисамицу изложил основные моменты своих переговоров с правительством бакуфу по вопросу об урегулировании инцидента в Намамуги, которые он вел по поручению князя. Он писал: «Появление в Японии иностранцев вызвало упадок, ныне царящий в стране, и недовольство населения. Это легко может привести к смуте... И в такой обстановке правительство бакуфу утверждает, что оно глубоко почитает императора, заверяет, что превратит нашу страну в сильнейшее в мире государство, и обещает, что скоро наступит момент великих перемен, когда оно снова введет запреты годов Канэй (1824—1843) [Закон о закрытии страны. — Т. С.]!» Окубо упрекал правительство в том, что оно смешивает причину со следствием: внешнеполитические вопросы — с вопросами внутренней политики (см. «Окубо Тосимити цубунсё» («Переписка Окубо Тосимити»), т. I). Характерно, что бакуфу выдвигало идею вторичного закрытия страны.

²⁵ Бакуфу известило все княжества о своем согласии в апреле 1863 года уплатить компенсацию за убийство в Намамуги. Заслуживают внимания приводимые в этом письме аргументы правительства, которое всячески стремилось не уронить свой престиж поборника изгнания иностранцев. «Инцидент в Намамуги очень некрасивый и неприятный, ибо приехавшие в Иокогаму англичане были приглашены к нам на прием как гости. При таких обстоятельствах *восстановить наше доброе имя нелегко. Поэтому решено выплатить им пособие. Мы снова приступаем к переговорам о закрытии порта Иокогама*, поэтому вам следует внушить всем своим вассалам, чтобы никаких необдуманных, безрассудных действий не допускалось. Не исключено, что мы *в подходящий момент начнем войну*, и к этому, как мы уже давно предупреждали, всех надлежит подготовить».

Словом, «для восстановления своего имени и чести» бакуфу решило выплатить «*пособие*» (не компенсацию, а именно пособие, выплачиваемое из сострадания), а потом начать переговоры о закрытии порта Иокогама (см. «Исин си», т. III, раздел II, гл. 2).

²⁶ Весьма подробное, основанное на документации министерства иностранных дел Англии исследование всех обстоятельств, побудивших английское министерство принять решение о нападении на княжество Тёсю, имеется в работе Исии Такаси «Бакумацу гайко-сидзё ни окэру Симоносэки дзикэн-но иги» («Значение со-

бытий в Симоносеки для истории дипломатии периода Бакумацу»), журнал «Рэкусигаку кэнкю», т. 8, № 1—4. Небезынтересна и работа Оцука Такэмацу «Симоносэки дзикэн-ни тайсуру эй фуцу рёкоку-но тайдо» («Позиция Англии и Франции в симоносекском инциденте»), журнал «Кокусигаку», № 15, и «Симоносэки кайкю цуко-о тусин то-сэру эй фуцу бэй ран ён коку коси-но рэммэй» («Союз английского, французского, американского и голландского посланников в вопросе о проходе кораблей через Симоносекский пролив»), сборник «Мэйдзи исин си кэнкю» («Изучение истории Мэйдзи исин»), составленный Историческим обществом (Си гаккай).

2. РОСТ ВЛИЯНИЯ СТОРОННИКОВ СВЕРЖЕНИЯ БАКУФУ (ТОБАКУ-ХА)

После того как самураи княжества Тёсю были вынуждены отступить, потерпев поражение во время столкновения у ворот императорского дворца в июле 1864 года, наиболее острым политическим событием явился вопрос о способе наказания этого княжества за тягчайшее нарушение установленных правил следования через ворота*, ведущие в императорский дворец. Но этот вопрос так и остался неразрешенным.

Тоёсигэ, Хисамицу и Иосинага после роспуска Совещания советников вернулись в свои княжества, и в Киото остались Хитоцубаси Кэйки и Мацудайра Катамори, которым с большим трудом удавалось поддерживать в политической жизни принципы кобу гаттай, тем более что у Кэйки, являвшегося представителем бакуфу, не было полной согласованности взглядов с руководителями эдоского правительства. Перестав чувствовать отпор со стороны крупнейших княжеств, поскольку княжеский союз распался, сёгунат решил, что его час настал.

Невзирая на то, что времена переменились, руководители правительства стали проводить еще более консервативную политику. Они стремились возродить в прежнем виде систему санкин котай, значительно измененную поправками 1862 года (второй год Бункю), и вновь продемонстрировать величие бакуфу. Без сомнения, это ухудшило отношение княжеств к правительству. Теперь,

* Право являться во дворец и видаться с императором предоставлялось сёгунатом чрезвычайно узкому кругу лиц. Опасаясь заговоров с целью восстановления императорской власти, бакуфу сурово пресекало всякие попытки проникнуть к императору без разрешения. — *Прим. ред.*

Когда угроза со стороны движения за почитание императора и изгнание варваров ослабла, карательная экспедиция против княжества Тёсю явилась тем фоном, на котором сразу же резко выступили все противоречия внутри господствующего феодального лагеря. Был издан императорский указ, предписывающий покарать «врага трона» — княжество Тёсю. И бакуфу и княжества Айдзу и Сацума, несмотря на все различие взглядов и представлений, были едины в стремлении воспользоваться случаем и нанести княжеству Тёсю такой удар, от которого оно уже не смогло бы оправиться.

С новой силой охватило всех чувство феодальной обособленности и местничества. Правительство бакуфу ополчилось против Тёсю, поскольку последнее было княжеством тодзама, а все остальные княжества видели в Тёсю своего соперника. Вместе с тем внутри княжеств это вело к усилению влияния глав княжеств и консервативного высшего дворянства. Во всех княжествах начались преследования сторонников движения за почитание императора и изгнание варваров: их бросали в тюрьмы, высылали.

Правительство бакуфу официально объявило, что карательную экспедицию против княжества Тёсю возглавит сам сёгун. Был опубликован план выступления. Однако на самом деле у правительства не было намерения начинать военные действия. Его руководители были уверены в военной силе бакуфу, рассчитывая привести в повиновение княжество Тёсю простым «окриком». Глава княжества Овари — Токугава Иосикацу (Иосихиро), назначенный командующим карательной экспедицией против Тёсю, надеялся, не прибегая к военной силе, заставить княжество Тёсю признать свою вину, о чем и известил киотоский двор.

Сайго Такамори, назначенный штабным офицером при командовании карательной экспедицией, вначале был ярким сторонником сурового наказания княжества Тёсю, но вскоре пришел к мысли, что было бы неразумно уничтожать население провинций Нагато и Суво, а города и села превращать в пепелища. Он предлагал обуздать мятежное Тёсю, используя внутренние силы княжества¹. Такамори лично прибыл в Тёсю, предложил свое посредничество и добился доверия руководителей княжества. Он подчеркивал, что в условиях, когда правительство

бакуфу все более и более слабеет и когда вокруг Японии «рыщут варвары», крупнейшие княжества должны поддерживать между собой контакт и жить в мире и согласии. Подобные настроения и взгляды руководителей операции до некоторой степени отражали мнение многих глав княжеств, стесненных в финансовом отношении и не желавших развязывания военных действий.

Тем временем как бы в ответ на это в княжестве Тёсю преобладающее влияние стали получать сторонники «изъявления покорности» (кёдзюн-ха). Консервативные слои дворянства (хосю-ха), сдерживаемые деятельностью сторонников почитания императора и изгнания варваров, теперь возложили на последних всю ответственность за события у ворот императорского дворца и за поражение в бою против объединенной эскадры четырех держав и вынудили их выйти из правительства княжества. Они перевезли главу княжества и его семью в свою цитадель — город Хаги, казнили трех каро, в том числе Фукухара Этиго, и четырех штабных офицеров — сторонников почитания императора и изгнания варваров, а в качестве доказательства покорности княжества представили письмо главы княжества и его сыновей с признанием своей вины. Командующий карательной экспедицией тотчас принял послание и приказал отвести войска.

Карательная кампания была проведена без единого выстрела. Такое чрезмерное великодушие и половинчатость решений правительства вызвали у некоторых слоев недовольство, но в целом такой исход отвечал политике князей, считавших необходимым избегать внутренней смуты в момент, когда страна стояла перед серьезнейшими внешнеполитическими осложнениями. Правительству бакуфу без особых усилий удалось поддержать свой престиж и содействовать тому, что в главном стане всех экстремистских элементов, в княжестве Тёсю, взяли верх представители консервативных взглядов. В итоге политическая обстановка стабилизировалась, установилась атмосфера уверенности в возможности сохранения существующего положения и был сделан шаг назад от пути, ведущего к Мэйдзи исин.

Но эта атмосфера застоя была нарушена появлением новой силы — сторонников свержения правительства бакуфу (тобаку-ха), — возникшей на развалинах прежней группировки сторонников почитания императора и

изгнания варваров (сонно дзэи). Новое движение появилось в процессе поражения и отступления сторонников движения за почитание императора и изгнание варваров. Наиболее классические формы оно приняло в княжестве Тёсю в период первой карательной экспедиции против княжества и во время нападения эскадры четырех держав, то есть в период, когда княжество Тёсю столкнулось одновременно с внутренними и с внешними трудностями.

Но что же представляла собою эта группировка сторонников свержения правительства бакуфу (тобаку-ха), явившаяся руководящей силой Мэйдзи исин?

В классовом составе никаких коренных различий между старой группировкой почитания императора и изгнания варваров и группировкой свержения правительства бакуфу не было; пожалуй, напротив, можно было даже заметить преемственность между ними. Но, несмотря на это, все же имелись существенные различия, способствовавшие тому, что к 1867 году исключительно широкое распространение получило требование о восстановлении монархии, ранее, во время событий 1863 года, приведшее к поражению.

Откуда же появились эти различия?

Несомненно, отдельные политические деятели, перешедшие от идей «почитания императора и изгнания варваров» к идеям «свержения правительства бакуфу», приобрели большой политический опыт, соответственно расширился их кругозор; нужно также отдать должное их возросшей твердости, а также большей гибкости и зрелости их тактики, поскольку они извлекли уроки из тех политических перемен, которые произошли в 1863 и 1864 годах, и из своего тяжелого поражения.

Взять для примера хотя бы деятельность Такасуги Синсаку, Иноуэ Каору (Монта) и Ито Хиробуми (Сюнскэ). Все трое были известными сторонниками изгнания варваров и в конце 1862 года даже принимали участие в поджоге здания английской миссии в Синагава, на холме Готэнсан. После этого Иноуэ и Ито тайно выехали в Англию, чтобы изучить военное искусство — все в тех же целях изгнания варваров. Уже в пути произошел резкий перелом в их воззрениях. Будучи в Лондоне и узнав о готовящихся планах нападения на княжество Тёсю объединенной эскадры четырех держав, они поспешили обратно в Японию. Здесь они

пытались убедить своих единомышленников в бесплодности насильственных действий в деле изгнания иностранцев, но успеха не имели. Наконец, когда княжество Тёсю потерпело полное поражение и руководство княжества находилось в состоянии растерянности, они вместе с Такасуги приняли участие в труднейших мирных переговорах. Это навлекло на них ненависть сторонников изгнания варваров. Такасуги и Ито пришлось скрываться, так как их жизнь оказалась в опасности. Правда, вскоре благодаря усилиям Иноуэ они снова пришли к руководству делами княжества и во время первой карательной экспедиции против Тёсю выступили против консервативной группировки княжества, предлагавшей «изъявить покорность и разоружиться», и выдвинули предложение «изъявить покорность, но продолжать укреплять оборону». Озлобленные консерваторы совершили покушение на Иноуэ, который, получив несколько тяжелых ранений, находился при смерти. Такасуги и Ито пришлось снова скрываться, и консерваторы захватили руководство в княжестве в свои руки. Иноуэ надолго был прикован к постели. Но уже в 1865 году все трое встали во главе сформированных ими отрядов и подняли вооруженное восстание против консервативной группировки.

Нет нужды подробно объяснять, что эта тяжелая борьба закалила и укрепила их волю и характер. Однако личные качества тех или иных руководителей (способности, рост политического кругозора и т. д.) сами по себе не являются решающими для быстрого нарастания политической борьбы. Наоборот, личные качества политических деятелей определяются и воспитываются формами политической борьбы на том или ином историческом этапе.

Поворот от движения за почитание императора и изгнание варваров к движению за свержение правительства бакуфу ознаменовался сменой лозунга об «изгнании варваров» лозунгом «свержения правительства бакуфу», то есть появлением новых целей движения, а также упрочением в нем гегемонии низших слоев самурайства, деревенских богачей крестьян (гоно) и богатых купцов (госё), то есть обновлением состава движения. Вооруженное восстание, поднятое группировкой свержения правительства бакуфу в княжестве Тёсю, нарушило

состояние политического застоя в стране, установившееся после событий 1863 года, и проложило прямую дорогу к Мэйдзи исин. Толчок к росту этих новых тенденций был дан еще сторонниками изгнания варваров во время обстрела иностранного корабля в Симоносекском проливе. Дело в том, что правительство Тёсю, понимавшее, что незамедлительно последует реакция со стороны иностранных держав, корабль которых в нарушение договора был подвергнут обстрелу вооруженными силами княжества, и вынужденное подготовиться к ответным действиям, пошло на чрезвычайные меры: оно вооружило все население княжества². В условиях феодального господства это мероприятие было неслыханным, так как основным условием господства феодалов над народом было право владеть оружием. Этим правом обладали только самураи.

В процессе борьбы за изгнание варваров и во время нападения эскадры четырех держав в княжестве были созданы различные отряды, в том числе отряды кихэйтэй, объединявшие патриотов³. Эти отряды не являлись регулярной армией; они состояли из крестьян и горожан, а ядром их были асигару и самые низшие слои самурайства из госи и т. п. Именно благодаря этим отрядам антиправительственные радикальные силы смогли преодолеть период тяжелых испытаний, наступивший после событий 18 августа. Эти отряды были их единственным оплотом, той ударной силой, благодаря которой Такасуги Синсаку удалось поднять в конце 1864 года восстание в Тёсю и разгромить войска княжеского правительства (хантё-гун), а затем, установив контроль над действиями высшего руководства княжества, поддерживавшего правительство бакуфу, дать событиям совсем другое направление. В противоположность княжеским войскам, представлявшим чисто феодальную военную организацию, где у руководства стояло высшее дворянство, строго соблюдавшее градацию по знатности рода, в кихэйтэй и других отрядах каждый воин оценивался по способностям и руководство ими целиком находилось в руках низкоранговых самураев — сторонников реформ⁴.

Несмотря на то, что внешне эти отряды очень напоминали народную армию, было бы ошибкой отождествлять их с современными народными армиями, борю-

щимися за освобождение народа. В действительности мобилизация народа была проведена сверху, а руководство отрядами целиком принадлежало низкоранговым самураям. В основе создания отрядов лежало стремление пополнить и обновить прогнившее феодальное войско, открыв двери для очень ограниченных слоев — главным образом для вторых и третьих сыновей крестьян-богачей и богатых купцов (однако при условии, что феодальная иерархия не будет разрушена и что обязательство по уплате феодальной подати должны неизменно и полностью выполняться)⁵. Создание таких отрядов отнюдь не ставило целью полный отказ от сословных привилегий; намечался лишь отбор наиболее способных воинов (могущих стать самураями), которых включали в феодальное войско и даровали право носить меч, то есть, другими словами, их включали в дворянское сословие.

Сила этих отрядов заключалась не только в том, что вместо чванливых самураев, кичившихся своим дворянским происхождением, теперь ядром стало это новое дворянство (асигару и госи, а также богатые крестьяне и купцы). Сильной стороной было также и то, что руководителями этих отрядов оказались низкоранговые самураи — сторонники реформ, которые, выражая интересы богатого крестьянства и купечества, направленные против широких масс народа, поняли свою классовую миссию, заключающуюся в том, чтобы, используя в какой-то мере боевые антифеодальные настроения масс, направлять их в нужное русло, а в случае необходимости вовремя подавлять. Осознав это, они твердо усвоили тактику политических деятелей абсолютизма — апеллируя к народу, обманывать его⁶.

Авторитет руководителей этих отрядов зиждился на том, что во время гражданской войны в княжестве они во имя «справедливости» решились выступить с оружием в руках против княжеской армии и самого князя. Преодолеть феодальную мораль — мораль почитания сюзерена — им помогала поддержка со стороны богатого крестьянства и купечества⁷. Их решимость имела теперь значительно более глубокие корни, нежели в свое время это имело место среди сторонников группировки почитания императора и изгнания варваров, которые также

до некоторой степени сумели преодолеть идею беспрекословной верности главе княжества.

Степень приверженности этой идее породила и различия между обоими движениями. Хотя движение за свержение бакуфу шло тем же путем, что и движение за почитание императора и изгнание варваров, так как идеи «почитания императора» удерживали сторонников обоих движений в рамках привычных представлений о феодальной верности и долге и тянули их назад, тем не менее движение табаку-ха сумело в своем развитии подняться на более высокую ступень. Это различие помогло группировке сторонников свержения правительства бакуфу достигнуть успеха там, где группировка сторонников почитания императора потерпела поражение.

Рост движения за свержение правительства бакуфу, происходивший в княжестве Тёсю (создание военных отрядов), можно наглядно видеть на примере двух инцидентов: восстания группы тэнтю гуми (группа небесной кары) в провинции Ямато в августе 1863 года и событий в Икуно провинции Тадзима в сентябре того же года.

Первое выступление ставило целью свержение правительства бакуфу и было вооруженным восстанием, объединявшим госи бассейна реки Тоцу-кава в провинции Ямато и организованным экстремистскими элементами, участвовавшими в свое время в движении сонно дзёи: Иосимура Торатаро из Тоса, Фудзимото Тэссэки из провинции Бидзэн и Мацумото Кэйдо из провинции Микава. Возглавил восстание кугэ Накаяма Тадамицу.

Второе — представляло собой попытку сформировать войска для свержения правительства бакуфу ронинами Хирано Куниоми (Дзиро) из провинции Тикудзэн, Митама Симпэй (Такахаси Скэдзиро) из княжества Сацума и другими, стоявшими во главе сельских отрядов, которые состояли в основном из помещиков провинции Тадзима. Возглавил все отряды кугэ Сава Нориёси.

Оба эти события имели свои особенности. В первом случае основная цель была захватить владения, принадлежавшие непосредственно правящему дому Токугава. Попытка увенчалась успехом. Но этот успех оказался кратковременным и непрочным. Важно подчеркнуть, что

это была конкретная и реальная попытка свержения правительства бакуфу, выявившая слабость в военном отношении владений Токугава, разбросанных по всей стране и представлявших собой сравнительно легкую добычу для захвата. Но тем не менее на захваченной территории восставшие не смогли противостоять быстро мобилизованным и брошенным против них войскам правительства и пришли к убеждению о необходимости создать систему сильных и независимых от центрального правительства княжеств.

Во втором случае армия сторонников свержения правительства бакуфу состояла из поднявших мятеж низкоранговых самураев, госи и помещиков и не имела опоры среди широких слоев населения княжества. Для того чтобы привлечь в состав своих вооруженных сил крестьянство, они вынуждены были обещать уменьшение податей. Но вопреки ожиданиям такая основа для боевого союза низшего самурайства и помещиков, с одной стороны, и широких слоев крестьянства — с другой, оказалась непрочной. Как только против восставших правительство направило карательную экспедицию, крестьянство отшатнулось и даже стало выступать на стороне правительства. Силы восставших были ослаблены, а их отряды быстро разгромлены⁸.

Другими словами, благодаря влиянию госи и богатых крестьян на остальное крестьянство были созданы военные отряды из крестьян, но они могли сохранить свое влияние только до тех пор, пока их поддерживала феодальная власть. Как только прекращалась поддержка, тотчас же обнажались острейшие классовые противоречия между госи и богатыми крестьянами, с одной стороны, и трудящимися крестьянами — с другой, мешавшие самому существованию союза между ними. Группировка сторонников свержения правительства бакуфу не отражала классовых интересов трудящегося крестьянства и не в состоянии была мобилизовать его революционную энергию. Именно это до крайности ограничивало сферу деятельности отрядов, в том числе и сельских отрядов.

Всюду — во всех отрядах княжества Тёсю, в отряде в Икуно, и в группе тэнтю гуми — основной костяк (либо свежие силы сторонников свержения бакуфу, либо старые боевые силы, сумевшие

возродиться после тяжелых поражений) состоял главным образом из госи, богатых крестьян и т. д. Во главе их оказались низкоранговые самураи. В княжестве Тёсю создание этих отрядов нашло поддержку со стороны руководящих административных органов княжества⁹; в Икуно и во время действий группы тэнтю гуми отсутствие такой поддержки восполнялось тем, что во главе движения были поставлены аристократы — кугэ. Отряды в княжестве Тёсю были значительно сильнее отрядов в Икуно. Во время последующих выступлений группировка сторонников свержения бакуфу учла это, и их основные усилия в дальнейшем были направлены на захват власти в княжестве. Это было самой крупной «реформой», на которую они были способны. Все сторонники свержения бакуфу обращались к народу и привлекали его лишь в крайнем случае, только тогда, когда, подвергаясь преследованиям и репрессиям, они оказывались изолированными.

В политической жизни страны тем временем существенных перемен не наблюдалось. Все конфликты завершались, как правило, компромиссами, подобными компромиссу с княжеством Тёсю, несмотря даже на то, что группировка сторонников свержения бакуфу начала уже приобретать силу. Это объяснялось тем, что в княжествах Сацума и Тоса, игравших главную роль в политической жизни, группы сторонников табаку-ха еще не окрепли и состояли из весьма умеренных элементов. В 1864 году, когда обострившиеся противоречия между княжеством Сацума и правительством бакуфу заставили князя Хисамицу и возглавляемую им группу консервативного дворянства отказаться от политики поддержания принципов сотрудничества императорского двора и сёгуната, подняли голову экстремистские элементы, которые вынуждены были до сих пор молчать и выжидать. Они добивались, чтобы их лидер Сайго Такамори, изгнанный из княжества, был амнистирован. Было подано князю Хисамицу несколько петиций, в которых эта просьба униженно излагалась и подчеркивалось, что Такамори был самым доверенным вассалом предыдущего правителя княжества (князя Нариаки). В конце концов Сайго был прощен. Он тотчас же выехал в Киото. Там, установив связи с Окубо Тосимити, Комацу Тайто и другими, он вопреки наказу главы кня-

жества и его канцлера втянул их в движение за свержение правительства бакуфу и тем самым содействовал его оживлению. Теперь они изменили свою тактику. Если прежде, находясь в княжестве, они искали прямого столкновения с консервативной группировкой высшего дворянства, то теперь они просто игнорировали их распоряжения и действовали в Киото по собственному усмотрению. Нельзя сказать, что социальная база, на которую они опирались в княжестве, расширилась, она скорее оставалась той же, что и во время движения за почитание императора и изгнание варваров, то есть это был лишь узкий слой госи (сацумские госи напоминали собой мелких местных князьков периода Муромати). Отсюда же проистекал и консерватизм группировки сторонников свержения правительства бакуфу в княжестве Сацума.

В княжестве Тоса благодаря сравнительно раннему развитию товарного хозяйства в районе Хирано многие госи превратились в богатых крестьян и купцов. Но вместе с тем вследствие экономической отсталости княжества в целом над всей жизнью в Тоса довлела система строгой сословной иерархии, а после казни лидера движения за почитание императора и изгнание варваров Такэдзи Суйдзан руководители экстремистских элементов вынуждены были эмигрировать из княжества в Тёсю и Сацума. Благодаря покровительству этих княжеств некоторые из эмигрантов впоследствии стали выдающимися деятелями движения (как, например, Сакамото Рюма — богатый купец и Накаока Синтаро — богатый крестьянин). Но в самом княжестве Тоса сторонникам свержения правительства бакуфу так и не удалось создать своей организации. Ибо в свое время, чтобы ослабить и подавить движение за почитание императора и изгнание варваров, князь Яманоути Тоёнобу выдвинул и ловко использовал двух представителей высшего дворянства: Гото Сёдзиро, сторонника группы просветителей, и Итагаки Тайскэ (Канноскэ), сторонника группировки почитания императора и изгнания варваров. Представители низшего самурайства — поборники свержения бакуфу, оказавшиеся без руководства, должны были примкнуть к одному из лагерей, возглавляемому Гото или Итагаки, так как в противном случае они не могли бы противостоять сильной и влиятельной

группе высшего дворянства княжества. В этом коренились склонность к компромиссам и отсутствие боевого духа у сторонников свержения правительства бакуфу в княжестве Тоса.

Несмотря на беспорные различия между группировкой, требовавшей свержения правительства бакуфу, и группировкой сторонников иочитания императора и изгнания варваров, первая была прямой преемницей последней. Тога «склонности к реформам», в которую рядилась группировка свержения бакуфу, была надета ею временно, на тот период, когда ей приходилось маневрировать между народными массами, с одной стороны, и консервативными кругами высшего дворянства — с другой. «Склонность к реформам», бывшая лишь парадным одеянием, надевавшимся в торжественных случаях, таковым и осталась. Она не проникла в плоть и кровь, так как феодальные моральные устои, то есть идеи «почитания императора», господствовавшие в то время, слишком укоренились в этом движении. Однако само движение тем не менее переросло идею «изгнания варваров» и шагнуло на новую ступень — борьбы за «свержение правительства бакуфу».

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2 ГЛАВЫ III

¹ 7 августа 1864 года Сайго в письме к Окубо Тосимити писал: «Против них [против княжества Тёсю. — *Ред.*] обязательно нужно применить вооруженную силу. Когда же Тёсю запросит пощады, нужно будет или сильно урезать его территорию или перевести князя в другое место, на восток. В противном случае это может отрицательно сказаться на нашем княжестве [княжество Сацума. — *Т. С.*], и, возможно, тогда уже ничего не удастся сделать». Короче говоря, Сайго настаивал на самом тяжелом наказании: лишении князя части феодального владения или переводе его в другое княжество, на восток.

Однако в письме к Окубо 17 августа он уже писал: «Я полагаю, что есть и другой путь — наказать мятежников [экстремистские элементы княжества Тёсю. — *Т. С.*] с помощью властей самого княжества Тёсю». Сайго, таким образом, наметил план, рассчитанный на создание внутреннего раскола в княжестве Тёсю.

Наконец, 8 октября в письме к тому же Окубо Сайго ставил под сомнение смысл карательной экспедиции, поскольку к власти в княжестве уже пришли консервативные элементы (он их называл «ортодоксальной группой» — «сэйрон»). Но чувство враждебности к княжеству Тёсю в нем было еще очень сильно: «Заслуги Мотонари [в XVI веке Мори Мотонари пожертвовал крупную сумму денег на церемонию коронации обедневшего японского императора. — *Ред.*] весьма значительны, а потому не следует истреблять

весь их род. Но тем не менее нужно проучить и наказать их должным образом». Правда, через 4 дня он вновь писал Окубо, что желательно как можно скорее уладить дело с княжеством Тёсю, так как в противном случае княжеству [Сацума. — *Ред.*] придется нести большие расходы (см. «Дай-Сайго дзэнсю» («Полное собрание сочинений великого Сайго»), т. I).

² Правительство княжества 27 июля 1863 года издало указ, по которому простолюдином разрешалось иметь длинный и короткий мечи при несении охранной службы, введенной на случай нападения иностранных держав; оно разрешило священнослужителям, крестьянам и купцам изучать военное искусство (см. «Ботё кайтэн-си» («История великих деяний в провинциях Нагато и Суво»), том III).

³ Для ознакомления с названиями этих отрядов и историей их происхождения полезна рукопись Токияма Яхати («Кохон. Мори-но сугэри» («Рукопись, Лесная чаща»). Ниже приводятся некоторые суммированные данные.

Название отрядов	Когда организован	Примечание
Иотётэй (карательный отряд)	июль 1863 года	Под командованием Курусима Матабэй
Сюгитэй (отряд борцов за справедливость)	октябрь 1863 года	Отряд госи и помещиков (дзинуси) из Когори
Гикютэй (отряд борцов, выполняющих свой долг)	Тогда же	Крестьянский отряд из Каминосэки
Югэкитэй (рейдовый отряд)	« «	Отряд охотников под командованием Курусима
Конготэй (отряд «алмаз»)	июль 1863 года	Отряд монахов буддийской секты икко
Исиндан (отряд обновления)	Не известно	Отряд эта [париев. — <i>Ред.</i>] из уезда Кумагэ
Гошутэй (отряд храбрецов из деревень)	1864 год	Отряд крестьян патриотов из Хаги
Сикютэй (отряд храбрецов из городов)	июнь 1864 года	Отряд горожан патриотов

Название отрядов	Когда организован	Примечание
Юрикнтай (отряд силачей)	Не известно	Отряд борцов тяжело-весов по борьбе «сумо»
Синьнтай (отряд «Божьей славы»)	1863 год	Отряд священнослужителей синтоистских храмов
Сёсюнтай (отряд Сёсю)	июнь 1864 года	Отряд низших самураев, не находившихся на жалованье
Тадзиннтай (отряд Тадзин)	ноябрь 1864 года	Отряд низших самураев (средняя группа)
Минамидзонотай (отряд Минамидзоно)	август 1864 года	Сформирован Сасаки Отоя
Митатэнтай (отряд «Княжеский щит»)	1864 год	Создан Михори Коскэ и Синагава Ядзиро
Кодзэнтай (отряд «Величественного замка»)	1865 год	Отряд патриотов из Ямагути

В книге приведено 156 названий отрядов, многие участники которых принадлежали в прошлом к сторонникам движения за почитание императора и изгнание варваров, а затем составили группировку свержения правительства бакуфу. Такие руководители отрядов, как Курусима, Сасаки, Михори и Синагава, являлись в прошлом руководителями движения за почитание императора и изгнание варваров.

⁴ В июне 1863 года Такасуги Синсаку докладывал главе княжества о формировании отрядов кихэйтай:

«1. Так как в отрядах кихэйтай объединяются единомышленники, они не должны подразделяться на ханси, байсин и дзассоцу [различные должностные и внутрисословные градации низшего дворянства. — *Ред.*]. Отношение ко всем должно быть одинаковым, и ценить нужно исключительно личные качества каждого. Полагаю, что таким путем можно будет создать крепкие и стойкие войска...

2. Численность отрядов кихэйтай растет день ото дня. До сих пор в состав их допускались бойцы из отрядов ружейных стрел-

ков, мелкие чиновники, бойцы из личного войска князя и другие. Однако простолюдины также с большой настойчивостью и упорством добиваются участия в отрядах, и нет нужды этому противодействовать. Конечно, их не набирали в постоянное войско княжества, но, поскольку они состоят в отряде кихэйтай, естественно должны включаться и в соответствующий воинский [княжеский. — Ред.] отряд...» («Токо сэнсэй ибун» («Литературное наследство Фудзита Токо»).

Заслуживает внимания первый пункт докладной записки, из которого видно, что организационные принципы «постоянного княжеского войска», или «регулярной армии», находились в противоречии с организационными принципами построения отрядов кихэйтай. Такасуги предвидел также, что в отряды кихэйтай, где не соблюдалась градация по знатности рода, вольется большое число «упорных и настойчивых простолюдинов».

⁵ Вернемся ко второму пункту докладной записки Такасуги, цитированной в предыдущем, четвертом, примечании.

Согласно указу, изданному в княжестве Тёсю в декабре 1863 года, запрещалось вступать в эти отряды дворянам, состоящим на княжеской службе, и их старшим сыновьям — наследникам. Таким путем пытались проводить формирование отрядов кихэйтай, не нарушая организационных принципов в княжеских войсках. Относительно вступления в отряды крестьян и горожан в том же указе говорилось следующее: «Крестьян или горожан, выразивших желание вступить в отряд, можно принимать лишь в том случае, если на время своей службы для бесперебойного ведения сельскохозяйственных работ либо торговых операций они оставят заменяющих их людей. Однако нужно немедленно возвращать обратно тех, кто бросил жену и детей, а также беглых крестьян и торговцев, которым угрожает банкротство».

Словом, крестьянам и горожанам разрешалось вступать в отряды только в том случае, если в их отсутствие обеспечивалось полное и непрерывное выполнение обязательств по уплате податей и других повинностей. Кроме того, крестьяне должны были представить удостоверение от дайкана, а горожане — от мати-бугё (см. «Кихэйтай никки») («Дневник отряда кихэйтай», т. 32).

В октябре 1864 года вновь были подтверждены запретительные меры в отношении крестьян и горожан: «Нельзя допускать, чтобы люди по своему собственному усмотрению вступали в эти формирующиеся в разных местах отряды. Но если будут поданы заявления, рассмотренные и санкционированные дайканом, то соответствующее управление при правительстве княжества будет решать и извещать заявителя о своем решении по каждому случаю в отдельности» (См. «Кихэйтай никки», а также работу Хани Горо «Мэйдзи исип» в серии «Нихон рэжиси», выпущенную издательством «Иванами»).

Итак, не подлежит сомнению, что именно большой наплыв крестьянства в эти отряды был предметом серьезных забот для княжества. С санкции правительства княжества крестьян, проявивших мужество и отвагу, а также в совершенстве овладевших искусством стрельбы из ружья, во главе с командирами из госн или помещиков (дзинуси) переводили в самурайское войско, то есть допускали в дворянскую среду. Герберт Норман определяет возникновение отрядов кихэйтай как «своего рода крестьянский бунт против

правительства бакуфу, контролируемый сверху» (H. N o g m a n, Soldier and peasant in Japan). Если можно согласиться с его определением «контролируемый сверху», то нельзя ни в коей мере согласиться с формулировкой «крестьянский бунт». Отряды кихэйтай не объединяли и не возглавляли крестьянские восстания; они не выражали антифеодальных настроений крестьян. Участники отрядов, стоявшие по своему социальному положению на уровне самураев, были оторваны от общей массы крестьян и горожан. Каждый отдельный член отряда, изолированный от масс, растерял свою прежнюю ненависть к феодальному строю. Несомненно, что у этих «избранных» складывалось сознание своего привилегированного положения и исчезала связь с широкими народными массами.

Среди отрядов кихэйтай был отряд под названием «исиндан», состоявший из так называемых «эта» — париев, находившихся вне сословий, в самом низу феодального общества. В отряд были отобраны «наиболее здоровые, сильные и способные из эта», проживавших в районе Ямагути, Какиноути. «Пятеро эта от деревни в 100 дворов после рекомендации кори-бугё [крупный княжеский чиновник, ведавший всеми делами на определенной территории. — *Ред.*] допускались» в отряды, им разрешалось носить меч и снималось их прежнее «грязное и позорное» имя (см. «Ботё кайтэн-си» («История великих деяний в провинциях Нагато и Суво»), т. III). Всего лишь пять человек эта от деревни в 100 дворов отбирались вышестоящими начальниками, и с них снималось «позорное имя», остальные же никакого освобождения или улучшения своего положения не получали. Однако призрачные надежды выдвинуться и сделать карьеру подрывали волю к борьбе за освобождение.

Инициатором создания отряда исиндан был Иосида Тосимаро (Эйтаро). Сын асигару, он в качестве домашнего слуги находился в княжеском дворце в Эдо, а затем поступил в школу Сёка сондзюку, руководимую Иосида Сёин, где вместе с Такасуги Синсаку и Кусака Гэндзуй считался одним из наиболее способных учеников. Позже Иосида Тосимаро показал себя очень деятельным и рьяным приверженцем движения за почитание императора и изгнание варваров. В июле 1863 года, в период наивысшего размаха движения, ему было присвоено дворянское звание сико [самурайское звание, рангом выше асигару. — *Ред.*]. Одновременно с ним звание сико было пожаловано Ямагата Аритомо, Синагава Ядзиро, Ито Хиробуми и другим низшим самураям из числа асигару, а также некоторым зажиточным крестьянам и купцам. Все они стали организаторами и командирами этих отрядов. Для тех, кому был закрыт доступ в ряды княжеского войска, эти отряды явились трамплином для последующей военной и политической карьеры.

⁶ Иосида Тосимаро с 1858 по 1863 годы находился в отряде княжества Тёсю, несшем охранную службу в Хёго. «В это время он узнал, что в провинции Тамба [ныне префектура Киото. — *Ред.*] вспыхнуло восстание крестьян, и тайно выехал туда. Он очень ловко использовал это восстание в своих интересах. Вскоре восстание было подавлено, и он уехал в Эдо, где, изменив свое имя на Мацудзато Исаму, поступил на службу в дом чиновника правительства бакуфу, по имени Цумаки Таномия. Цумаки оценил дело-

вые качества Иосида. Когда в феодальных владениях Цумаки началось петиционное движение крестьян, он отправил туда Иосида, которому удалось быстро подавить движение» («Ботё кайтэн-си», т. III). Иосида принадлежал к «простому народу» лишь постольку, поскольку это отвечало его стремлениям сделать карьеру даже путем усмирения крестьянских восстаний; в частности он проявил особое усердие при наказании крестьян, начавших петиционное движение.

Такасуги Синсаку во время военных операций на территории княжества Кокура против войск бакуфу, осуществлявших вторую карательную экспедицию против княжества Тёсю, распорядился «выдавать нуждающемуся населению рис и предпринять другие мероприятия, популярные в народе, подобные действиям династии Хань в Китае в период ее расцвета». «Наиболее смысленных людей из местного населения надлежит превращать в наших осведомителей, поручая выяснять все о положении противника» («Такасуги Синсаку сасидзу-ан» («Проект указаний, составленный Такасуги Синсаку»), цитируется по книге «Токо сэнсэй ибун»). Из приведенного выше следует, что Такасуги питал огромное презрение к «местному населению», к тем, кого он намеревался превратить в «шпионов». Его попытки завоевать популярность среди «простого народа» были продиктованы тактическими соображениями, и потому Такасуги никак нельзя назвать представителем народа, его союзником.

Акимото Синдзо, староста и владелец мануфактурной лавки, организовавший в районе Когори «крестьянский» отряд под названием «гокютай», также был не прочь использовать крестьянские волнения для личного выдвижения. Об этом можно судить по его письму к Такасуги Синсаку и Канэсигэ Дзёдзо, в котором он одобрял их действия во время гражданской войны в княжестве. Акимото, между прочим, писал: «Если выполнить какое-либо дело вы сочтете для себя неудобным, я могу предложить свои услуги. Например, чтобы добиться возвращения княжеству [Тёсю. — Т. С.] прежних владений, я могу попытаться поднять крестьян этих районов на восстание. Я готов выполнять все, ни от чего не стану отказываться...» [см. статью Харагути Киёси «Бакумацу сэйсо-но итикосацу» («Исследование о политической борьбе в период Бакумацу»), «Рэкиси-гаку кэнкю», № 142].

Создание такого рода «крестьянских» отрядов и превращение их в опору группировки сторонников свержения правительства бакуфу отнюдь не означало победы народных масс, поднявшихся на борьбу, — ибо силы их были расколоты, направлены по неверному пути и использованы другими слоями, что и было предвестником распада отрядов.

Созданию «сельских» отрядов в это время уделялось большое внимание во всех других княжествах и даже самим правительством бакуфу. Но так как кризиса феодальной власти в стране еще налицо не было (за исключением княжества Тёсю), то реакционный характер подобных мероприятий проявлялся совершенно неприкрыто. В состав отрядов допускались только дети помещиков, прямым назначением отрядов была помощь и пополнение княжеских и правительственных войск, а также карательные операции против движений крестьянства. Можно привести характерный пример. Сельский отряд княжества Кокура во время

второй карательной экспедиции против княжества Тёсю ожесточенно сражался с войсками Тёсю, основой которых были отряды кихэйтай. Между тем сам сельский отряд состоял из жителей деревень, научившихся владеть огнестрельным оружием. Большинство их было мобилизовано в годы Ансэй (1854—1859) из гражданского населения для обороны района Нагасаки; им было присвоено звание асигару. В 1863 году составляется новый сельский отряд из «старост, обладающих высокими моральными качествами», которым было даровано право иметь дворянскую фамилию и носить меч. «Людьми высоких моральных качеств» являлись лица, обладавшие крупным состоянием (см. «Кокура си си» («Хроника города Кокура»); «Накамура Хэйдзаэмон нкки» («Дневник Накамура Хэйдзаэмон») в «Фукуока-кэн-си сирё» («Материалы по истории префектуры Фукуока»), т. 5).

Характерны взгляды на сельские отряды Кикүти Кайсо (Ясусада) — помещика и богатого предпринимателя, занимавшегося транспортными операциями и рыболовством в княжестве Кию. Он требовал, чтобы отношение к членам сельских отрядов было таким же, как и к самураям, находящимся на службе у князя. «Если не возводить членов отряда из простого сословия в дворянское, — предостерегал он, — оставлять их в прежнем низком звании и относиться к ним, как к простым кули, то это может вызвать волнения и беспорядки в народе». Кикүти настаивал на том, чтобы членам отрядов выдавалось вознаграждение за службу, ибо это «укрепило бы их решимость и готовность пожертвовать жизнью во исполнение княжеских приказов и во имя процветания княжества» (Ояма Нобутаро, Кикүти Кайсо-но нохэй-рон (Кикүти Кайсо о сельских отрядах), «Кэйдзай си кэнкю», т. 27, № 1).

Целью формирования сельского отряда в Икуно провинции Тадзима была не столько подготовка на случай нападения «иностранных варваров», сколько необходимость борьбы с крестьянскими восстаниями (см. об этом статью Хара Хэйдзо и Тояма «Эдо дзидай гоки нкки обозгаки» («Записи о крестьянских восстаниях конца периода Эдо»), журнал «Рэкисигаку кэнкю», № 127).

О членах крестьянских отрядов см. исследования Ояма Нобутаро «Бакумацу нохэй-но кэнкю» («Исследование о членах крестьянских отрядов периода Бакумацу») и Н. Ногман, *Soldier and peasant in Japan*.

Когда Иноуэ Каору, командир отряда кодзётэй, сформированного госи и богатыми крестьянами пригородов Ямагути и Когори, узнал, что наследник княжества возглавляет карательную экспедицию против отряда, он решил, что «рыцарская честь не позволяет стрелять в княжеского наследника. Если же паче чаяния наследник все же выступит против отряда, то останется единственный выход: всем сделать перед ним харакири и тем самым убедить его в своей правоте». Иноуэ, который в юности был пажем при князе, не мог подняться выше представлений о «рыцарской чести» и не мог предложить ничего другого, кроме восточного феодального обычая — собственной смертью доказывать свою правоту перед сюзереном.

Против предложения Иноуэ выступил Иоситоми Тобэй, выходец из богатой крестьянской семьи, принимавший активное участие в создании отряда кодзётэй. Он заявил, что «не надо было

заявлять все дело, если мы, только услышав о намерении наследника выступить против нас, сразу же готовы побросать оружие и совершить харакири... Я полагаю, будет лучше, если мы, как только появится княжеский наследник, зальжем в укрытие, сделаем залп холостыми патронами, а затем, воспользовавшись смятением, отвезем наследника в город Ямагути. Это и будет исполнением намерения наследника покарать своих нечестных слуг [то есть правительство княжества. — *Ред.*]. Его предложение в конце концов было принято.

Ямагата Аритомо был возмущен позицией Иноуэ. Ямагата гордо заявил: «Если княжеская армия явится сюда с карательными целями, то мы дадим отпор и тем самым не погрешим против родоначальника княжеского рода — князя Мотонари» («Иноуэ-хаку дэн» («Биография графа Иноуэ»), т. 3; «Боте кайтэн-си», т. IV).

Иоситоми вместе с асигару Ямагата не были приверженцами ортодоксальной феодальной морали и не отвергали возможности вооруженной борьбы против князя. Но даже и они признавали, что для оправдания собственных действий необходимо или захватить в свои руки главу княжества, или поднять на щит имя родоначальника княжеского рода. В своем «стремлении к реформам» они не могли отрешиться от создания авторитетов и постоянно переходили от пассивного подчинения одному авторитету к активному созданию другого. А коль скоро они вновь настойчиво утверждали подчинение новому ими созданному авторитету, то это означало лишь желание несколько реконструировать феодализм.

* Участники группы «тэнтю гуми» (ее еще называли группой лояльности императору) напали на резиденцию дайкана, находившуюся в Годзэ (провинция Ямато), и казнили его, обвинив в «подчинении воле правительства бакуфу, действующего вопреки указу его величества императора», и в «неоднократном взимании незаконно начисленных налогов». Затем, созвав окрестных старост и других деревенских чиновников, члены этой группы (отряда) официально объявили, что впредь «все должны считать себя живущими во владениях, непосредственно принадлежащих императору», и что подать с этого момента снижается наполовину. Обещая возвести в дворянское звание, даровать право носить меч и выдавать удвоенное жалованье, они призывали жителей деревень поддерживать их. Идя навстречу требованиям народа, они заставляли ростовщиков и помещиков вносить денежные пожертвования и распределяли собранные средства между деревенским населением, которое делили на три группы: высшую, среднюю и низшую. Дома тех, кто не подчинялся приказу, громили; в этом принимало участие и деревенское население, которое, «лишь только услышало призыв, с радостью начало громить дома своих старых, заклятых врагов». Но, в сущности, «группа небесной кары» обращалась к крестьянству лишь с целью привлечения больших людских резервов. Поэтому, как только члены этой группы узнали о событиях 18 августа, они стали искать поддержки не у крестьян, а у госн, проживавших в бассейне реки Тоцу. Однако после поражения группы даже госн тотчас же отшатнулись от движения. Один из руководителей отряда, Бамбаяси Мицухира, сетовал на то, что «население горных районов коварное и хитрое» (см. «Нандзан тоун-року»). См. также работу Кубота Тацухико «Иваюру Тэнтю-гуми-но Ямато гикё-но

кэнкю» (Исследование о «героической эпопее» отряда тэнтю гуми в Ямато) и Хара Хэйдзо «Тэнтю гуми кэхэй симацу ко» («Заметки об обстоятельствах, вызвавших бунт отряда тэнтю гуми»), журнал «Сигаку дзасси», т. 48, № 9, 10.

Руководители восстания в Икуно также стремились привлечь крестьян в отряды. Деревенские старосты и их помощники соблазняли крестьян-бедняков обещаниями снизить налоги, предоставить право иметь фамилию и носить меч и выдавать жалованье за службу. Однако, как только войска сторонников свержения бакуфу терпели поражение, крестьяне начинали громить дома тех самых старост, богатых крестьян и купцов, которые подстрекали их к восстанию, и вылавливать скрывавшихся участников выступления (см. Сава Сэнъити и Мотицуки Сигэру, Икуно гикё то соно доси (Героическое выступление в Икуно и его участники); статью Хара Хэйдзо и Тояма «Эдо дзидай гоки икки обэгаки» («Записи о крестьянских восстаниях конца периода Эдо»), «Рэкисягаку кэнкю», № 127).

⁹ В ноябре 1864 года руководители отрядов распространили среди бойцов инструкцию, в первой статье которой говорилось: «Учтивость и вежливость — основа всего. Без этого мы потеряем симпатии общества. Учтивость и вежливость заключаются в том, чтобы не преступать границу между благородными и простолюдинами, помнить о своем сословном положении, не допускать никаких грубостей, быть действительно выдержанными и вежливыми, воздерживаться от заносчивости и чванства» («Боте кайтэн-си», т. IV). Короче говоря, основой всех порядков в отрядах считалось сохранение сословной градации между благородными и простолюдинами.

Кроме того, указ в мае того же года предписывал, чтобы поле под нарукавным знаком, который носили самураи отряда, было различным для ханси, байсин, асигару и других [различные должностные и внутрисословные градации низшего дворянства. — *Ред.*]. Требовалось также, чтобы байсин и другие нижестоящие дворяне имели вышитую на рукаве фамилию своего сюзерена и название той группы или отряда, к которому они принадлежали («Кихэйтай никки», т. 32). Словом, все было направлено к одной цели: препятствовать утрате уважения к феодальной сословной иерархии.

В ноябре 1865 года Такасуги, поднявший восстание в княжестве, сместил до сих пор возглавлявшего отряды кихэйтай Аканэ Такэндо и сам принял командование. В то время он надменно заявлял: «Этот Аканэ Такэндо — всего лишь крестьянин из уезда Осима, а я дворянин, происхожу из дворянской семьи, являвшейся наследственным и прямым вассалом князей Мори и всегда пользовавшейся их расположением. Разве можно меня, самурая, равнять с мужиком!?» («Токо сэнсэй ибун»).

Для того чтобы получить командование над самураями отрядов кихэйтай, отнюдь не последнюю роль сыграла знатность рода Такасуги — «дворянской семьи, являвшейся наследственным и прямым вассалом князей Мори и всегда пользовавшейся их расположением». Между прочим, дом Такасуги получал жалованье 150 коку, а отец Синсаку долгое время служил в должности мэцукэ непосредственно при князе.

3. КОНСОЛИДАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРЕННИХ СИЛ

В ходе гражданской войны в княжестве Тёсю движение за свержение бакуфу, как выступление «снизу», проявилось в наиболее типичной форме. Но это было максимумом того, что мог допустить феодальный господствующий класс. Как движение «снизу», оно подошло вплотную к самому последнему рубежу, который еще не могло переступить, — к коренным классовым противоречиям. А потому после победы и взятия власти в княжестве сторонниками свержения бакуфу — в виде реакции на все это — в их лагере началась самая неприкрытая политическая грызня «в верхах», всякого рода закулисные интриги и торг небольшой верхушкой руководителей, которые касались как отношений с другими княжествами, так и внешнеполитических вопросов.

Наибольший вред делу объединения всех сторонников свержения правительства бакуфу наносили вражда и соперничество между княжествами Сацума и Тёсю, все усиливавшиеся с 1861 года и особенно обострившиеся после событий 18 августа 1863 года. «Патриоты» в княжестве Тёсю не называли самураев из княжеств Сацума и Айдзу иначе, как бандитами и мошенниками. Но эта разобщенность была довольно быстро ликвидирована после первой карательной экспедиции против Тёсю. Начавшемуся сближению и установлению контакта между этими княжествами способствовали их совместные закупки оружия у Англии. После военного столкновения княжества Сацума с Англией и после нападения на Тёсю эскадры четырех держав и в княжестве Сацума и в княжестве Тёсю произошел резкий поворот в сторону сближения с Англией.

До сих пор Англия считала правительство бакуфу главной стабилизирующей силой в Японии и рассчитывала обуздать антииностранные настроения императора и князей путем оказания еще большей поддержки правительству сёгуна. Однако впоследствии, когда англичане убедились в том, что правительство бакуфу в действительности не желает развивать торговые связи и что оно не в состоянии обуздать сторонников движения за почитание императора и изгнание варваров, находящихся в княжествах, они стали постепенно отходить от

своей прежней политики создания абсолютистской власти в Японии на базе сёгуната. В Англии пришли к убеждению, что сломить движение за изгнание варваров легче и вернее всего путем предоставления этим княжествам возможности свободно участвовать в торговле и пользоваться выгодами от нее. Прежде всего Англия обратила серьезное внимание на княжества Сацума и Тёсю, где начали приобретать влияние и силу новые группировки сторонников «просветительства» (каймэй-ха), а также и на японского императора, ставшего знаменем этой группы. Новый английский посланник Гарри Паркс, предшественниками которого были Оллок и Винчестер, прибыл в Японию в октябре 1865 года. С его прибытием наметился именно такой поворот в политике Англии по отношению к Японии¹.

Княжество Сацума тайно посылало в Англию своих стажеров. Представитель княжества — Тэрадзима Мунэнори (Мацуки Хироясу) виделся с английским министром иностранных дел и пытался убедить его в том, что право руководства внешней политикой Японии должно быть изъято из ведения правительства бакуфу и передано Совету представителей княжеств при императоре². Госиро Томоацу заключил контракт с французом Монбланом об организации торговой компании, могущей содействовать развитию промышленности и сельского хозяйства в княжестве Сацума. Глава и руководство княжества устроили дружеский прием в честь посетивших Кагосиму Паркса и командующего Восточно-индокитайской эскадрой Кинга. Ответственный распорядитель на банкете Сайго Такамори убеждал англичан в том, что для гарантии выполнения заключенных с Японией договоров необходимо передать ведение внешнеполитических дел в руки совета из пяти-шести князей крупнейших княжеств во главе с императором³.

Княжество Тёсю довольно часто оказывало гостеприимство иностранным судам, бросавшим якорь у побережья Симоносекского пролива. Омуро Масудзиро (Мурата Дзороку) выехал на американском судне в Шанхай для закупки оружия. Правительство бакуфу обратилось с протестом в американскую миссию, обвиняя ее в связях с мятежниками; вместе с тем оно само пыталось силой воспрепятствовать такого рода контрабандной торговле. Франция поддерживала действия бакуфу, но Анг-

для выступала против, добиваясь признания внешней торговли, которую вели княжества. Без сомнения, позиция Англии заставила бакуфу отложить вторую карательную экспедицию против княжества Тёсю.

Вследствие обострения противоречий среди феодальных правителей большинство руководителей крупных княжеств, ощущая надвигавшуюся опасность гражданской войны, спешили скорее завершить оборону своих владений и тайно направляли своих наблюдателей и стажеров в Европу⁴. Самым сокровенным желанием каждого из них было превращение своих владений в независимое от центрального правительства княжество, а для этого вынашивались планы создания «богатой страны и сильной армии». Характерно, что на выставке, открывшейся в 1867 году в Париже, рядом с представителем правительства бакуфу участвовал как представитель самостоятельного и независимого государства представитель от княжества Сацума, имевший полномочия от «главы княжества Сацума и короля островов Рюкю».

В княжестве Тёсю после захвата власти группировка сторонников свержения правительства бакуфу решила начать военные действия для свержения токугавского правительства и развернула усиленную деятельность по ускорению переоснащения вооруженных сил. На этой почве Сацума и Тёсю, считавшиеся до сих пор самыми заклятыми врагами, установили между собой дружественные отношения; в Нагасаки для Тёсю от имени Сацума закупалось у иностранных держав оружие и на сацумских кораблях доставлялось в Симоносеки. Перевозкой оружия руководил бежавший из княжества Тоса Сакамото Рюма, организовавший группу под названием сятю (позже она стала именоваться кайэнтай — морской вспомогательный отряд⁵).

В движении за свержение правительства бакуфу большую роль играли инициаторы секретного соглашения о союзе между княжествами Сацума и Тёсю, заключенного в декабре 1865 года Сайго Такамори и Окубо Тосимити от княжества Сацума; Кидо Такаёси (Кацура Когоро), Иноуэ Каору и Ито Хиробуми — от княжества Тёсю. В качестве посредников между обоими княжествами выступали Сакамото Рюма и Накаока Синтаро из княжества Тоса. Всех связывали узы дружбы,

возникшей еще в период их прежней деятельности в движении за почитание императора и изгнание варваров, общие связи с Кацу Кайсю (Иосикуни) — создателем военно-морского флота правительства бакуфу. Именно связи с просвещенной военной бюрократией через Кацу Кайсю содействовали тому, что группировка сторонников почитания императора и изгнания варваров в княжестве Тёсю преодолела свои антипатии к «бандитам и мошенникам» из Сацума и Айдзу, а Сайго отказался от недавних требований «разгромить княжество Тёсю», и все они впервые подали друг другу руки.

Как уже указывалось выше, совместные закупки оружия княжествами Сацума и Тёсю ускорили сближение между ними. Этому способствовали также закулисные интриги английских торговцев оружием и связанных с ними дипломатических кругов⁶. Целью соглашения между Сацума и Тёсю был военный союз против правительства бакуфу⁷. Соглашение носило исключительно военный характер. Переход от требований «изгнания варваров» к требованию «открытия страны», блок с внешними силами и сам союз между обоими княжествами — все это было направлено к одной цели: укреплению и расширению военной мощи каждого из них.

Именно это позволило руководителям этих княжеств совершить быстрый скачок от движения за почитание императора и изгнание варваров к движению за свержение правительства бакуфу, а затем к «просветительству». Именно благодаря этому руководители группировки свержения правительства бакуфу смогли превратиться в «просветителей» даже без тех колебаний и терзаний совести, которые они испытывали при переходе из лагеря почитания императора и изгнания варваров в лагерь сторонников свержения правительства бакуфу. Все их «просветительство» заключалось, таким образом, лишь в осуществлении своих военных целей. Оно было признаком формирования абсолютистской бюрократии.

Иностранное влияние проникало во все сферы внутренней жизни страны⁸. Международный капитал, одержавший полную победу в войне против княжества Тёсю, теперь навсегда покончил с теориями феодальных правителей об «изгнании варваров», добившись утверждения императором заключенных договоров и подписания конвенции об изменении таможенных пошлин.

Посланники четырех стран: Англии, Франции, США и Голландии — решили отказаться от $\frac{2}{3}$ суммы компенсации за события в Симоносекском проливе и взамен потребовали выполнения Японией трех условий: открытия порта Хёго и города Осака, утверждения императором заключенных договоров и снижения таможенных пошлин. Переговоры должны были происходить непосредственно с сёгуном, находившимся в Осака. В это же время объединенная эскадра держав в составе 9 военных кораблей бросила якорь у берегов города Хёго. Посланники, назначив чрезвычайно короткий срок, ультимативно требовали ответа, угрожая в противном случае явиться в Киото и начать непосредственные переговоры с императорским двором. Положение бакуфу весьма сильно напоминало то «униженное состояние, в котором находились владельцы и обитатели княжеского замка, вынужденные признать полную капитуляцию»⁹.

Сёгун Иэмоти представил трону свою отставку, ссылаясь на то, что он не в силах выполнить приказ императора об изгнании варваров, а Кэйки одновременно, «то угрожая, то уговаривая», доказывал двору необходимость санкционировать договоры¹⁰.

Император поддерживал сторонников движения за изгнание варваров, многие кугэ также находились под влиянием экстремистов из княжества Сацума, требовавших проведения твердой политики. Но все возражения смолкли перед лицом мощи военно-морской эскадры держав. Слишком реально было опасение, что «если необдуманно начать войну, то шансы на победу будут сомнительны... и в конце концов опасности может подвергнуться особа его величества». Последний довод перетянул чашу весов¹¹.

Теперь необходимо было с наименьшим ущербом для престижа отступить и достичь компромисса. Императорский двор, который не знал, как доказать, что это «не простое отступление... а лишь определенный маневр в политике»¹², ухватился за предложение правительства бакуфу и княжества Сацума собраться на совещание для обсуждения вопроса, как утопающий за соломинку.

В Киото съехалось около 30 представителей от более чем 10 княжеств [это были дворяне, занимавшие руководящие должности в своих княжествах. — *Ред.*].

Были заслушаны мнения всех собравшихся. Таким образом, в вопросе о введении представительного строя был сделан шаг вперед от прежнего Совещания советников, в котором участвовали только главы сильнейших княжеств, к Совещанию дворян — руководящих чиновников княжеств.

Большинство участников высказалось за утверждение договоров. Пользуясь этим, император, сославшись на то, что он «не может игнорировать единодушное мнение собравшихся», выпустил послание, извещавшее об утверждении им договоров. В послании было выражено и сожаление по этому поводу: «Мы и все патриоты глубоко печалимся и скорбим». (Между прочим, в послании не давалось согласия на открытие порта Хёго, а по некоторым остальным положениям договоров, могущим вызвать недовольство, было принято решение обсудить их на «совещании с широким привлечением представителей от княжеств»¹³.)

Эти события произошли в ноябре 1865 года. Итак, вопрос о договорах — постоянный источник споров в политических кругах Японии — был в той или иной мере разрешен. В связи с этим английский посланник Паркс говорил: «Если князья будут продолжать свою борьбу с сёгуном, то, вероятно, теперь они уже не смогут выдвигать проблемы внешней политики в качестве формального повода для споров»¹⁴.

Действительно, внешнеполитическая проблема перестала быть постоянным источником политических споров и борьбы, но вместо нее появилась другая проблема. Теперь за всякой политической борьбой стали видеть внешнеполитическую подоплеку. Конечно, при таких взглядах окончательно не могло исчезнуть или быстро рассеяться предчувствие нависшей внешней опасности и чувство ненависти к иностранцам. Еще во время утверждения договоров правительство бакуфу распространяло слухи, будто княжество Сацума, желая поставить сёгуна в безвыходное положение, подстрекало иностранцев к посылке военно-морской эскадры в осакские прибрежные воды. В свою очередь княжество Сацума распространило версию о том, будто правительство бакуфу тайно сговорилось с посланниками четырех держав о присылке названной эскадры.

В этой политической борьбе тайным желанием каждой из сторон было добиться превращения политики открытия страны, продиктованной расчетами создать «богатую страну и сильную армию», в средство «господства над иностранными варварами», вернее, в средство «использования одних варваров против других»¹⁵. В то время связи с иностранными державами рассматривались всеми только как тактический маневр, и каждая спорящая сторона использовала это в собственных целях, направленных на то, чтобы свалить своего политического противника.

Международный капитал продолжал свое продвижение. В июне 1866 года была подписана таможенная конвенция. Основное ее содержание заключалось в том, что прежние импортно-экспортные тарифы, исчислявшиеся со стоимости товаров в размере от 5 до 35 процентов, теперь понижались до 5 процентов и определялись по весу, снимались ограничения в отношении торговли и транспортировки грузов, создавались еще более благоприятные условия для внешней торговли. Иностранные державы давно мечтали добиться таких же, как в Китае, низких таможенных тарифов, и они добились этого. За Японией закреплялось положение полуколониального, экономически отсталого рынка международного капитала. Все это еще более настоятельно требовало ликвидации феодальных ограничений и регламентаций.

И вот под давлением внутренних и внешних обстоятельств за Японией утвердился и закрепился статус «открытой страны».

Правительство бакуфу, обвинив княжество Тёсю в «намерении снова поднять мятеж» и в «отправке своих вассалов за границу для закупки в личных целях артиллерийских орудий, винтовок и другого оружия», испросило императорский указ на проведение новой, второй, карательной экспедиции против этого княжества. Начались военные действия. Как только они охватили район провинций Нагато и Суво, правительство бакуфу запретило прохождение судов через Симоносекский пролив. Англия отказалась подчиниться этому распоряжению и направила в район пролива своего посланника. То же сделала и Франция. Оба посланника развернули кипучую деятельность, ведя переговоры как с дворянами, занимавшими руководящие должности в правительстве

княжества Тёсю, так и с родзю, назначенным командующим войсками правительства бакуфу. Французский посланник в соответствии с пожеланием последнего давал указания по военно-стратегическим вопросам проведения карательной экспедиции и советовал вторгнуться в княжество со стороны Симоносеки. Английский посланник, наоборот, потребовал, чтобы войска правительства бакуфу прекратили наступление на Симоносеки, так как это, мол, мешает прохождению через пролив иностранных судов¹⁶.

Сближение Англии с княжествами Сацума и Тёсю становилось все более явным, более тесными становились и связи Франции с правительством бакуфу.

Бонапартизм Наполеона III представлял собою абсолютизм, балансировавший над противоречиями между буржуазией и пролетариатом. Чтобы недовольство народных масс направить во внешнеполитическое русло, он прибегал к различным маневрам во внешней политике, рассчитанным на показной эффект. В соответствии с этой линией политики французский посланник в Японии Леон Рош намечал установить тесные связи и сотрудничество между Францией и правительством бакуфу. Эту идею поддерживала профранцузски настроенная группа во главе с кандзё-бугё Огури Тадамаса и гайкоку-бугё Куримото Кон (Дзёун), игравшими главную роль в правительстве бакуфу. Союз между Францией, занимавшей самое последнее место в торговле с Японией¹⁷, и слабеющим, идущим к закату сёгунатом носил военно-политический характер; выгодами от него обе стороны хотели пользоваться монопольно. Правительство бакуфу, пригласив французских военных инструкторов, рассчитывало реорганизовать армию, создать в Иокосука и Иокогама под руководством французских инженеров металлургические заводы; для развития японо-французской торговли было решено организовать в каждой стране торговые компании; был заключен договор о предоставлении Францией кредита в размере 6 миллионов долларов для закупки правительством Японии военных судов и вооружения.

Оказывая финансовую и военную поддержку правительству бакуфу, Франция надеялась привести к покорности княжества, враждебно настроенные против сёгуната, укрепить мощь бакуфу и помочь ему добиться

абсолютной власти в стране. Однако этот столь широко задуманный союз не принес ожидаемого результата, ибо: 1) Франция была сравнительно слаба и не располагала достаточными силами, чтобы направить их на Дальний Восток; 2) проводя политику, рассчитанную на монополизацию всех прав и выгод, она, естественно, не могла не изолировать себя от всех остальных держав; 3) само правительство бакуфу, не обладая должной гибкостью, было не в состоянии превратиться в абсолютистскую власть, а после изменения французской политики в отношении Японии вообще долго не продержалось. Не успев расцвести, союз Франции и бакуфу распался¹⁸.

Таилась ли опасность превращения Японии в колонию в условиях устанавливавшихся отношений между правительством бакуфу и княжествами, с одной стороны, и иностранными державами — с другой? Действительно, Англия предлагала поставлять оружие княжествам Сацума и Тёсю, а Франция — правительству бакуфу. Однако иностранные государства уже пришли к убеждению взять курс на постепенную ликвидацию сверху феодального строя в Японии и именно с этой целью всячески укрепляли позиции «просветителей» из числа тогдашнего феодального руководства; а, с другой стороны, все феодальные правители, стремившиеся к созданию «богатой страны и сильной армии», стали поддерживать идею «открытия страны». Отсюда ведут происхождение подчас различные пути и методы взаимного использования и поддержки друг друга (международных сил и сил внутренних, японских). Англия и Франция, соперничая между собой за преобладание в японской внешней политике, прибегли к тактике воздействия на внутривластную обстановку в Японии, а княжества Сацума и Тёсю, равно как и бакуфу, борясь между собою за политическое главенство в стране, прибегли к тактике сотрудничества с иностранцами.

Вместе с тем как в антиправительственном лагере, так и в лагере сторонников сёгуна укреплялось сознание необходимости противодействия давлению извне. Оно имело глубокие корни в психологии феодальных правителей, ибо, по существу, являлось продолжением идей об «изгнании варваров», но уже в видоизмененной форме. Печальный пример цинского Китая, ослабленного непрекращавшимися внутренними раздорами и до-

пустившего вторжение иностранцев, постоянно укреплял это сознание, но вместе с тем и удерживал от слишком поспешных действий. Английский и французский посланники в значительной мере способствовали тому, что и сторонники и противники токугавского сёгуната поняли необходимость реформ для установления новой государственной системы абсолютистского типа, короче говоря, происходило их освобождение от феодальной этики рыцарской чести, одобренной идеями «почитания императора и изгнания варваров»¹⁹.

Постепенно начинают возникать новые политические идеи и концепции о централизованном государстве, парламентской системе и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 3 ГЛАВЫ III

¹ В донесении от 19 ноября 1864 года министру иностранных дел Англии лорду Джону Расселу английский посланник в Японии Олкок писал: «Успешно противостоять тем, кто выступает против поддержания дипломатических отношений, нам помогают лишь сёгун и его правительство. Правда, их помощь зачастую недостаточна, а иногда даже сомнительна. Но тем не менее только от сёгуна мы можем требовать соблюдения договоров, заключенных его предшественником и лишь им призванные как законные и имеющие обязательный характер... Поэтому мы всячески стремимся избегать всего, что могло бы вызвать распад или свержение этого правительства» (F. V. Dickin and S. Lane-Pool, *The life of sir Harry Parkes*, vol. II, London, 1894, ch. XXIII).

Однако в процессе переговоров о получении санкции императора на заключенные договоры, в том числе и на договор об открытии портов Осака и Хёго, у английских дипломатических представителей возникли сомнения в том, действительно ли правительство бакуфу обладает верховной властью. Паркс в донесении от 17 ноября 1865 года министру иностранных дел Расселу сетовал на то, что сёгун не проявляет искреннего стремления ускорить санкцию императора. Одновременно он ссылаясь на высказывание одного родю о том, что настроенные против иностранцев князья отказались от активных выступлений против открытия страны и что теперь можно было бы устранить все препятствия для развития дипломатических отношений, если бы удалось получить санкцию императора на заключенные договоры. Паркс добавлял, что так или иначе, но бакуфу поставлено перед необходимостью добиваться санкции трона на заключенные договоры, и поэтому он дал согласие на просьбу бакуфу об отсрочке ответа. Он писал: «Я полагаю, что в течение данного нами правительству бакуфу срока мы сумеем составить себе представление о том, насколько твердо оно еще сохраняет власть в своих руках и в состоянии ли выполнять договоры, заключенные от имени японского правительства и японской империи» (op. cit., ch. XXIV).

14 октября 1866 года Паркс в письме к английскому консулу в Нагасаки Флауэрсу уже совершенно определенно заявлял: «Нет

сомнений в том, что император является верховным правителем, а сёгун — лишь его главный и самый сведущий министр и советник» (op. cit., ch. XXV).

² Хаммонд в письме от 26 апреля 1866 года к Парксу писал, что министр иностранных дел Англии лорд Кларендон виделся с одним заслуживающим доверия человеком (видимо, с Тэрадзима Мунэнори или с сопровождавшим его и содействовавшим свиданию с министром бывшим секретарем английской дипломатической миссии в Японии, а тогда депутатом нижней палаты парламента Олифантом), который заявил:

«В княжестве Сацума, а также и в других княжествах вовсе не отказываются от установления деловых связей с иностранцами из-за того только, что другая сторона — иностранцы. Князья даже питают враждебность к сёгуну, монополюно захватившему всю внешнюю торговлю и прибыли от нее... [Чтобы положительно разрешить данный вопрос], нужно предоставить и князьям долю участия, соответствующую тем правам, которыми они обладают. В свободном обсуждении всех вопросов между императором, сёгуном и князьями можно уладить все могущие возникнуть принципиальные осложнения. И тогда они будут исходить не из намерения прекратить торговлю с иностранцами, а, наоборот, будут искать самые лучшие методы и способы для расширения ее до максимальных размеров, чтобы все три группы могли получать выгоды» (F. V. Dickinson and S. Lane-Poole, op. cit., ch. XXV).

Олифант был директором департамента министерства иностранных дел Англии, и с ним всегда считались при разработке внешнеполитических проектов.

³ Сайго в письме от 13 июня 1866 года к собаюку Минода Дэмбэй объяснял, почему приему иностранных гостей придавалось столь большое значение: «Прием устраивался для англичан, и потому было неудобно, если бы проскользнуло в чем-либо презрение к ним, как к варварам, или было бы выражено неуважение во время подачи блюд». И далее: «Его сиятельство князь этот визит иностранных гостей считает очень важным для интересов страны и придает большое значение тому, чтобы приветствия гостей и вся процедурная часть банкета ничем не уступали обычным присмам в других странах» («Дай-Сайго дзэнсю» («Полное собрание сочинений великого Сайго»), т. 1).

Короче говоря, во время этого небывалого до сих пор приема уделялось особое внимание тому, чтобы в интересах страны «приветствия гостей и вся процедурная часть банкета ничем не уступали обычным приемам в других странах».

О характере беседы Сайго с Парксом можно судить по письму Сайго к Ивасита Садзиэмон (там же, т. 1). Паркс, писал Сайго, заметил, что «в Японии два лица возглавляют государство. За границей ничего подобного нигде нет. Отсутствие единой власти в лице короля создает неудобства». В ответ Сайго признал, что «японцы сами глубоко стыдятся такого положения перед иностранцами».

По этому вопросу см. также письмо Госиро Томоацу к Парксу (см. F. V. Dickinson and S. Lane-Poole, op. cit., ch. XXV).

⁴ В начале 1866 года княжество Сага, так же как и княжества Сацума и Тёсю, тайно отправило в Англию для изучения

технических наук двух самураев, официально заявив, будто они совершили побег. В то же самое время княжеством Кумамото были посланы в США два племянника Иокои Сёнан. Такие тенденции заставили правительство бакуфу в апреле того же года отменить запрещение выезда за границу. Многие княжества начали после этого посылать своих представителей для ознакомления с зарубежными странами и на стажировку.

⁵ Сакамото Рюма в свое время обучался в военно-морском училище в Кобэ, руководимом Кацу Кайсю. После того как в октябре 1864 года оно было закрыто, Сакамото, пользуясь покровительством княжества Сацума, переехал в Нагасаки и там вместе с товарищами организовал морские перевозки. Они назвали свое предприятие «Камэяма сятю» (Камэяма — название пункта в районе Нагасаки). В состав этой группы входили самурай Нинмия Маноскэ, Кондо Тёдзиро (Камисуги Содзиро) и Сэнья Тораноскэ, бежавшие из княжества Тоса, Муцу Мунэмицу (Датэ Кодзиро) — из княжества Кии и другие. Большинство из них были неблагородного происхождения. Например, Кондо происходил из семьи торговца кондитерскими изделиями, Нинмия был сыном крестьянина. Последний покинул княжество под предлогом изучения производства фарфора для ведения дел на наследственном предприятии, принадлежавшем его тетке. Оба учились у Кацу Кайсю.

Интересно, что образ жизни, который вели Сакамото и его товарищи, говорил о появлении нового типа ронинов, отличного от прежних участников движения за почитание императора и изгнание варваров. Члены «Камэяма сятю» получали некоторые средства на жизнь от княжества Сацума и пользовались помощью нагасакского купца и ростовщика Косонэ Эйдзиро; но основные и довольно значительные средства к жизни они извлекали из весьма рискованного занятия, являясь как бы связующим мостом между княжествами Сацума и Тёсю. Позже, в апреле 1867 года, они, заключив соглашение с одним из руководящих чиновников княжества Тоса Гото Сёдзиро, официально переименовали свою группу в «кайэнтай» и превратили ее во вспомогательную организацию, содействовавшую ведению княжеством внешней торговли. Но и тогда в уставе кайэнтай открыто указывалось, что ее главной целью является извлечение прибыли. «В состав организации кайэнтай, — говорилось в уставе, — входят те, кто бежал из своих княжеств, и те, кто стремился выехать за границу. Основная цель — морские перевозки, *извлечение прибыли*, колонизация, спекуляция и оказание помощи княжеству Тоса».

Позже, отвергая упреки в корыстолюбии, они утверждали: «Мы ставим целью извлечение прибыли потому, что от своих княжеств не получаем ничего, а чтобы мы, 50 человек, могли существовать, нужно в год на человека не менее 60 рё» (см. Хирао Митио, Сакамото Рюма кайэнтай симацу (О деятельности «морского вспомогательного отряда», созданного Сакамото Рюма). Насколько сильно образ мыслей Сакамото отличался от идеологии типичного самурая, можно видеть из его писем в сборнике «Сакамото Рюма канкэй бунсё» («Документы о деятельности Сакамото Рюма»).

⁶ В статье 14 торгового договора [с Англией. — *Ред.*] говорилось, что «предметы военного назначения может покупать только

японский государственный орган» [орган правительства бакуфу. — Т. С.] и никто другой. Фактически же юго-западные княжества контрабандным путем закупали оружие в Нагасаки. Княжество Тёсю в июле 1865 года тайно направило в Нагасаки Иноуэ Каору и Ито Хиробуми, поручив им закупить военные корабли и винтовки. Оба негласно явились в резиденцию сацумского князя, встретились там с английским купцом Томасом Гловером, давно уже завязавшим деловые связи с княжеством Сацума, и договорились о закупках. Иноуэ и Ито в письме к Кидо Такаёси сообщали об исключительно доброжелательном и любезном отношении к ним Гловера: «Англичанин, по фамилии Гловер, очень дружественно расположен к японцам. Он обещал предоставить нам кредит на сумму около 1 миллиона долларов, если мы начнем торговые операции» («Ито хаку бундэн» («Биография графа Ито»), т. 1).

По отзыву секретаря английской дипломатической миссии в Японии Митфорда, этот Гловер, так же как и известный драгоман Сатоу, был правой рукой Паркса (см. «Memories by lord Redesdale», London, 1916, vol. 1, ch. XVIII). Все операции по продаже оружия Гловер осуществлял с молчаливого согласия английской миссии, с которой он поддерживал самые тесные негласные связи. Поездка Паркса в Кагосиму (см. стр. 164; примечание № 3) была осуществлена при его прямой помощи и поддержке. О плане поездки Ито узнал от самого Гловера и, посоветовавшись с Кидо, просил Гловера оказать содействие тому, чтобы при свидании руководителей княжества Сацума с англичанами могли присутствовать представители от княжества Тёсю. Однако Гловер не смог выполнить просьбы. Тем не менее это послужило толчком к тому, что глава княжества Тёсю направил личное приглашение главе княжества Сацума. Делегация от Сацума посетила княжество Тёсю с визитом вежливости, что содействовало установлению и укреплению дружественных связей между ними.

⁷ Секретное соглашение о союзе между княжествами Сацума и Тёсю состояло из шести статей:

1. В случае начала военных действий княжество Сацума направит в Киото двухтысячный отряд, который займет линию Киото — Осака.

2. Если княжество Тёсю одержит победу в войне, то княжество Сацума будет посредничать в его пользу перед императорским двором.

3. Если же вопреки ожиданию княжество Тёсю потерпит поражение, то княжество Сацума использует все свое влияние, чтобы отстаивать интересы Тёсю.

4. В случае если бакуфу решит избежать открытых военных действий и отведет свои вооруженные силы, княжество Сацума будет ходатайствовать перед императорским двором о прощении и амнистии для княжества Тёсю.

5. В случае если княжества Хитоцубаси, Айдзу и Кувана используют в своих целях императорский двор и свернут с пути справедливости, то княжество Сацума готово вступить в решительную схватку [на стороне Тёсю. — *Ред.*].

6. После амнистии княжества Тёсю оба княжества, поддерживая тесные взаимоотношения друг с другом, будут прилагать все силы к тому, чтобы содействовать прославлению трона.

Текст договора был собственноручно составлен Кидо Такаёси; Сакамото Рюма засвидетельствовал его правильность. Кроме того, в дом Кидо был передан документ, в котором представители обоих княжеств обязались соблюдать все пункты, изложенные в соглашении, и поклялись в этом всеми богами вселенной (см. «Момбу-сё хэн. Исин сирё суюхо» («Сборник документов по истории Мэйдзи исин», составленный министерством народного образования).

⁸ В своих мемуарах секретарь английской миссии Митфорд, прибывший в Японию в октябре 1866 года, писал: «Когда я прибыл в Японию, все в этой стране были охвачены политической горячкой. Это было как раз накануне великих событий [имеется в виду Мэйдзи исин. — *Ред.*], изменивших международное равновесие сил. В то время едва ли кто-нибудь предвидел их результаты. В этих великих переменах уже реально и значительно сказались влияние Европы, в то время как прежде оно оставалось почти незаметным. В 1866 году борьба за гегемонию в Японии проявилась в соперничестве между двумя дипломатическими лицами: английским посланником Парксом и французским посланником Рошем» («Memories by lord Redesdale», London, 1916, vol. I, ch. XVIII).

⁹ Во время нахождения объединенной эскадры в водах Осацкого залива Ямагути Наотака, принимавший в качестве гайкоку-бугё и одновременно омэцукэ активное участие в переговорах с представителями четырех держав, записал: «Представители княжества Айдзу, на которых была возложена охрана Киото, прибыв в Осака, заявили: «Посланники четырех стран, возглавляющие объединенную эскадру, ультимативно требуют от нас открытия портов. Это является наглым оскорблением, и наше положение подобно тому униженному состоянию, в котором находились владельцы и обитатели княжеского замка, вынужденные признать полную капитуляцию. Соглашаться на их позорные требования ни в коем случае нельзя. И если они все же решатся на исключительно дерзкий поступок — попытаются войти в Киото, — то все вонны нашего княжества преградят им путь своими телами, и дальше Иодо или Тоба они не пройдут. Мы изрубим этих бандитов на мелкие куски. Просим Вас, не проявляя какой-либо тревоги или беспокойства, твердо и решительно вести переговоры» (Ямагути Наотака, Бакумацу-но кэйдзё (Обстановка в период Бакумацу), «Хоан ико» («Литературное наследство Хоан»).

¹⁰ Из воспоминаний Кэйки довольно ясно видно, что он и в самом деле «то угрожал, то уговаривал». Между прочим, в его записях упоминается и о том, что родзю Огасавара Нагаюки довольно бесцеремонно заявил во время спора с кампаку, который возражал против утверждения императором договоров: «Если господа кугэ будут упорствовать, то им придется постричься в монахи» («Сэкиму-кай хикки»; «Токугава Кэйки-ко дэн» (т. 6 приложения). В других мемуарах приводятся доводы Кэйки: «Если этого не сделать [речь идет об утверждении договоров. — *Т. С.*], то осмелюсь доложить, что иностранные варвары устроят кровавую резню и не остановятся даже перед убийством императора. Мне тяжело говорить, но если нам придется заключать после этого мир, то наша страна превратится в зависимое государство» («Асахико синъо никки» («Дневник принца Асахико»).

Феодальные правители воспринимали внешнюю опасность лишь как угрозу своей личной безопасности, либо своему господствующему положению.

¹¹ В прошении императору об отставке, поданном в октябре 1867 года, сёгун Иэмоти писал: «Если нарастающая внутренняя смута совпадет с вторжением в нашу страну объединенных сил всех иностранных держав, то опасность в конце концов может коснуться особы его величества» (Кацу Кайсю, Кайкоку кигэн (История открытия страны). Отвечая на эту мысль, император Комэй в письме к принцу Накагава (Асахико), содержащем также согласие утвердить договоры с иностранцами, писал: «Если наш императорский род, ведущий свое происхождение от богов, внезапно прервется, это будет непоправимым ударом не только для меня одного. Для всех наших потомков не может быть ничего более горестного и ужасного» («Накаяма Тадаёси никки» («Дневник Накаяма Тадаёси»), № 2, запись от 13 октября 1865 года).

¹² «И сейчас мы намечаем не простое отступление, а лишь определенный маневр в политике» («Асахико синьо никки», запись от 4—5 октября 1866 года).

¹³ («Накаяма Тадаёси никки», № 2, запись от 6 октября 1865 года).

Феодальные правители обращались к идеям представительного правления обычно только тогда, когда самодержавная власть, уже исчерпав все возможности, находилась в исключительно тяжелом положении. К этому прибегали во всех критических случаях: начиная с представления Абэ Масахиро докладной записки трону по вопросу внешней политики и кончая пятистатейной клятвой [см. ниже, гл. IV, раздел I.—*Ред.*], принесенной императором в 1868 году (первый год Мэйдзи). Другими словами, это был тактический прием, с помощью которого феодальная абсолютистская власть пыталась сохранить свое господство в особо тяжелые моменты своего существования. Следовательно, по своему характеру эти представительные институты всегда могли легко быть превращены в некое временное украшение фасада здания феодального абсолютизма.

¹⁴ 28 ноября 1865 года в докладе министру иностранных дел Англии Расселу Паркс писал: «Утверждение императором договоров, несомненно, поможет изменить в лучшую сторону взгляды на иностранцев и торговлю с ними; придаст полную законность нашему положению; лишит князей всяких предлогов для нападений на иностранных подданных, которым разрешен въезд и проживание во владениях сёгуна или отдельных князей. Если между сёгуном и князьями будут продолжаться распри, то ныне им придется выбрать для этого другой предлог. Теперь уже вопрос о допущении иностранцев не сможет послужить внешним поводом для такого рода борьбы» (F. V. Dickin and S. Lane-Poole, op. cit., vol. II, ch. XXIV).

¹⁵ В прошении императору об отставке, о чем уже упоминалось в примечании 11, сёгун Иэмоти писал: «Если мы хотим осуществить планы «создания богатой страны и сильной армии», то не «изгнание варваров» поможет этому. Наши главные и неотложные задачи состоят в том, чтобы перенять сильные стороны варваров, использовать выгоды от торговли с ними, создать большой

флот и армию, применить тактику «использования одних варваров против других».

¹⁶ О прибытии английского посланника в Симоносеки по приглашению Такасуги Синсаку и Ито Хиробуми см. письмо Ито к Кидо Такаёси от 6 июня 1866 года в «Ито Хиробуми дэн» («Биография Ито Хиробуми»), т. I. О беседе главы княжества Тёсю и его наследника с Кингом, командующим Восточно-индокитайской эскадрой, прибывшим в Симоносеки в декабре 1866 года, см. «Ботё кайтэн си» («История великих деяний в провинциях Нагато и Суво»).

Беседа французского посланника с Огасавара Нагаюки, командующим вооруженными силами правительства бакуфу, помещена в «Курогава Хидэнами хикки» («Записи Курогава Хидэнами»), т. 6 (рукопись — собственность библиотеки кабинета министров). Во время беседы Огасавара попросил посланника Роша передать эдскому правительству его просьбу о необходимости пополнения войск и его совет относительно займа у Франции. Возвратившись в Эдо, посланник немедленно передал правительству бакуфу просьбу Огасавара и в ответном письме заверил его, что сам готов в ближайшие три года вместе с правительством бакуфу содействовать реорганизации японской армии и флота (см. письмо от 13 сентября 1866 года в «Иодо Инабакэ бунсё» («Документы, принадлежащие фамилии Инаба из Иодо»)).

¹⁷ Можно проанализировать цифры внешней торговли порта Иокогама, через который проходило более $\frac{2}{3}$ всего экспорта и импорта Японии. В 1863 году на долю Англии приходилось 80,7 процента внешней торговли Японии, а на долю Франции — лишь 1,7 процента. И даже в 1865 году, во время наивысшего расцвета франко-японской торговли, доля Франции достигала лишь 8,2 процента, в то время как доля Англии выражалась в 85,9 процента (см. И с и Т а к а с и, Бакумацу-но гайко (Внешняя политика периода Бакумацу)).

¹⁸ Министр иностранных дел Франции Друэн де Люис, проводивший активную политику в отношении Японии, в сентябре 1866 года подал в отставку в связи с неудачами в мексиканском и в люксембургском вопросах. Его сменил маркиз де Мустье. Новый министр считал необходимым серьезное внимание обратить на управление Индокитаем и эксплуатацию его богатств и отдал распоряжение об отзыве посланника Роша из Японии, опасаясь, что проводимая последним линия на оказание помощи правительству бакуфу силами исключительно одной Франции грозит ей внешнеполитической изоляцией. Посланник просил оставить его в должности, на что министр дал согласие. Однако после этого Рош утратил тесный контакт с руководством французского министерства иностранных дел и оставался как бы изолированным. О союзе Франции с правительством бакуфу и деятельности Роша см. статью Оцука Такэмацу «Фуккоку коси Рэон Росю-но сэйсаку кодо ни цуйтэ» («О планах и действиях французского посланника Леона Роша»), «Рэкиси дзасси», т. 46, № 7—8; и статью Исии Такаси «Бакумацу ни-окэру нити-фуцу кан-но кэйдзай канкэй» («Экономические отношения между Японией и Францией в период Бакумацу»), «Рэкисигаку кэнкю», т. 6, № 1, 2.

19 Сатоу в мемуарах описывает свои беседы с Сайго Такамори, Комацу Тайто, Кидо Такаёси, Иноуэ Каору, Ито Хиробуми, Гото Сёдзиро, во время которых он знакомил их с политическими идеями Запада; описывает влияние, какое оказывали на них эти беседы (см. E. Satow, *A diplomat in Japan*, London, 1921). В начале 1866 года он поместил в газете «Japan Times» (газета, издававшаяся в Иокогаме иностранцами) большую политическую статью, в которой выражал мысль о необходимости пересмотра договоров в сторону разрешения княжеств вести самостоятельную внешнюю торговлю и о реорганизации японского правительства.

Эта статья была тайно переведена на японский язык, размножена на ротаторе и широко распространена. Несколько позже ее выпустили в виде печатной брошюры под заглавием «Английские проекты» («Эйкоку сакурон»), или, как ее сокращенно называли, «Проекты» («Сакурон»), которую с большим интересом читали многие японцы. Статья оказала значительное влияние на настроения различных политических кругов Японии того времени.

В ней говорилось: «Мы теперь поняли, что сёгун ложно выдавал себя за монарха. Кроме него, есть немало князей, обладающих подобной ему мощью и влиянием». И далее: «Мы заключали договоры с сёгуном. Однако японское государство не развалится, если в дальнейшем будут проведены коренные реформы, насильственно устранившие власть сёгуна, ложно присвоившего себе звание главы японского государства». Другими словами, концепция Сатоу о реорганизации политического строя в Японии заключалась в том, чтобы «поставить сёгуна, как одного из крупнейших князей, на его настоящее место и заменить сёгунат коалицией влиятельных княжеств во главе с императором» (E. Satow, *op. cit.*, ch. XIV)

Из этого видно, что и иностранцы начинали отдавать себе отчет в том, что истинным правителем Японии являлся император. Взгляды Сатоу разделяли другие сотрудники английской миссии, поддерживавшие тесное общение с японцами: Митфорд, сотрудник посольства Астон и драгоман фон Зибольд.

Французский посланник рекомендовал по образцу политического строя, существовавшего тогда в европейских государствах, укреплять единство Японии под эгидой сёгунского правительства (см. «Токугава Кэйки-ко дэн», т. 7, протокольная запись беседы посланника с сёгуном (февраль 1867 года). Рекомендации французского посланника относительно политического строя в Японии можно найти среди документов личной коллекции фамилии Инаба («Иодо Инаба-кэ бунсё»). Ближайшим помощником посланника Роша был драгоман де Кашон, поддерживавший тесные связи с руководящими чиновниками правительства бакуфу, в прошлом — монах-иезуит. Во французской миссии в Японии он пользовался, как и драгоман Сатоу в английской миссии, исключительно большим влиянием. И Кашон и Сатоу изучили японский язык и даже взяли себе японские имена: первый — «Васкон», второй — «Саддо».

4. РЕВОЛЮЦИЯ СНИЗУ И РЕФОРМЫ СВЕРХУ

Во второй половине 1866 года политическая борьба достигла апогея: начались внутренние беспорядки.

Создавшимся положением были в равной мере обеспокоены как иностранные государства, так и японские феодальные правители.

Бакуфу, подавив оппозицию, заявлявшую о «бедственном положении всех даймё», об «озлобленности всего народа», начало вторую военную экспедицию против Тёсю¹. Уверенности в победе у бакуфу не было, ибо действиям войск сёгуна препятствовало тяжелое состояние правительственных финансов. Под залог годовой подати с провинций Сэтцу, Кавати, Харима, от горожан Осака, Хёго и Нисиномия был получен принудительный заем в сумме 7 миллионов рё на необычно выгодных для правительства условиях: из 2 процентов годовых с погашением в 30 лет; но и это не дало ожидаемых результатов². Князь Кисю — Токугава Сигэнори, назначенный командующим авангардных отрядов экспедиции против Тёсю, жаловался на «отсутствие в его княжестве, как, видимо, и в других княжествах, боевого духа, необходимого для нового похода»³.

Но, несмотря на столь невыгодную ситуацию, бакуфу все же вынуждено было для поддержания своего авторитета предпринять решительные шаги. В июле на границах княжества Тёсю развернулись военные действия. Основная масса войск княжеств — сторонников бакуфу, за исключением небольшого соединения, непосредственно подчиненного бакуфу и прошедшего европейское обучение, была вооружена по-старому: самурайскими доспехами, походными плащами, рожками из морских раковин и устаревшими фитильными ружьями. Напротив, «все без исключения мятежники провинций Нагато и Суво, даже солдаты из частей эта», были вооружены ружьями нового образца. Ход военных действий принимал невыгодный для бакуфу оборот⁴.

Резко обострились противоречия, углублявшиеся со времени открытия портов. В мае вследствие надвигавшейся опасности войны значительно поднялись цены на рис, и страдавшие от этого народные массы учинили разгром во многих городах области Кинки: в Осака, Хёго, Нисиномия, Нада, Икэда, Итами. Выступления приняла настолько широкий размах, что даже чиновники бакуфу, которые сопровождали сёгуна, находившегося в это время в Осака и руководившего оттуда действиями экспедиции против Тёсю, не были в состоя-

нии что-либо предпринять и вынуждены были «сидеть сложа руки»⁵.

В конце того же месяца вспыхнули восстания крестьян и городской бедноты в Эдо, продолжавшиеся несколько дней и сопровождавшиеся разгромом домов богатых купцов и ростовщиков. Не прошло и десяти дней, как крестьянские восстания с новой силой вспыхнули в окрестностях Иино, с удивительной быстротой распространились на 12 уездов района Мусаси, достигли провинции Кодзукэ и снова стали угрожать Эдо. Бакуфу лишь с трудом удалось с помощью отрядов, имевших на вооружении пушки, подавить крестьянское восстание. В сентябре в Эдо вновь вспыхнул мятеж. Толпы народа, неся флаги с надписями: «Бедствующие люди предместий» или с названиями улиц, направились для захвата особняков даймё и хатомото; в течение 10 дней город находился в состоянии полной анархии⁶.

В 1866 году число крестьянских восстаний, считая только значительные, достигло нескольких десятков, они охватили всю страну от области Оу на севере до острова Кюсю на юге. В районе военных действий между бакуфу и Тёсю почти всюду возникали крестьянские восстания, что создавало «серьезную угрозу армии бакуфу с тыла»⁷.

Крестьянские восстания и городские бунты (утиковаси) 1866 года имели некоторые специфические особенности.

Во-первых, возникая стихийно, они быстро распространялись от деревни к деревне, от деревни к городу, от города к деревне, создавая таким образом угрозу общенародного восстания в масштабе всей страны, охватывающего как город, так и деревню.

Во-вторых, почти все восстания были направлены против феодальных землевладельцев и их окружения, а также против деревенской верхушки, помещиков и представителей торгово-ростовщической буржуазии. Инициатива в восстаниях принадлежала среднему и беднейшему крестьянству.

В-третьих, высшей точкой такого общенародного движения были восстания городской бедноты в Эдо и Осака, которые временно парализовали политические и экономические центры правительства бакуфу, создавая непосредственную угрозу его власти. Конечно, народные

массы в этот период еще не были организованы, сплочены и не была еще достигнута концентрация революционных политических сил, представлявших волю народа. Однако бесспорно, что они вплотную подошли к кануну крестьянской войны, идущей по пути крестьянской аграрной революции; нельзя недооценивать объективного значения этой борьбы народных масс в нанесении решающего удара, приведшего к падению правительства бакуфу.

Такая активность революционного движения снизу сильно беспокоила феодальных правителей, которые предлагали прекратить экспедицию против Тёсю, ссылаясь на восстания народных низов и на обострение внутреннего и внешнего кризиса⁸. В частности, в предложении князя Сацума и его сына, представленном кампаку, указывалось, что «презренные торговцы и чернь», находясь в крайне бедственных условиях существования, восстают, нарушая основные законы. Не известно, насколько разрастется их смута и не создастся ли «положение, когда нельзя будет спасти владения от развала» (от полного крушения феодального господства). Для предотвращения этого они предлагали простить княжество Тёсю, усилить вооруженные силы, путем реформ оздоровить политический строй и осуществить, таким образом, «славное дело возрождения» (перестройку феодального господства путем абсолютистской реформы)⁹.

Княжество Сацума наотрез отказалось выполнить приказ бакуфу о посылке войск. Сайго Такамори, самостоятельно определявший курс своего княжества, заявил, что направление войск на «частную войну» противоречит морали¹⁰. Окубо заявлял, что никогда, даже в старину, ни в Японии, ни в Китае не было случая, чтобы победа была одержана в войне, ведущейся под такого рода знаменем¹¹.

Однако оставаться в стороне от событий уже было нельзя. Для подавления растущей антифеодальной борьбы народа, а также для сопротивления все нараставшему давлению извне было крайне необходимо срочно установить новый феодальный порядок. И вот именно тогда, когда участились сообщения о поражениях бакуфу, в июле в осакском замке умер сёгун Иэмоти и его преемником стал Хитоцубаси Кэйки.

С этого времени движение за реформу деспотической политической системы бакуфу стало нарастать, подобно лавине, как на территории противника бакуфу, так и на подвластной ему территории.

В политическом мире широкие размеры принимает течение за общественно-представительный политический строй. Недовольство деспотической политикой правительства бакуфу со стороны низшего самурайства, ущемленного жесткой системой наследственных должностей, занимаемых в соответствии со знатностью рода, выражалось в требованиях уважения «общественного мнения», а в княжествах, лишенных права участвовать в проведении политики бакуфу, — в требовании проведения политики, основанной на широком обсуждении. На низшее самурайство оказали влияние конфуцианские политические идеи, почерпнутые из голландских и китайских книг, представления о внешней форме американско-европейской парламентской системы, по которой от монарха требовалось, чтобы он прислушивался к голосу народа и считался с общественным мнением¹². Так зародилась идея созыва совещания княжеств для предотвращения от гибели готового распасться феодального политического строя¹³.

Курс на децентрализацию власти в духе подлинно современных конституционных идей был задержан шумной кампанией за объединение общенационального мнения в «представительном общественном мнении», за утверждение государственных основ. Идея объединения власти преобладала над идеей введения парламентской системы, которая принималась исключительно как средство для смягчения противоречий между феодальными правителями, для перестройки основ феодального господства. Идея о созыве совещания княжеств уже во время второй карательной экспедиции против Тёсю стала общей программой всех феодальных правителей. Ожесточенная политическая борьба продолжалась только по вопросу о том, кому следует созвать это совещание — бакуфу или императорскому двору, являвшемуся марионеткой сильнейших княжеств — противников бакуфу.

Установление единого руководства в области внешних сношений также требовало устранения политического двоевластия бакуфу и двора и объединения власти. Считалось, что утверждение всех договоров является

суверенным правом императора. Фактически же сама идея верховной власти императора, находящейся в руках Совета сильнейших княжеств или в руках группировки низших самураев этих княжеств, требовавшей реформ, или, наконец, — как идеал «простых императорских подданных» — равенство всех сословий под эгидой монархии, без различия не только рангов, но и без различия между самураями и крестьянами, и, таким образом, роль этой идеи заключалась лишь в подготовке перехода от старого феодального порядка к новому. Она подавляла всякое проявление критики феодального устройства, поскольку такая «демократизация» власти происходила при непременно подчеркивании абсолютного авторитета «императорского решения» и удержании подданных в полном повиновении императору.

Обоснование абсолютного авторитета монарха как источника всякой власти и отрицание значения кого бы то ни было, кроме монарха, — это обычное в мировой истории явление в процессе установления абсолютизма. Теория божественного права монарха в Европе носила характер реакционной идеи верховной власти, противостоящей идеям о праве народа, и в то же время, по крайней мере в период возникновения, в своей основе провозглашала простой земной авторитет, противопоставляя его средневековому религиозному авторитету. Она содержала в какой-то степени понятие об освобождении человеческой личности, понятие о верховной власти народа и в этом отношении сыграла определенную роль в переходе от средневекового политического мышления к современному¹⁴.

Направленные против бакуфу идеи «почитания императора» имеют общие черты с теорией божественного права монарха, ибо они, поколебав японские феодальные понятия о преданности сюзерену и внешне провозглашая непререкаемость императорской воли, на деле переступали через императорскую волю и использовали ее в своих целях. Идея «почитания императора» включала в неизменном виде учение о феодальных вассальных отношениях. Поэтому сторонники этой идеи не могли не отстаивать японские феодальные понятия о преданности сюзерену; антифеодальное направление не могло развиваться далее, а, следовательно, примитивное сознание сторонников этой идеи не могло подняться до

требований свободы и народных прав. В результате получалось, что при новой монархической системе должна была сохраниться старая феодальная система. Менялся лишь внешний вид — сущность оставалась прежней. Таким образом, получалось, что течение за почитание императора уже не было резко направлено против бакуфу или за устранение бакуфу; оно вернулось назад к вопросу «кого почитать — императора или сёгуна». Этим было подменено развитие антифеодальных идей.

Превращение идей «почитания императора и изгнания варваров» в средство свержения бакуфу не означало освобождения сознания от понятий о феодальном долге; используемые как знамя, они еще сильнее подчеркивались, насильственно насаждались и использовались в политической борьбе; сковывающие рамки понятий о феодальном долге все более тормозили развитие всей политической жизни страны.

Движение за изгнание варваров, несмотря на то, что переход от «изгнания варваров» к «открытию страны» стал неизбежным, по-прежнему продолжало развиваться на старой, хотя и несколько видоизмененной основе, совершив переход к идее «смелого прыжка за границу», к идее создания «богатой страны и сильной армии». Этот переход был необходим, очевидно, для того, чтобы не только приостановить развал феодализма, но даже усилить феодальную власть, содействовать ее централизации путем установления дипломатических отношений с иностранными державами, с одной стороны, и путем подчеркивания необходимости «защиты империи», необходимости не отставать «от всех иностранных государств» в момент, когда «силы запада продвигаются на восток и все страны соперничают друг с другом», — с другой¹⁵.

Итак, в самом конце периода Бакумацу вследствие того, что обострение политической борьбы протекало в специфических формах, были уничтожены ростки нового и произошла перестройка феодальной власти на основе объединения всех феодальных сил страны. Благодаря этому подготовка и проведение реформ сверху (абсолютизма) далеко опередили созревание революции снизу (буржуазно-демократической революции). Хотя первый процесс, по существу, проходил под прямым воздействием второго, однако игравшие ведущую роль в су-

ществовавшей политической ситуации сторонники абсолютизма использовали силы, действовавшие снизу, направляли их по другому руслу и в нужный момент подавляли. В частности, большой вред движению снизу нанес распад революционных сил в решающий момент в 1867 году.

В 1866 году произошло очень много крестьянских восстаний и городских бунтов. Однако в следующем, 1867 году произошло лишь немногим более десяти восстаний. Причем, если число их обычно возрастало во второй половине года, то в 1867 году (вторая половина) не было ни одного восстания или бунта. Всю страну охватили массовые беспорядки (народные волнения), известные под названием «Э, дзянай ка»¹⁶. В последней декаде августа в связи с распространением слухов о том, что в императорский храм «Котай дзингу» ниспосланы небом «онсацу»*, в районе Нагоя старики и молодежь, мужчины и женщины плясали, впадая в состояние экстаза; это «сумасшествие» мгновенно распространилось сначала на Оцу, Киото, Осака, Нисиномия и другие места района Кинки, по всему Токайдо (Суруга, Эдо, Иокогама, Кофу, Мацумото), а затем на Исэ, Авадзи, Ава, Айдзу и другие места, то есть охватило почти всю страну. В народе широко распространилась песня «Э, дзянай ка», в которой были непристойные слова; участники выступлений «Э, дзянай ка» всем своим поведением выражали полное пренебрежение к общественным нормам морали, не задумываясь и не желая задумываться о настоящем и будущем.

Толпы празднично одетых людей, среди которых были переодетые в мужское платье женщины и в женское платье мужчины, распевали эту песню под звуки барабанов, флейт и сямисэна, устраивали хороводы, врывались, не снимая обуви, в дома обычно не слишком радушных помещиков, богатых купцов, заставляли их угощать вином и закусками. Иногда, унося из таких до-

* Онсацу — бумажные талисманы, которые, по поверью, падали с неба, предвещая большие перемены в жизни народа. Появление онсацу обычно вызывало своеобразные массовые полурелигиозные шествия, сопровождавшиеся пением, танцами и т. д.

Такие процессии вызывались самими феодалами и духовенством с целью отвлечения масс от революционной борьбы против феодального гнета. — *Прим. ред.*

мов одежду, утварь, деньги, говорили: «Э, дзянай ка». Спали в любом доме; проснувшись, вновь принимались за танцы; радовались, что «пришел божий век, день проведен в удовольствии, мир стал поистине прекрасным»¹⁷.

Неистовство и упоение были беспредельны. И это тогда, когда близился момент падения господства бакуфу, которого на протяжении 300 лет эпохи Эдо не переставали добиваться народные массы и во имя которого они не прекращали трудной, напряженной борьбы, когда, как будет сказано ниже, владетельные князья и «патриоты» подготовляли заговор для реставрации и утверждения монархического правления.

В то время ходили слухи, что эти буйные выступления «Э, дзянай ка» были организованы «патриотами» — сторонниками свержения бакуфу — с целью посеять смуту в народных массах¹⁸. Однако достоверных исторических материалов, подтверждающих это, в данное время пока не обнаружено. Так или иначе, где бы ни был источник возникновения этих событий, ясно, что «патриоты» — сторонники свержения бакуфу — использовали беспорядки «Э, дзянай ка», распространившиеся на окрестности Киото, и всячески поощряли нарушение общественного порядка; этим они сознательно стремились замаскировать собственные действия и предотвратить раскрытие правительством бакуфу их заговора и, пожалуй бессознательно, ведомые свойственным им классовым инстинктом, пытались сохранить свои планы в тайне от народных масс¹⁹.

Но тогда почему же революционное движение народных масс, в предшествовавшем году стоявших у порога крестьянской аграрной революции, было столь легко дезорганизовано феодалами и направлено по ложному пути? В то время даже народные массы не сомневались в скором падении власти бакуфу. Оживленная деятельность «патриотов», дерзкие выступления и уверенность в том, что сёгун «ничего с ними сделать не сможет», не могли быть незамеченными в народе. Большое войско Сацума и Тёсю находилось па пути в Киото, и военное столкновение стало неизбежным. Народные массы приветствовали свержение старой тирании и возлагали надежды на смену правления. Но, к сожалению, они не могли создать собственного политического движения; не

смогли они и добиться того, чтобы «патриоты» выражали их чаяния. Народ был преисполнен яростью и возмущением в отношении настоящего, в котором, подобно быстрому водовороту, назревал политический переворот, надеждами и беспокойством в отношении будущего.

Революция снизу была слаба и явно не поспевала за темпом проведения реформ сверху. Воля возбужденных народных масс к продолжению трудной борьбы путем крестьянских восстаний была сломлена. Движение «Э, дзянай ка» пьянило кажущейся свободой эфемерного мира, созданного их фантазией, которой сами же они и поддались, забыв о реальной действительности; они бессмысленно кричали, размахивали руками, танцевали, не обращая внимания на чиновников, попирая грязными ногами дома богачей²⁰.

Таким образом, изолированные крестьянские восстания, не получив необходимого руководства со стороны мелкой буржуазии, не могли вырасти в единое политическое выступление, не выдержали напряжения политического кризиса и сразу обнаружили свою слабость.

Вследствие ослабления революционных сил в 1867 году идеи реформ сверху не смогли в достаточной степени отразить основные внутренние противоречия и были направлены больше против внешнего давления.

В результате всего этого идея реформ «сверху» сузилась до идеи реставрации монархии в духе учения о феодальном долге, и преобразования Мэйдзи исин явились весьма неглубоким социальным переворотом, завершившимся сменой политической власти. В этом и заключалась причина того, что движение за возвращение власти императору и реставрацию монархии превратилось в заговор отдельных лиц, далеких от народа, в ожесточенную борьбу за власть между даймё Сацума, Тоса, Увадзима, Тёсю, Аки и других сильнейших князей, руководимых их главными вассалами, с одной стороны, и между сёгуном и правительством бакуфу, а также связанными с ними кугэ — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 4 ГЛАВЫ III

¹ В апреле 1865 года заместитель сёгуна по проведению экспедиции против Тёсю Мацудайра Сигэаки, глава княжества Этидэн, требовал от правительства бакуфу осторожности: «Так как новая посылка больших воинских сил непременно приведет к смуте во всей стране, а все даймё находятся в бедственном поло-

жении и народ озлоблен, то трудно предугадать, какие могут возникнуть непредвиденные события; я опасаюсь этого и боюсь за судьбу вашего дома» [Дома Токугава. — Т. С.] (Наканэ Юкиэ, Дзоку, Сайму кидзи, т. 4).

Все компетентные лица в Японии того времени придерживались мнения о том, что вторая экспедиция против Тёсю приведет к смуте во всей стране и что «недовольство парода явится одной из причин этого».

² В июне 1866 года находившийся в Осака родзю Инаба Масакуни созвал чиновников бакуфу и ознакомил их с финансовым положением правительства. Он заявил, что возникшие затруднения в Эдо ввиду невозможности посылки в Осака очередных взносов в счет погашения займа «вызывают у всех присутствующих поистине одинаковые чувства». Он предупредил о нежелательности распространения вне стен финансового управления сведений о напряженном финансовом положении правительства. До сведения остальных должностных лиц доводилось, что «оснований для излишнего беспокойства не имеется» (Кацу Кайсю, Кайкоку кингэн (История открытия страны), т. II).

Месячные расходы на финансирование обеих экспедиций против Тёсю составили 174 235 рё золотом и 3468 коку риса. Расходы с сентября 1864 по май 1866 года составили 3 157 446 рё, а расходы с июня по декабрь 1866 года более 1 219 650 рё (см. Кацу Кайсю, Кайкоку кингэн, т. II).

Сумма в 7 миллионов рё, наложенная сёгуном на купцов Осака и других городов, была распределена среди крупных домов от 200 до 300 тысяч на каждый дом: Коноикэ Дзэнуэмон, Кадзимая Кюуэмон и Кадзимая Сакубэй должны были выплатить по 11 тысяч каммэ серебром каждый; Комэя Хэйуэмон и Тацумия Кюсаэмон — по 10 тысяч каммэ каждый; Тигусая Сюдзюро, Комэя Кибэй и Сумия Гэнгоро — по 9 тысяч каммэ каждый.

Дом Мицуи несколько раньше, в мае 1865 года, предоставил сёгуну заем в сумме 10 тысяч рё [очевидно, здесь ошибка. Видимо, речь идет о сумме в 10 тысяч каммэ серебром. — *Ред.*]. В феврале следующего года этому же дому снова было приказано ссудить сёгунат суммой в 1500 тысяч рё, но ввиду жалобы на тяжелое положение эта сумма была снижена до 500 тысяч рё; теперь вновь требовалась сумма в 10 тысяч каммэ серебром. Поэтому Мицуи попросил «в виде особого снисхождения» освободить его от обложения, добиваясь того, чтобы долги сёгуната по прежним ссудам были зачтены в счет данного обложения. Эта просьба была удовлетворена.

³ Представление сёгуну от 13 января 1866 года (см. Нанки Токугава-си (История Токугава. Южная часть провинции Кию.), вып. 4).

⁴ Доклад от 5 июля 1866 года Хондзэ Мунэхидэ (родзю), помощника командующего авангардными отрядами экспедиции против Тёсю, представленный в адрес Государственного совета в Эдо (см. Нанки Токугава-си, вып. 4). В нем указывалось, что Тёсю, получавшее поддержку от княжества Сацума и Англии, уверено в непрременной победе, в то время как в княжествах, выступавших на стороне бакуфу, наоборот, ощущается отсутствие боевого духа.

⁵ «Осака си си» («История города Осака»), т. 1. В это время в Осака на Корэйбаси было расклеено обращение «К господам

родью от страждущих». Восставшие требовали: «Вы должны или приказать им [владельцам рисовых складов. — *Ред.*] покончить с собой, или же снизить цену на рис до 300 мон за 1 сё (с 700 мон); если вы не сделаете ни того ни другого, то мы превратим весь город в руины. Ждем ответа». Когда бугё города Осака задержал группу бунтовщиков, все задержанные на допросе заявили, что главари бунта находятся в осакском замке сёгуна, чем поставили в затруднительное положение чиновников. Кампаку, опасаясь, как бы бунт не распространился также на Киото, вызвал управляющего делами княжества Тоттори и поручил произвести продажу риса по низким ценам. Об этом см. работу Тояма Сигэки «Эдо дзидай гоки икки обозгаки» («Записи о восстаниях последнего периода эпохи Эдо»), «Рэкисагаку Кэнкю», № 127.

⁶ «Токиё-си сико» («История города Токио»); т. 3; «Сайтама кэн-си» («История префектуры Сайтама»), т. 6; «Синагава-тё си» («История города Синагава»), т. II; «Рэндзё мампицу» («Заметки Рэндзё»), т. I.

⁷ Подробнее см. в работе Тояма Сигэки «Эдо дзидай гоки икки обозгаки».

⁸ В письме от 4 июня 1866 года на имя Кацу Кайсю Мацудайра Иосинага, описывая восстание городских низов в Кобэ, писал: «К сожалению, приходится признать, что, в случае если карательная экспедиция против Тёсю затянется, *могут возникнуть смуты и восстания простого народа*» (Наканэ Юкиэ, Дзоку, Сайму кидзи, т. 5).

В докладной записке, представленной 28 декабря двору и бакуфу, Асаи Сигэнага, глава княжества Аки, также указывает на возможность распространения восстаний по всей стране («Хэннэн дзацуроку» («Хронологические заметки»), т. 62, Сирё хэнсансё (Архив исторических материалов)

«При зрелом рассмотрении общего положения в стране, — писал он, — большие опасения внушают следующие обстоятельства. Вследствие начавшихся со времени вмешательства иностранцев и продолжающихся из года в год беспорядков цены поднялись, чрезмерными стали страдания простого народа в области Канто. Распространяются тревожные слухи о том, что смута начинает охватывать также жителей района Кинки. Население разоряется повсеместно; *горе охватило всю страну и с таким положением, возможно, трудно будет справиться*. Если к тому же не будет урожая, то не избежать смятения умов и волнений. Может быть, это излишние опасения, но я глубоко обеспокоен и в самом деле не знаю, что и думать».

⁹ «Симадзу Хисамицу-ко дзикки» («Биография князя Симадзу Хисамицу»), т. V.

¹⁰ Письмо Сайго от 25 апреля 1865 года на имя главы княжества Тикудзэн Цукигата Сэндзо («Дай-Сайго дзэнсю» («Полное собрание сочинений великого Сайго»), т. I).

¹¹ Письмо Окубо от 4 августа 1865 года на имя Исигаки Эйносукэ и Уэно Рётаро. В письме Окубо злорадствует по поводу неизбежного краха бакуфу и пишет о стремлении княжеств сбросить контроль правительства и добиться самостоятельности. «После войны с Тёсю, — говорится в письме, — у большей части крайних экстремистов широко открылись глаза, они поняли невозможность изгнания варваров и усиленно начали говорить об открытии

страны. Говорят, что наиболее дальновидные княжества: Сага, Итидзэн, Тоса, Увадзима — склонны установить торговые и иные отношения с иностранцами. Сёгун блистательно пачал, но плохо кончил, и, если он вернется на восток [в Эдо. — *Ред.*], нет сомнения, что его приказам будут все менее и менее повиноваться и каждое княжество обособится. Поэтому пусть одно из княжеств начнет с непреклонной решимостью проводить политику создания «богатой страны и сильной армии», укреплять мощь страны. Надо сосредоточить все внимание на благородной миссии поддержки императорского престола. Пусть даже за границей будет сиять блеск императорского величия».

Однако Окубо в сентябре следующего, 1866 года писал Итидзи Сёноскэ: «Княжества давно ставят под сомнение целесообразность второй экспедиции против Тёсю. Если трезво смотреть на вещи, то, конечно, лучше всего оставаться в стороне. Однако внешние и внутренние события глубоко затрагивают всех, и нельзя ни на минуту оставаться в стороне».

Так что же необходимо было сделать по мнению Окубо? Он настаивал на том, чтобы основные государственные вопросы решались на совещании княжеств, созываемом императором, и чтобы здесь вершились все важнейшие дела с общего согласия (письмо Окубо в сентябре 1866 года, «Окубо Тосимити бунсё» («Документы Окубо Тосимити»), т. I).

¹² Переводы голландских книг, описывавших парламентскую систему, появились в Японии довольно рано. Иосио Наганобу из Нагасаки перевел в 1825 году на японский язык книгу «Описание характера англичан» и в 1827 году — книгу одного голландского врача «Краткое описание мира»; в 1859 году была переведена книга англичанина Уильяма «Полное описание земли» и в 1860 году — книга американца Бритера «Краткое описание земного шара». В Японии переводились и книги китайских авторов, писавших о европейской парламентской системе, например сочинение Чэнь Фын-чуна «Краткое описание Англии» (1853), сочинение Вэй Юань-чи «Описание морских государств» (1856) и другие. На эту тему писали и сами японцы, например Миноцукури Сэйго — «Конъё Дзусики» (1845) и «Хакко цуси» (1850). См. Осатакэ Такэси, Исин дзэнго-ни окэру риккэн сисо (Конституционные идеи до и после Мэйдзи исин).

¹³ В конце периода Бакумацу, в 1862 году, появился один из лучших трактатов о конституционной политике. Это было сочинение Като Хироюки «Ринсо» («О наших соседях») (помещено в «Мэйдзи бунка дзэнсю сэйдзи-хэн». («Полное собрание сочинений о культуре Мэйдзи»), том «Политика»). Като утверждал, что применить парламентскую систему возможно и при феодализме, сохранив систему деления страны на уезды и провинции. Он писал: «В феодальном мире при определении количества членов, посылаемых в общественные собрания, следует исходить из величины княжеских владений, из числа дворов. Во время серьезных событий, чрезвычайного положения или при возникновении вопросов, касающихся благополучия всего народа, необходимо созывать всех членов для совместного обсуждения подобных дел. При таком образе правления князя, без сомнения, будут управлять справедливо и докажут свою искреннюю преданность императорскому трону. Нельзя совсем лишать князей

участия в государственных делах, нельзя силой отнять у них законные права.

Ибо тогда укрепление власти императора будет временным явлением, а у князей появится повод для озлобления против императорского двора, и это может причинить немалый вред. Поэтому даже при феодальном строе, чтобы не нарушать единства народа, надо обязательно установить разделение власти».

Формально слова «императорский двор» относятся к императорскому двору в Китае, но на самом деле здесь иносказательно подразумевается сёгунат. Короче говоря, Като поддерживает идею совещания княжеств под властью сёгуна.

¹⁴ Хори Тоёхико, Кунсю синдзю-кэн сэцу-но кинсэйтэки иги (Теория божественного права монарха и ее значение в новое время), «Кокка гаккай дзасси», т. 62, № 10).

Хори указывает, что теория божественного права монарха, возникнув в эпоху Ренессанса, требовавшего свободы и независимости личности и мышления от схоластического богословия, противопоставлялась вульгарной теории религиозного авторитета. Он подчеркивает, что в период своего возникновения эта теория имела прогрессивное значение.

Кроме того, нельзя пройти мимо приводимых в этой статье высказываний Иманака Дзиро. «Они [Данте и Лютер. — Т. С.] отстаивали священность прав монарха для того, чтобы подчеркнуть, что монарх должен всегда дорожить божьей справедливостью, не быть тираном и не чинить произвол».

С вышеприведенным мнением Иманака перекликаются высказывания помещика Китагаки Кунимити, сыгравшего видную роль в восстании Икуно (о восстании см. выше, стр. 150). «В империи установился обычай, — говорил он, — по которому высочайший приказ, изданный утром, вечером изменяется... Несправедливым указом не повлияешь на княжества» (см. письмо Китагаки на имя Кидо Такамаса в октябре 1865 года «Сакамото Рюма канкэй бунсё» («Документы, относящиеся к Сакамото Рюма»), т. I). Однако такого рода взгляды имели мало приверженцев; это было второстепенное политическое течение.

Между прочим, в рукописи автора этой книги «Осэй фукко-но ими» («Значение реставрации монархии»), помещенной в «Сисо» («Идеи») за май 1945 года, приведены некоторые исторические материалы, позволяющие судить о том, что в основе теории «почитания императора» не было какого-либо ясного идеологического противоречия между противниками и сторонниками бакуфу.

¹⁵ В документе, которым в октябре 1867 года сёгун Кэйки подтверждал передачу власти императору, говорится:

«При развивающихся изо дня в день сношениях с иностранными государствами необходимо укрепить императорскую власть для установления порядка в стране. А посему я вопреки существовавшему до сего времени древним традициям возвращаю императору политическую власть. Если с помощью бога, при общем согласии, сотрудничестве и совместном широком обсуждении всех вопросов мы вместе защитим империю, то сможем добиться установления отношений равенства со всеми иностранными государствами» («Исин си», т. IV, глава 17, раздел 2).

Защита «империи», поддержание «государственной системы» — таковы стереотипные слова правителей того времени, а конкретный

их смысл заключался в организации такого феодально-сословного порядка, который целиком находился бы под эгидой династической монархии. Это подтверждают все имеющиеся исторические материалы.

¹⁶ События «Э, дэнай ка» описывает Цутия Такао в работе «Нихон сякай кэйдайси-но сёмондай» («Проблемы социально-экономической истории Японии»), а на их политическое значение указывает Хани Горо в работе «Бакумацу-ни окэру сисотэки доко» («Идеологические течения в период Бакумацу») из серии «Нихон сихонсюги хаттацу-си кодза» («Лекции по истории развития японского капитализма»). См. также труд Тояма Сигэки «Кинсэй сёмин синришо итмэн» («О психологии простого народа в новое время»), «Сякайкэн» («Социальная сфера»), август 1948 года.

¹⁷ Из дневника министра бакуфу Цуцуми «Кюбакуфу» («Старое бакуфу»), т. 2, № 7.

¹⁸ Фукути Гэнъитиро, Кайо дзидан (Рассказ о незабываемых делах).

¹⁹ Один из «патриотов» Оэ Таку (самурай из Тоса) в конце периода Бакумацу описывает, как он собственноручно смастерил «Онсацу» и подбросил его в храм («Оэ Аманари данва» («Рассказы Оэ Аманари»); копия находится в Архиве исторических документов). Едва ли это было сделано им намеренно, скорее всего этот случай можно расценить как элемент шутовства, навеянный плясками «Э, дэнай ка».

О том, как беспорядки «Э, дэнай ка» помогали «патриотам» скрываться от преследований чиновников бакуфу, см. в «Оэ Таку-кими Коясан кёхэй дзицурэкидан» («Рассказы Оэ Таку о восстании Коясан»), «Сиданкай соккироку», № 215; и в «Ивакура-ко дзикки» («Описание жизни князя Ивакура»).

²⁰ Народные массы возлагали определенные надежды на движение «Э, дэнай ка». Об этом можно судить по одному письму из Эдо, написанному в середине ноября 1867 года. «Несколько дней назад до Июкогамы дошли и широко распространились слухи о ниспослании «онсацу». Люди начали вести себя там как-то странно, неестественно и возбужденно. Поэтому все ожидают, что и здесь [в Эдо. — *Ред.*] появятся падающие «онсацу». Многие уже теперь ждут, чтобы быстрее в самом Эдо произошло ниспослание и началось веселье; тогда, естественно, успокоились бы волнения и начались бы пляски ё наоки». («Тэйю дзацудзюроку» («Хроника 1867 года»), т. I).

Столь легкое вовлечение народных масс в беспорядки «Э, дэнай ка» объясняется не только необычайно обострившимся в то время социально-психологическим напряжением, но и исключительной живучестью традиции «окагэ маири», поддерживавшейся в народных массах на протяжении трехсот лет периода Эдо. «Окагэ маири» было необычным общественным явлением. Слух о каком-то чуде, распространявшийся подобно порыву ветра, вызывал массовое паломничество в храм Исэ, куда со всей страны стекались толпы людей без различия пола и возраста, находившиеся в экстатическом состоянии. В данном случае поводом явился слух о ниспослании «онсацу», которое обычно повторялось в определенный год через каждые 60 лет.

Образ жизни крестьян, горожан и других представителей феодального японского общества обуславливал их неспособность про-

тивостоять авторитету и предрассудкам, а следовательно, вырабатывал слишком слабый критический дух и самосознание, чтобы они могли стать «классом для себя»; и они сравнительно легко превратились в толпу, без всякого намека на организацию, сознательность. Преобладающим в их психологии было массовое самовнушение, подражание и самоопьянение. Возмущение народа феодальными порядками не получило ясного выражения. Недовольство и возмущение народа было внезапной и болезненной вспышкой, проявившейся в шествиях и массовых сборищах.

Еще в «окагэ маири» 1830 года в обстановке обострения классовой борьбы имели место ненормальные формы крестьянских восстаний (см. «Укиё-но арисама» («Обстоятельства суетной жизни» т. 1)).

В глубине психологии народа восстания издавна были связаны с массовыми беспорядками, и именно поэтому в необычной социальной атмосфере, вызвавшей политический кризис 1867 года, революционная энергия народных масс легко была распылена в религиозных экстазах и связанной с этим половой распущенности.

Исторические сведения относительно «окагэ маири» и «Э, дзянай ка» собраны в книге «Дайдзингу сосё» («Собрание рукописей храма Дайдзингу»), раздел «Дзингу сампайки сюэй» («Сборника записей о паломничестве в храм»).

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ИМПЕРАТОРУ. РЕСТАВРАЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

Движение за свержение бакуфу, которое с 1858 года несколько раз принимало острый характер, но не являлось основным течением политической борьбы, с начала 1867 года приняло конкретные формы. Реформа управления бакуфу, проведенная Кэйки при поддержке французского посланника Роша, к всеобщему удивлению, привела к некоторому восстановлению власти сёгуна. Совещание в Киото глав четырех княжеств — Сацума, Этидзэн, Тоса и Увадзима, — начавшееся по инициативе княжества Сацума (курс на установление власти коалиции сильнейших княжеств во главе с императором), даже не было доведено до конца вследствие внутренних противоречий между княжествами и давления со стороны бакуфу. Руководители княжества Сацума и его представители в столице вынуждены были решиться на свержение бакуфу вооруженным путем, опасаясь, что последнее «захватит двор в свои руки» (курс на диктатуру правительства бакуфу, держащего императора в своих руках) и объявит княжество Сацума заклятым врагом монарха, как в свое время это случилось с княжеством Тёсю¹.

Смерть в конце 1866 года императора Комэй, твердо придерживавшегося принципов совместного правления императора и сёгуна, развязала руки экстремистской группировке движения за свержение бакуфу². На престол вззошел 16-летний император Мэйдзи, еще не имевший собственных политических взглядов; император, о котором впоследствии была распространена слава выдающегося героя, в то время был слабым и малодушным подростком, потерявшим сознание во время «событий Киммон» (1864 г.), едва лишь беспорядки коснулись дворца³.

Это обстоятельство сделало возможным осуществление тактики сторонников свержения бакуфу из княжества Сацума, заключавшейся в том, чтобы, распорядившись императором и держа его в своих руках, получить высочайший приказ о карательной экспедиции против сёгуна.

Сторонники свержения бакуфу вооруженным путем думали лишь о заговоре с целью убийства «низкого разбойника» Кэйки, следуя примеру князей Нака-но-оэ и Каматари, убивших Ирука [Сога. — Т. С.]^{*}.

Смерть императора Комэй и вступление на престол императора Мэйдзи значительно облегчили сторонникам свержения бакуфу политическую деятельность⁴.

С начала 1867 года находившиеся в Киото Окубо Тосимити, Сайго Такамори, Синагава Ядзиро и Ямагата Аритомо изредка стали собираться для обсуждения планов свержения бакуфу. Ивакура Томоми, ранее подвергшийся высочайшему наказанию и находившийся под домашним арестом, связался с самураями из Сацума (Комацу, Окубо и другими), со своими друзьями кугэ (Накамикадо Цунэюки, Накаяма Таданори, Огимати Сандзё (Сага) и другими), пытаясь убедить их в необходимости применения вооруженной силы для реставрации монархического правления. Ивакура — прежде сторонник поддержки бакуфу, за что и подвергся бойкоту противников правительства и высочайшему наказанию, — решил теперь установить контакт с сильнейшими княжествами, ибо он считал, что нельзя успешно «бороться против внутренних и внешних затруднений» силами бакуфу, авторитет которого был окончательно подорван.

* Речь идет о перевороте Тайка в 645 году. — *Прим. ред.*

Он полагал, что императорскому двору, не имевшему собственных войск, лучше всего обратиться, за военной поддержкой к могущественным княжествам, таким, как Сацума, Тёсю и др.

Однако он опасался, что решение «прибегнуть к оружию» при осуществлении этой серьезнейшей задачи может явиться «источником возникновения большой смуты во всей стране» и что «теперь положение почти сходно с периодом внутренних войн в Китае» («Сюндзю Сэнкоку»), а потому в основу проведения этой политики великого дела «должна быть положена *тактика интриг и хитрости*». По его замыслу, «великое дело» заключалось в том, чтобы осуществить «реставрацию монархии в том виде, как она была до Иоритомо» [Минамото. — Т. С.], и «обязать род Токугава, чтобы он, подобно другим княжествам, поддерживал трон и верно служил ему». Что касается методов, то Ивакура призывал следовать примеру Минамото Иоритомо, который заложил основы власти, учредив повсюду должности подчиненных ему военных губернаторов [под предлогом борьбы с внутренними врагами. — *Ред.*]. В новой же обстановке Ивакура предлагал «вернуть императору верховные права на управление страной, используя для этого как предлог борьбу против внешнего врага»⁵.

Ивакура — этот столп Мэйдзи исин — без колебаний прибегал к двурушничеству⁶, интригам и заговорщической тактике в зависимости от времени и места. В его деятельности олицетворяется весь заговорщический характер переворота. Причина успеха подобной деятельности Ивакура заключалась в том, что идея «свержения бакуфу», о которой шла речь, почти не отличалась от идеи «сотрудничества императорского двора и сёгуна» (кобу гаттай). Вообще в представлении Сацума, Тёсю и придворной знати (кугэ) стремление к свержению бакуфу означало «только желание ликвидировать злоупотребления властью со стороны бакуфу», а вовсе не «революцию против сёгуна»⁷.

В мае 1867 года благодаря стараниям Накаока Синтаро состоялась встреча Итагаки Тайскэ, Тани Татэки (Морибэ) и некоторых других (из княжества Тоса) с Комацу, Сайго, Иосии Томоми (Такасукэ) (из княжества Сацума), которые поклялись, если потребуется, отдать жизнь делу свержения бакуфу. Через 4 дня после

этой секретной встречи состоялось новое совещание в том же составе, на котором было принято решение о совместном выступлении княжеств Сацума и Тоса на стороне княжества Тёсю. Это было на следующий день после утверждения императором проектов статута открытого порта для Хёго и объявления о начале действий против Тёсю, представленных сёгуном, и провала планов Сацумской группы. Дальнейшее развитие движения за свержение бакуфу постепенно развивалось на основе секретного соглашения Сацума — Тёсю.

Такой ход событий вызвал в княжестве Тоса беспокойство у сторонников князя Яманоути Тоёнобу, возглавлявшего течение кобу гаттай. Советник князя Гото Сёдзиро, который до сих пор стоял на позиции открытия страны на основе «сотрудничества императорского двора и сёгуна», теперь срочно выехал в Киото с планом учреждения Совета княжеств⁸, выдвинутого в свое время Сакамото Рюма. Он учел рост популярности внутри и вне княжества движения за свержение бакуфу и опасался за свою собственную политическую карьеру.

В Киото он деятельно начал вести переговоры с представителями всех сильнейших княжеств.

В результате переговоров в июле между представителями Тоса — Гото, Сакамото, Накаока — и представителями Сацума — Комацу, Сайго, Окубо — был заключен союз, целью которого являлось возвращение власти императору. Возвращение власти императору намечалось осуществить мирным путем: заставить сёгуна вернуть власть трону, низвести сёгуна до положения остальных феодальных князей и, создав совещательную палату, реализовать, таким образом, идею о Совете княжеств⁹.

Однако истинный замысел Тоса состоял в том, чтобы поставить сёгуна во главе Совета княжеств, фактически удержать власть в руках бакуфу. Представители княжества Сацума соглашались с этим, рассчитывая «возложить на Тоса «непосильное бремя» и выждать, когда Тоса попадет в тулик, чтобы самим выиграть на этом»¹⁰. Оба княжества с подозрением смотрели на действия друг друга и одновременно втайне стремились к укреплению союза с Тёсю.

В июле положение стало чрезвычайно сложным. Движение за возвращение власти императору, возглавляе-

мое княжеством Тоса, и движение за свержение бакуфу, центром которого было княжество Сацума, шли рядом, но в то же время каждое из княжеств вело свои самостоятельные переговоры со всеми другими крупными княжествами. Тайные нити движения за возвращение власти императору тесно переплетались с не менее тайными нитями движения за свержение бакуфу во всех княжествах. Сакамото, много способствовавший заключению тайного соглашения о коалиции Сацума — Тёсю, теперь, тайно воздействуя на группу Гото, в то же время поддерживал тесные связи с группой Кидо и с другими лицами из Тёсю, всячески побуждал это княжество к действиям и вел переговоры о создании запасов ружей нового образца для совместных действий. Накаока и Сасаки Такаюки, организаторы тайного союза Сацума — Тоса, объявили об отсутствии разногласий с Гото и приняли участие в совещании руководства союза по вопросу о возвращении власти императору.

В начале сентября Гото наконец добился принятия княжеством Тоса решения о возвращении власти императору и встретился с Комацу, Сайго, Окубо и другими. В это время группа Сацума достигла больших успехов в осуществлении своих планов, направленных на свержение бакуфу; первым шагом в этом направлении явилось увеличение войск княжества в столице (Киото). Сайго и другие настаивали на военных мерах, остальные противились, и в конце концов взгляды участников совещания резко разошлись. Было решено, что каждая сторона будет пользоваться свободой действий. Однако Гото и Сайго не имели намерения порывать взаимные связи. В дальнейшем Гото познакомил Сайго с проектом предложения о возвращении власти императору, а Сайго в свою очередь согласился отложить выступление войск до тех пор, пока это предложение не будет представлено правительству.

Если бы сторонники движения за возвращение власти императору, стремившиеся к мирному разрешению вопроса, добились успеха, влияние сторонников движения за свержение бакуфу путем вооруженной борьбы, естественно, было бы подорвано; в результате княжество Тоса установило бы свою гегемонию и, таким образом, бакуфу смогло бы удержаться у власти. Если бы, наоборот, победило второе движение, то установилась бы ге-

гемония Сацума — Тёсю и власть бакуфу была бы значительно урезана.

Одним словом, несмотря на то, что с самого начала эти два направления в реставрации монархического правления должны были противостоять друг другу, настоящей взаимной борьбы между ними не велось. Обе стороны исходили из сильных местнических стремлений, ставили на первый план интересы своих княжеств; взаимно прощупывая, обманывая и стремясь перехитрить друг друга, они упорно торговались перед тем, как прийти к компромиссу¹¹.

3 октября 1867 года Гото посетил родню Итакура Кацуёси и от имени Яманоути Тоёнобу представил предложение с требованием возвращения власти императору¹². Последним толчком к этому посещению явились действия близкого к Кэйки сановника в ранге вакато-сиёри Нагаи Сёси, который, учитывая напряженность политического положения, потребовал представления предложения с целью разбить планы группировки свержения бакуфу.

Казалось, что победу празднует группа Тоса, однако сацумская группа перехитрила ее. После того как представители Сацума выразили согласие с предложением княжества Тоса о возвращении власти императору, они без промедления начали добиваться от императора тайного указа о свержении бакуфу. Окубо, посетивший княжество Тёсю, где он добился заключения соглашения между тремя княжествами: Сацума, Тёсю и Аки о восстании, прибыв в столицу, начал переговоры с кугэ. Об этом секретном совещании «четырех» (Ивакура, Накамикадо, Накаяма и Огимати Сандзё) ничего не подозревали даже руководящие сановники двора — регент, принцы и другие. Из этих четырех кугэ лишь один Огимати Сандзё был придворным советником и имел право официально участвовать в императорском совете. Императорский указ был лично составлен Ивакура, находившимся под домашним арестом, вместе с Окубо из Сацума и Синагава из Тёсю.

3-го, а затем 9 октября войска княжества Сацума высадились в Тёсю и подготовились к выступлению. 8 числа в Киото представители трех княжеств: Комацу, Сайто и Окубо от Сацума, Хиросава Санэоми и Синагава от Тёсю, Цудзи Масанобу от Аки — приняли реше-

ние о реставрации монархического правления вооруженным путем, и через Накаяма, Накамикадо и Огимати Сандзё обратились с ходатайством об издании высочайшего указа о свержении бакуфу. Однако спустя 4 дня Комацу, один из подписавших это ходатайство, и Гото явились к Кэйки и посоветовали ему возвратить власть императору, не теряя ни минуты времени¹³.

14 октября Кэйки объявил о сложении с себя сёгунских полномочий и о возвращении власти императору. Промедление даже на один день могло бы привести к весьма серьезному положению. В самом деле, «кризис должен был вот-вот разразиться, но возвращение власти императору именно в этот день лишило сторонников «покаранья бакуфу» повода для насильственных действий»¹⁴. Ибо накануне, в ночь с 13 на 14 октября, Окубо и Хиросава получили в особняке Ивакура секретный высочайший указ на имя главы княжества Сацума и его сына о покарании бакуфу и высочайший рескрипт на имя князя Тёсю и его сына об их амнистии и возвращении им титулов, а на следующий день владельцы Тёсю также получили секретный высочайший указ о покарании бакуфу. Отдельно обоим княжествам были вручены приказы об истреблении глав княжеств Айдзу и Кувана. Эти так называемые секретные высочайшие указы по своей форме были необычны: они не были собственноручно подписаны императором и не были скреплены печатями Накаяма, Огимати Сандзё и Накамикадо, имена которых как доверенных высочайшей воли были проставлены в документах.

Не были ли эти указы поддельными? В хвалебном «Описании жизни князя Ивакура», изданном министерством двора, говорится о том, что после «секретного доклада императору» было получено через Накаяма, деда императора по матери, «высочайшее решение». Но пока не обнаружено исторических документов, подтверждающих достоверность этих утверждений, тем более что сугубая секретность этих дел чрезвычайно осложняет поиски каких-либо доказательств. Пожалуй, даже нет надобности определять подлинность или поддельность этих документов. Несомненно, что причины, которые вызвали к жизни секретные высочайшие указы, гораздо более важны, чем вопрос об их подлинности¹⁵.

Действия Комацу и Гото представляются чрезвычайно

сложными и странными. Двор, который оказался перед фактом возвращения власти императору, не одобрял их действий и склонялся к мнению, что надо вновь вернуть полномочия сёгуну. Но Комацу, Цудзи, Гото и Фукуока Такатика встретились с регентом Нидзё Нарюки и, «разговаривая в угрожающем тоне», дерзко потребовали подтверждения этого высочайшего указа¹⁶. Комацу и Цудзи были инициаторами проведения 8 октября совещания представителей трех княжеств, принявшего решение о вооруженном выступлении. Их требование возымело действие, и 15 октября вышел императорский рескрипт об удовлетворении просьбы Кэйки об отставке.

Через 2 дня Комацу в сопровождении Окубо, Сайго, Хиросава и Синагава выехали с императорским секретным указом о свержении бакуфу из Киото в свои княжества. Эта группа сначала направилась в Тёсю, где на совещании с участием князя и его сына договорилась о посылке войск, а затем, вернувшись в княжество Сацума, добилась уже окончательного решения. В результате сацумский князь Симадзу Тадаёси во главе трехтысячного войска направился к Киото и захватил его.

В это время императорский рескрипт, составленный Огимати и не являвшийся секретным, уполномочивал Кэйки продолжать вести срочные политические дела и впредь до проведения собрания князей, которое должно будет определить будущий государственный строй. Тем самым должность сёгуна еще сохранялась на некоторое время. Придворный совет в этой новой ситуации явно склонялся к тому, чтобы оставить Кэйки сёгуном. Однако прибывший в Киото Окубо тайно сговорился с Ивакура о проведении дворцового переворота «по примеру событий 18 августа 1863 года» и об обнародовании манифеста о реставрации императорского правления. В «Описании жизни князя Ивакура» говорится, что оба они сделали «секретный доклад императору» и добились «высочайшего решения». 3 декабря Окубо и Сайго посетили Гото и посвятили его в планы «предстоящего большого переворота», сообщив даже предполагаемый день выступления.

Позиции Сацума и Тоса коренным образом изменились по сравнению с их прежними позициями в движении за возвращение верховной власти императору. Гото был

очень напуган и сообщил об этом плане князю Этидзэн Мацудайра Иосинага, а тот в свою очередь — Кэйки. И здесь, как это ни странно, князя Тоса и Этидзэн, будучи противниками переворота, фактически ему не противились и даже поддержали. Это объясняется тем, что, во-первых, в Киото находились войска княжества Сацума, а во-вторых, они опасались, что в случае оказания сопротивления Сацума, располагавшее возможностью добиваться того или иного «императорского решения», может объявить их врагами монарха. На высшей точке обострения политического кризиса в стране все князья беспокоились лишь за судьбу своего княжества и были заняты тем, чтобы в любой ситуации не пострадали их интересы.

8 декабря после полудня регент Нидзё Нарьюки созвал во дворце императорский совет с участием принцев крови, кугэ, а также всех находившихся в Киото владетельных князей и их главных вассалов и поставил на обсуждение вопрос об амнистии князя Тёсю и его сына. Без его ведома Ивакура, согласно заранее составленному плану, вызвал представителей княжеств Овари Этидзэн, Тоса, Аки и Сацума и передал им «еще не изданное императорское секретное волеизъявление»¹⁷. Среди присутствовавших находились Окубо и Гото. Ивакура заявил, что вследствие глубокого доверия к этим пяти княжествам, их прошлых заслуг в порядке императорской милости решено их посвятить в планы такого секретного дела, как переворот. Однако представители княжеств Овари, Этидзэн и Аки, внешне выразив свое согласие, внутренне восприняли это, пожалуй, так же, как в свое время представители Тоса. Был в последний раз уточнен план проведения переворота, назначенного на утро следующего дня, и несения охраны дворца.

Заседание императорского совета затянулось до рассвета. Только в 8 часов утра регент, советники и другие покинули дворец. Ивакура тотчас же явился во дворец с пакетом, содержащим указ о реставрации императорской власти. Затем появился Окубо. Вооруженные отряды пяти княжеств под командованием Сайго заняли ворота дворца. Ивакура вместе с Накаяма, Огимати Сандзё и Накамикадо «явились к императору» и «сделали всеподданнейший доклад» («Ивакура-ко дзикки»

(«Описание жизни князя Ивакура»). После этого они впервые пригласили принцев крови, кугэ и даймё исключительно из числа своих сторонников и зачитали заранее подготовленный указ о смене дворцового руководства и перемещениях в должностях, а также «высочайший манифест» о так называемой реставрации монархического правления¹⁸.

Император все это время был окружен фрейлинами и охранялся кугэ, по приказу Ивакура¹⁹.

Это был дворцовый переворот в полном смысле этого слова. Он был совершен по предварительно разработанному плану, при полном сохранении тайны, молниеносно и решительно. Окубо говорил: «В предстоящем выступлении исключительно важно сохранять полную секретность; необходимо проявить и чрезвычайную решимость и силу своего авторитета, чтобы посеять страх в сердцах людей, ибо без этого нельзя рассчитывать на утверждение основ императорской власти».

Как и рассчитывал Окубо, угроза использовать авторитет императора заставляла трепетать от страха. Так создавалась императорская система²⁰.

Этот политический переворот, как сказано выше, был проведен «по примеру» политических событий 18 августа 1863 года. В действительности же различие между ними было велико. Император и владетельные князья, которые раньше действовали довольно самостоятельно, теперь были марионетками в руках Ивакура, Сайго, Окубо и других. Мацудайра Иосинага, вспоминая об этом политическом перевороте, говорил, что, «даже когда теперь думаешь об этих событиях, находит такой страх, что волосы встают дыбом и выступает холодный пот»²¹. Эти слова дают хорошее представление о действительном состоянии растерявшихся феодалов, напуганных политическим переворотом, совершенным вооруженной силой.

В то время среди «патриотов» получили очень большое распространение откровенно циничные выражения, такие, как «держат драгоценность [императора. — Т. С.] в руках», «забрать драгоценность», которые обнажают действительный характер идеи «почитания императора» у этих людей. Они сознавали, что те, кто «держат драгоценность в руках», — правительственная группа, те же.

кто утратил ее, у кого «забрали драгоценность», превращаются в мятежную группу, что именно от этого зависит победа или поражение в политической борьбе²². Это как раз и является проявлением типично дворцово-заговорщического политического сознания. Говорят, что в ходу было также и выражение «представление (театральное)»²³. Разыграть представление! Это было показателем вульгарного интриганства Мэйдзи исин, соответствовавшего образу жизни участников движения, в темных кулуарах обсуждавших дела всей страны, всего государства.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 5 ГЛАВЫ III

¹ Говоря о реформе бакуфу, проведенной Кэйки, надо сказать, что Ивакура Томоми видел в Кэйки сильного противника, которого нельзя было недооценивать, а Кидо Такаёси считал его «современным Изясу» [Токугава Изясу — основатель дикастии сёгунов Токугава. — *Ред.*] (см. «Токугава Кэйки-ко дэн» («Биография князя Токугава Кэйки»), т. III, глава 23). Разумеется, это была преувеличенная оценка Кэйки, навязанная традиционным авторитетом сёгуна. Но некоторые шаги к превращению власти бакуфу в абсолютистскую власть заставили противников бакуфу пойти на решительные действия. Они опасались, что влияние на императорский двор будет целиком находиться в руках бакуфу, и стремились сами добиться преобладающего влияния на него. Несомненно, это показатель слабого представления противниками бакуфу целей переворота. В качестве примера можно привести следующее суждение Окубо Тосимити в письме к Минода Дэмбэй в сентябре 1876 года. «Если в конце концов бакуфу, — писал он, — приберет императорский двор к рукам, то порок победит добродетель, мятеж заменит собой порядок. Поэтому желательно, чтобы теперь Вы напрягли все свои усилия. Без подготовки военных сил, без всеобщей поддержки, без непреклонной решимости действовать ради императорского престола невозможно будет осуществить задуманное дело» («Окубо Тосимити бунсё» («Документы Окубо Тосимити»), т. I).

² Англичане считали, что смерть императора Комэй привела к хорошим последствиям: произошел окончательный поворот от политики изгнания варваров к политике открытия страны.

Митфорд писал: «Нет сомнения, что если бы был жив император Комэй, являвшийся непримиримым врагом сношений с иностранными государствами, то события, которые произошли спустя несколько месяцев после его смерти, имели бы, вероятно, совсем иной исход» («Memories by lord Redesdale», London, 1916, ch. XIX).

«Ходили слухи, — писал Сатоу, — что причиной смерти императора была оспа, но я узнал от японца, хорошо знакомого с закулисной обстановкой, что император был отравлен. Император решительным образом возражал против малейших уступок иностранцам.

И поэтому он был убит людьми, которые предвидели, что вскоре после падения бакуфу императорский двор должен будет вступить в непосредственные сношения и переговоры с западными странами. В Японии, очевидно, считали, что царствование консервативного императора может создать весьма сложное положение, могущее привести к войне. В восточных странах нередко причиной смерти выдающихся лиц является отравление. Например, довольно широкое распространение получили слухи о причастности Хитоцубаси [Кэйки. — *Ред.*] к смерти последнего сёгуна. В отношении смерти императора достоверных данных такого рода не имеется. Но нельзя отрицать, что уход с политической арены императора, оставившего наследника в возрасте 16—17 лет, был весьма своевременным» (E. Satow. *A diplomat in Japan*, London, 1921, гл. XVI).

Однако действительное положение в стране вынуждало даже императора Комэй утверждать договоры; поэтому император был помехой не столько для открытия страны, сколько для развертывания движения за свержение бакуфу. Нет сомнений, что император Комэй никогда не подписал бы «секретного указа» о свержении бакуфу. Выдвижение кугэ — сторонников свержения бакуфу — было невозможно при императоре, который был виновником политических событий 18 августа 1863 года.

30 августа 1866 года по инициативе Окубо и Ивакура кугэ в количестве 22 человек во главе с Накамикадо Цунэюки и Охара Сигэнори явились во дворец и представили императору пожелания из четырех пунктов: немедленное повеление императорского двора о созыве совещания представителей всех княжеств, амнистия лиц, впавших в немилость с 1862 года, прекращение военной экспедиции против Тёсю и реформа дворцового управления. Это вызвало сильный гнев императора. Все явившиеся во дворец кугэ и их сторонники были наказаны за «мятежные предложения» и «неуважение придворного этикета». Им был запрещен доступ во дворец, и, таким образом, замысел Ивакура потерпел неудачу. Огимати Сандзё говорил, что он не признает справедливым это наказание: «Хотя я огорчен этим наказанием, однако мне несколько не стыдно. В конце концов я печалился о своей стране и это известно богу и людям» («Дзоку гуринки Комэй тэнноки» («История императора Комэй»), т. 116).

Таким образом, Комэй умер в момент, когда стали обостряться трения между кугэ — сторонниками реставрации монархии — и императором.

Взошедший на престол (в январе 1867 года) император Мэйдзи прежде всего амнистировал принцев крови и кугэ из числа сторонников движения за почитание императора и изгнание варваров и сторонников движения за свержение бакуфу, в том числе Накаяма Таданори, Огимати Сандзё и Накамикадо, а Ивакура было разрешено вернуться в Киото; с этого момента началась их легальная политическая деятельность.

³ «Наследник [император Мэйдзи. — *Т. С.*] потерял сознание. Накамикадо и другие приближенные долго спрыскивали его водой, пока он не пришел в себя» («Дзоку гуринки Комэй тэнноки», т. 101).

И вот теперь, когда в октябре 1867 года Кэйки объявил о возвращении императору верховной власти, при дворе возникли опасения, не вспыхнет ли война между Сацума и бакуфу, если импе-

ратор примет предложенную власть. Все серьезно опасались, что сообщение о «возникновении военных действий между его подданными обязательно испугает слабодушного подростка-императора, который, узнав об этом, может даже потерять сознание; поэтому принятие императором предложения сёгуна является затруднительным, хотя и ведет к неременному успеху» (Письмо от 15 октября 1867 года Миура Кютаро, самурая княжества Кию. Нанки Токугава-си, вып. 4).

⁴ В мае 1867 года Комацу Тайто рассказал Ямагата Аритомо о тактическом плане свержения бакуфу, который заключался в «расстановке дворцовой охраны из преданных сторонников, получении высочайшего указа о свержении бакуфу, исправлении всех зол токугавского правления» («Ботё кайтэн-си» («История великих деяний в провинциях Нагато и Суво»), т. V, ч. 2). Установление своей дворцовой охраны означало вооруженный захват императора.

С выработанным планом Синагава Ядзиро и Ямагата вернулись в свое княжество и представили в правительство княжества проект о военных действиях Тёсю совместно с княжеством Сацума, главный пункт которого гласил: «По примеру заговора Нака-но-оэ и князя Каматару убить низкого разбойника Хитоцубаси (Кэйки) и установить великие основы императорского правления» (Ямагата Аритомо, Нобэру (Мемуары).

Показательно, что сторонники свержения бакуфу в своих планах недалеко ушли от методов ронинов из Мито, убивших тайро Ии (в 1860 году).

⁵ Ивакура в июле 1865 года прочел Иноуэ Инами, Комацу Тайто и Окубо Тосимити, которых он попросил высказать потом свое мнение, в рукописи «Сори мэйтю» и «Продолжение Сори-мэйтю», где были подробно изложены его политические взгляды. Ивакура предлагал понизить Токугава до ранга даймё: «После ликвидации бакуфу и возвращения власти императору у рода Токугава останется только 8 провинций в Канто, но это не должно обидеть род Токугава». Он также считал необходимым, издав суровый указ, заставить токугавское правительство всецело подчиняться императору, сделать постоянным местопребыванием сёгуна город Киото и, допустив сильнейшие княжества к политике, «впервые на деле осуществить единство власти императора и сёгуна».

В сентябре того же года Ивакура составил «план единства всей страны» и представил его кампаку Нидзё. Суть этого плана заключалась в том, чтобы императорский двор издал указ с требованием примирения бакуфу с княжествами Сацума и Тёсю, ибо без объединения всех сил в стране нельзя было рассчитывать на успех в деле изгнания варваров.

Открыто лозунг реставрации монархии Ивакура выставил в мае 1866 года. Эти идеи в определенной степени отразились и в его докладе (дзимусаку), представленном в сентябре того же года руководству княжества Сацума. Доклад состоял из отдельных статей, являвшихся, по существу, конкретной программой восстановления монархии.

Документ подразделяется на: а) начальный план, согласно которому отстранялись от должностей кампаку Нидзё и принц Каё-но-мия, а Коноэ Тадахиро назначался на должность кампаку; Коноэ и несколько кугэ должны были провести секретное совещание с княжеством Сацума для подготовки реставрации монархии;

б) промежуточный план, согласно которому необходимо было, поддерживая на словах контакт с бакуфу, подрывать его авторитет, и в) заключительный план, который предусматривал решение судьбы реставрации монархии вооруженным путем.

Самой приемлемой Ивакура считал заговорщическую тактику. Он писал: «Токугава Иэясу сначала поддерживал Исида Мицунари, затем помог ему организовать восстание и тем самым создал повод для захвата власти. Вряд ли нужно подражать этому низкому заговору. Однако здесь есть и чему поучиться. Может быть, и теперь удастся вызвать раскол в бакуфу, а Кэйки превратить во второго Мицунари».

Ивакура считал, что «если идти лишь по прямому пути справедливости, то, несмотря на большие усилия, будут достигнуты незначительные результаты и при этом придется столкнуться с различными трудностями. Пытаться установить ширму по прямой линии бесполезно — она обязательно упадет, поэтому ее необходимо всегда ставить зигзагообразно. Если же совершенно секретно договориться с ответственными лицами и некоторыми кугэ, твердыми в своих намерениях, и искусно действовать сообща внутри и вне (двора) прямыми и закулисными путями, то с помощью довольно небольших усилий можно быстрее добиться успеха. *Положение в стране сейчас чрезвычайно напоминает положение в Китае в период внутренних войн («Сюндзю сэнкуку»)*. Применяя тактику интриг и хитрости, мы совершим великое дело. Так стоит ли колебаться?»

Ивакура был решительным сторонником изгнания варваров. Конечной целью его планов реставрации монархии было изгнание варваров. Он выступал против высочайшего утверждения договоров, которое «вызывает у всех глубокое беспокойство тем, что могут рухнуть величественные трехтысячелетние императорские основы». Однако твердой уверенности в возможности изгнать иностранцев у него не было. «Ненавидных варваров, — писал Ивакура, — конечно, надо изгнать, но, приступив опрометчиво к столь важному делу, можно вызвать крупные беспорядки в стране, что скорее всего приведет к обратному результату — поможет проискать ненавидных варваров. Поэтому, отложив на некоторое время обсуждение вопросов о «закрытии» (страны) или дружбе (с иностранцами), необходимо незамедлительно разрешить вопросы внутреннего положения» («Дзэнкоку годосаку» («План объединения всей страны»), приложение).

Ивакура уповал на «изгнание варваров» не только как на патристический идеал, он и на деле превратил этот курс в совершенно откровенное орудие своей политики.

В апреле 1867 года он показал Накаяма Таданори и Огимати Сандзё свой проект соглашения с иностранными державами о мореплавании и об оказании помощи в случае кораблекрушения. В приложении к проекту говорилось: «Хотя внешне дело идет скорее о развитии мореплавания, чем о судьбе императорского дома, внимание всех приковано к возвращению власти императору. Если сегодня возникли споры по вопросу об открытии порта в Хёго, то почему бы именно сегодня и не воспользоваться этим? В данном случае внешнеполитические события как раз предоставляют этот прекрасный случай.

В старину Минамото Йоритомо установил должности военных губернаторов и под предлогом ликвидации притаившихся повсюду мятежников провозгласил себя главнокомандующим всей Японии (66 провинций) по их преследованию и уничтожению, а в конце концов захватил всю власть в свои руки. Следуя его примеру, необходимо проводить тактику, могущую обеспечить возвращение императорскому двору всей власти в стране под лозунгом *сопротивления иностранным государствам*.

Таким образом, Ивакура выступал за активную политику открытия страны, используя лозунги изгнания варваров или же противодействия им.

Активный характер такой политики открытия Японии подкреплялся планами создания «богатой страны и сильной армии». «Следует, — писал он, — воспрепятствовать намерениям иностранных государств; для этого нужно копить силы, чтобы бить иностранцев даже за пределами нашей страны».

(Проект соглашения о мореплавании, представленный в марте 1867 года кампаку Нидзё, «Ивакура-ко дзикки» («Описание жизни князя Ивакура»), т. I, II).

⁶ См. лекции главного составителя истории княжеского дома Мори Накахара Кунихира (1931) в книге «Сакамото Рюма канкэй бунсё» («Документы о деятельности Сакамото Рюма», т. 2).

⁷ Так Комацу Тайто определял истинные намерения княжества Сацума во время беседы в Осака с Сатоу в январе 1867 года. Это он и просил сообщить Парксу.

В августе предыдущего, 1866 года при встрече Касивамура Кадзума (княжество Тёсю) с Комацу, Сайго и Окубо (княжество Сацума) последние заявляли: «В нашем княжестве отсутствует движение за свержение бакуфу. Однако, дождавшись размаха движения, при благоприятных обстоятельствах можно будет использовать «высочайшее повеление» о покарании сёгуна» («Ботё кайтэн-си», т. V, часть I).

«Покарание сёгуна» как будто бы звучит здесь как требование физического уничтожения Кэйки, а не как отрицание самой системы бакуфу, не как требование свержения бакуфу. На самом деле, устранение сёгуна, диктатора страны, отнюдь не предполагало уничтожения рода Токугава, как крупнейших феодалов. Это видно из последующих высказываний Сайго, Окубо и Ивакура, которые в то время считали, что если члены рода Токугава будут определенно знать о планах их превращения в крупных даймё, которые должны будут совместно с другими сильнейшими князьями поддерживать императорское правление, то это будет способствовать «успокоению» бакуфу.

Подобная путаница во взглядах, когда род Токугава рассматривали только как крупнейших феодальных владетелей, а бакуфу — как объединяющий всю страну орган власти, объяснялась тем, что свержение бакуфу понималось не как коренной переворот во всем политическом устройстве страны, а лишь как урезывание, насколько возможно, власти рода Токугава.

⁸ Смысл идеи Сакамото о представительном политическом строе освещается в материалах, популярно называемых «восемь планов, разработанных на корабле».

Речь идет о соглашении между Сакамото и Гото Сёдзиро, достигнутом на корабле во время плавания из Нагасаки в Киото.

Проект соглашения был составлен самураем княжества Тоса, главным писцом морского вспомогательного отряда (кайэнтай) Нагаока Кэнкити (Имаи Дзюнсэй). Этот проект, изложенный в предложении Яманоути Тоёнобу о возвращении императору верховной власти (см. примечание № 12), лег в основу идеи Гото о представительном политическом строе в стране («Сакамото Рюма канкэй бунсё», т. 1). См. также сочинение «Ханрон», написанное Сакамото и трактующее об основах представительного политического строя; но оно не сохранилось, и имеется, по утверждению Тито Киёми, лишь английский перевод, сделанный Л. К. Холлом. Осатакэ Такэси установил его идентичность с подлинником, но для более точного доказательства этого необходимо дальнейшее исследование (см. «Мэйдзи бунка кэнкю» («Изучение культуры Мэйдзи» № 1).

⁹ Полный текст соглашения, переписанного рукой Окубо, приводится в «Документах Окубо Тосимити», т. I. В соглашении говорится: «Как в доме не бывает двух хозяев, так и в государстве не должно быть двух царей; надо вернуть власть одному. Таков великий принцип... Вернув власть императору, мы обновим всю систему, а создав Совет княжеств, установим согласие народа. После этого нам не придется стыдиться иностранных государств и впервые можно будет сказать, что государственное устройство нашей империи завершено».

Эти слова подтверждают, что идеи представительного политического строя были идеями создания единой суверенной власти, достижимой только при помощи совместных усилий.

¹⁰ Сасаки Такаюки из княжества Тоса описывает истинные намерения Сацума при заключении соглашения с княжеством Тоса. Он писал: «Сацума как будто бы соглашается на все. Поэтому люди нашего княжества могут сказать, что, мол, Сацума не возражает. Однако это лишь ловкая тактика этого княжества... Они желали бы использовать княжество Тоса в своих интересах, сделать его главным действующим лицом, а затем выиграть на этом. Для княжества Тоса это было бы тяжелым бременем» («Сасаки Такаюки ннкки» («Дневник Сасаки Такаюки»); «Исин си», т. IV, гл. I).

¹¹ Сакамото Рюма поддерживал движение Гото за возвращение императору верховной власти, «надеясь на то, что Тоса изменит свою позицию и, как в прежние дни, станет действовать вместе с Сацума и Тёсю» (см. письмо от 16 марта 1867 года на имя Миёси Синдзо. «Сакамото Рюма канкэй бунсё» («Документы о деятельности Сакамото Рюма») т. 1). Говоря о содружестве Сацума, Тёсю и Тоса «в прежние дни», Сакамото Рюма намекает на тройственный союз этих княжеств в период 1862—1863 годов.

Итагаки также настаивал на заключении секретного соглашения между Сацума и Тоса о свержении бакуфу. Он говорил: «Я боюсь, что мы будем медлить, упустим важный момент, вследствие чего интересы Сацума и Тёсю пострадают (Курихара Рёити, Итагаки Тайскэ кундэн (Биография Итагаки Тайскэ)).

¹² В предложении Яманоути Тоёнобу указывалось, что современный упадок, «очевидно, вызван слишком глубокими различиями в истинных намерениях императорского двора, бакуфу, кугэ и князей и не может не внушать серьезных опасений». С возвращением

императору верховной власти, писал Яманоути Тоёнобу, установится согласие между этими основными группами страны.

Конкретное содержание намечавшегося представительного политического строя ясно показано в предложении, подписанном Тэрамура Садзэн, Гото Сёдзиро, Фукуока Такатика и Камияма Сатаэ и приложенном к письму Яманоути (см. «Токугава Кэйки-ко дэн» («Биография князя Токугава Кэйки»), приложение 7). В нем говорилось:

1. Верховная власть в решении основных вопросов политики страны должна принадлежать императору.

2. Государственный политический совет (гисэйсё) делится на две палаты. Членами его избираются просвещенные и способные подданные империи, начиная от высших кугэ и кончая низшими вассалами и простым народом. Все вопросы, касающиеся государственной структуры империи, ее законов и т. д., обязательно должны вноситься на обсуждение Государственного политического совета, находящегося в столице.

3. Ввести обучение наукам и искусствам, учредив начальные школы в городах и разделив учащихся по возрасту.

4. Обязать министров императора после предварительного обсуждения с княжествами встретиться в порту Хёго с представителями иностранных держав и пересмотреть все заключенные договоры; заключить новые договоры на вполне справедливой и равной основе; честно вести торговые отношения с иностранцами.

5. Усилить морские и сухопутные силы страны, сосредоточив все управление ими в Киото; создать гвардию для личной охраны императора; создать войска, подобных которым нет в мире.

6. С давних времен управление и суд находились в руках представителей военного сословия. После прибытия в порты Японии иностранных кораблей «страна пришла в смятение», государственная власть стала испытывать сильные затруднения. Самое основное в теперешнем положении — это устранить все прежние дурные стороны в управлении страной и построить великие основы государственной власти.

7. Существующие с давних времен законы, установленные императорским двором, привести в соответствие с нынешним положением. Решительно освободиться от дурных обычаев, провести реформы и тем самым создать основу для независимости нашей страны.

8. Члены Государственного политического совета должны, отряхаясь от личных интересов и прекратив интриги, на основе справедливости, прямо и открыто высказывать личное мнение. В своей деятельности они должны прежде всего радеть о полном обновлении нашей страны, изжить прежние ложные представления. Не следует повторять ошибок прошлого, когда велось так много обсуждений и столь же мало практических дел.

Именно такого рода политические реформы были осуществлены при политическом режиме Мэйдзи.

¹³ В воспоминаниях Кэйки говорится: «Еще до издания секретного императорского указа для княжеств Сацума и Тёсю все было давно решено. Необходимо было до моего отказа от власти издать указ, ибо опубликовывать его после не имело смысла. Очевидно, хорошо осведомленный обо всем Комацу поэтому-то столь настойчиво советовал мне немедленно вернуть власть императору. Указ был

опубликован почти одновременно с моим отречением от поста сёгуна «Сэкимукай хикки» («Токугава Кэйки-ко дэн», приложение 7).

¹⁴ Беседа Фукуока Такатика с Мацудайра Иоснага (см. Осагаке Такэси, Мэйдзи исин, т. II, ч. 2).

¹⁵ Во II томе «Описание жизни князя Ивакура» приводятся тексты «секретного доклада» Накаяма императору и «высочайшего решения». Но это были лишь материалы для высочайшего секретного указа. К сожалению, даже и эти документы помещены без всяких пояснений; не известно также, на основании каких исторических материалов они составлены. Утверждения Окубо Тосимити, Накаяма Таданори и Сага Санэнару, подробно излагающих в своих дневниках события того времени, также довольно сомнительны. О действительном характере секретного указа красноречиво говорит тот факт, что подлинник его вплоть до начала периода Сёва (1926), когда он впервые был опубликован и стал доступным для широких кругов научной общественности, хранился в секретных архивах князей Симадзу и Мори. Фотокопия подлинника приводится в сборнике документов по истории Мэйдзи исин, издавшем отделом министерства просвещения по публикации материалов по истории Мэйдзи исин (Момбусэ исин сирё хэнсан дзимукёку).

Подлинность секретного императорского указа нигде открыто не оспаривается, тем не менее сторонники бакуфу давно уже втихомолку начали сеять сомнения. Например, в сочинении Фукути Гэнъитиро «Бакуфу суйбо-рон» («Падение бакуфу») говорится: «При исследовании подобных источников перед историком встают большие сомнения и трудности. Особенно это относится к данному «секретному указу», от которого ведет начало Мэйдзи исин, блестящая слава которой не меркнет в современной истории».

Слишком осторожно упоминается об этих документах и в «Токугава Кэйки-ко дэн» («Биография Токугава Кэйки»), гл. 4. «При зачтении секретного императорского указа, — говорится в этой книге, — мы благоговейно преклонились. Он не подлежит обсуждению. Здесь не место рассуждать о форме секретного указа».

¹⁶ См. Китахара Такэнага, Ситинэн-си (История семи лет), т. 2, Записи о 1867 году), а также «Кэйо тэйу хикки» (Хроника 1867 года), в которых описывается положение в стране в то время (см. «Исин си», т. IV, гл. 2, § 4).

Комацу, Гото и другие потребовали встречи с регентом, но тот отказался их принять. Тогда они, прибегнув к угрозам, добились встречи с ним и резко потребовали незамедлительного утверждения императором отставки Кэйки. Промедление, заявили они, может вызвать в стране события, которые трудно даже представить: может произойти, например, грубое посягательство на особу императора. Вся беседа велась в очень резком тоне: «Видимо, — утверждали они, — приближенные императора беззаботно прогуливаются по дворцу и их нисколько не тревожат тяготы и бедствия изнемогающего народа?» Комацу и Гото потребовали от регента немедленного ответа, и он вынужден был удовлетворить их требования.

¹⁷ Наканэ Юкиэ, Тэйу никки (Дневник 1867 года), «Сисэки дзассан» (Сборник исторических документов), т. 4, запись от 8 декабря 1867 года. Наканэ, присутствовавший на заседании императорского совета как представитель княжества Этидзэн, приводит заявление Ивакура. «В последние годы правления бакуфу, — заявлял Ивакура, — политический авторитет его непомерно упал, по-

ложение народа стало крайне тяжелым, а внешнеполитическую обстановку чрезвычайно обострили происки иностранных держав. Необходимо, чтобы император принял решение о реставрации монархии и дал свое высочайшее указание о том, как надлежит создать основы монархии». В записях различных лиц из княжества Сацума «бедственное положение народа» часто упоминается как довод в пользу свержения бакуфу.

¹⁸ Манифест о реставрации монархического правления, изданный 9 декабря, прежде всего был обращен к придворным; его содержание было объявлено княжествам спустя пять дней, а затем еще через два дня он был обнародован для сведения духовенства, крестьян и торговцев. Это лишний раз подтверждает, что реставрация монархического правления была произведена путем дворцового заговора, ставившего целью реформу власти.

Вслед за манифестом было выпущено повеление для придворных, предупреждавшее их о том, что «если паче чаяния кто-нибудь станет поносить высочайшую политику или же по поручению злых людей будет тайно докладывать о делах, намеренно извращая их содержание, то он будет строго наказан» («Ивакура-ко дзикки» («Описание жизни князя Ивакура»), т. II).

И не потому ли сторонники реставрации монархии спешили запретить «тайные доклады», что до сих пор сами они часто прибегали к таким средствам?

¹⁹ В записи от 9 декабря 1867 года в «Дневнике Сага Санэнару» (т. II) говорится о том, что «приближенные окружали императора и охраняли его». В «Накаяма Тадаёси Рирэки сирё» («Биография Накаяма Тадаёси»), т. 9, приводятся имена лиц, присутствовавших в то утро «в покоях императора», и «фрейлин, находившихся при особе императора».

²⁰ Письмо Окубо от 7 декабря 1867 года на имя Накаяма Тадаёси («Накаяма Тадаёси Рирэки сирё», т. 9).

²¹ «Ицудзи сихо» («Полное собрание сочинений Мацудайра Юосинага», т. I). В этой работе, в частности, говорится: «Поистине, настроение у всех было мрачным. Чувства беспокойства и тревоги достигли высшей степени. В то же время придворные были охвачены неопикуемой радостью, в их среде царил беззаботная веселость и суета. Когда теперь думаешь об этом, то представляется, будто бы люди тогда как бы заблудились, и потеряли курс». События во дворце в ночь переворота обрисованы в этом документе так живо, словно сам их ощущаешь.

²² В конце периода Бакумацу, то есть в критический момент политической борьбы, правительство бакуфу всегда упрекало своих политических противников в том, что они замышляют «гнусный заговор» с целью «прибрать к рукам» императора. В 1867 году сторонники свержения бакуфу уже открыто заявляли о своих планах «держат в руках драгоценность», «захватить драгоценность». Особое рвение в этом вопросе проявляла группа из княжества Тёсю, испившая горькую чашу во время политических событий 18 августа.

Окубо прибыл в сентябре 1867 года в город Ямагути для согласования планов выступления войск, где встретился с Кидо Такаёси, который неоднократно указывал на необходимость переезда императора в другое место. Он говорил: «Охрана императорского дворца является очень важным делом. Если драгоценность будет

похищена, то все будет кончено» («Окубо Тосимити никки», т. I, раздел «18 сентября 1867 года»).

Кидо и после возвращения сёгуном власти императору не переставал беспокоиться о безопасности монарха. «Чрезвычайно важно, — говорил он, — использовать благоприятный момент и первыми ловко взять в свои руки драгоценность. Если это паче чаяния сделает бакуфу, то естественно, что храбрые патриоты, готовые даже [умереть], при таких обстоятельствах всюду придут в замешательство и театральное представление кончится полным провалом. Первыми погибнут три княжества [Сацума, Тёсю и Аки. — Т. С.], а затем вся империя попадет в руки разбойника Токугава, и ясно, что выправить положение будет уже невозможно» (письмо Кидо Такаёси от 22 ноября 1867 года на имя Синагава Ядзиро. «Кидо Такаёси бунсё» («Документы Кидо Такаёси»), т. II). Здесь надо особое внимание обратить на слова «театральное представление».

Сторонники бакуфу также отдавали себе отчет в том, что все будет потеряно для них, если их противники захватят императора. Кэйки, возмущенный действиями княжества Сацума после реставрации монархического правления в декабре 1867 года, пытался было начать решительную борьбу против «предательского княжества». Однако потом он решил, что «хотя предательское княжество исходит из собственных эгоистических побуждений, внешне оно опирается на императорский двор и прикрывается именем императора; поэтому вопрос о наказании предательского княжества сразу стал бы задевать императорский престиж» («Официальное сообщение о выезде из замка «Нидзё» в связи с переворотом в Киото от 14 декабря 1867 года», «Иодо Инаба-кэ бунсё» («Документы дома Инаба из Иодо»). Во время борьбы между сторонниками бакуфу и их противниками обе группы одинаково считали, что тому, на кого будет наклеен ярлык «врага трона», уже нечего рассчитывать на победу. И потому в момент падения бакуфу эта беспринципная борьба свелась к дворцовому заговору.

Так как во время событий Мэйдзи исин, приведших к реформе абсолютистского тила, была свергнута власть бакуфу, а в политическую борьбу среди феодалов были вовлечены довольно широкие общественные силы вплоть до самых низших слоев, то по форме она была до некоторой степени «социальным переворотом». Однако необходимо обратить внимание на то, что в момент установления императорского строя и основания правительства Мэйдзи политическая борьба уже утратила эту форму, измельчала и выродилась в конце концов в типичный дворцовый заговор.

Новый «социальный переворот» происходит в Японии позже, уже после реставрации монархии.

²³ Письмо Кидо от 4 сентября 1867 года на имя Сакамото Рюма. Кидо писал: «Этот фарс составляет основу большой пьесы, а потому необходимо во что бы то ни стало ловко и успешно, насколько позволят обстоятельства, разыграть его, если не путем большого (театрального) представления за пределами наших стен, то хотя бы осуществить (театральное) представление в своем кругу» («Кидо Такаёси бунсё», т. II).

В воспоминаниях Сасаки Такаюки говорится: «Во время совещания о заключении соглашения между княжествами Сацума и Тоса по вопросу возвращения власти императору состоялось собрание патриотов из княжества Тоса. Выступая на этом собрании,

я заверил его участников в том, что (театральное) представление должно состояться. Сакамото Рюма подтвердил правильность моих слов и добавил, что «если дадут хотя бы одно представление, то с этого, пожалуй, и начнется все дело». *Эти слова о представлении впоследствии широко употреблялись среди наших единомышленников* («Сасаки роко сэкидзицудан») («Рассказ старого князя Сасаки о прошлых днях»).

УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ

1. ИМПЕРАТОРСКАЯ КЛЯТВА ИЗ ПЯТИ СТАТЕЙ.

ДЕКРЕТ О ГОСУДАРСТВЕННОМ УСТРОЙСТВЕ (СЭИТАЙСЕ)

Манифест о восстановлении власти императора, опубликованный 9 декабря 1867 года, состоял из следующих трех пунктов: а) санкционировалось возвращение сёгуна Токугава Кэйки верховной власти императору и его отставка с поста сёгуна; б) упразднялись посты регента (сэссэй), главного советника при императоре (кампаку) и правительство бакуфу, а вместо этого вводилась система «сансёку» [дословно: три поста. — *Ред.*]: председатель (сосай), старшие советники (гидзё) и младшие советники (санъё); в) был намечён основной курс политики. Он определялся следующим образом: *«Основываться на принципах, установленных императором Дзимму при образовании нашей страны; весь народ — гражданские и военные, высшие и низшие — будет участвовать в общественном обсуждении; все должны одинаково делить радости и горести жизни...»*¹

Из вышеизложенного представляет интерес второй пункт. Упразднение постов регента и главного советника при императоре разрушило до известной степени систему господства верхушки придворной знати (кугэ) и открыло доступ к власти выходцам из более низкого ее слоя — сторонникам свержения бакуфу. Ликвидация бакуфу расчищала путь к созданию коалиционного правительства наиболее крупных княжеств. Председателем был назначен принц Арисугава Тарухито, а старшими советниками — участники группировки свержения бакуфу (тобаку-ха), принцы, кугэ, а также главы княжеств Овари, Этидзэн, Тоса, Сацума и Аки либо их наследники. Младшими советниками были назначены Ивакура Томоми и видные самураи из тех же пяти княжеств, например из Тоса — Гото Сёдзиро и Фукуока Такатика, из Сацума — Сайго Такамори, Окубо Тосимити и другие. Словом, это

было коалиционное правительство из самураев вышеуказанных пяти княжеств и придворной знати, принимавших участие в дворцовом перевороте, приведшем к восстановлению императорской власти. Провозглашение в третьем пункте расширения открытого обсуждения было сделано в расчете допустить к нему придворную аристократию и князей. Ссылка на императора Дзимму, связывая вопрос о реставрации с древними традициями страны, являла собой идеологическое обоснование новой власти и порождала в рамках консервативного по своей сущности понимания реставрации, представления о реформах как о «ликвидации недостатков прошлого» и «всеобщем обновлении».

Политические идеи, выраженные в данном манифесте, были идентичны с идеями о представительном политическом строе времен движения за восстановление императорской власти. Последующая политическая борьба велась между сторонниками вооруженного свержения бакуфу, которых возглавляло княжество Сацума, и группировкой княжества Тоса, отстаивавшей представительный политический строй, и была прежде всего борьбой вокруг вопроса об участии сёгуна Кэйки в политической жизни страны².

Сторонники вооруженного свержения бакуфу, опираясь на военные силы княжеств Сацума и Тёсю, настойчиво требовали полной конфискации земельных владений дома Токугава. Этим намерениям воспротивилось старое бакуфу³, и вопрос решался вооруженным путем в битвах при Тоба и Фусими и в военной кампании 1868 года.

Насильственные действия сторонников вооруженного свержения бакуфу обострили трения между феодальными правителями. Не только княжества, бывшие на стороне бакуфу, но и нейтральные княжества были глубоко убеждены в том, что княжества Сацума и Тёсю, поддерживавшие юного императора, преследуют свои корыстные цели, прикрываясь волей императора, которая на самом деле не являлась его подлинной волей⁴.

Бакуфу, в годы Ансэй (1854—1859) замышлявшее тайное убийство или низложение императора Комэй, яростного противника иностранцев, с тех пор подвергалось постоянным нападениям со стороны группировки сонно дзёи, упрекавшей бакуфу в неверности императору.

Однако после смерти императора Комэй в 1866 году ходили слухи, что смерть его — дело рук сторонников свержения бакуфу⁵. В период, предшествовавший падению власти бакуфу, последнее старалось внушать мысль о том, будто деятельность мятежных элементов из народа, внешне провозглашавших уважение к императору, фактически приведет к тому, что вместе с упразднением сёгуната произойдет и упразднение императорской власти⁶. Оставляя в стороне вопрос о правильности вышеуказанных слухов, использование их для нападок на политического противника говорило о существовании общественной среды, восприимчивой к подобным слухам. Группировка свержения бакуфу, впоследствии решительно осуществившая дворцовый переворот и добившаяся реставрации императорской власти, не могла полностью заглушить эти слухи.

Эта группировка укрепляла свое положение по трем линиям. Во-первых, она стремилась распространить власть союза пяти княжеств на всю страну как общегосударственную власть. В этом заключалась одна из основных целей введения в жизнь в январе 1868 года системы «сансёку ситика» (три поста и семь ведомств)⁷ и реорганизации правительственного аппарата в марте того же года декретом о государственном устройстве (сэйтайсё). Во-вторых, с помощью лозунга об уважении общественного мнения она доказывала «справедливость» высочайшей воли императора⁸. В-третьих, она обращалась к народу с лозунгом «великодушного управления», которое должно было избавить народ от лишений. В манифесте о восстановлении императорской власти народ был назван «великой драгоценностью монарха»⁹; это была попытка, пусть даже формальная, заручиться поддержкой народа.

Позже, в правительственных декретах первого года Мэйдзи (1868), также провозглашался курс на «исправление императором прежнего дурного правления» и «императорскую помощь всему народу» и подробно разъяснялся смысл этих утверждений¹⁰. Это происходило до установления просвещенного абсолютизма, являлось своего рода лекарством в предродовой период, когда шла борьба между императорской властью и сёгунатом, когда Сацума и Тёсю, пытаясь сдержать разногласия между различными княжествами, вытаскивали

абсолютизм на свет божий. И, как будет показано ниже, такие лозунги исчезали по мере укрепления императорской власти. Понятия о реформах, усвоенные руководящими лицами из императорского окружения (Ивакура, Окубо, Кидо и другими) и основанные на стремлении поднять авторитет императорской власти, еще не установившийся в процессе свержения бакуфу, и пропагандировать принципы «великодушного правления» новой монархической власти, в корне отличного от старого деспотического правления бакуфу, расширяли их политический кругозор, но в конечном счете привели к еще большему отрыву от основной группировки табаку-ха, являвшейся их базой.

Клятва из пяти статей, данная императором 14 марта 1868 года, была, по существу, историческим продуктом того периода. Эта клятва, с тех пор как либеральное движение стало искать в ней свое историческое обоснование, рассматривалась как источник наших конституционных идей. В новейшее время кабинет Хигасикуни, созданный после поражения Японии в войне, пытался найти в ней традиции демократии и обосновать цели развития новой Японии. Но эта клятва никоим образом не выражала вневременных абстрактных идей. Она была конкретным и реальным продуктом своего времени, появившимся 14 марта 1868 года.

В начале марта был опубликован указ о походе против Токугава Кэйки. Киотоская армия готовилась окружить Эдо, а 15 марта предполагалось начать штурм эдоского замка и объявить, что с этого дня император лично будет руководить всей кампанией. Клятва фактически явилась подготовительным мероприятием перед штурмом. Особу императора в этой кампании, учитывая несостоявшийся заговор [о похищении императора. — *Ред.*] антииностранной группировки в августе 1863 года, оберегали с особой тщательностью. Именно тогда и был опубликован так называемый «Императорский рескрипт о возвышении национального престижа государства»¹¹ в котором разъяснялось, что личное участие императора в кампании должно не только успокоить весь народ, но и поднять национальный престиж страны. Это было сделано для того, чтобы предотвратить волнения в народе. Основная программа новой власти предусматривала, что император, придворная знать и князья поклянутся ува-

жать и защищать государственные основы, изложенные в пяти статьях императорской клятвы, в которых ясно говорилось, что внутри страны будет признаваться общественное обсуждение, а за пределами ее границ — открытие страны и дружба [с иностранными государствами. — *Ред.*]. Среди князей имелось немало бывших сторонников Токугава, которые еще определенно не выразили своего отношения к существующей власти. Целью императорской клятвы как раз и было создание атмосферы сотрудничества для объединения сил против Токугава Кэйки.

Содержавшиеся в клятве принципы признания общественного обсуждения, по замыслу составителя второго проекта клятвы Фукуока Такатика, предусматривали лишь созыв Совета князей; провозглашалось, что «гражданским, военным лицам и даже простому народу будет предоставлена возможность осуществлять свои стремления», поскольку «императорский двор, кугэ и князья совместно осуществляют политику страны». Составитель первого проекта Юри Киммаса, придавая серьезное значение роли народа, также предлагал, чтобы «простому народу предоставить возможность осуществлять свои стремления» и чтобы «создать единство взглядов самурайства и народа — основы процветания страны». Следовательно, Юри Киммаса, скорее всего из чисто фискальных соображений, допускал право ограниченного участия в политике слоя богатых купцов и богатых крестьян. Однако дальше этого Юри уже не шел. Он никоим образом не переступал границ реформ периода Тэмпо (1830—1843) и не нарушал классовых позиций группировки табаку-ха. Юри, ведавший в то время финансами императорского двора, как раз намечал выпуск займа на сумму в 3 миллиона рё и выпуск бумажных денежных знаков. В этом мероприятии он стремился добиться поддержки и посредничества со стороны меняльных контор Киото и Осака, осуществлявших все денежные операции правительства.

Теперь понятно, какие слои общества он имел в виду, когда заявлял о политике осуществления народом своих стремлений и о сотрудничестве самурайства и простого народа в жизни страны¹². Одновременно с клятвой, адресованной придворной знати и феодалам, Государственный совет издал пять постановлений для народа. Большая часть постановлений продолжала политику

правительства бакуфу и прежде всего запрещала создавать партии или группировки, организовывать прямую подачу жалоб и строжайше воспрещала бегство крестьян от своих феодалов. Все это ясно подтверждает антинародный характер нового режима¹³.

Декрет о государственном устройстве, опубликованный в апреле, явился дальнейшей конкретизацией курса на совершенствование структуры правительства, намеченного императорской клятвой. Создавался Государственный совет (дадзёкан) являвшийся центральным органом; он состоял из семи ведомств: администрации (гёсэй), религии (синси), финансов (кайкэй), военных дел (гумму), иностранных дел (гайкоку) и юстиции (кэйхо), а также консультативного совета (гисэйкан). Консультативный совет обладал законодательной властью, пять ведомств — исполнительной властью, а министерство юстиции — судебной властью.

Первая особенность новой правительственной структуры состояла в разделении власти [на законодательную, исполнительную и судебную. — *Ред.*]. При этом заимствованный из государственного строя США новейший принцип разделения власти («с тем, чтобы не допустить односторонности») был подчинен абсолютистскому принципу единой власти, о которой говорилось: «Вся власть в стране будет принадлежать Государственному совету»¹⁴.

Вторая особенность — парламентская система и выборность чиновников. Консультативный совет состоял из двух палат. Верхняя палата была составлена из старших и младших советников, которыми могли быть члены императорской фамилии, кугэ, даймё и самураи, а нижняя — из представителей княжеских самураев, которые выдвигались главами княжеств. Здесь необходимо отметить, что только верхняя палата имела право решающего голоса, нижняя палата являлась совещательным органом. Таким образом, получалось, что собрание представителей княжеств было подчинено собранию придворной знати и князей — сторонников кобугаттай, которое представляло собой конституционно перекрашенный прежний императорский совет. Кроме того, посты двух старших советников — членов верхней палаты занимали по совместительству помощники министра администрации, а посты председателя нижней па-

латы и его заместителя — тоже по совместительству два чиновника (бэндзи) из того же министерства. Таким образом, четкого разделения между законодательной и исполнительной властью не было и с самого начала существовал параллелизм в их работе. Выборность чиновников фактически сводилась к выборам чиновников, стоявших по рангу выше 3-го класса. Таким путем избирались помощники министров, старшие и младшие советники. С помощью подобных выборов правительство стремилось затушевать разногласия между кугэ, «не допустить недостойного подбора правительственных чиновников» в условиях существовавших разногласий между княжествами, «поднять величие управления и укрепить основы его»¹⁵.

Из декрета о государственном устройстве явствовало, что основной формой политической власти должен быть союз княжеств, рассматривавшийся как переходная ступень к абсолютизму. Эта переходная форма власти была необходима в момент равновесия сил различных противостоящих друг другу феодальных группировок (придворной знати и самурайства, самурайства различных княжеств, а также верхушки княжеств и низшего самурайства). Разделение власти, парламентская система и выборы чиновников, заимствованные из-за границы, были умело использованы для смягчения противоречий, объединения власти и для создания монархической бюрократии. Эти явления в Японии можно, пожалуй, сравнить с сословным государством (как переходной формой от чисто феодального государства к абсолютистскому государству), возникшим в Европе в XIV—XV веках и имевшим свои *Etat généraux* (Генеральные штаты). Однако в Японии были специфические особенности, состоявшие в том, что внутри класса феодалов и среди крупных городских торговцев еще не созрели силы, противостоящие феодальной монархии.

Эти особенности проистекали из того, что отношения феодальной зависимости в Европе носили в своей основе характер довольно ясно выраженного обоюдного договора, феодальный же строй в Японии, особенно в период Эдо, не мог иметь подобных отношений, по существу из-за слабости движения «снизу». Государственная власть периода реставрации носила более яркие черты феодального характера, нежели сословная монархия [в Европе.—

Ред.] и, будучи тесно связанной с остатками старины, стремилась к ее возрождению.

Так называемый просветительный характер политики нового правительства в период с 1868 года и до второй половины 1869 года находился в неразрывной связи с проведением военной кампании 1868 года. Новая политическая власть нанесла решающий удар силам бакуфу и утвердила свою военную победу. Тем не менее она вынуждена была проводить политику компромиссов и уступок феодальным силам как внутри самой новой власти, так и в отношении прежнего бакуфу. Новое правительство проводило политику компромиссов и отрицания реформ. Кроме того, его приход к власти целиком отражал стремление Англии к стабилизации политической обстановки в Японии и максимальному непрерывному развитию внешней торговли. Англия, поддерживавшая восстановление императорской власти в период свержения бакуфу, позже возражала против применения крайних мер по отношению к роду Токугава, настаивала на мирном переходе власти к императору и князьям и оказывала этому всемерную поддержку¹⁶.

Политика признания общественного обсуждения просуществовала недолго. После подавления в августе сопротивления северных князей в Оу и Хокуэцу [провинции Этиго и Этю. — *Ред.*] и взятия в мае следующего года последней базы сёгуна — города Хакодате — эта политика ускорила в 1869 году «добровольное возвращение императору прав даймё на управление их владениями» и на этом закончила свое существование. Уже через пять месяцев после опубликования декрета о государственном устройстве, то есть спустя месяц после подавления в Оу сопротивления северных князей, был упразднен консультативный совет¹⁷. Он был включен в министерство администрации. Таким образом, абсолютистская власть, взращенная на принципе «общественного обсуждения»¹⁸, уже не опасалась угроз со стороны старых феодальных сил и постепенно вступала в период самостоятельных решений и действий.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ I ГЛАВЫ IV

¹ Манифест о восстановлении императорской власти гласил: «Сейчас нами принято решение утвердить отставку правительства Токугава, которому ранее была вверена императором верховная

власть, и упразднить пост сёгуна. С 1853 года наша страна находилась в небывало тяжелом положении. Предшествующий нам император был этим постоянно обеспокоен, о чем известно всему народу. Поэтому сейчас мы приняли следующее решение: восстановить императорскую власть и создать основу возрождения национального престижа государства. В связи с этим впредь упраздняются посты регента (сэссэй), главного советника при императоре (кампаку) и правительство бакуфу. Вместо них временно учреждаются посты: председателя (сосай), старших советников (гидзё) и младших советников (санъё). Эти должностные лица будут руководить всей политикой. Они будут основываться на принципах, установленных императором Дзимму при образовании нашей страны; весь народ — гражданские и военные, высшие и низшие — будут участвовать в общественном обсуждении; все одинаково должны делить радости и горести жизни; лень, роскошь и дурные привычки прошлого должны быть уничтожены; все должны верно и честно служить своей родине» («Исши си», т. V, часть XVIII, глава 2, § 2).

² Проект реорганизации правительственной системы, составленный в 1866 году Сакамото Рюма, почти целиком вошел в манифест о восстановлении императорской власти и в декрет о государственном устройстве. Сакамото в своем проекте на самые ответственные посты в новом центральном правительстве выдвигал Сандзё Санэтоми — на пост главного советника при императоре (кампаку) — и Токугава Кэйки — на пост премьер-министра (найдайдзин), который должен был быть «двойником кампаку».

Группа сторонников «представительного управления», унаследовавшая взгляды Сакамото, стремилась к тому, чтобы политический курс после возвращения верховной власти императору определялся Советом князей, созываемым императором. Это было стремлением ограничить диктаторскую политику, проводимую союзом княжеств Сацума и Тёсю, опиравшихся на свои крупные военные силы.

Новое в этой политической структуре управления страной должно было заключаться в введении совещательной системы, состоящей из двух палат: верхней — собрания именитых даймё (то есть собрания глав крупных княжеств под председательством регента, главного императорского советника и премьер-министра) и нижней — собрания с участием самураев всех рангов, от высших до низших. Основные моменты подобного типа проектов были изложены в докладной записке, составленной в октябре 1867 года членом Государственного совета при сёгуне (родю Огю Ватару (Мацудайра Норифуми)). В этом документе указывалось, что, кроме императорской власти, создаются две палаты — верхняя и нижняя. Членами верхней палаты могут быть лишь даймё, членами нижней палаты — люди менее высокого звания. Проекты после утверждения нижней палатой утверждаются верхней палатой и тогда уже проводятся в жизнь. «Проекты, пройдя через обе палаты, будут затем представлены императору, и, таким образом, их санкционирование не будет вызывать споров и будет осуществляться без помех». В провинциях и уездах также создаются верхняя и нижняя палаты.

Далее, даймё лишаются права собственноручно производить набор рекрутов. Во всех районах размещаются правительственные войска и военно-морской флот. Расходы по их содержанию в раз-

мере $\frac{2}{3}$ своего дохода вносят все даймё и даже Токугава. «При единении четырех сословий [самураи, крестьяне, ремесленники и купцы. — *Ред.*] исчезнут препятствия для достижения блага всей страны. Чувства людей не будут оскорблены; будут изменены государственные законы; будет создан парламент, и свобода слова не будет ограничиваться; управление будет великодушным, просвещенным и справедливым; защита страны будет возложена на всех; все расходы страны будут покрываться за счет государственных средств. Как говорится в пословице: «Страна не принадлежит одному человеку, страна принадлежит всем людям». В государстве не должно быть людей, которые использовали бы правление в личных целях и которые бы говорили, что страна принадлежит им».

Действительно ли так называемая просветительная политика первых годов Мэйдзи представляла что-то необыкновенное? Для примера рассмотрим заявление Государственного совета при опубликовании указа о введении воинской повинности (см. ниже, стр. 265). Получается полное совпадение по всем пунктам. Кому же принадлежит эта теория? Огю пишет, что, когда несколько лет тому назад появилась в обществе теория восстановления императорской власти, он наблюдал, что некоторые лица тайно обсуждали этот вопрос. Источник этой теории остался невыясненным. Возможно, это была точка зрения группы Тоса, а возможно, что Огю вложил в уста другого человека свои собственные взгляды. Достоверно ничего не известно, но, во всяком случае, Огю разделял эти взгляды и настаивал на том, чтобы роду Токугава были представлены самые высшие посты в верхней палате и общее руководство вооруженными силами страны («Иодо Инаба-кэ бунсё» («Архив дома Инаба из Иодо»). В конечном счете власть Кэйки под вывесками «императорское правление» и «Совет князей» должна была быть сохранена.

Понять характер режима Мэйдзи — значит правильно уяснить происходившее слияние консервативности реальных целей с внешней прогрессивностью методов их достижения. На узком заседании в присутствии императора в день обнародования манифеста о восстановлении императорской власти, который должен был сокрушить замыслы группы «представительного правления», под нажимом Ивакура, получившего указания Окубо, было принято решение об отставке Кэйки (который в это время был главой правительства) и о конфискации его земельных владений. Таким путем удалось предотвратить участие Кэйки в новом правлении.

³ Группировка сторонников свержения бакуфу считала, что независимо от «добровольного возвращения сёгуном верховной власти императору» и «восстановления императорской власти» необходимо нанести дому Токугава еще один решающий удар, не останавливаясь перед применением военной силы. 8 декабря 1867 года Ивацита Садзиуэмон, Сайго Такамори и Окубо Тосимити направили в адрес Ивакура обращение, в котором говорилось: «Народ за 200 с лишним лет привык к старым обычаям, поэтому мы взялись за великое дело — сражаться, пока не обновим нашу страну и не успокоим ее. Мы, презирая смерть, решили начать войну и добиться победы, что и считаем своей самой срочной задачей» («Окубо Тосимити канкэй бунсё» («Архив Окубо Тосимити»), т. II). С этой целью Сайго Такамори направил в Эдо Имуда Наохира и Масумицу

Ясуноскэ — самураев княжества Сацума. Они с помощью рониннов организовали в Эдо беспорядки, спровоцировав бакуфу на выступление. Это в дальнейшем и привело к битвам при Тоба и Фусими.

⁴ В то время все утверждали, что реформы Мэйдзи исин не являются выражением воли императора. Об этом писал даже один из сторонников восстановления императорской власти — Накаяма Тадаёси. В письме от 19 апреля 1868 года, адресованном Ивакура, Накаяма писал: «Конечно, реставрация — это переворот, и хотя естественно, что подобные события совершаются неожиданно для людей, всем известно, что *столь великие реформы не могут быть проведены только с помощью императорских рескриптов или одним Аояма* [имеется в виду министр Сандзё Санэтоми. — Т. С.]. Нас сейчас весьма беспокоит появление недовольных коренным и тем более самовольным изменением формы императорского правления, существовавшего без перемен в течение нескольких сот лет. Императорское парчовое знамя находится в руках мятежников и используется ими, а следовательно, не является уже императорским знаменем, поэтому его следует сбросить» («Накаяма Тадаёси рирэки сирё» («Биография Накаяма Тадаёси»), т. 9).

В апреле 1868 года в воззваниях правительства бакуфу, расклеенных в Эдо, говорилось следующее: «Императорское парчовое знамя [знамя похода против Кэйки — Т. С.], которое развевается повсеместно, должно быть сброшено. *Это знамя попало в руки злых людей, мятежников, стало их знаменем, но бояться его не следует*» (Наканэ Юкиэ, Босин никки (Хроника кампании 1868 года).

⁵ Дед императора Мэйдзи по материнской линии Накаяма Тадаёси упоминает в своем дневнике об этих ядовитых слухах. Правда, он писал, что «подобным различным слухам не следует верить», однако подтверждал, что «они широко циркулировали» («Накаяма Тадаёси никки» («Дневник Накаяма Тадаёси»), № 2, запись от 4 января 1867 года). См. также версию Сатоу о смерти императора Комэй (см. стр. 204—205).

⁶ В ответе правительства княжества Мито княжеству Кио в ноябре 1867 года относительно создавшейся обстановки говорилось: «Хотя презренные мятежники внешне и провозглашают уважение к императору, на деле они только используют имя императора. И если они достигнут своей цели, то опасность может угрожать и императорскому дому. Поэтому основой спокойствия императорского дома будет восстановление авторитета бакуфу» («Мито-хан сирё» («Материалы по истории княжества Мито»), т. 3).

Сатоу писал: «Он [Исикава Тосимаса — министр иностранных дел. — Т. С.] говорил мне, что этот проект [об упразднении постов кампаку, дэнсо и гисо. — Т. С.] вызвал большое сопротивление со стороны даймё (особенно сторонников дома Токугава), опасавшихся, как бы экстремисты не перешли границ и не упразднили бы самого императора. Я постарался успокоить его в этом отношении» (E. S a t o w, A diplomat in Japan, London, 1921, ch. XXIV).

О подобном случае упоминает и Митфорд: «Точка зрения Сацума [об упразднении поста сёгуна. — Т. С.] встретила большое противодействие. Многие опасались, что такая ультрарадикальная идея в конечном счете будет угрожать положению самого

императора» (Memories by lord Redesdale, London, 1916, vol. II, chap. XXI).

Находившийся во Франции представитель бакуфу Куримото Кон в письме от 23 сентября 1867 года, адресованном заместителю министра иностранных дел Кавакати Хиромити, писал о намерениях итальянца Гарибальди: «В Италии Гарибальди замышляет государственный мятеж. Он проповедует, что «существование во всех странах императоров и королей постоянно вызывает восстания. Народ находится в тяжелом положении, поэтому нужно уничтожить императоров и королей. Это будет соответствовать законам природы». Во всех странах появилось много последователей этой теории...»

Мита Иэмон, находившийся в Англии, сообщал Куримото, что «гарибальдийская партия», то есть партия сторонников свержения императорского строя, появилась и в Японии. Он писал: «В нашей стране тоже беспокойно. Появилась «гарибальдийская партия», что достойно сожаления» («Кавакати-ка бунсё» («Архив дома Кавакати»), запись от 13 ноября 1867 года).

⁷ В качестве центральных учреждений были вновь созданы семь ведомств: религии, внутренних дел, иностранных дел, армии и флота, финансов, юстиции и администрации. Во главе каждого ведомства был поставлен старший советник (гидзё), а младшие советники (санъё) стали чиновниками этих ведомств. Одновременно с реорганизацией правительственной структуры на должности старших советников были назначены князья из Увадзима и Кумамото, а на должности младших советников — самураи из княжеств Тёсю, Огаки, Янагава и Кумамото. Через месяц на посты старших и младших советников были выдвинуты самураи из княжеств Цувано, Сага и Таканабэ.

⁸ Окубо считал необходимым уведомить все иностранные государства о создании в Японии нового правительства, образованного в связи с реставрацией императорской власти. Проект этого документа он поручил составить французу Монблану, находившемуся в то время в княжестве Сацума, и самураю этого княжества Тэрадзима Мунэнори. Данный проект он представил императору 17 декабря 1867 года. Однако этим намерениям Окубо не суждено было осуществиться.

Во вводной части проекта говорилось: «Мы, император великой Японии, являемся главой союзных нам княжеств... Все вопросы, касающиеся политики великой Японии, ее внутренние и внешние дела, после того как они пройдут через совещательные органы союзных нам княжеств и будут нам доложены соответствующими чиновниками, утверждаются нами». Таким образом, это была попытка заявить о создании Совета князей (см. Кацуда Сонъя, Окубо Тосимити-дэн (Биография Окубо Тосимити), т. II, раздел I, глава 1). Обращает на себя внимание тот факт, что император здесь определен как «глава союза княжеств».

После реставрации императорской власти младшие советники Гото Сёдзиро и Фукуока Такатика представили докладную записку об учреждении верхней и нижней палат, которая и была одобрена. Председатель, старшие и младшие советники верхней палаты должны были состоять из членов императорской семьи, придворной знати и князей. Председатель и его заместитель в нижней

палате выдвигались из кугэ и князей в чине старшего советника; члены нижней палаты назначались из княжеских самураев, тэси (способных княжеских самураев и лиц недворянского происхождения) и коси (лиц, назначаемых главой княжества и представлявших интересы княжества). Словом, предлагалось создать совещательный орган, состоящий из вассалов императора и представителей княжеств. Как пишут Гото и Фукуока, целью его создания была необходимость проведения «единой для гражданских и военных, справедливой и простой» политики. В какой же форме осуществлялось это «единство гражданских и военных» (то есть сотрудничество кугэ с букэ)? Старшие и младшие советники из кугэ и из букэ должны были собираться на обсуждение вопросов отдельно. Если их точки зрения в общем совпадали, то проводилось совместное обсуждение, которое называлось «совещанием» (см. Накаэ Юкиэ, Тэйю цикки (Хроника 1867 года), запись от 13 декабря 1867 года, «Сусэки дзасан», т. 4).

Введение такой системы представительного правления, учитывая различия между кугэ и букэ, между феодальной знатью, руководством княжеств и самураями княжеств ставило целью их примирение и установление согласия между ними.

⁹ В первом пункте манифеста о восстановлении императорской власти говорилось: «За последние годы цены на товары резко повысились; богатые умножили свои богатства, а бедные впали в еще большую нищету. В конечном счете все это результат несправедливого управления. Народ — великая драгоценность монарха. Сейчас, в эпоху больших перемен, император очень этим обеспокоен. Если кто-либо может представить план избавления от бед, то заявите об этом...»

Подобные идеи зародились в движении за свержение бакуфу. 8 октября 1867 года Комацу Тайто, Сайго Такамори и Окубо Тосимити составили петицию с требованием тайного императорского указа о свержении бакуфу, в которой критиковали систему правления бакуфу. Они писали: «Цены на рис резко повысились, все стало дорого, бедствия народа неопишутемы. Уже произошли столкновения между простым народом и торговцами в области Кинай (район Киото и провинции Сэтцу). Они требовали великодушного управления, «жалующего крестьян» («Окубо Тосимити бунсё», т. II). В тайном императорском указе о свержении бакуфу Кэйки обвинялся в том, что «не обращал внимания на бедствия народа». Далее говорилось: «Сейчас я являюсь отцом народа. Если не сбросить этого мятежника, то как же можно успокоить души наших предков и отомстить за народ» (Оригинал написан китайским стилем).

Во время кампании 1868 года командующий экспедицией по подавлению сопротивления в районе Тосандо опубликовал обращение к народу. В нем говорилось: «Сейчас император желает избавить народ от нищеты. Все, кто долгие годы страдал от деспотического правления, могут беспрепятственно обращаться со своими просьбами». Это обращение послужило поводом для восстания крестьян в княжестве Такасаки в 1869 году (см. Тамура Эйтаро, Кодзукэ, Такасаки-ре, номин кёсо (Петиции крестьян княжества Такасаки в провинции Кодзукэ); Тамура Эйтаро, Киндай нихон номин ундо сирон (История крестьянского движения в Японии в новое время).

Такого рода заявления о необходимости оказания помощи народу в то время широко практиковались не только императором и его сторонниками, но и правительством бакуфу. Приведем несколько примеров. Член Государственного совета при сёгуне Огасавара Нагаюки в письме от 15 января 1868 года, адресованном секретарю английской дипломатической миссии, сообщал, что самураи княжества Сацума часто прибегают к самовольным действиям, «нарушают нормальный ход событий и *причиняют много страданий народу*». Далее Огасавара перечислял еще ряд подобных преступлений и, наконец, заявлял, что «правительство бакуфу принимает во внимание общественное мнение страны и *поддерживает права народа*» («Мэйдзи босин кёкугай тюрицу тэммацу» («Беспристрастное описание событий 1868 года»). Кроме того, в договоре о союзе северных княжеств провинций Оу и Эцу [провинции Этиго, Эттю и Этидзэн. — *Ред.*] от 21 апреля 1868 года, по которому они обязались совместно сражаться против кiotоской армии, говорилось о необходимости «почитать императорскую фамилию и *жалеть простой народ*» (см. «Фуккоки» («Летопись реставрации»), т. 4).

Политическая борьба в 1866 году, проходившая в период подъема крестьянских восстаний и восстаний городской бедноты (угиковаси), знаменательна тем, что в ней обе враждующие группировки вынуждены были прибегать к лозунгу «оказания помощи простому народу». Это было одним из необходимых условий для становления абсолютизма, потому что абсолютизм, несмотря на его феодально-реакционную сущность, и, быть может, именно поэтому, должен был рядиться в одежды национального государства. В этой связи весьма большой интерес представляет совет, который дал в феврале 1867 года французский посланник Рош сёгуну Кэйки. «Надеяться только на вождей страны, — говорил Рош, — недостаточно. *Проводить политику можно, только опираясь на народ страны*» (см. запись беседы Кэйки с французским посланником Рошем 6 февраля 1867 года. «Токугава Кэйки-ко дэн», приложение 7).

¹⁰ Приведем несколько примеров. В указе от 20 февраля 1868 года о проведении инспекционной поездки по 14 княжествам группы во главе с Маругамэ Тайсу говорилось: «В связи с реставрацией императорской власти необходимо, чтобы так называемые государственные владения [владения, находившиеся в непосредственном подчинении бакуфу. — *Т. С.*] стали полной собственностью императора. Поэтому *мы желаем узнать о положении простого народа*. Мы глубоко обеспокоены тем, что в некоторых местностях народ страдает от беспорядков, воров или грабителей. Император весьма занят государственными делами и поэтому, естественно, недостаточно ознакомлен с положением народа...»

В императорском указе от 28 февраля о личном участии императора в походе против Токугава было сказано: «Будет ли поддержан авторитет государства, *будет ли установлено спокойствие народа* — все это является миссией, возложенной на меня небом, и поэтому я провожу дни и ночи без сна, отдыха и пищи». Губернатор области Тосандо 8 апреля писал: «Император постоянно озабочен спасением всех крайне нуждающихся, ибо и крестьяне и горожане — дети императора...» (см. «Хорэй дзэнсё, Мэйдзи ганнэн» («Полное собрание указов и распоряжений 1868 года»).

Власти префектур прилагали большие усилия, чтобы всячески популяризовать среди всех слоев населения значение «великодушного правления». В феврале 1868 года началось издание «Дадзёкан никки» («Материалы Государственного совета»), которые были изложены доступным языком. Наиболее характерные для того периода официальные инструкции собраны в «Мэйдзи бунка дзэнсю» («Полное собрание сочинений о культуре периода Мэйдзи»), том «Различные исторические материалы».

Из числа этих инструкций самой образцовой правительство считало «Инструкцию префектуры Киото» («Киото-фу кокую тайи») и рекомендовало всем княжествам и префектурам принять ее к исполнению.

Однако Мацудайра Иосинага подверг критике лозунг «великодушного правления». Он говорил: «Императорские повеления о великодушном правлении часто провозглашают только на бумаге; реальных же результатов оно не приносит, наоборот, народ угнетают все больше и больше» (Беседа с Ивакура 18 июля 1869 года. См. «Босин никки» («Хроника военной кампании 1868 года»).

¹¹ Большинство прежних историков не могло правильно разъяснить историческое значение «Императорского рескрипта о возвышении национального престижа государства». Они считали, что указанный рескрипт был издан одновременно с клятвой императора. Толкования содержания рескрипта были также разноречивы. Например, в составленном министерством просвещения труде «Исин си» («История Мэйдзи исин») говорится: «Национальную политику определяли лозунги: «открытие страны и предприимчивость», «богатая страна и сильная армия» («Исин си», т. V, глава 20, § 2). Фудзии Дзинтаро и Мория Хидэскэ в совместной работе «Сого нихон-си тайкэй, Мэйдзи дзидай» («Общая история Японии. Период Мэйдзи») пишут: «Рескрипт указывает на великий путь единства монарха и подданных». Ока Иоситакэ в книге «Киндай нихон-но кэйсэй» («Формирование современной Японии») дает следующее толкование: «Рескрипт ясно указывает на то, что в дальнейшем император лично будет принимать участие в политике». Это наглядно показывает ошибочность подхода при толковании данного императорского рескрипта.

Единственно правильное толкование этого вопроса дает Осатакэ Такэси в своей книге «Исин дзэнго-ни окэру риккэн сисо» («Конституционные идеи в период Мэйдзи исин»). «В настоящее время многие считают, — писал он, — что императорский рескрипт был издан самостоятельно, отдельно от императорской клятвы. Известно, что очень многие люди, осведомленные о существовании императорской клятвы, даже не слышали об императорском рескрипте. Однако имеются сведения, что в то время основное значение придавали императорскому рескрипту, а императорской клятве — второстепенное значение. Иначе говоря, существовало мнение, что императорский рескрипт является императорским указом, а императорская клятва — политическим курсом. Поэтому, если заглянуть в газеты того времени, бросается в глаза, что императорский рескрипт был напечатан, тогда как почти ни одна газета не напечатала императорской клятвы, чему нельзя не удивляться».

¹² Первый вариант проекта был составлен Юри Киммаса. Он гласит:

Клятва

1) Простому народу необходимо предоставить возможность осуществлять свои стремления; не пренебрегать настроениями общества;

2) создать единство взглядов самурайства и народа — основы процветания хозяйства страны;

3) приобретать знания за границей и, таким образом, широко укреплять основы империи;

4) на должность коси выдвигать только способных людей;

5) все государственные дела решать общественным обсуждением, а не руководствоваться частными мнениями.

Юри был уроженцем княжества Этидзэн. Под руководством Иокои Сёнан в свое время он провел там финансовые реформы. Юри был сторонником развития добывающей и обрабатывающей промышленности и поощрения внешней торговли. Он задумал организовать Торговую палату (Буссан сокайсё), но купцы, к которым он обратился за содействием, отнеслись к этому недоброжелательно, не доверяя княжеским начинаниям. Поэтому план Юри потерпел крах. Тогда Юри лично посетил многих деревенских старост (сёя) и помещиков, пытаясь доказать им выгоды своего плана развития промышленности. Он продолжал настоятельно увещевать также и купцов. В конце концов ему удалось добиться создания Торговой палаты. Во главе ее стали «купцы-капиталисты», и деятельность этой Палаты была «полностью предоставлена самоуправлению купцов». Юри говорил: «Рост промышленности княжеств явится способом обогащения народа. Понятно, что благосостояние народа ведет и к процветанию страны. Для развития производства необходимо определить государственные основы: верхи и низы должны объединиться и действовать самым энергичным образом». Необходимость такого правления, которое объединило бы самурайство и народ, о чем говорилось в проекте клятвы, то есть необходимость добиться поддержки правительства со стороны слоя богатых крестьян и богатых купцов, остро ощущалась представителями княжества Этидзэн. См. работу Мицуока Дзёфу «Юри Киммаса дэн» («Биография Юри Киммаса»), а также книгу «Иокои Сёнан икохэн» («Сборник рукописей Иокои Сёнан») под редакцией Ямадзакки Масатада, в которой изложены взгляды Иокои Сёнан по финансовым вопросам.

Административные реформы в княжестве Тоса в 1869 году совершались по этой же линии. Правительство княжества Тоса в связи с застоем в экономике и бедственным состоянием финансов, вызванных беспорядочным выпуском местных и правительственных бумажных денежных знаков, «потеряло доверие народа», и поэтому «хитрые купцы» и «денежные крестьяне» перестали оказывать материальную поддержку властям княжества. Учтя создавшееся положение, правительство княжества решило на основе «сотрудничества правящих кругов и народа» учредить совещательную палату (сюгисё), пригласило туда представителей от городов и окрестных деревень и изложило им свои планы, а также заслушало их мнение (см. письмо Тани Татэки от 30 сентября 1869 года, адресованное Итагаки Тайскэ и книгу Симаноути Тосиэй «Тани Татэки ико» («Рукописи Тани Татэки»), т. 1). В данном случае «народом», поддержки которого искали правители княжества, считались богатые

крестьяне и богатые купцы. Тем не менее все это явилось основой того, что княжество Тоса стало местом зарождения либерального движения «за свободу и народные права».

Первый проект Юри был исправлен Фукуока Такатика. Так появился второй проект императорской клятвы. Ниже приводится полный текст ее:

Клятва

1) Созвать Совет князей и все государственные дела решать путем общественного обсуждения;

2) достигнуть единства взглядов гражданских и военных, предоставить всем, в том числе и простому народу, возможность осуществлять свои стремления и не пренебрегать настроениями общества;

3) только при всеобщем единении можно добиться процветания хозяйства в стране;

4) приобретать знания за границей и, таким образом, прочно укреплять основы империи;

5) на должность тэси следует выдвигать способных людей.

Пункту о Совете князей придавалось большое значение, и то, что он поставлен на первое место, отражает влияние идей о представительном политическом строе, которые отстаивало княжество Тоса. Что касается второго пункта, то Фукуока писал: «Юри имел, вероятно, в виду не только императорский двор и князей, но и простой народ. Я же имею в виду единение чиновников и самураев, то есть единение императорского двора (кугэ) и князей, которые вершат политику страны. Нельзя сказать, чтобы я придавал простому народу меньшее значение, но я не считаю его одним из столпов нашего общества, направляющих политику страны (см. цитированную выше книгу Осатакэ Такэси).

Как проект Юри, так и проект Фукуока были составлены для взаимной клятвы императора и князей (именно это и было действительным намерением составителей). Но поскольку кугэ возражали против такой формы клятвы, ссылаясь на то, что якобы это не согласуется с государственным строем Японии, Кидо Такаёси изменил проект. По новому варианту император, возглавляя кугэ, князей и чиновников, один дает клятву богам. После внесенных им изменений проект принял следующий вид:

Клятва

1) Срочно созвать Совет князей и все государственные дела решать путем общественного обсуждения;

2) только при всеобщем единении можно добиться процветания хозяйства в стране;

3) достигнуть единства взглядов гражданских и военных, предоставить всем, в том числе и простому народу, возможность осуществлять свои стремления и не пренебрегать настроениями общества;

4) уничтожить дурные обычаи и следовать принципам, принятым во всем мире;

5) приобретать знания за границей и, таким образом, укреплять основы империи.

Введение нового четвертого пункта объясняется тем, что, несмотря на объявленный правительством Мэйдзи внешнеполитический курс открытия страны и дружественных отношений с иностранными государствами, антииностранные настроения не исчезали. Например, в городе Сакаи самурай княжества Тоса убил француза, а в Киото неизвестные люди напали на английского посланника который собирался посетить императорский дворец. Эти инциденты вызвали крупные дипломатические конфликты.

Выражение из четвертого пункта об уничтожении «дурных обычаев» имело в виду пресечь антииностранные настроения.

¹³ В первом постановлении Государственный совет восхвалял пять добродетелей [отношения между монархом и подчиненными, родителями и детьми, мужем и женой, старшим и младшим и между товарищами. — *Ред.*] и порицал пороки; во втором — запрещал организовывать партии или группировки, прямо подавать жалобы и самым строжайшим образом воспрещал бегство крестьян от своих помещиков; в третьем — запрещал христианство и прочие еретические религии; в четвертом — объявлял, что сношения с иностранными государствами должны основываться на международных законах, и воспретил покушения на иностранцев; в пятом — запрещал самураям и гражданскому населению покидать Японию (см. «Хорэй дзэнсё, Мэйдзи ганнэн» («Полное собрание указов и распоряжений 1868 года»). Первые три постановления назывались «тремя основными». Они ничем не отличались от постановлений периода Бакумацу. Последние два постановления назывались «временными».

¹⁴ Проект декрета о государственном устройстве был составлен Фукуока Такатика — самураем княжества Тоса — и Соэдзима Танэоми (Дзиро) — самураем княжества Сага, — которые при разработке опирались на древнейшие основы политического строя Японии, изложенные в классических книгах «Рё-но гигэ» и «Сёкугэнсё». Было использовано также описание структуры государственного устройства США, основы которой были изложены в работе Фукудзава Юкити «Сэйё дзидзё» («Западные страны») и в книге американца Бриджмена «Теория федерации». Работа Бриджмена «Всемирная география» была переведена на китайский язык. На основе этой работы была составлена книга «География заморских стран». Из нее был взят раздел об Америке и издан отдельно под названием «Теория федерации». Мидзукури Гэмпо перевел эту книгу на японский язык, и она была опубликована в 1861 году.

В декрете были изложены основные принципы государственного устройства:

1. Вся власть в стране принадлежит Государственному совету. Это ликвидирует дублирование в издании правительственных распоряжений. Власть Государственного совета разделяется на законодательную, исполнительную и судебную. Это уничтожит зло односторонности.

2. Чиновники законодательных органов не могут одновременно занимать посты в исполнительных органах. Точно так же чиновники исполнительных органов не могут одновременно быть чиновниками законодательных органов...

3. Только принцы императорской крови, кугэ и князья могут быть чиновниками 1-го ранга. Это распоряжение будет способство-

вать поддержанию на высоком уровне авторитета министров. Наиболее способные самураи княжеств и простые люди, в интересах которых издан закон о тэси, смогут выслужиться до чиновников 2-го ранга.

Следует обратить внимание на то, что принцип искоренения односторонности власти закрепляется ликвидацией дублирования в издании правительственных распоряжений, а принцип выдвижения способных людей зиждется на принципе уважения социального происхождения. С помощью принципа разделения власти в декрете о государственном устройстве правительство стремилось укрепить разделение исполнительной и законодательной власти; судебной администрации не было дано большой самостоятельности.

Разделение власти на исполнительную и законодательную провозглашалось и раньше в «Проекте вопросов для обсуждения» («гидай соан»), являвшемся приложением к законопроекту о Совете князей, составленному в ноябре 1867 года Ниси Аманэ, изучавшим по поручению Кэйки парламентскую систему в различных странах. Этот проект ставил целью установить с помощью разделения власти границы «компетенции императора», «компетенции правительства» [бакуфу. — Т. С.] и «компетенции даймё». Там определялось, что бакуфу будет обладать «исполнительной властью во всей стране», император — «правом санкционирования» (законопроектов, принятых сенатом (гисэйин), переданных на рассмотрение бакуфу и представленных последним императору), после чего все документы вступали в силу и никакие «возражения не принимались», «правом присуждения рангов» и т. д.; даймё — «правами членов сената (гисэйин)», верхняя палата которого была составлена из даймё, а нижняя — из самураев, по одному от каждого княжества. Этот проект, другими словами, предусматривал формальное возвращение верховной власти императору и сохранение реальной власти за бакуфу с помощью использования принципа разделения власти. Докладная записка о Совете князей и «Проект вопросов для обсуждения» были целиком напечатаны в сборнике «Эдо», составленном Обществом по изучению истории периода Эдо, в № 2 и 3. Биографии Ниси посвящена работа Мори Огай, «Ниси Аманэдэн», Огай дзэнсю («Полное собрание сочинений Огай»), т. 7. Изложенные правительством Мэйлзи принципы разделения власти, по существу, ничем не отличались от предложенных Ниси.

Таким образом, все проекты представляли собой компромисс между «исполнительной властью», фактически принадлежавшей руководящим группам самураев из княжества Сацума, Тёсю и Тоса, и «законодательной властью», принявшей форму союза княжеств; поэтому естественно, что параллельно с закреплением влияния трех упомянутых княжеских клик законодательная власть подчинялась и поглощалась исполнительной властью. Следовательно, принцип разделения власти, записанный в декрете о государственном устройстве, трудно расценивать даже как прообраз нынешних политических принципов.

¹⁵ Характеристику системы общественных выборов правительственных чиновников (см. в «Ивакура-ко дзюкки» (Описание жизни князя Ивакура), т. II).

«Реформы, — писал Ивакура, — годов Зайца (1867) и Дракона (1868) [имеется в виду отказ сёгуна от верховной власти в пользу императора и восстановление императорской власти. — Т. С.] при-

надлежат к числу первых реформ, поэтому выдвижение людей на посты подчас было неправильным — наряду со способными чиновниками попадались люди недалекие. Это мешало работе правительственных органов, создавало путаницу. Чиновников сменяли часто и по различным причинам. Вся эта система требует пересмотра. Часто получалось, например, так: один из участников совещания считает, что некий кугэ имеет большие заслуги и поэтому снимать его с поста нельзя. Другой возражает против освобождения от должности какого-либо княжеского самурая, опасаясь, как бы это не вызвало осложнений с данным княжеством. Поскольку при решении таких вопросов главенствующую роль играли личные интересы, вред неправильного назначения правительственных чиновников постепенно усиливался... Сейчас следует правильно назначать правительственных чиновников, ликвидировать дурной порядок пристрастного ведения дел, установить дисциплину и твердо проводить основной политический курс». Предложение Ивакура подерживал Окубо.

В мае 1869 года были проведены выборы заместителей министров (хосё), старших и младших советников. Однако по настоянию Омура Масудзиро, Яманути Тоёнобу, Мацудайра Иосинага и других, считавших, что нет достаточных гарантий того, что система официальных выборов правительственных чиновников не приведет к появлению таких лиц, которые могут провозгласить республику, было решено выборы в будущем не проводить. В дневнике Сасаки Такаюки записано: «За эту систему стоят те, кто прослышал о том, что американский президент избирается раз в четыре года. Но, вообще говоря, выдвижение и смещение важных лиц затруднительно по ряду соображений; к этому нельзя подходить легкомысленно» (см. Цуда Сигэмаро, «Мэйдзи тэйдзё-то кэрай Такаюки» (Император Мэйдзи и его вассал Такаюки)).

Общественные выборы отражали тенденции того периода. Например, в декабре 1868 года, когда армия бакуфу еще базировалась в городе Хакодате, Эномото Такэакэ (Камадзиро) и Отори Кэйскэ, устроили, «по примеру США», выборы среди офицеров и избрали президента, вице-президента, военного министра, военно-морского министра и других руководящих лиц. Эномото и Отори, знакомые с европейскими и американскими политическими концепциями, в той ситуации не могли назначить по-старому из своей среды лиц на руководящие посты и вынуждены были прибегнуть к системе выборов.

Другой пример. В университете, основанном в июле 1869 года, была введена система выборов преподавателей, в которых участвовали все, начиная «от директора и до студентов включительно». В то время среди преподавателей имелись две борющиеся между собой группировки — сторонников прокитайского направления в науке (кангаку) и сторонников развития национальной науки (кокугаку). В сентябре 1869 года эта борьба обострилась: весь университет был охвачен беспорядками; чтобы не допустить их повторения, была намечена коренная реорганизация университета. 17 декабря название «Дайгакко» [дословно — «большая школа». — *Ред.*] было изменено на «Дайгаку» [дословно — «большая наука». — *Ред.*]. Одной из мер по реорганизации явилось введение этой системы выборности преподавателей (см. Осатакэ Такэси, Исин Дзэнго-ни окэру риккэн

сисо (Конституционные идеи в период Мэйдзи исин) и Окубо Тосикадзэ, Нихон-но дайгаку (Университеты Японии).

¹⁶ Паркс писал консулу Флауэрсу 27 ноября 1867 года: «Сведения, получаемые нами из Киото, носят утешительный характер. И мы полагаем, есть надежда на то, что японцы мирным путем проведут одну из самых важных реформ — реформу судебной системы, которая может превратиться в настоящую революцию государственной системы. Мы можем быть уверены, что они именно это и сделают. Сёгун подал хороший пример, отказавшись от власти. Видимо, этому примеру должны последовать и князья. Мы в данном случае хотим, чтобы появилось сильное центральное правительство, которое распространило бы свое господство на всю территорию Японии и, признавая надлежащие права князей, могло бы всецело подчинить их» (см. F. V. Dickin and S. Lane-Pool *The Life of sir Harry Parkes*, London, 1894, ch. XXVI).

Правительство Мэйдзи было создано именно в таком составе. Соглашение между Сайго и Кацу Кайсю произошло только благодаря посредничеству Паркса. «Он [Кацу Кайсю. — Т. С.] убедительно просил, чтобы Паркс, имевший большое влияние на правительство императора, предотвратил несчастье [начало военных действий. — Т. С.]. И Паркс неоднократно делал попытки в этом направлении. Он долго убеждал Сайго, находившегося [6 апреля] в Иокогаме, что применение суровых мер и тем более телесных наказаний к Кэйки и его сторонникам, по мнению европейских держав, повредит репутации нового правительства. Сайго ответил, что жизни бывшего сёгуна вряд ли угрожает опасность и что он надеется, что подобные же великодушные меры будут применены и к тем лицам, которые подстрекали Кэйки к наступлению на Киото» (E. Satow, *op. cit.*, ch. XXXI; а также японские исторические материалы, напечатанные в «Босин никки» («Дневник военной кампании 1868 года»), запись от 12 апреля 1868 года).

¹⁷ Консультативный совет был упразднен 19 сентября 1868 г. Ниже приводятся мотивы его ликвидации: «Парламентская система должна была быть создана, но естественным ходом событий парламентские дела тесно переплетались с делами административными, тем более что и члены парламентских органов совмещали свою службу со службой в административных органах, и в конце концов существование парламентской системы стало невозможным» («Хорэй дзэнсё. Мэйдзи ганнэн»). В апреле 1869 года консультативный совет вновь временно восстановили, но в мае того же года он был окончательно упразднен. Осталась только нижняя палата в виде Бюро представителей из районов (Коси тайсакусё). Это был орган, который мог лишь вносить предложения, но не имел никакого влияния на политическую жизнь страны.

¹⁸ Как мы уже отмечали в примечании № 12, в проекте императорской клятвы, составленной Юри, говорилось: «Все государственные дела решать общественным обсуждением, а не руководствоваться частными мнениями». В то время выражение «общественное обсуждение» главным образом означало «согласование мнений» и «содействие правительству Мэйдзи», что противопоставлялось «частным мнениям» и «приватному обсуждению». Такое толкование подтверждается многими историческими материалами.

К примеру, в указе Государственного совета от 21 сентября 1868 года об обязанностях советников — представителей княжеств

приводились слова императора о том, что желательно поднять «необходимое для страны общественное мнение и общественное обсуждение», устранить вредные последствия «навязывания народу мнений отдельных лиц» и «самым срочным образом определить мнение княжеств путем общественного обсуждения, которое следует всемерно развивать» («Хорэй дзэнсё. Мэйдзи ганнэн»).

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ИМПЕРАТОРУ ПРАВ НА УПРАВЛЕНИЕ КНЯЖЕСТВАМИ. ЛИКВИДАЦИЯ КНЯЖЕСТВ И ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕФЕКТУР

Военная кампания 1868 года и ее завершение являются переломным моментом в установлении политического режима Мэйдзи. За заслуги во время этой кампании Сайго, Окубо, Кидо и другие, бывшие рядовыми самураями, полностью зависевшими в своей деятельности от своего князя, были назначены руководителями нового правительства и могли гордиться тем, что они теперь занимают положение придворных, которые стоят почти на одной ступени лестницы с князьями¹. Теперь они стали независимы во взглядах, могли игнорировать мнения князей и самураев своих княжеств, свободно говорить о «высочайшей воле к обновлению», отразившей стремление «сохранить империю», «высоко держать ее авторитет за границей» и «оставить патристическую память об империи в грядущих поколениях»². Княжеские самураи, возбужденные победой в кампании 1868 года, возвращались в свои княжества, военная мощь которых резко возросла и которые вновь вознамерились вернуться к прежнему, независимому от центрального правительства положению. «В такой обстановке повсеместно возникали своего рода небольшие правительства бакуфу»³. Самым естественным в подобной ситуации был путь к политической власти союза княжеств.

Однако усиление военной мощи княжеств вовсе не означало увеличения их политической власти, ибо власть в княжествах находилась в руках массы победивших солдат (низшие самураи) и их руководителей. Тем не менее Кидо охарактеризовал это как «зло децентрализации»⁴, так как в момент повсеместного распада феодальной власти уже ни прежние главы княжеств, ни их основные приверженцы не могли осуществлять контроль за действиями самурайских дружин. В княжестве Сацума, например, поведение этих солдат,

«считавших принадлежность к княжеству ненужной и повсеместно грубо своевольничавших», вынудило Симадзу Хисамицу с горечью воскликнуть: «Они презирают своего старого князя»⁵.

Новое правительство также делало попытки подчинить своему контролю отряды самураев, только что свергнувших сёгуна. Прежде всего правительство Мэйдзи ограничило численность княжеских войск. Однако это вызвало сильное брожение среди низшего самурайства, из которых формировались народные отряды (сомотай). Был убит военный министр Омура Масудзиро⁶, прежде являвшийся одним из создателей отрядов кихэнтай в княжестве Тёсю, а теперь предлагавший объединить военную власть в руках императора и создать вместо прежних княжеских войск новую армию на основе добровольной вербовки. Кидо предложил свой план, намечавший организацию похода против Кореи с целью «переключить всеобщее внимание на внешние дела». По плану Кидо, следовало немедленно направить за пределы страны всех недовольных солдат⁷.

Этот своего рода политический кризис правительства Мэйдзи усугублялся вспыхнувшими с новой силой в 1868 году крестьянскими восстаниями (см. диаграмму, приложенную в конце книги). Крестьяне — участники беспорядков «Э, дзянай ка» 1867 года, чувствуя непрочность власти, недавно рожденной политическим переворотом, в следующем году во время движения ё наоси содо (движение за улучшение жизни) уже начали кое-где выдвигать довольно зрелые политические требования. В 1869 году крестьянские восстания достигли наивысшего в тот период подъема.

По своему характеру эти восстания лишь немногим отличались от движений конца периода Бакумацу. В 1869 году крестьяне выдвигали требования общественной выборности сельских чиновников и равного наделения землей; последнее требование является начальной целью аграрной революции. Но несмотря на это, в целом их требования по-прежнему не выходили за рамки обычных требований крестьянских восстаний⁸.

В связи с ростом военных расходов во время Мэйдзи исин резко возросли и налоги. Это препятствовало образованию слоя среднего крестьянства. В то же время абсолютизм, использовавший лозунги «общественного

обсуждения» и «общественного мнения» для создания твердой опоры из богатых торговцев и богатых крестьян, препятствовал крестьянству в оформлении их экономических требований в политическую программу. Поэтому революционность крестьянских восстаний так и осталась на уровне 1866 года, а сами восстания даже ускорили объединение враждебных им сил.

Политический режим Мэйдзи настойчиво искал путей преодоления политического кризиса в объединении власти, в утверждении власти императора. С конца 1868 года некоторые члены правительства начали заявлять о беспомощности политики «общественного обсуждения» и «общественного мнения» и несколько позже стали открыто требовать новой политики «принятия самостоятельных решений и действий по собственному усмотрению». Постепенно нарастало стремление сбросить политическую власть союза княжеств⁹. О недовольстве правлением союза княжеств говорит тот факт, что созданный в марте 1869 года представительный орган (когисё) был значительно слабее своей предшественницы — нижней палаты (какёку кайги)¹⁰.

В декабре 1868 года, спустя месяц после капитуляции княжеств Оу и Хокуэцу, боровшихся против кiotо-ской армии, была введена новая система управления в княжествах, главной особенностью которой явилась унификация аппарата управления всех княжеств: вместо прежней системы старших вассалов — канцлеров (каро), наследственно назначавшихся из самых знатных самурайских семей, устанавливались посты управителя (сисэй) и советника (сансэй), на которые отбирались люди по способностям. С помощью этого мероприятия все основные функции в княжестве переходили от преданных своему князю старших вассалов к управителю, который «осуществлял императорскую политику и помогал главе княжества»; служебные дела княжества отделялись от семейных и личных дел его главы; представители княжеств (когинин) должны были присутствовать в правительственном органе — Бюро представителей из районов (коси тайсакусё), — «выслушивать императорские повеления и представлять, таким образом, общественное мнение страны». Считая, что политика «общественного обсуждения» стала бесполезной, правительство настойчиво пыталось убедить княжества

ввести систему советников¹¹, тем самым желая достигнуть единства княжеств и поддержки ими правления императора¹². К тому времени в каждом княжестве выдвинулся ряд лиц, которые, опираясь на низшее самурайство, поддерживали связи с центром и полностью завладели положением в своих княжествах¹³. Поэтому решение о назначении их на посты управителей (сисэй), советников, членов нижней палаты (сансэй и когинин) и поручение им поддерживать связи между центром и княжеством было первым клином, вбиваемым в феодальную систему с целью ее разрушения.

Решение о возвращении императору прав на управление княжествами было вынесено на совещании чиновников — выходцев из трех княжеств (Сацума, Тёсю и Тоса) — Окубо Тосимити, Кидо Такаёси и Итагаки Тайскэ (позже к ним присоединились представители княжества Сага (Хидзэн). Главы четырех княжеств в январе 1869 года подали петицию о возвращении ими указанных прав императору. В это время происходило возрождение тенденций к союзу главных княжеств, существовавших в конце правления бакуфу. (Правда, эти стремления выражало небольшое число представителей княжеств.)¹⁴ Подавшие петицию в качестве теоретического обоснования возвращения прав императору усиленно выдвигали теорию морального долга подданных перед монархом¹⁵. Лишь только ими была подана петиция, как почти от всех глав княжеств посыпались подобные же документы, ибо в той нервной обстановке все князья прежде всего стремились предотвратить упадок своего княжества.

Правительство заняло крайне осторожную позицию при рассмотрении указанных петиций, избегая возникновения различных трений. Оно снова восстановило ранее упраздненную верхнюю палату (дзёкёку кайги), но теперь лишь с совещательными функциями, которая наряду с нижней палатой обсуждала петиции¹⁶. За их спиной заседали старшие советники (во главе с Кидо, Окубо, Гото, Созэдзима), придерживавшиеся мнения Окубо о том, что целесообразно было бы «закрыть совещательные органы, которые уже не соответствовали современному государственному строю, ибо там постоянно вносятся на рассмотрение много вредных предложений»¹⁷. В июне они пришли к единому мнению и

сообщили поочередно всем главам княжеств, ранее обратившихся с петицией о возвращении своих прав императору, что их «просьбы удовлетворены» и что они назначаются губернаторами в своих княжествах. Было заявлено, что это соответствует «желанию императора широко развивать общественное обсуждение и найти единый путь правительственной политики». Термин «общественное обсуждение» здесь использован очень ловко.

Сразу же после поступления от князей петиций о возвращении ими своих прав императору правительство издало целый ряд распоряжений и начало в обязательном порядке проводить реорганизацию администрации княжеств. В июле 1869 года нижняя палата была переименована в «сюгийн»¹⁸. После каждого переименования компетентность этого органа урезывалась. Члены палаты уже не имели права вносить предложения. Они могли лишь представлять свои соображения по тем проектам, которые «сверху» направлял им Государственный совет. Что касается правительственного проекта о реорганизации администрации княжеств, то соображения членов палаты могли касаться лишь деталей проекта. После его обсуждения и опубликования правительство приказало членам палаты немедленно вернуться в свои княжества и заняться реорганизацией администрации княжеств на местах. Эта палата, таким образом, превращалась в орган передачи императорских распоряжений, в ширму «общественного обсуждения».

Основные моменты плана реорганизации администрации княжеств состояли в следующем: 1) отменялась существовавшая до сих пор сложная система рангов княжеств и вводились три вида княжеств — крупные, средние и мелкие, в зависимости от получаемого дохода, выраженного в коку риса;

2) исходя из реального сбора риса на бывшей ленной земле, устанавливалось жалованье (рисом) губернатору (прежнему главе княжества), определялись военные расходы, расходы на администрацию княжества и на оплату самураев и простых солдат [из самураев. — *Ред.*];

3) отменялась сверху донизу вся ранее существовавшая система деления самураев по рангам. Устана-

вливалось только два ранга: самураи (сидзоку) и простые солдаты (соцудзоку);

4) вводилась система докладов центральному правительству об административных, финансовых, экономических и военных делах бывших княжеств;

5) изменялась система выплаты жалованья княжеским самураям: жалованье было значительно сокращено и должно было выдаваться наличным рисом.

Одновременно с реорганизацией администрации княжеств проводилась реорганизация и административной системы центрального правительства. Быстро развивался абсолютизм и теократия. Правительство начало обнаруживать свою реакционность. Верхняя палата, выполнившая свою миссию оказания помощи трону в деле возвращения прав феодалов императору, была упразднена в июле 1869 года. Нижняя палата (сюгийн) роль которой в деле оказания помощи трону по проведению реорганизации администрации княжеств была исчерпана, в сентябре 1870 года была распущена на каникулы. Значение ее резко упало: она стала органом, подчиненным левой палате Государственного совета. В июле 1869 года в декрете о государственном устройстве было предложено прекратить слепое подражание иностранцам в деле проведения административных реформ. Были вновь введены служебные должности, существовавшие со времени Тайхо рицурё*.

Была введена система единства духовной и светской власти, в связи с чем министерство по делам синтоизма по положению было приравнено к государственному совету (дадзёкан). Это фактически подтвердило, что прежний Государственный совет являлся не чем иным, как просто объединенным названием самих министерств. В Государственном совете были учреждены новые посты левого и правого министров (садайдзин и удайдзин), главного государственного советника (дайнагон) и государственных советников (санги), составивших ядро правительства. Особого внимания заслуживает тот факт, что на руководящие посты в Государственном совете и во всех министерствах были назначены исключительно кугэ и самураи княжества Сацума, Тёсю, Тоса и

* Тайхо рицурё (кодекс Тайхорё) — свод законов (701—703), фиксировавший утвердившийся в Японии строй после «переворота Тайка». — *Прим. ред.*

Хидзэн¹⁹. Теократия укреплялась введенными должностями проповедников (сэнкёси) с целью обожествления императора и внедрения в народ синтоистских идей. В январе 1870 года был издан императорский указ о воспитании, по которому синтоизм признавался государственной религией²⁰. По всей стране в этот период разворачивается движение за отделение синтоизма от буддизма и искоренение последнего в Японии. Именно с этого времени берет свое начало движение за расширение влияния синтоистского духовенства, притесняемого прежде буддийским духовенством. Возникает и противостоящее ему консервативное движение буддийского духовенства. Но в пламени этой борьбы подчас вспыхивали искры крестьянских восстаний и революционные искры народных выступлений за ликвидацию оставшихся пережитков прошлого.

Даже при беглой оценке всех мероприятий в области религии становится ясно, что они не могут быть сопоставлены с религиозными реформами в Европе, породившими новейшую эпоху. Буддийские храмы в период Эдо занимали совершенно иное положение по сравнению с положением римской церкви того же периода. Они полностью были подчинены феодальным правителям и вели исключительно паразитическое существование. Поскольку нападки на церковь приняли форму борьбы религиозных течений (буддизма и синтоизма), это не превратилось в движущую силу в идеологии, способную совершить поворот к новейшей эпохе. Это был лишь поворот от буддизма, обслуживавшего токугавский феодальный строй и утвердившего его господство, к синтоизму — верной опоре императорского строя. Совершить поворот помогло до известной степени использование религиозно-реформаторских настроений народа, но фактически основную роль сыграла просветительная политика правительства²¹.

Переход от политики возвращения императору прав на управление княжествами к политике ликвидации княжеств и образования префектур является прогрессивным процессом как с точки зрения формирования единой государственной власти, так и по своим движущим силам. Возвращение императору прав на управление княжествами произошло благодаря соглашению между самураями — представителями четырех княжеств

(Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн), предварительно получивших согласие своих князей, а затем уже направивших петицию на имя императора. Во время же ликвидации княжеств и образования префектур мнение глав княжеств уже почти игнорировалось.

Не случайно Симадзу Хисамицу, считавший, что создание системы префектур и уездов не может привести страну к миру и спокойствию, резко выступал против такой политики правительства и особенно глубоко возмущался тем, что Окубо и Сайго принимают решения единолично²². Здесь «вассальные чувства» Окубо и Сайго поставили их в затруднительное положение. Однако Окубо «отмолчался», надеясь, что «ничего ужасного не случится»²³, а Сайго долго собирался извиниться перед своим сюзереном «за грубые слова», но так и не извинился²⁴. Подобную независимость в вопросах феодального долга перед сюзереном им помогла обрести непрерывно развивавшаяся обстановка. Они не считались также и с придворной аристократией (кугэ). Лидера антииностранный группировки и сторонника императора, ранее всеми уважаемого Сандзё Санэтоми они считали «бездарным аристократом и путаником»²⁵. Даже в адрес Ивакура Томоми, который возглавлял движение за свержение бакуфу и восстановление императорской власти, они не стеснялись бросать всевозможные оскорбительные выражения, вроде «когэн» [примерный смысл таков: «его глупые слова». — *Т. С.*]²⁶. Кидо, Окубо и Сайго, обсуждая конкретный план ликвидации княжеств, даже не уведомили об этом самого инициатора данной идеи — Ивакура, а сообщили ему обо всем лишь после получения императорской санкции на это мероприятие²⁷.

Считая, что система «общественного обсуждения», использованная при «возвращении императору прав на управление княжествами», теперь изжила себя, они, несмотря на весьма умеренный характер этой системы, которая разве только вызывала жаркие парламентские дебаты, объявили ее первейшим злом²⁸, подлежащим немедленной ликвидации. Не считаясь с упреками высших феодалов всей страны, которые обвиняли их в диктаторских приказах и насильственных по отношению к императору действиях, они принимали самостоятельные решения и действовали по своему усмотрению²⁹. Они гор-

дились тем, что Сацума и Тёсю добились того, что стали оказывать даже большее влияние на политическую жизнь страны, нежели императорский двор, и сделались опорой государства³⁰. Они добились заключения союза между Сацума и Тёсю, а затем союза трех княжеств — Сацума, Тёсю и Тоса. Однако этот союз носил только название союза княжеств, а его истинной целью являлось достижение объединения и сотрудничества руководящих деятелей правительства — выходцев из самурайства этих княжеств. Союз трех княжеств, по их убеждению, должен был достигнуть «великой цели установить единовластное управление императором страной», а сам должен был стать «основой для создания единого государственного организма в виде правительства и министерства»³¹. Таким образом, в политике страны самодержавие выдвигалось на первый план и составляло единое целое с высшей бюрократией.

В феврале 1871 года в Токио была создана императорская гвардия численностью в 10 тысяч человек из солдат-самураев трех княжеств: Сацума, Тёсю и Тоса. Сайго — военачальник сацумских солдат, составлявших основной костяк этих войск, — а также Кидо были возведены в ранг государственных советников (санги). Окубо, как министр финансов, захватил в свои руки всю административную власть. Они постепенно подготовили коренную реорганизацию правительства и наконец решительно ее осуществили. Чтобы уравновесить влияние всех четырех княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн) Итагаки Тайскэ и Окума Сигэнобу были возведены в ранг санги. Все кугэ и даймё, за исключением правого министра Сандзё и министра иностранных дел Ивакура, были удалены с ответственных постов. Когда в результате реорганизации было создано «крепкое ядро», поддерживавшее правительство, император 14 июля созвал в Токио всех губернаторов (бывших глав княжеств) и отдал приказ о ликвидации княжеств и создании префектур, заявив: «Вы мои вассалы, так выполняйте мою волю».

Это поистине был второй *coup d'état* в деле реставрации императорской власти. В этот день Сага Санэнару, освобожденный от поста главного государственного советника (дайнагон), записал в своем дневнике: «Настроение умов встревоженное, чувствуется беспокойство».

Все изумлены»³². Политический эффект этих решительных мероприятий, проведенных с ураганной быстротой, был очень сильным. «Как пораженные громом, ничего не говоря, люди только переглядываются и как будто соглашаются!»³³ Это грандиозное мероприятие свершилось сравнительно спокойно. Правда, несколько ранее в 1868—1870 годах в стране повсюду вспыхивали волнения, чаще всего спровоцированные недовольными группами феодалов, оттесненных с политической арены. Так, в разгар непрерывно вспыхивавших крестьянских восстаний произошло убийство крупных правительственных чиновников Иокои Сёнан, Хиродзава Санэоми и др.; участились случаи дезертирства из военных отрядов в княжестве Тёсю³⁴, а затем там вспыхнул бунт, перебросившийся в княжества Курумэ и Кумамото; составили заговор кугэ Тояма Мицускэ и Атаго Мититэру и т. д.

Руководители правительства твердо решили осуществить ликвидацию княжеств, не останавливаясь даже перед открытием военных действий, и естественно, что в такой обстановке они действовали жестоко³⁵. Но вместе с тем, даже и они, выходцы из господствующих феодальных слоев, понимали, что феодальная система княжества уже изжила себя³⁶. Общая сумма задолженности княжеств, выявленная по распоряжению правительства, в момент ликвидации составляла 78 132 тысячи нен. Многие княжества остро нуждались в получении правительственных субсидий на военные и промышленные нужды и на выплату содержания самураям³⁷. Представители некоторых княжеств еще до указа сами просили о ликвидации этих княжеств. Это говорит о том, что разложение феодальной системы продолжалось. И создалось такое положение, когда стало невозможно гарантировать защиту интересов феодальных правителей³⁸. Только с помощью реформ, по которым «предоставлялось бы то, что должно быть предоставлено и изымалось бы то, что должно быть изъято», объединенная центральная власть могла бы прийти на помощь феодалам.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 2 ГЛАВЫ IV

¹ В сентябре 1869 года состоялось распределение наград за заслуги, проявленные при восстановлении императорской власти. Сайго был возведен в 3-й ранг 1-го класса, а Окубо и Кидо —

в 3-й ранг 2-го класса, тогда как главе княжества Сацума — Симадзу Тадаёси и наследнику главы Тёсю — Мори Мотонори был тоже присвоен 3-й ранг 2-го класса. Сайго отказался от ранга, заявив: «Император возвел меня, простого княжеского самурая, в высочайший ранг, но принятие этого ранга; более высокого, чем ранг моего сюзерена [Симадзу Тадаёси. — Т. С.] невозможно» (см. письмо Сайго к Окубо от 23 марта 1870 года. «Дай-Сайго дзэнсю» (Полное собрание сочинений великого Сайго), т. 2).

² См. письмо Окубо к Курода Киётака от 27 ноября 1869 года («Окубо Тосимити бунсё», т. III), а также письмо Кидо к Номура Мотоскэ от 13 ноября 1868 года и к Иоситомо Канъити от 27 ноября 1869 года («Кидо Такаёси бунсё», т. III).

³ Кидо в письме к Ивакура от 1 февраля 1869 года упоминает о росте в княжествах тенденций к сохранению своей независимости от центрального правительства. «Высокомерие княжеств, — писал он, — сильно выросло по сравнению с периодом бакуфу. Многим князьям были даны посты и чины, но они, опираясь на силу своих княжеств, не подчиняются императору. Ему остались верны лишь немногие князья. Большинство их не стремится к сохранению нашей страны навечно, а заботится только о своей личной выгоде. В такой обстановке повсеместно возникают своего рода небольшие правительства бакуфу. На такой основе наша страна не может процветать» («Кидо Такаёси бунсё», т. III).

Руководивший делами правительства Тоса—Итагаки после окончания кампании 1868 года стремился увеличить военную мощь княжества, чтобы воспрепятствовать деспотическим действиям Сацума—Тёсю и быть готовым к неожиданностям будущего. Создание Союза 13 княжеств острова Сикоку, совещание князей в городе Котохира и созыв так называемого «совещания в Кинрё» — все это являлось проявлением тенденций к сохранению княжествами независимости от центрального правительства (см. Курихара Рёнтэ, Итагаки Тайскэ кундэн» (Биография Итагаки Тайскэ) и Хирао Мнгио, Тани Татэки дэн (Биография Тани Татэки).

⁴ Кидо в докладной записке, составленной в феврале 1868 года, которую считают самой первой из подобного рода проектов возвращения императору прав на управление княжествами («Кидо Такаёси бунсё», т. VIII), писал: «Лично мне думается, что император и княжества соперничают друг с другом из-за вопроса о размерах военных контингентов. Сам император полагается на Сацума и Тёсю, но последние полагаются на свои войска. Также ведут себя и все другие княжества. Мы не смогли еще устранить зло децентрализации. Пока нельзя с уверенностью сказать, что новая власть прочна». Таким образом, Кидо достаточно красноречиво описывает обстановку в стране в 1869 году.

⁵ См. докладную записку Симадзу Хисамицу, представленную императору в октябре 1874 года («Симадзу Хисамицу-ко дзикки»). Упоминаемые в ней «насилия» солдат относятся к 1869 и 1870 годам. В то время управление княжеством Сацума осуществлялось военной администрацией, находившейся в руках вернувшихся с войны солдат, то есть низшего самурайства, которое возглавлял Сайго («Кагосима-кэн-си» («История префектуры Кагосима»), т. III).

«Дерзости» княжеских солдат, нарушавших военную дисциплину во время кампании 1868 года, подробно описаны Сога Юдзюн, выходцем из княжества Янагава, активным участником создания

армии Мэйдзи: «Поведение солдат самурайского происхождения не поддается контролю. Система в армии, основанная на пожизненном сроке службы, ведет к огромным расходам и грозит полным истощением казны. Это совершенно ясно как практически, так и теоретически. Омура [Масудзиро. — Т. С.] давно уже предупреждал о том, что необходимо *«над теперешними солдатами поставить стражу в один-два батальона, ибо не известно, когда и что они натворят»* («Сога Юдзюн-но дзидзё-дэн» («Автобиография Сога Юдзюн»)).

⁶ Омура был убит в Киото в сентябре 1869 года. Главным организатором убийства был дезертир из отряда митатэтай, входившего в боевые соединения княжества Тёсю. Ему помогали беглый самурай из княжества Сиракава, который во время военных действий 1868 года находился в войсках княжества Сацума, и солдат из отряда кокуфухэйкё — одного из добровольческих «народных» отрядов, по происхождению крестьянин из провинции Этиго (см. книгу «Омура Масудзиро», составленную Обществом по изданию биографии Омура Масудзиро).

⁷ Кидо писал 14 декабря 1868 года: «Я хочу, чтобы руководители быстро установили политический курс нашей страны и направили в Корею посольство с требованием объяснений ее враждебного к нам отношения. В случае ее отказа от повиновения следует открыто заявить о ее вине, напасть на ее территорию и высоко утвердить величие нашей священной страны. Если все произойдет так, как я полагаю, то будут определены наши внешнеполитические цели; быстро разовьются искусства и ремесла; дурные обычаи в нашей стране сразу же изменятся; будут подвергнуты критике недостатки и пороки людей, ответственных за свои поступки. Наша страна, несомненно, получит большую пользу» («Кидо Такаёси бунсё», т. I).

В письме Кидо, адресованном Омура Масудзиро в январе 1869 года, говорится: «Угрозой вторжения императорских военных сил нужно добиться открытия порта Фудзан. Конечно, *ни промышленных, ни финансовых выгод мы не получим, а, напротив, понесем убытки*, но тем не менее это необходимо для утверждения величия нашей страны, для изменения взглядов всего народа на внутреннюю и внешнюю политику страны, для развития морской и сухопутной военной техники, для будущего подъема нашей страны и ее прочного существования. Иной политики не может быть» («Кидо Такаёси бунсё», т. III). В дневнике Кидо и в его письмах, датированных примерно тем же временем, также имеются многочисленные упоминания о необходимости карательной экспедиции против Кореи. Политика объединения страны путем развязывания внешней войны не нова. Ее истоки нужно искать в теориях изгнания иностранцев в период Бакумацу. Эти тенденции были весьма ощутимы и в последующей внешней политике Мэйдзи. Необходимо обратить внимание также на то, что руководящие деятели правительства, даже понимая всю невыгодность экспедиции против Кореи, все же пытались ее развязать.

⁸ Показательными для крестьянских волнений «ё наоки» являются волнения в октябре 1868 года в уездах Кита—Айдзу и Онума. В уезде Айдзу собрались крестьяне группы Нарахара и, решив, что «дело улучшения жизни является делом самой группы», постановили: «Сменить всех деревенских должностных лиц; конфисковать все казенные книги по налоговому обложению (книги учета

налогов за водопользование, книги различных поименных реестров и другие); отменить категорию свободных от налогов земель а с деревенских старост (нануси) и сборщиков податей (кимоири) взимать налоги так же, как с мелких крестьян; предоставить рассрочку на пять лет без процентов для погашения задолженности по залогам, исключая залог земельных участков под поливными рисовыми полями; выплату денег, взятых взаймы, рассрочить на десять лет без процентов и т. д. (см. «Мэйдзи сэнэн номин содзёроку» «Хроника крестьянских восстаний в первые годы периода Мэйдзи», под редакцией Цутия Такао и Оно Митио).

Волнения одновременно охватили уезды Айдзу, Онума, Каванума и Яма в районе Ивасиро на территории княжества Айдзу, которое оказалось ареной сражений в кампании 1868 года; уезд Хигаси—Камбара в провинции Этиго и уезды Минами—Камбара и Ниси—Камбара в княжествах Нагаока и Мурамацу расположенные в той же провинции. Тамура Эйтаро и Сёдзи Китиноскэ считают, что эти крестьянские движения проходили под лозунгом «за улучшение жизни». Крестьяне требовали: 1) уничтожения различия между бедными и богатыми, «улучшения жизни и уравнивания положения всех»; 2) уравнительного землевладения, а также безвозмездного возвращения заложенных и изъятых в счет залога земель; 3) аннулирования долгов или беспроцентного их погашения годовыми взносами; 4) раздела личного имущества сельской администрации — районных и сельских сборщиков налогов (гогасира, кимоири); 5) освобождения на три года от всяких сборов, а также отмены налогов на лаковые деревья; освобождения от ямщицкой повинности; 6) свободной торговли различными товарами кроме риса (лаком, старой пряжей, коноплей, лесоматериалами и т. д.); 7) перевыборов сельской администрации, определения ее численности самими жителями села и ее избрания путем открытых выборов (см. Тамура Эйтаро, «Киндай Нихон номин уидо сирон» (История крестьянского движения в Японии в новое время), статью Сёдзи Китиноскэ «Енаоси-но гэндайтэки иги» («Современное значение крестьянского движения «за улучшение жизни»), «Рэкиси хёрон», октябрь 1947 года, и книгу, составленную управлением внутренних дел префектуры Ниигата, «Этиго Садо номин содо» («Крестьянские восстания на острове Садо и в провинции Этиго»).

Причины крестьянских восстаний в Айдзу и в северном Этиго, участники которых даже требовали аграрной реформы, достаточно ясны. Это были наиболее отсталые районы страны. Сельская администрация Айдзу, поддерживаемая властями княжества, находилась в весьма привилегированном положении. Сборщики налогов целиком перекладывали на простых крестьян трудовые повинности и налоги, причитавшиеся с их земель. Также поступали и их помощники. Все они захватывали у крестьян в счет долга заложенные земельные участки. Поэтому число безземельных крестьян быстро возрастало, и именно они были чрезвычайно озлоблены действиями администрации и требовали возврата земель.

Однако даже в этих отсталых районах финансовая политика властей княжеств обуславливала постепенное развитие товарного производства и небольшая доля сельскохозяйственной продукции поступала на рынок. Можно даже сказать, что это происходило по принуждению сверху. Тем не менее создавались условия и для превращения в самостоятельных товаропроизводителей беднейшего и

среднего крестьянства. Их интересы вступали в противоречие с монополюсной политикой властей княжеств. Вышеописанные расхождения и противоречия особенно резко проявились в период военных действий 1868 года, когда на эту территорию еще не распространилась власть правительства Мэйдзи. Подлежит изучению интересный вопрос о связи между крестьянскими волнениями «за улучшение жизни» в районе Айдзу и инцидентом в Фукусима в 1882 году (революционное выступление крестьян шести уездов Айдзу под руководством либеральной партии) *. О расслоении крестьянства в провинции Айдзу см. работу Сэджи Китиноскэ «Номии кайкю бунка сирон» («К истории дифференциации крестьянства»), в сборнике Ногэ кэйдзай но сёмондай» («Проблемы экономики сельского хозяйства»), составленном экономическим институтом Фукусима. Об инциденте в Фукусима см. статью Симояма Сабуро «Фукусима дзикэн обозгаки» («Документы об инциденте в Фукусима»), «Рэкиси хёрон», ноябрь 1950 года.

Революционность описанных выше крестьянских восстаний за «улучшение жизни» в общем сравнительно с восстаниями 1866 года пошла на убыль, за исключением движений в некоторых районах, где создались особо благоприятные условия. Несмотря на это, размах восстаний довольно сильно обеспокоил лидеров правительства.

Нервозность по отношению к изменениям в настроениях народа, пожалуй, весьма характерна для политиков периода абсолютизма. В мае 1869 года Ивакура и Сага Санэнару писали Кидо, что «народ бедствует и что он недоволен своим положением». В июне того же года приближенный Ивакура некий Уда Фути обратил внимание Ивакура на то, что «все сословия общества — самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы — сильно бранят императорское правление». В марте 1870 года Ивакура писал Окубо: «Бедняки много трудились, но год выдался неурожайный, и они ничего не собрали. Однако сейчас нам опасность не угрожает, так как пока всюду спокойно. Тем не менее народ чрезвычайно недоволен, и я очень этим обеспокоен» (см. «Ивакура Томоми канкэй бунсё» («Архив Ивакура Томоми»), т. 4). Кидо также упоминает о волнениях в районе Оцу в январе 1869 года. Он писал Сисидо Ки: «Если не пойти на некоторое смягчение в управлении народом, то в конце концов могут возникнуть серьезные трудности», то есть он подчеркивал сугубую важность вопроса об улучшении управления народом. В мае 1869 года Кидо отмечает новый размах восстания, по своим масштабам напоминавший 1866 год. Он писал: «Нанива (Осака) день ото дня близится к упадку. Здесь с большим трудом усмирили восстание. Но нет уверенности, что оно не повторится. Восстание втайне назревает и в Киото. Все это не может не вызывать беспокойства. Нет сомнений в том, что первое же восстание неизбежно распространится повсюду» («Кидо Такаёси бунсё», т. III).

⁹ 25 декабря 1868 года Окубо писал Ивакура Томоми: «Изо дня в день, из месяца в месяц укрепляется строй, созданный в результате Мэйдзи исин. То, что кажется незыблемым сегодня, меняется завтра, и можно определенно сказать, что обстановка теку-

* Автор ошибочно считает, что эти события произошли в префектуре Фукусима, в то время как они вспыхнули в районе города Фукусима префектуры Нагано. — *Прим. ред.*

этого года непременно изменится в будущем году. Что касается общественного обсуждения, то еще не известно, будет ли оно действовать в настоящем и будущем году, и даже не известно, что оно собой представляет» («Окубо Тосимити бунсё», т. II).

Уда Фути заявлял, что политика «общественного обсуждения» и «общественного мнения» — это только маскировка абсолютизма со стороны некоторых руководящих деятелей правительства. В письме к Ивакура от 17 июня 1869 года он писал: «Так называемое полное осуществление принципов общественного, справедливого обсуждения и признания общественного мнения не что иное, как модные слова, и это вам, несомненно, известно. Заявление о том, что впредь правительство будет прислушиваться к мнению народа, является лишь демагогическим маневром двух-трех лидеров правительства. Для того чтобы доказать свою личную незаинтересованность, они заявляют, что будут выслушивать мнение народа, но это пустые обещания. После реставрации было издано много хороших указов. Поводов к их изданию было достаточно, но желательно в дальнейшем такое великое множество указов не издавать. Гораздо лучше больше обращать внимание на проведение этих указов в жизнь» («Ивакура Томоми канкэй бунсё», т. 4).

16 апреля 1869 года Кидо писал Окубо о необходимости укрепления императорской власти: «Сейчас после разумного обсуждения правительство приняло решение о неуклонном проведении в жизнь всех постановлений. Мы считаем, что необходимо строго наказывать всех, кто будет нарушать их, ибо в противном случае ведение всех дел страны перестанет быть справедливым, великодушным, гуманным и может произойти непредвиденное бедствие» («Кидо Такаёси бунсё», т. III).

¹⁰ Нижняя палата (когисё) имела свой устав, который можно назвать самым первым в Японии законом о парламенте. По этому уставу решения принимались большинством голосов в $\frac{3}{5}$. В составе когисё отсутствовали влиятельные лица, и она, по сути дела, не имела никакой реальной власти.

¹¹ Эта система подробно рассматривается в книге Осатакэ Такэси «Нихон кэнсэй сирон-сю» («История конституционного правления в Японии»).

¹² См. примечание 18 к разделу I главы IV (стр. 235—236).

¹³ 25 июня 1869 года Кидо писал Обата Такамаса: «Собралось около трехсот даймё, но прежняя пышность совершенно отсутствовала. Многие мелкие княжества прислали только по одному представителю, в то время как крупные княжества — по 5-6 представителей» («Кидо Такаёси бунсё», т. III).

¹⁴ О предложении по поводу возвращения императору прав на управление княжествами Кидо писал: «Я, желая выполнить свой долг, намерен тайно подготовить вопрос о возвращении императору прав на управление княжествами, чем еще более поднять великий принцип руководства политикой, заключающийся в активном руководстве страной, а также поднять авторитет нашего княжества Тёсю» («Кидо Такаёси бунсё», т. VIII). 14 декабря 1868 года в дневнике он выражал надежду на то, что ему удастся побудить глав княжеств Тёсю и Сацума первыми внести предложение об отказе от своих прав в пользу императора. Кидо писал: «Я надеюсь, что мне удастся побудить главу нашего княжества и князя Сацума выступить инициаторами в этом деле» («Кидо Такаёси

бунсё», ч. I). Хиродзава Санэоми был очень доволен, что в вопросе о возвращении императору прав князей представители трех княжеств [Тёсю, Сацума и Тоса. — *Ред.*] имели единое мнение. «Они не составляли партии, — писал он, — тайно не собирались и ничего не обсуждали. В то время было чрезвычайно желательно (но и не менее трудно) достичь единого мнения княжеств. Теперь же, как мне кажется, когда три княжества пришли, наконец, к общему мнению в отношении помощи трону, это может повести к единому мнению всех княжеств. Это — очень радостное событие для нашей страны» (письмо Хиродзава к Окубо от 14 января 1869 года. «Окубо Тосимити бунсё», т. III). Однако вопреки заявлению Хиродзава о том, что в княжествах нет соперничества и вражды, они неожиданно обнаружились.

Петиция глав четырех княжеств: Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн — не была первым предложением такого рода. Еще ранее глава княжества Химэдзи Сакаи Тадакуни внес подобный проект, но правительство, ответив, что содержание ему неясно, отвергло это предложение. Дело в том, что правительство не желало, чтобы инициатором этого мероприятия выступило княжество Химэдзи, глава которого, как фудай-даймё, был в свое время близко связан с бакуфу. Руководители правительства — выходцы из ведущих княжеств во что бы то ни стало стремились к тому, чтобы первенство в этом деле принадлежало княжествам Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, и их мнение оказалось решающим (см. Фудэи и Дзинтаро и Мория Хидэскэ, Сого нихон-си тайкэй. Мэйдзи дзидай).

¹⁵ В петиции, поданной главами четырех княжеств, говорилось: «Принципы отношения подданных к императору и обязанности высших и низших вечны и неизменны... вся земля — это императорская земля, а люди, трудящиеся на ней, — императорский народ, и никто не может использовать их в личных целях».

Истинной целью возвращения императору прав князей было укрепление власти императора. «Все, начиная от руководства ведомствами администрации, юстиции, военных дел и кончая человеческой жизнью, принадлежит императору, и потому все дела страны, большие и малые, должны быть подчинены ему». Власть феодальных правителей была сохранена; она лишь до известной степени урезалась: «То, что следует дать, будет дано, а то, что следует взять, будет взято» («Хорэй дзэнсё» («Полное собрание указов и распоряжений», 1869).

¹⁶ Членам верхней палаты было заявлено: «Император пожелал заслушать мнение палаты по вопросу о возвращении ему прав на управление княжествами. Он считает, что нет иного пути, кроме издания соответствующего правительственного указа. Император желает, чтобы все три системы управления — правительственная, княжеская и префектуральная — были объединены, намерен назначить губернаторов княжеств и желает заслушать ваше откровенное мнение». Ясно, что для правительства «заслушать мнение палаты», после того как уже были приняты решения по этим вопросам, было пустой формальностью. Кугэ и главы княжеств лишь пассивно одобрили обращение императора и не высказали почти никаких конкретных соображений по этому вопросу. Нижняя палата также должна была решить вопрос о пути объединения страны: на основе ли старого феодального административного деления или же по прин-

ципу деления на префектуры и уезды. Мнения ее членов разделились примерно поровну.

¹⁷ См. письмо Окубо от 4 июня 1869 года к Кацура Уэмон («Окубо Тосимити бунсё», т. III).

¹⁸ См. «Сюгнин нисси» («Протоколы нижней палаты»).

¹⁹ Знакомясь с составом руководства этих учреждений (министры и их заместители), можно увидеть, что только один представитель глав княжеств (Мацудайра Иосинага) был министром (внутренних дел). Семь чиновников были из числа принцев и кугэ, остальные семь — из числа княжеских самураев Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн. Все звания чиновников были заимствованы из старой династической системы, а лицам, занимавшим эти посты, присваивались пышные титулы старинных аристократических фамилий Минамото, Тайра, Фудзивара и Татибана. Например, заместитель министра внутренних дел именовался чиновником 2-го разряда 4-го класса Сугавара Асон Сигэнобу (Окума), а помощник министра внутренних дел и по совместительству помощник министра финансов именовался чиновником 2-го разряда 5-го класса Сюотти-но сукунэ Хиробуми (Ито). Награждение Ито Хиробуми, выходца из самого низшего самурайства, пышными титулами усилило его верноподданические чувства к императору, а авторитет его титулов придал ему смелость для выступления против своего прежнего сюзерена и высших самураев княжеств. Такие, как Ито и ему подобные, введенные в аристократическую среду, успешно выступали против потомственных кугэ и добились их удаления с руководящих правительственных постов.

²⁰ В связи с инцидентом в Урагами, близ Нагасаки, где встал вопрос о наказании христиан, иностранные державы выразили резкий протест против политики запрещения христианства. Было ясно, что придется отменить запрещение свободы вероисповедания. Вскоре в связи с этим были учреждены должности буддийских проповедников (сэнкёси). Однако это не означало допущения в Японию христианства. Абсолютизм, разрушив до известной степени токугавский феодальный порядок, нуждался впредь до своего укрепления в новой идеологической опоре. Императорский указ о просвещении, опубликованный в июле 1871 года, говорил о задачах, которые ставило перед собой правительство: «Они заключаются в том, чтобы прививать почитание бога, указывать пути укрепления добродетели в народе, контролировать состояние умов, побуждать всех выполнять свои обязанности и тем самым служить императору». Это была линия на переделку феодальной морали в мораль императорского строя.

²¹ Еще в средние века синтоистская церковь оказалась в подчиненном положении по отношению к буддийской церкви, и религиозными делами обычно управляло буддийское духовенство. Правительство Мэйдзи, находившееся под сильным влиянием ученых из синтоистской секты Хирата, в марте 1868 года издало указ о разделении синтоизма и буддизма с целью предоставить большую самостоятельность синтоизму. По всей стране происходило отделение синтоистских храмов от буддийских и раздел храмовых земель. Это в свою очередь вызвало обострение взаимоотношений и даже столкновения между синтоистским и буддийским духовенством, иногда кончавшееся разрушением буддийских храмов.

На этой почве местами возникали бунты, в которых участвовали крестьяне. В феврале 1871 года в княжестве Кикума (провинция Микава) при явном подстрекательстве монахов буддийской секты Сисю восстало несколько тысяч верующих, вооруженных бамбуковыми кольями. В апреле 1872 года в Синъэцу [провинция Синано и Этиго. — *Ред.*] также возникли волнения в связи с распространившимися слухами о том, что правительство решило уничтожить буддизм. Скрывавшиеся самураи из княжеств Айдзу, Сёнай и Ионэдзава подняли восстание под лозунгом «возвратить к власти род Токугава», в котором участвовало около 20 тысяч человек.

Указ повлек и другие совершенно неожиданные последствия для правительства, синтоистского и даже буддийского духовенства. В частности, население острова Оки отвергло синтоизм. «С прошлого года, — говорится в одном документе, — по всей стране начались изменения в области религии и в положении синтоистских храмов. Всегда в это время года особенно усердно совершались религиозные обряды, но после происшедших событий отношение к храмам стало небрежным, а низшие слои народа совсем не посещают храмов. Есть слухи, что кое-кто отрицает как синтоизм, так и буддизм и что эти лица имеют сторонников. Это ужасно».

В апреле 1872 года в районе Синъэцу вспыхнуло подобное же восстание, во время которого были выдвинуты требования об «отмене трудовой повинности, восстановлении буддизма, закрытии порта Нингата, правильном применении закона о палобах». В марте 1873 года в уезде Оно провинции Этидзэн началось народное восстание под лозунгом «защита буддизма и искоренение христианства», во время которого «были уничтожены все только что выданные удостоверения на право владения землей и сожжены налоговые книги, а также повсюду разрушены храмы как синтоистские, так и буддийские, дома старост и богачей». Это движение было типичным крестьянским восстанием против несправедливых земельных налогов (доклады префектуры Цуруга). О разделении синтоизма и буддизма, а также материалы о связанных с этим беспорядках собраны в книге Мураками Сэнсэй, Цудзи Дзэнноскэ и Васио Дзюнкэй «Мэйдзи исин симбуцу бунри сирё» («Исторические материалы о разделении синтоизма и буддизма в период Мэйдзи исин»), т. 5).

Движение за разделение синтоизма и буддизма, за ликвидацию буддизма имело одну особенность, которую мы можем считать «японской» формой религиозных реформ. Замечания по этому вопросу см. в статье Хаттори Сисо «Дзэттайсюги ситё-но цугики» («Как прививались идеи абсолютизма»), журнал «Кокумин-но рэкиси», май 1948 года. Если в Европе базой религиозных реформ был поднимающийся слой самостоятельных крестьян-собственников (см. Оцука Хисао, Сюкё кайкаку-то киндай сякай (Религиозные реформы и современное общество), то в Японии националистское течение толка Хирата, то есть движение за ликвидацию буддизма, опиралось на сельских самураев, богатых крестьян и богатых торговцев.

Различия в идейном содержании этих реформ, которые соответствуют различию в их классовой базе, приводят к различию в их историческом значении. К примеру, возьмем случай с ликвидацией в мае 1871 года сюмонтё — буддийских церковных реестров. [В церковный реестр заносились все семьи, их принадлежность к опреде-

ленной буддийской секте (храму), фамилия, место и год рождения. Глава семьи представлял его на утверждение соответствующему буддийскому священнику, а затем передавал в сельскую управу. — *Ред.*] Реестры были важной привилегией буддийской церкви и способствовали укреплению ее феодального господства. Теперь вместо них были введены родовые религиозные реестры (удзикотё), составлявшиеся главами семей и синтоистскими священниками и позволявшие синтоистской церкви осуществлять учет верующих и контроль над ними.

Значение мероприятий по искоренению буддизма заключалось прежде всего в изъятии власти у буддийской церкви, которая была тесно связана с токугавской феодальной системой, и передаче ее синтоистской церкви, верно служившей императорскому строю. Земли буддийских храмов были частично возвращены обрабатывавшим их крестьянам, но основной массив земель правительство конфисковало. В январе 1871 года вышло положение о землях, оставшихся во владении буддийских храмов, того же содержания, что и указ о ликвидации княжеств и образовании префектур. Административная власть на землях буддийских храмов переходила к правительству, которое тем самым наносило удар по старой системе господства буддийской церкви и одновременно намревалось превратить буддийскую церковь, так же как и синтоистскую, в послушное свое орудие, орудие идеологической обработки народных масс. И действительно, правительство в движении за искоренение буддизма пресекало все стихийно возникавшие крайние меры. По этому вопросу см. статью Ито Тасабуру «Хайбуцу кисяку-но сякай ситэки косацу» («Социально-историческое исследование о движении за искоренение буддизма»), журнал «Сякай кэйдзай сигаку», т. 2, № 11; книгу Цудзи Дзэншоскэ «Нихон буккёси-но кэнкю» («Исследование по истории буддизма в Японии»), т. 2, и книгу Тамамура Тэйсэй «Мэйдзи исин хайбуцу кисяку» («Движение за искоренение буддизма во время реставрации Мэйдзи») и др.

²² Симадзу Хисамицу имел конфиденциальный разговор с Мацудайра Иосинага по поводу возвращения императору прав на управление княжескими землями. Мацудайра позже так описал эту беседу. «Князь [Симадзу Хисамицу. — Т. С.] заявил: «Я против того строя, который сложился после Мэйдзи исин... В свое время я предлагал, чтобы был создан Государственный совет (тайро) в составе отрекшегося сёгуна Хитоцубаси Кэйки, как председателя, и пяти членов, назначенных из представителей княжеств Тоса, Сацума и др., которые управляли бы всеми делами страны, решали все вопросы и докладывали бы императору для получения санкции. Окубо и Сайго, которым я говорил об этом, не приняли во внимание мои соображения. А теперь некоторые князья уже подали петиции о возвращении императору прав на управление княжествами. Я считал, что лучше не возвращать императору этих прав, ибо для прочности страны необходимо, чтобы все князья в стране владели своими землями и имели собственные войска. С этим мнением Окубо и Сайго согласились, и это меня успокоило. Но на следующий же день, к моему сожалению, вышел императорский указ о возвращении ему прав на управление княжескими землями. Хотя это мероприятие и противоречит моему мнению, но придется смириться» («Окубо Тосимити бунсё», т. IV).

²³ После возвращения императору прав на управление княжествами правительство с целью заручиться поддержкой князя Сацума

в январе 1870 года командировало Окубо в Кагосима и велело ему передать Симадзу Хисамицу повеление императора приехать в Токио. Симадзу откровенно выразил свое недовольство политикой правительства и под предлогом болезни отказался от поездки в Токио. Окубо записал по этому поводу в своем дневнике: «Симадзу приказал мне ничего ему не докладывать [это значит, что Окубо получил выговор от Симадзу. — Т. С.]. Я оказался в затруднительном положении, и мне пришлось уйти. Хорошенько поразмыслив, я решил посетить его еще раз и дать ему некоторые советы, однако слышал в ответ только «да, да» и ничего более. Я решил, что лучше оставить дело в таком положении, теперь возвращаюсь» («Окубо Тосимити бунсё», т. II, запись от 24 февраля 1870 года).

²⁴ Письмо Сайго к Окубо от 23 марта 1870 года. «Я тоже думал, — писал Сайго, — ответить грубым посланием, но потом успокоился и решил этого не делать» («Дай-Сайго дзэнсю», т. 2).

²⁵ См. письмо Окубо к Курода Киётака от 18 ноября 1870 года («Окубо Тосимити бунсё», т. IV).

²⁶ В письме к Курода Киётака от 5 июля 1870 года Окубо писал: «Высказывания князя Ивакура по различным вопросам довольно глупы и абсурдны» («Окубо Тосимити бунсё», т. III).

²⁷ См. «Кидо Такаёси никки», т. II, запись от 12 июля 1871 года.

²⁸ Окубо в своем отчете, розданном единомышленникам, по возвращении в княжество 18 декабря 1869 года писал: «Во время обсуждения положения правительства многие руководящие деятели выступали непоследовательно. Мнения людей меняются так же часто, как выражение их лица. Правильных предложений почти не было. И хотя нужно было принять какое-либо решение, из-за пустых споров это оказалось невозможным» («Окубо Тосимити бунсё», т. III). Он делал вывод о том, что Сацума и Тёсю должны объединить усилия и с прежним рвением укреплять основы императорской власти.

²⁹ Письмо Кидо к Ивакура и Сандзё от 3 апреля 1871 года:

«Если правительство будет вести себя неопределенно и станет хитрить, — писал он, — народ, пожалуй, прекратит поддерживать его, и в конце концов невозможно будет создать прочную опору для государства. Возможно кое-кто начнет возмущаться и критиковать действия и указы правительства. Я считаю, что для сохранения нашего правительства нужно заставить народ трепетать, и только тогда можно будет осуществить до конца волю императора» («Ивакура Томоми канкэй бунсё», т. 5).

³⁰ «Оценивая сегодня соотношение сил, можно сказать, что Сацума и Тёсю более влиятельны, нежели императорский двор. Сацума и Тёсю являются опорой и центром государства» (см. документ, цитированный в примечании 28).

³¹ См. письмо Окубо в адрес Ивакура от 30 марта 1870 года («Окубо Тосимити бунсё», т. III).

³² См. «Сага Санэнару никки» (Дневник Сага Санэнару), часть 3, запись от 14 июля 1871 года.

³³ См. работу Торно Коята «Кокусэй инга-рон» (О судьбах Японии), т. I, помещенную в «Токуан дзэнсё».

³⁴ Правительству княжества Тёсю после окончания военной кампании 1868 года большое беспокойство доставляло существование добровольческих отрядов. Поэтому оно решило принять действитель-

ные меры против этих отрядов. В августе 1869 года, воспользовавшись императорским приказом о переходе части провинций Будзэн и Ивами под непосредственный правительственный контроль, правительство княжества Тёсю, уже несколько лет испытывавшее большие затруднения в связи с содержанием значительного количества войск, передало центральному правительству расквартированные в этих провинциях отряды кихэнтай и симбутаёй. В ноябре в княжестве была проведена реформа военной системы. Все отряды были распущены и заменены регулярными войсками, составившими четыре батальона, куда «тщательный отбор» фактически закрывал доступ солдатам низкого происхождения из «крестьянских» отрядов.

Тогда-то и вспыхнуло недовольство, преимущественно в отрядах кихэнтай и югэкинтай. В отрядах югэкинтай уже давно отношения между рядовыми солдатами и командным составом были обострены. Солдаты обвинили командиров в злоупотреблении властью и потребовали их наказания, а также смены чиновников правительства княжества. После того как их требования были отвергнуты, две тысячи солдат ушли из города Ямагути и расположились в городе Мияити. Глава княжества отдал несколько распоряжений, но солдаты не подчинились. Правительство княжества вынуждено было частично принять требования солдат. Оно сместило командиров некоторых отрядов и несколько своих чиновников, но солдаты не успокаивались. Правительство княжества оказалось еще в более тяжелом положении ввиду того, что вспыхнуло также и восстание крестьян. В январе 1870 года солдаты атаковали город Ямагути, ворвались в него, окружили замок главы княжества и прервали снабжение продовольствием. Тогда Кидо вместе с бывшими командирами отрядов Иноуэ Каору, Синагава Ядзиро и другими, заявляя, что «преступление мятежников, противящихся императорскому указу, является очевидным», выступили во главе войск княжества, разбили и усмирили восставших.

Восстание солдат потерпело поражение. Восставшие хотя и применили насильственные действия против главы княжества, но в то время дальше требований об удалении некоторых «плохих» княжеских чиновников они не шли. Указывая на недостатки в княжеской администрации, на произвол, они требовали чистки правительства княжества, а также «подстрекали» к крестьянским восстаниям и «использовали их», в частности, восстание близ города Хамада в районе Омори [ныне префектура Симанэ. — *Ред.*]. Однако все действия солдат ограничивались лишь «подстрекательством» и попыткой использовать крестьян в своих целях. Больше того, между солдатами и восставшими крестьянами существовали коренные противоречия. Об этом говорит следующий факт. В разгар крестьянского выступления во главе с Юсида Фунаки против злоупотреблений сельской администрации правительство княжества бросило на его усмирение два отряда: кихэнтай и симбутаёй, а против крестьянского восстания в деревне Ивата направило отряд югэкинтай, то есть как раз те три отряда, где вспыхнул солдатский бунт. Эти отряды подавили восстания. Солдаты всех подобных отрядов, хотя и были выходцами из простого народа, но приравнивались к самураям по своему положению. Поэтому они столь же ревностно, как и обыкновенные самуран, отстаивали свои феодальные привилегии. И естественно, что их требования, с которыми они выступали против реор-

организации армии по европейскому образцу, против лишения самураев права носить меч и против отмены наследственного самурайского жалованья, были реакционны (см. «Ботё кайтэн-си», т. VI, ч. 2).

³⁵ См. письмо Сайго от 20 июля 1871 года в адрес Кацура Сиро («Дай-сайго дзэнсю», т. 2).

³⁶ Сравнительной легкостью проведения мероприятий по ликвидации княжеств был изумлен и сам инициатор этого проекта. Кидо писал: «Только что издан императорский указ о ликвидации княжеств и образовании префектур, упраздняющий наследственные губернаторские должности. За последние два-три года взгляды настолько изменились, что этому даже никто не удивился» (письмо Кидо от 12 сентября 1871 года в адрес Минами Тэйскэ). Удивление необычной переменой во взглядах японского общества по сравнению с моментом, когда императору были возвращены права на управление княжествами, сквозит и в письме Кидо от 1 сентября 1871 года в адрес Кавакита Тосиске «Кидо Такаёси бунсё», т. IV).

³⁷ Задолженность 277 княжеств (в иенах).

Внутренние займы *	74 130 874
Внешние займы	4 002 052
Итого	78 132 926

Старые займы — это займы за период с 1844 по 1867 годы, а новые займы — с 1868 года до ликвидации княжеств. Погашение этих займов правительство взяло на себя. Правительственные займы, которые состояли из денежных субсидий, выданных в свое время правительством бывшим главам княжеств или управляющим районов, ранее непосредственно подчиненным бакуфу, аннулировались. Были аннулированы и займы княжеств, произведенные до 1843 года. Общая сумма списанных займов, не отнесенных к какой-либо группе, включая давние займы, составила сумму 39 260 тысяч иен. Общая сумма новых займов (4-процентные, с отсрочкой на 3 года, ежегодное погашение в течение 25 лет) и старых займов (беспроцентные, с ежегодной выплатой в течение 50 лет) составила в облигациях 23 390 тысяч иен и наличными 220 тысяч иен. Таким образом, это мероприятие освободило бывших князей от уплаты высоких процентов по займам.

Капиталисты-ростовщики, которые прежде, в феодальных условиях, должны были в принудительном порядке ссужать деньги, «благодаря этому мероприятию стали владельцами облигаций государственных займов. Вчерашние клочки старой бумаги, таким образом, неожиданно превратились в современный капитал» («Мэй-дзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй» («Сборник исторических материалов по экономике и финансам первой половины периода Мэйдзи»), т. 9). Короче говоря, ликвидация княжеств оказалась довольно выгодной сделкой для даймё и ростовщиков-капиталистов.

* Основные из них следующие:

новые займы	12 820 216
старые займы	11 220 841
правительственные займы	6 435 949
давние займы	12 025 981

37 княжеств имели задолженность по внешним займам, прибегнуть к которым они в основном были вынуждены в период военной кампании 1868 года. Характерной чертой этих займов были чрезвычайно высокие проценты. Правительству путем непосредственных переговоров с заграничными кредиторами удалось в конце концов добиться снижения внешнего долга до 3688 тысяч иен (см. «Хансай суроку», в «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдай сирё сюсэй», т. 9). Общее представление о размерах внешних и внутренних долгов княжеств можно получить из их сопоставления с суммой годового дохода всех княжеств. Этот доход составлял 37600 тысяч иен.

По официальным данным, в 277 бывших княжествах в 1881 году было собрано 18810 тысяч коку риса; доход глав княжеств составил половину этого количества, то есть 9400 тысяч коку при цене 4 иены за 1 коку риса (цены 1872 года).

³⁸ См. примечание № 15 (стр. 251).

3. ИЗМЕНЕНИЕ ПОЗЕМЕЛЬНОГО НАЛОГА. ЗАКОН О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Одновременно с завершением ликвидации княжеств и образованием префектур режим Мэйдзи осуществлял преобразования и в других областях. Новый режим, носивший с начала реставрации теократическую окраску, начал постепенно от нее освобождаться. В августе 1871 года, то есть спустя месяц после ликвидации княжеств, ведомство по делам религии, занимавшее равное с Государственным советом положение, было реорганизовано в министерство по делам религии и подчинено Государственному совету, а в марте 1872 года — упразднено. Вместо него было создано министерство воспитания (кёбусё), то есть, как это видно из перемены названия, новое министерство было целиком превращено в административный орган, на который возлагалась задача проведения политики в области воспитания¹.

Одновременно лидеры правительства начали освобождаться от феодальных представлений о том, будто все зависит только от мощи союза трех княжеств (Сацума, Тёсю и Тоса) или союза четырех княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн). Вместо этого в их сознании укреплялись политические идеи просвещенного абсолютизма, основной задачей которого было всестороннее развитие страны. Для решения этой задачи предусматривалось, опираясь на народ, ускорить «прогресс цивилизации снизу», проводить политику «правительства для народа», стремиться к росту «благополучия народа»².

Новаторские планы правительства, намеревавшегося постепенно снять путы с народа и предоставить ему свободу, были вызваны необходимостью подорвать укоренившееся влияние княжеств и привлечь на сторону императора самурайство, которое из-за привязанности к феодальным привилегиям переходило в антиправительственный лагерь феодальной реакции. Иначе говоря, правительство искало новую национальную базу для императорского правления. Прекрасно понимая силу народных масс, правительство предвидело рост их борьбы за свои права и свободу и опасалось этого, но тем не менее считало, что если оно продемонстрирует свои добрые намерения защищать счастье народа, то такие шаги на той стадии, когда оно еще пользуется доверием, помогут добиться усмирения и подчинения народа³.

Проводя политику просвещенного абсолютизма, правительство стремилось объединить феодальную власть и создать основу для установления и укрепления абсолютизма и самодержавной политики, основанной на деспотизме, этом «основном принципе построения государства»⁴. В то же время правительственные круги изучают конституционные системы различных стран⁵ и начинают решительно вводить наспех переведенный на японский язык французский гражданский кодекс⁶.

Юридическое обоснование монархической власти и власти государства, которые должны были объединить правительственные круги и подчинить народ, Кидо называл «основным законом», а Окубо — «государственным законом»⁷.

Основной задачей нового гражданского кодекса гражданских прав было «строгое соблюдение законов» и «определение положения народа»⁸. Поэтому можно сказать, что все эти мероприятия не являлись конституционными исправлениями в абсолютизме, а были призваны для его утверждения.

Основная суть разных правительственных так называемых просветительных мероприятий, проведенных в жизнь после 1872 года, главными из которых были указ о реформе земельного налога, указ о воинской повинности и указ о школьной системе, введенных под сильным и открытым давлением самодержавной власти,

заключалась не в обуржуазивании абсолютизма, а в его совершенствовании.

В чем же состояла сущность реформы поземельного налога? Следует ли считать, что эта реформа только распространяла на всю страну прежнюю феодальную ренту, или же ее следует рассматривать как более современный налог, хотя и не менее тяжелый, чем феодальная подать? Этот вопрос был в центре недавней дискуссии о капитализме, но и до сего времени еще полностью не разрешен⁹. Однако мы полагаем, что если разобраться в политической ситуации того времени, то можно будет найти ключ к решению этого вопроса.

Из финансовых статических данных правительства Мэйдзи за период с января 1868 до июня 1875 года, то есть еще до того, как новый поземельный налог стал фискальной основой государства, видно, что единственным источником денежных средств правительства был поземельный налог, по сути дела являвшийся продолжением старой феодальной ренты. Этот старый поземельный налог составлял 60 процентов годового государственного дохода. Свыше 20 процентов дохода поступало за счет выпуска необмениваемых бумажных банкнот и от отечественных и иностранных купцов и иностранных займов. Именно в это время создавалось будущее могущество купцов, связанных с правительством, во главе которых стояли Мицуи, Оно и Симада.

По каким каналам расходовались деньги, являвшиеся государственным доходом? Это, во-первых, огромные суммы, составлявшие до 40 процентов годового расхода, которые шли на субсидии феодальным правителям. Во-вторых, расходы на армию и флот, почти вдвое превышавшие сумму всех расходов на административные нужды. В-третьих, расходы, связанные со строительством железных дорог и их эксплуатацией, службой связи, службой сигнализации и т. д., тоже в большинстве случаев имевших военное значение. И, наконец, расходы по гражданской войне в 1868 году, на кампанию в Сага и экспедицию на Тайвань¹⁰. Правительство Мэйдзи, с одной стороны, изыскивало средства, осуществляя нещадную эксплуатацию крестьянства, а с другой — привлекало капиталы купцов, связанных с правительством, и купцов-ростовщиков. Правительство Мэйдзи являлось объединенной властью всех феодаль-

ных сил страны, ставивших основной задачей поддержание разваливавшегося феодального строя, а также осуществление политики создания «богатой страны и сильной армии», сильного военного государства, могущего успешно противостоять западным державам.

Правительство после ликвидации княжеств и образования префектур направило свои основные усилия на то, чтобы стабилизировать свою финансовую базу, сохранить, а при возможности и увеличить поступления от поземельного налога. Однако развитие товарного хозяйства, особенно усилившееся в период Бакумацу, и прогрессирующая дифференциация крестьянства подрывали основу для взимания феодальной ренты. Если прежде контроль над поступлениями осуществлялся каждым княжеством непосредственно, то в новых условиях держаться прежней формы феодальных поборов стало невозможно. Перед государственным аппаратом возникла необходимость создать гибкую принудительную систему сбора податей, которая учитывала бы изменения в жизни страны и соответственно менялась с помощью нового законодательства. Ряд мероприятий правительства ослаблял феодальные путы, сковывавшие сельское хозяйство: в сентябре 1871 года был разрешен свободный выбор сельскохозяйственных культур для посева, в феврале 1872 года отменялся запрет на продажу земли, в августе 1872 года разрешалось одновременное занятие сельским хозяйством и торговлей.

Для сохранения и расширения базы поступления поземельного налога правительство всемерно поддерживало «хороших крестьян», которых оно противопоставляло «нерадивым крестьянам», другими словами, оно оказывало помощь и поддержку свободному росту помещиков и богатых крестьян¹¹.

Изменения в экономическом положении страны, происшедшие в период Бакумацу, не позволяли вести исчисление поземельного налога прежним порядком. Кроме того, нельзя было не считаться с ростом крестьянских восстаний после Мэйдзи исин. Правительство перешло от системы дзёмэнсэй (установление на несколько лет подряд неизменных ставок поземельного налога) к системе кэмисэй (обложение поземельным налогом по данным ежегодного обследования состояния урожая). Введение новой системы снова вызвало массовые

крестьянские волнения. Поэтому после ликвидации княжеств и образования префектур поступления от поземельного налога, несмотря на все усилия властей, из года в год уменьшались¹². Тем не менее введение системы кэмисэй было необходимо. А для этого нужно было обследовать все земельные участки. Однако попытки обследования «были встречены крестьянами крайне враждебно и вызвали осложнения». Учитывая это, правительство, лишь недавно утвердившееся и не пользовавшееся еще большим доверием народа, не решилось твердо осуществлять намеченные мероприятия¹³.

Вместо этого вице-председатель нижней палаты Канда Такахира, министр финансов Окубо Тосимити и его заместитель Иноуэ Каору разработали закон о плате за свидетельства на право владения землей (тикэн). Этим законом признавалось право на куплю-продажу земли, устанавливалась сумма налога в зависимости от цены земли, выдавались свидетельства на право владения земельным участком. Владельцы прав на землю становились плательщиками поземельного налога. Закон делал излишним обследование земельных участков и выявление скрытых земель, ликвидировал неравномерность в исчислении налога.

Необходимость уменьшения феодальной ренты признавалась с периода Бакумацу даже феодальными правителями. Правительство Мэйдзи неоднократно заявляло, что оно желает исправить все последствия прежнего дурного правления и улучшить жизнь народа. Однако правительство не могло допустить уменьшения поступлений из единственного и постоянного источника дохода¹⁴. Оно провело реформу поземельного налога под лозунгом «равенство верхов и низов, справедливое отношение к бедным и богатым» и вместо уменьшения и облегчения натурального налога, во-первых, только исправило односторонность и недостатки существовавшего обложения, проистекавшие из-за неудобства исчисления дохода в коку риса, во-вторых, уравнило положение крестьян, облагаемых тяжелыми ежегодными натуральными податями, и горожан, плативших сравнительно небольшой поземельный налог «тиси» (налог на городские участки земли), и в-третьих, унифицировало налоговые системы, существовавшие в различных княжествах. Эта реформа, объявленная в июле 1873 года,

вводила «единообразное законоположение», создав «вечный, прекрасный закон»¹⁵. Она обострила противоречия в народе и явилась искусным претворением в жизнь политики абсолютизма «разделяй и властвуй».

Основные моменты реформы поземельного налога:

1) если раньше налог взимался с урожая риса, выраженного в коку, то теперь было внесено исправление: налог взимался в соответствии с ценой земли, определяемой размером общего дохода;

2) размер налога был унифицирован; он составил 3 процента от цены земли;

3) налог необходимо было вносить в денежной форме.

Облегчал ли новый налог в какой-нибудь степени положение народа?

Руководитель налогового управления Мацуката Сэйги заявлял, что новый налог на 4—5 процентов меньше прежнего и «его следует считать справедливым налогом»¹⁶. Однако в примечаниях к положению о налоге он добавлял: «Можно было бы установить налог в размере 1 процента, и мы рано или поздно уменьшим его до этого уровня, но до введения налога на товары необходимо временно сохранить обложение в размере 3 процентов». Из данного высказывания ясно, что власти прекрасно понимали всю тяжесть, которую нес для народа этот 3-процентный налог. А министерство финансов откровенно заявляло, что правительство «вовсе не желает уменьшать прежний доход казны»¹⁷. Если учесть, что к поземельному налогу делалась надбавка в размере одной трети на покрытие расходов уездной и сельской администрации, становится ясно, что налоговое бремя ничуть не облегчилось по сравнению с периодом бакуфу.

Императорский указ объявлял о реформе и призывал «народ к полному повиновению воле императора». Самодержавный строй, продолжая укрепляться с помощью усилий проповедников и воспитателей — бонз, а также под давлением соответствующих органов власти, которые, опираясь на авторитет императорской власти и «не считаясь с недовольством народа... были тверды и непреклонны», довел реформу до конца¹⁸. По закону цена на землю устанавливалась на основании заявлений самих владельцев земли о размере и доходности их владений. Фактически же это происходило

принудительно, ориентировочная цена на землю определялась сверху и зависела от размера поступлений, определенных правительством для каждой префектуры, поселка или села¹⁹. Заявление о ценах на землю составлялось в форме присяги, подписанной и заверенной личными печатями всех крестьян села, в которой, в частности, говорилось: «В случае если в сведениях будут найдены какие-либо ошибки, мы не будем возражать *против любой меры наказания*». Правительственный чиновник сопоставлял эти данные с официальными сведениями. Если, по его мнению, крестьянские цены оказывались заниженными, он в первый раз «предупреждал» крестьян. В случае повторного расхождения сведений чиновник мог отдать приказ о выкупе земли.

Один местный представитель правительства предостерегал, что «не следует ориентироваться только на подчас заниженные сведения крестьян и устанавливать чрезмерно низкие цены». «В случае если крестьяне не будут соглашаться с правительственными данными, — говорилось в приказе правительства, — и будут сообща отстаивать свое частное мнение, то не следует бесцельно тратить время на проверку и пересмотр сведений, что ущемляло бы авторитет правительства, а нужно провести сопоставление с соседними одинаковыми землями, определить цены на землю и приказать вносить налог»²⁰. Для крестьян не существовало разницы между правительственными чиновниками периода правления бакуфу и нынешними чиновниками. Последние, принуждая подписывать протокол, составленный на основе их собственных предположений, заявляли: *«Лица, не подчиняющиеся распоряжениям правительства, являются врагами императора. Они подлежат изгнанию из страны с конфискацией всего имущества»*²¹.

Причины, по которым реформированный поземельный налог продолжал оставаться по существу феодальным, не исчерпываются только вопросом о размере налогового бремени. Несмотря на реформу поземельного налога, сохранялось внеэкономическое принуждение со стороны императорского строя. Именно оно и способствовало проведению этой реформы. Для крестьян внесение поземельного налога было не менее тяжелой обязанностью, чем несение воинской повинности — о чем речь ниже — и означало форсированное наступление абсолютизма.

В ноябре 1872 года был введен закон о воинской повинности. В стране уже давно подвергалось резкой критике, как это явствует из официальных инструкций Государственного совета того времени, высокомерие «лиц, которые, называясь самураями, носят два меча, бездельничают, совершают насилия, убивают людей и несут ответственности перед властями»²². Система воинской повинности, превозносившаяся как «путь, с помощью которого все будут уравнены в правах», как основа единства армии и крестьянства, как основа всенародной армии, была продуктом реформ, проводившихся с целью возвышения авторитета абсолютизма. Этим он нанес последний и решительный удар вооруженным формированиям феодально-самурайских групп — опоры сепаратизма княжеств.

Вместе с тем создание новой армии — опоры абсолютизма — дало возможность властям утверждать о введении в этом смысле свободы и равенства народа. Этому вполне соответствовало уничтожение феодальной системы деления общества, установление новой социальной структуры, «уравнивающей все сословия» (аристократии — кадзоку, дворянства — сидзоку и простого народа — хэймин), что помогало формированию бюрократии императорского строя²³. «Свобода и равенство» допускались абсолютизмом в форме присяги солдат на верность и преданность абсолютизму. «При наличии такой армии народ впервые сможет свободно заниматься своим делом... Свободы хотят все, поэтому военную службу обязаны нести все сословия»²⁴.

Однако бремя обязательной военной службы не было равным для всех сословий, как то было декларировано. От военной службы освобождались правительственные чиновники, учащиеся некоторых государственных привилегированных учебных заведений, студенты, обучавшиеся за границей, и лица, могущие откупиться суммой в 270 иен. Поэтому только беднейшие слои населения должны были отбывать трехлетний срок суровой военной службы. От военной службы также освобождались главы семей, их наследники, внуки, воспитываемые дедом, единственные сыновья, единственные внуки и приемные сыновья. Призыву на военную службу подлежали все неженатые мужчины²⁵.

В чем же заключался смысл политики защиты патриархальной системы? Именно патриархальная система являлась социальной и идеологической опорой императорского строя Японии. Уже во второй половине периода Эдо благодаря развитию товарного хозяйства в деревне начался процесс распада крупной феодальной семьи, которая объединяла также многочисленных родственников, как кровных, так и побочных. Законом об обязательной регистрации семей (косэки-хо) *, опубликованном в апреле 1871 года, и законом о воинской повинности (освобождение глав семейств от военной службы) правительство пыталось воспрепятствовать этому процессу. Первоначальной целью закона «О регистрации семей» было выявление «неимущих лиц, уклоняющихся от регистрации», что являлось своего рода возвратом к феодально-принудительной системе прикрепления крестьян к земле. С этой же целью проводилась политика поддержки и укрепления системы гонингуми.

Правительство сохранило систему выплаты наследственного жалованья аристократии и дворянству, а после ликвидации княжеств, чтобы оправдать это, признало и расширило права главы семьи. Второе мероприятие распространялось и на простой народ. Защита законом прав главы семьи в деревне способствовала сохранению связи между основной семьей и ее побочными ветвями, укреплению феодальных родственных, семейных и социальных отношений и тем самым защите помещичье-феодальной системы. Содержащиеся в законе о воинской повинности положения о защите глав семей и их наследников преследовали те же самые цели, а именно сохранение семьи как единицы, облагаемой поземельным налогом, и охрану главы семьи как лица, ответственного за внесение этого поземельного налога.

Эти меры являлись продолжением политики феодаль-

* Этот закон укреплял насильно введенную по всей стране систему объединения крестьян по пятидворкам (гонингуми). Во главе гонингуми стоял глава пятидворья. Гонингуми выполняли полицейские функции, были связаны круговой порукой, несли коллективную ответственность за проступки какого-либо из ее членов, обязанных придерживаться точно разработанного свода правил поведения. Эти правила были занесены в специальные книги, которые периодически зачитывались членам гонингуми, чтобы последние постоянно помнили о них. — *Прим. ред.*

ных правителей периода Эдо и были направлены на «сохранение и поддержку основных налогоплательщиков». Закон о воинской повинности носил характер феодальной барщины (отработочная рента), налагаемой на крестьянскую семью²⁶, и сочетался с поземельным налогом, носившим характер феодального оброка (натуральная рента), налагаемым на ту же семью. Оба они взаимно дополняли друг друга и оба являлись мерами принуждения со стороны абсолютизма в отношении крестьянства.

В 1872 и 1873 годах повсеместно происходили восстания «бамбуковых копий и рогожных знамен», участники которых выступали против новой системы набора рекрутов. Правительство пыталось объяснить возникновение восстаний ошибочным толкованием «глупыми и невежественными людьми» имевшегося в законе о воинской повинности выражения о том, что «военная служба — это налог кровью», понятого якобы в буквальном смысле, то есть, что у солдат будут брать кровь или же забирать жен и дочерей. Правительство разъясняло, что «это великий долг по защите родины». Однако в действительности народ своим «прямым толкованием закона» выражал протест против военной службы, носившей характер принудительного труда, и против опоры абсолютизма — большой армии, содержание которой увеличивало поборы. От призыва на военную службу уклонялись «под разного рода предлогами, прибегая к всевозможным ухищрениям», что доставляло много забот правительству и военным властям. Ямагата Аритомо сетовал на то, что «сыновья крестьян, ремесленников и купцов, привыкшие к низкопоклонству и никогда не отличавшиеся мужеством, не осознают своего долга — нести военную службу, не признают своего права — защищать родину; таких лиц немало»²⁷.

Императорская армия была создана для того, чтобы «внутри страны усмирять мятежников, а вне — доказать, что наша страна способна противостоять любому врагу»²⁸. Для подавления мятежей «повстанцев-самураев» обычно направлялись карательные отряды новобранцев из крестьян. Правительство поощряло их: «Своим боевым духом солдаты доказали, что любят родину так же, как и весь народ страны». Однако на подавление крестьянских восстаний направлялись поли-

цейские части и срочно созываемые самурайские отряды, а воинские регулярные части оставались в резерве. В этих случаях власти бранили народ за «глупость, невежество и трусость».

То, что императорская армия внешне строилась на принципе равенства четырех сословий и принципе ее всенародности, нельзя считать доказательством того, что абсолютизм имел народную основу. В марте 1876 года был издан указ о запрещении ношения мечей. Он гласил: «Впредь ношение мечей воспрещается; только во время больших торжественных церемоний меч будет являться частью парадной формы высших военных и полицейских чинов». Согласно этому указу, мечи — древние символы привилегированного сословия — были отобраны у всех самураев, их ношение было разрешено в качестве особой привилегии высшим военным и полицейским чиновникам, являвшимся опорой императора. В офицерские школы и курсы на первых порах было разрешено поступление всем выдержавшим экзамены независимо от сословного происхождения, но фактически, а в последующем — как правило, прием был ограничен лишь выходцами из дворянства.

Этот отбор командного состава из более широких слоев населения являлся «равенством», допущенным для того, чтобы облегчить насаждение в войсках монархического строя дисциплины с беспрекословным подчинением «старшим», «безразлично в большом или малом» и «даже в делах, которые могут показаться неправильными». Корни такого «равенства» были заложены в сословной системе токугавского государства²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 3 ГЛАВЫ IV

¹ Обязанности воспитателей, подчинявшихся министерству воспитания, которые торжественно зачитывали в школе императорский указ о просвещении, заключались в трех нижеследующих правилах: руководствоваться великими принципами почитания богов и любви к родине; исходить из законов природы и моральных принципов общества; преданно служить императору и соблюдать его указы. Это был поворот от «единства религии и политики» к «единству просвещения и политики», к внедрению в просвещение почитания императорских указов и их соблюдения. На должности воспитателей назначались синтоистские и буддийские священники. Создавался союз синтоизма и буддизма, противостоявший проникновению в Японию христианства и «теории республиканского правления» (предложение левой палаты («саин») дадзёкана в декабре 1871 года

о создании министерства воспитания — кёбусё). Это министерство было ликвидировано в январе 1877 года, что и явится показателем конца такого рода просветительной политики.

² Из руководителей правительства наиболее последовательным сторонником просвещенного абсолютизма был Кидо Такаёси. Его политические позиции довольно сильно отличались от взглядов главной группировки Ивакура—Окубо. Критическое отношение Кидо к этой группировке исходило из его позиций просвещенного абсолютизма. Это ясно видно из письма к Сандзё Санэтоми от 20 августа 1870 года. «Когда с народа, — писал он, — будут сняты ограничения прежних времен, предоставлены различные свободы, когда императорское правление будет осуществляться естественно и самостоятельно, тогда княжества не смогут более придерживаться старых обычаев. И им придется поддерживать императора». Здесь нужно обратить внимание на то, что для ликвидации сепаратизма княжеств и для их объединения вокруг императора провозглашалась свобода народа. 8 декабря 1870 года Кидо писал Синагава Ядзиро: «Они считают, что народ создан для правительства, и не понимают, что правительство служит народу».

Сущность «правительства для народа и политики для народа», по его словам, заключалась в отказе от «мелкой лояльности, мелких принципов», то есть в отказе от узких интересов княжеств. Далее Кидо пишет, что следует объединить все силы страны, для того, чтобы совместно строить государство. Здесь он приходит к выводу о необходимости объединения власти («Кидо Такаёси бунсё», т. IV). Кидо говорил о счастье и прогрессе народа только в период между 1873 и 1877 годами. Исторические материалы по этому вопросу приведены в статье Тояма Сигэки «Мэйдзи сёки сэйдзиси-ни окэру симпо-но сёдзай» («К проблеме изучения истории политики начального периода Мэйдзи»), журнал «Кокумин-но рэкиси», апрель 1947 года. Различия в позициях Кидо, Окубо и Ямагата в общем не были значительными, но даже и последние двое иногда высказывались в этом духе.

³ Проповедуемая Кидо свобода, благосклонно преподносимая правительством, не была той свободой, которую требовал народ. Кидо имеет в виду свободу, дарованную сверху и предназначенную для подавления требований свободы, идущих снизу. Об этом Кидо пишет из Вашингтона во время заграничного путешествия в письме к Кавакита Тосискэ от 1 февраля 1872 года. Его личные наблюдения за жизнью современного общества в Европе и Америке все более и более вызвали у него опасения относительно роста свободлюбивых настроений в народе и подсказывали необходимость немедленной ответной реакции со стороны абсолютизма.

«Япония изо дня в день, из месяца в месяц, — писал он, — движется по пути к цивилизации, пороки которой подчас чрезвычайно опасны и доставляют немало беспокойства... Случайно услышанные слова «независимость», «свобода» многие истолковывают произвольно. Люди быстро склоняются к легкомыслию и непостоянству. Если сравнить современное положение в нашей стране с тем, что было 6—7 лет назад, то бросается в глаза огромная разница». Обеспокоенный этим, Кидо доказывает необходимость принятия «конституции», которая явилась бы «законом» для «укрепления основ», другими словами, для того, чтобы не дать народу возмож-

ности самому и по своему усмотрению провозгласить независимость и свободу («Кидо Такаёси бунсё», т. IV).

⁴ См. «Кидо Такаёси никки», запись от 20 ноября 1873 года. На запрос Ито Хиробуми о позиции Кидо в вопросе о государственном строе последний ответил: «Основным законом построения государства должна быть деспотическая система. Это — мое личное мнение. Система образования и военная система не могут легко отказаться от деспотизма» («Кидо Такаёси никки», т. II).

⁵ Первый официальный правительственный проект конституции рассматривался в левой палате. В апреле 1872 года член левой палаты Миядзима Сэйитиро внес «предложение об основном государственном законе». Это послужило стимулом для внесения от имени председателя левой палаты и его заместителя «предложения об учреждении подготовительной комиссии». Затем был составлен проект образования государственного собрания (коккай гиин) и, наконец, в июне 1873 года левой палатой было принято решение о «составлении государственной конституции и кодекса гражданских прав».

⁶ Составление гражданского кодекса было начато в апреле 1872 года под руководством министра юстиции Это Симпэй. Он приказал Мидзукури Ринсё «пусть даже не совсем точно, но быстро» перевести французский кодекс. В 1873 году часть этого перевода была опубликована.

⁷ Миядзима Сэйитиро, внесший «предложение об основном государственном законе», исходил из основных принципов абсолютизма. Он писал: «Император является отцом народа, и его первейший долг, как отца — охранять народ. Для этой цели император повелевает создать административные учреждения и поручает им управлять страной. Так образуется правительство... Прежде всего необходимо поднять на должную высоту государственную власть, установить власть монарха и разъяснить нашему народу, что представляет из себя власть монарха и что такое конституция страны». Все права народа, о которых здесь говорится, — не что иное, как права и обязанности, разрешенные монархом и государственной властью (см. работу Миядзима Сэйитиро «Коккэн хэнсан кигэн» («Источники составления конституции Японии»), серия «Мэйдзи бунка дзэнсю» («История культуры периода Мэйдзи»), том «Конституционное правление»).

⁸ Это Симпэй следующим образом определял задачи составления гражданского кодекса: «База, опираясь на которую Япония может стать в ряд с другими странами, — это богатство и мощь нашей страны. А эта основа зиждется на спокойствии народа. Спокойствия народа можно достичь улучшением его положения. Если не улучшить положение народа, спокойствия в стране не будет, и мы не сможем осуществить своих планов. Народ можно сравнить с большой армией, а государственные законы — с приказами главнокомандующего этой армией. Как мудрый полководец командует армией, так и нам надо добиваться строгого выполнения законов, точного и добросовестного выполнения как больших, так и малых дел». Симпэй провозглашал современный принцип правового государства, в основе которого, однако, лежали правовые принципы конфуцианства.

Это была попытка законодательным путем утвердить господство абсолютизма (см. заявление министра юстиции Это об отставке в январе 1873 года. См. Мотоно Ханскэ, Это Нампаку, т. 2).

• Точка зрения группы Кодзаха: «Старая феодальная рента вводилась в масштабе всей страны... на основе полукрепостнической системы форсировалось первоначальное накопление капитала» (см. Хирано Иоситаро, Мэйдзи исинни окэру сэйдзитэки сихай кэйтай (Формы политического господства в период Мэйдзи исин) в «Нихон сихонсюги хаттацу-си кодза»).

Позиция группы Роноха: «Объединение разрозненных местных феодальных налогов в масштабе всей страны и замена натурального налога денежным — первый шаг к современной налоговой системе... Новый поземельный налог фактически являлся продолжением феодальной ренты... Он явление двойственное: «современное» и «феодальное». В конечном счете эта группа утверждает, что «в будущем «феодальное» исчезнет (см. Цутия Такао и Оно Митио, Кинсэй нихон носон кэйдзай сирон (Экономическая история японской деревни в новое время), «Кэйдзайгаку дзэнсю», т. 59).

¹⁰ Реформа поземельного налога проводилась в течение 1874 и 1875 годов. Новый поземельный налог вступил в силу с 1876 года. Финансово-статистические данные за семь с половиной лет, с января 1868 года и до июня 1875 года включительно, позволяют получить представление об экономическом положении режима Мэйдзи до реформы поземельного налога.

<i>I. Годовой доход *</i>	406 350	
A. Обычные поступления **	282 870	
а) Поземельный налог	232 711	82% обычных поступлений
б) Таможенные пошлины	8 497	3% обычных поступлений
B. Внеочередные поступления	123 479	
а) Выпуск необмениваемых банкнот ***	73 325	59% внеочередных поступлений
б) Чрезвычайные внутренние и иностранные займы	21 259	17% внеочередных поступлений
<i>II. Годовой расход</i>	359 446	
A. Обычные расходы	242 801	
а) Общие административные расходы	28 639	12% обычных расходов
б) Расходы на армию и флот	47 820	20% обычных расходов
в) Выплата князьям и самураям наследственного жалования и наградных пособий	95 250	38% обычных расходов (41% поземельного налога)

* В тыс. иен; суммы менее 1000 иен опущены.

** В пунктах А и Б доходов и расходов менее важные статьи опущены.

*** Банкноты Государственного совета, министерства внутренних дел, обмениваемые облигации, новые денежные знаки и др.

Б. Внеочередные расходы	116 645	
а) Расходы на военные карательные экспедиции	12 940	11% внеочередных расходов
б) Разные расходы бывшего правительства бакуфу и бывших княжеств	14 949	12% внеочередных расходов
в) Расходы на государственную промышленность (железные дороги, телеграф, служба сигнализации, монетный двор и т. д.)	28 380	23% внеочередных расходов
г) Временные ссуды (бывшим княжествам)	31 369	26% внеочередных расходов

См. «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй» («Сборник материалов по финансово-экономическому положению Японии в первые годы Мэйдзи»), т. 4.

¹¹ Как начальный шаг к реформе всей налоговой системы, Канда Такахира одним из первых внес «предложение о реформе налога на поля» (поземельного налога), предусматривавшее отмену запрещения, свободной продажи земли. Канда подчеркивал, что в течение второй половины периода Эдо различные сделки с землей фактически происходили под названием либо «залога», либо «уступки». Сохранять бесполезный закон о запрещении продажи земли, продолжал Канда, «значит подавлять инициативу, бережливость, усердие и поощрять глупость, праздность и роскошь».

В марте 1871 года заместитель министра внутренних дел Мацуката Масаёси, ратуя за необходимость изменения налогового обложения, писал: «Ключ к успокоению народа лежит в уменьшении налогов, в облегчении тягот народа, в наказании нерадивых и в поощрении старательных крестьян» (см. «Тисо канкэй сёруй госан» (Сборник документов о поземельном налоге) в серии «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй», т. 7).

¹² После ликвидации княжеств и образования префектур, вплоть до 1874 года, поступления от поземельного налога уменьшались из года в год. Министр финансов Мацуката Масаёси в феврале 1882 года сообщал в докладе о реформе поземельного налога: «Падение поступлений от поземельного налога происходило из года в год. И это не случайно. После создания префектур все население бывших княжеств, не оправившееся еще от непосильного угнетения в прошлом, требовало облегчения закона о поземельном налоге. Нам уже пришлось отменить систему дзёмэнсэй и ввести закон о сборе налогов по системе кэмисэй, но, несмотря на это, уменьшение поступлений от поземельного налога продолжалось и составило огромную сумму» (см. «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй», т. 7).

Суть системы кэмисэй: размер налога зависел от сбора урожая и определялся путем ежегодного визуального обследования полей. Система дзёмэнсэй заключалась в том, что поземельный налог взимался всегда в установленном размере независимо от урожая. Во второй половине периода Эдо повсеместно преобладала система дзёмэнсэй.

¹³ Разъяснение министерства финансов относительно закона

о взимании налога по системе кэмисэй, введенного в июле 1870 года (см. «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»).

¹⁴ «Хотя, согласно пересмотренному закону, налоговый процент уменьшается, общая сумма налоговых поступлений в связи с ростом облагаемой площади должна увеличиться» (см. «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»). Правительство рассчитывало на увеличение суммы поступлений от поземельного налога за счет обложения всех без исключения участков, так как выдача удостоверений на право владения землей содействовала выявлению скрытых (утаенных) полей.

¹⁵ В сентябре 1870 года в ответе министерства финансов на запрос министерства внутренних дел говорилось о «справедливой политике», когда «не должно остаться ни одного дюйма земли, не обложенного налогом». В распоряжении министерства финансов от марта 1871 года относительно обложения поземельным налогом трех столичных префектур и пяти открытых портов подчеркивалась «необходимость справедливого и равного обложения на нужды правительства продуктов труда крестьян и других жителей трех столичных префектур». В сентябре 1871 года министр финансов Окубо Тосимити и его заместитель Иноуэ Каору внесли предложение о введении «унифицированных законоположений» для «искоренения сепаратизма, унификации местных законов и спасения крестьян, страдающих от несправедливостей». В мае 1872 года Муцу Мунэмицу — губернатор префектуры Канагава, внесший проект реформы поземельного налога, отмечал недостатки системы рисового исчисления налогов и предлагал искоренить хитроумные замыслы «дурных чиновников и коварных крестьян» (см. «Тисо канкэй сёруй госан», «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»).

¹⁶ См. доклад Мацуката Масаёси правительству в декабре 1874 года о причинах реформы поземельного налога (см. «Тисо канкэй сёруй госан», «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»).

¹⁷ Министерство финансов в декабре 1873 года в докладной записке доказывало настоятельную необходимость установить сумму налога в 3 процента от основной цены земли, указанной в удостоверении на право владения землей (см. «Тисо канкэй-сёруй госан», «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»).

¹⁸ См. представление Мацуката Масаёси от марта 1871 года (см. «Тисо канкэй сёруй госан», «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»).

¹⁹ См. беседу Арно Такасигэ. Арно был ответственным за проведение реформы поземельного налога. «Какой же, — вопрошал он, — по мнению членов комитета, выбранных местными властями, и чиновников министерства финансов, следует установить уровень пересматриваемого поземельного налога? Нет оснований резко уменьшать его, как нет оснований и сильно увеличивать. В некоторых районах он будет повышен, а в некоторых — снижен. Мы приступили к проведению этой реформы с таким расчетом, чтобы в сумме налоговых поступлений не было, по сравнению с прежним, больших колебаний в ту или другую сторону» (Цутия Такао и Оно Митио, Кинсэй нихон носон кэйдзай сирон). Центральное правительство после установления общей суммы поземельного налога по всей стране «не меньшей, чем размеры прежнего поземельного налога», соответственно распределило ее по всем префектурам, а затем уже, взяв это за критерий, определило цену земли всех, даже

мельчайших, полей, участков под постройками, горных и лесных массивов (Оно Такэо, Мэйдзи дзэнки тоти сэйдо сирон (К истории земельной системы первой половины периода Мэйдзи).

²⁰ См. инструкцию государственного советника Окума Сигэнобу от 28 июля 1873 года «К сведению местных властей» и заявление Бюро по реформе поземельного налога от 23 марта 1876 года и от 12 мая 1876 года («Тисо канкэй сёруй госан», «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»).

²¹ В 1875 году в уезде Касуган префектуры Айти правительственный чиновник потребовал, чтобы все крестьяне подписали протокол со сведениями, составленными им произвольно. В 43 деревнях вспыхнули восстания. И лишь в 1879 году бывший глава княжества Токугава Иосикадзу установил спокойствие в префектуре.

Подобные же события имели место в префектуре Исикава в 1878 году. Администрация Исикава прибегла к угрозам в отношении лиц, возражавших против правительственной оценки размеров урожая. «Оценки, сделанные правительственными чиновниками, — говорилось в приказе администрации, — не подлежат пересмотру. Обрушится гора Фудзияма, а правительство останется непреклонным и все равно заставит всех признать правильной свою оценку стоимости земель. Всем несогласным придется иметь дело с Государственным советом, с центральным правительством, силу которых все мелкие люди должны прекрасно сознавать. *Лица, не подчиняющиеся распоряжениям правительства, являются врагами императора.* Они подлежат изгнанию из пределов страны без права что-либо взять с собой».

В 20 деревнях крестьяне вопреки приказу властей продолжали борьбу и добились пересмотра оценки своих земель. В префектуре Айти движение крестьян возглавил начальник уезда Касуган Хаяси Кимбэй, а в префектуре Исикава — член либеральной партии Сугита Тэйити. Хаяси был в свое время организатором крестьянских отрядов нохэйтай, затем занимал должность главы сельских старост (сосёя). В военной кампании против Тёсю он, по приказу главы княжества, ведал сбором денежных средств на военные расходы. После ликвидации княжеств Хаяси был назначен на должность начальника района (кукотё). Сугита происходил из семьи самого крупного помещика в Этидзэи и был поставщиком при правительстве княжества. Интересно отметить, что в борьбе против реформы поземельного налога участвовали зажиточные крестьяне и богатые торговцы.

²² В официальном заявлении Государственного совета о введении воинской повинности от 28 ноября 1872 года говорилось: «Существующий с давних времен государственный строй нашей страны предусматривает, что все должны служить в армии. Император во время чрезвычайных событий всегда является верховным главнокомандующим армии... Призыву подлежит все взрослое население, пригодное для несения военной службы. К уклоняющимся от призыва применять самые строгие меры. После прохождения службы все демобилизованные возвращаются по домам и вновь становятся крестьянами, ремесленниками или торговцами... Лиц, которые, называясь самураями, носят два меча, бездельничают, совершают насилия, убивают людей и не несут ответственности перед властями, быть не должно... Укрепление императорского правления путем возвращения императору прав на управление княжествами и образо-

вание уездов и префектур продолжается и до сих пор. Восстанавливается система уездов и префектур, существовавшая и в древности... Самураям, бездельничающим из поколения в поколение, уменьшается выплата жалованья, они лишаются права носить мечи... Всем низшим сословиям будет постепенно предоставлена свобода.

Это именно тот путь, с помощью которого будет установлено равенство всех людей, будет достигнуто единство армии и крестьянства. В новой армии самураи — уже не прежние самураи, а народ — не прежний народ. Все они равные люди, одинаково полезные империи и стране» («Дадзёкан нисси», запись от 1 декабря 1872 года).

²³ С июня 1869 года даймё и кугэ стали называться общим термином «аристократия» (кадзоку), что являлось выражением «императорской воли к единению и сотрудничеству гражданских и военных, верхов и низов» («Хорэй дзэнсё» («Полное собрание указов и распоряжений»). Окубо был возмущен презрительным отношением аристократии и высшего самурайства к государственным советникам — выходцам из низшего самурайства и настаивал на уничтожении различий между аристократией и дворянством. Он говорил: «Этот вопрос давно уже решен императором, и возражения высших советников лишены оснований. Современный политический строй разрушил господство родовитой аристократии. Ныне императором привлечены к управлению государством выходцы из простого народа. И это пора понять. Если в течение десяти лет не будут ликвидированы различия между аристократией и дворянством, то даже немислимо мечтать об утверждении международного авторитета нашей страны» (письмо Окубо от 29 октября 1869 года в адрес Нинно Тацуо, «Окубо Тосимити бунсё», т. III).

Лозунг о равенстве всех сословий требовался для формирования бюрократии императорского строя. Стремление создать особое положение для бюрократии ясно видно из следующего указа: «Простые люди, назначаемые чиновниками на должности тёнинкан, соннинкан и ханнинкан, а также их дети и внуки, в период нахождения этих чиновников на службе, приравниваются к дворянскому сословию» («Дадзёкан нисси», запись от 7 ноября 1872 года). Интересен тот факт, что детям и внукам простых людей, становящихся чиновниками, также присваивалось дворянское звание.

²⁴ Заместитель военного министра Тани Татэки внес в 1871 году предложение об «армии всех четырех сословий». Пожалуй, именно оно легло в основу указа о воинской повинности (см. Симаноути Госиэй, Тани Татэки ико (Рукописи Тани Татэки), т. II).

²⁵ Официальная газета военного министерства «Найгай хэйдзи симбун» в передовых статьях от 9 и 16 марта 1879 года писала: «Сейчас только неженатые мужчины не освобождаются от военной службы... Почему мы не призываем в армию глав семейств и их наследников? Если мы пошлем под пули главу семьи и наследника, то семьи останутся одиноки, дети будут сиротами, а жены — вдовами. Правительство не может этого допустить. Поэтому закон и предусматривает призыв на военную службу *только неженатых мужчин* и не распространяется на таковых, если они являются наследниками и т. п.» (см. Мацусита Иосио, Тёхэйрэй сэйтэйси (Введение закона о воинской повинности).

²⁶ При призыве на военную службу за единицу принималась семья. В частности 12 статья положения о воинской повинности

гласила: «Освобождаются лица, братья которых находятся на военной службе».

²⁷ Ямагата Аритомо, Тэхэй сэйдо оёби дзити сэйдо ка-курицу-но энкаку (Реформа военной системы и системы самоуправления), помещено в «Мэйдзи кэнсэй кэйдзай сирон» («Исторический очерк экономики и конституционного правления в период Мэйдзи»), составленном обществом «Кокка гаккай».

Уклонение от призыва на военную службу приняло столь широкие масштабы, что военный министр Ояма Ивао вынужден был в 1881 году внести предложение о пересмотре закона о воинской повинности, в котором говорилось: «Во всех префектурах слишком многие используют графу указа (о приемных сыновьях), освобождающую их от службы. Сравнивая данные текущего года с данными прошлого года, можно увидеть, что по всей стране число освобожденных от военной обязанности увеличилось на более чем 11 тысяч человек. Например, во всем призывном участке префектуры Нагасаки не оказалось ни одного человека, подлежащего призыву на военную службу. Кроме того, из года в год увеличивается число лиц, скрывающихся от военной службы. Согласно обследованию, проведенному в прошлом году, это число по всей стране достигало 10 360 человек» («Ояма Ивао дэн» («Биография Ояма Ивао»)).

²⁸ См. доклад военного министра Ямагата Аритомо императору от января 1874 года («Хоки бунруй дайдзэн» («Полное классифицированное собрание законов») под редакцией Хэйсэй Монъити).

²⁹ Основой военной дисциплины в новой армии, составленной из призванных солдат, был «Письменный устав» («Докухо»), унаследованный в неизменном виде еще со времен формирования императорской гвардии, состоявшей из самураев княжеств Сацума, Тёсю и Тоса: в 1878 году он стал называться «Заповедью военнослужащего» («Гундзин кункай»), а в 1882 году — «Императорским поучением для военнослужащего» («Гундзин тёкую»). Во второй и третьей статьях этого устава говорилось: «Военнослужащие обязаны приветствовать старших начальников. Подчинение их приказам составляет основу военной службы, подчинение приказам старших начальников должно быть беспрекословным», «Совместные преступные действия трех лиц и более квалифицируются как сговор сообщников и категорически запрещаются». Беспрекословное подчинение старшим начальникам и запрещение сговора еще более строго подчеркнуто в «Заповеди военнослужащего».

Возможность более свободного доступа простым людям в ряды унтер-офицерского и офицерского состава обуславливалась тем, что создатели регулярной армии опирались на принудительную систему, при которой — как они считали — каждый, попав на командную должность, сам превратится в ревностного сторонника существующего порядка.

4. СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИИ, РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ

Введение новой системы образования в августе 1872 года наряду с законом о воинской повинности явля-

лось одним из основных мероприятий просветительной политики правительства после ликвидации княжеств и образования префектур. Во-первых, вводилась система обязательного обучения. «Образование должен получить весь народ: аристократия, дворянство, крестьяне, ремесленники, торговцы и женщины. В деревнях не должно быть ни одной неграмотной семьи, а в семьях — ни одного неграмотного человека». Эта система разрушила прежнюю сословную систему образования, которая была привилегией самураев и высших слоев населения. Во-вторых, провозглашалось, что развитие науки и образования будет проводиться не только в целях государственного управления, как это было прежде, а для «личного благосостояния каждого, завоевания положения в обществе и процветания в делах». В-третьих, считалось, что наука и образование должны поднять волю и инициативу народа. Отменялся старый обычай, по которому расходы на обучение, одежду и питание покрывались правительством.

Таким образом, правительство стремилось изменить положение народа, превратить «невежественный народ», лишь внешне подчинившийся, а на самом деле оказывавший сопротивление, народ, в управление которым бакуфу и княжества всегда руководствовались принципом «подчинять, а не просвещать», в народ, который понимает, одобряет и содействует мероприятиям правительства. Даже если бы правительство не проявило инициативы в проведении реформы поземельного налога, этот «цивилизованный и просвещенный народ» должен был бы сам потребовать этого¹. Народ должен чувствовать признательность к императору за введение закона о воинской повинности, должен воодушевиться на выполнение «великого долга защиты страны»².

Хотя правительство и подверглось критике за проявление чрезмерного рвения к выполнению «главной задачи — развития хозяйства страны — в ущерб воспитанию верности, сыновнего долга и морали»³, тем не менее оно все же решительно отстаивало «практическое обучение». Оно сознавало, что создание «богатой страны и сильной армии» зиждется на подъеме инициативы и развитии способностей простого народа⁴. При этом ликвидация «невежества и низкой сознательности» простого народа, который не понимал указов правительства о ре-

формах и постоянно испытывал сомнения и опасения, была необходимой и неизбежной для проведения представителями власти, называвшими себя защитниками народа, новой политики⁵. Несмотря на занятость организационными делами, разработку грандиозных планов, правительство, взяв за образец французскую школьную систему и постановку образования в США, с необычайной энергией и упорством приступило к созданию системы образования.

Вся страна была разделена на 8 больших учебных округов; в каждом округе был создан университет. Учебный округ был разделен на 32 средних учебных района; в каждом районе была организована средняя школа. Средний район в свою очередь был разделен на 210 мелких районов, в каждом из которых была учреждена начальная школа. Эта единообразная школьная система была строго централизована. На первый взгляд здесь было как будто противоречие духу «реформаторства», основанного на вышеописанных идеалах, но фактически все это было тесно взаимосвязано.

Главной задачей создания новой системы образования было введение обязательного начального обучения, которое с необычной для того времени быстротой начало вводиться повсеместно. Через год после создания новой школьной системы в стране существовало уже 8 тысяч муниципальных и 4500 частных школ, и число их непрерывно росло. Через шесть лет после реформы народного образования число учащихся в этих школах составило огромную цифру и достигало 41,26 процента всех детей школьного возраста. Невиданное распространение школьной сети, которой были охвачены даже самые отдаленные горные деревни, проходило под непосредственным нажимом и принуждением властей. Этому способствовала также и глубоко укоренившаяся система господства и подчинения, система беспрекословного повиновения народа. Именно поэтому «ни один человек не сопротивлялся правительственным распоряжениям — все почтительно исполняли их»⁶.

Значение введения новой системы образования заключалось в том, что полностью были упразднены старые княжеские школы, все частные школы обязывались получать разрешение властей и была создана новая система просвещения, контролируемая государством. По-

сколько же вся система образования была полностью подчинена правительству, последнее могло позволить себе освободить новую систему от пут «единства государства и церкви», четырех принципов конфуцианской морали: «гуманности, справедливости, верности и сыновнего долга» и проводить политику «практического обучения, создающего для человека положение в обществе».

Посмотрим, как же в действительности осуществлялись красивые фразы о переходе от образования, строившегося на подготовке государственных деятелей за казенный счет, к «независимому, добровольному образованию в интересах самого народа». Расходы на образование, как правило, покрывались за счет общественных средств, а в случае недостатка — за счет средств учебных районов (в конечном счете и эти расходы покрывались за счет средств, получаемых от обложения народа или добровольных пожертвований), а также правительственных субсидий. Во всех школах, следовательно, взималась плата за обучение: в начальных школах — 50 сэн в месяц, в средних школах — 5 иен 50 сэн в месяц. Эта плата была непомерно высокой (в то время по биржевому курсу в Фукагава 1 коку риса стоил 4 иены 9 сэн).

Секретарь министерства просвещения Куки Рюити после обследования в 1877 году третьего учебного округа (Кинки) докладывал, что мелкому и среднему крестьянству, выплачивающему от трех до четырех десятых своего урожая в виде земельного налога, одну-две десятых урожая в виде местных налогов, две-три десятых урожая — помещику, остается лишь одна или две десятых урожая. «Как же может, вопрошает Куки, обязательное обучение приносить пользу беднейшему крестьянству, если его еще заставляют в принудительном порядке отдавать в школу детей, выполняющих определенную часть работ в семье, вносить плату за обучение в условиях, когда прожиточный минимум целой семьи составляет от 2—3 до 4—5 сэн в день?»⁷ Несомненно, что систему образования, независимо от субъективных добрых намерений властей «цивилизовать все население страны», «народ считал жестокой мерой»⁸.

В мае 1873 года в префектуре Ходзё (Мино) вспыхнуло восстание населения, выступавшего против при-

зыка в армию и за ликвидацию начальных школ. Восставшие разрушили 46 школ. Выступлений против новой системы образования было немало. Однако разрушение школ не являлось проявлением реакционности масс, оно было выражением протеста против принудительного и непосильно тяжелого налогового бремени.

В 1872 году была проложена телеграфная линия между Токио и Осака, открыто движение по железной дороге Симбаси — Йокогама и принят солнечный календарь. Центром развивающейся цивилизации оказался растущий город Токио. На улицах города были установлены газовые фонари; по одной из них — Гиндза — с ее двухэтажными домами было особенно оживленное уличное движение: на рикшах и в экипажах чинно ехали чиновники и богатые купцы, одетые в европейские костюмы. Их внешний вид был как бы символом новой, единой, централизованной государственной власти.

Жертвы, понесенные деревней, заставили Кидо с горечью воскликнуть: «Культурное развитие района Нихомбаси [деловой центр Токио. — *Ред.*] ликвидирует равенство между городом и деревней. Если этот процесс пойдет глубже, то с точки зрения интересов народа императорские реформы, пожалуй, принесут несчастье»⁹. Развитие просвещения, внешним проявлением которого стала короткая европейская прическа, укрепляло прогрессивный лагерь, поддерживаемый властью, а отсталость и медлительность, символизируемые старинной японской национальной прической «дзангири-атама» (полуостриженная голова), ослабляли реакционный лагерь, изолированный от власти. Кюхэй потерпел поражение в споре с Кайдзиро [здесь игра слов: «в споре отсталости с прогрессом старый мир потерпел поражение». — *Ред.*]. Кайдзиро убеждал Кюхэя: «Если все будут выполнять распоряжения правительства и трудиться, то можно достичь многого. Сейчас такое время, когда можно даже выдвинуться на высокий пост! Следует хорошо поразмыслить».

Победа просвещения и цивилизации была в конечном счете победой абсолютистской власти¹⁰. Привнесение абсолютистской властью на японскую почву европейской и американской культуры, казавшейся народным массам бесконечно далекой от их бедственной

реальной жизни, воспринималось народом как демонстративный показ мощи и силы верховной власти. Распространением идей цивилизации и просвещения успешно руководили члены объединения мэйрокуся — Ниси Аманэ, Фукудзава Юкити, Цуда Мамити, Като Хироюки, Накамура Кэйю (Масанао), Нисимура Сигэки, Мори Аринори, Мидзукури Ринсё и Канда Такахира¹¹, — большинство которых были учеными европейской ориентации, работавшими в школе Кайсэйдзё. Все они, за исключением Мори из княжества Сацума, прежде были связаны с правительством бакуфу. Носителями европейского направления в науке в конце периода Бакумацу были врачи, позднее — выходцы из низшего самурайства. После больших репрессий Банся-но гоку это направление в науке, превратившись в монополию абсолютистской бюрократии, стало служить интересам феодального строя¹². Затем эти ученые, бывшие узкими специалистами, без колебаний покинули правительство бакуфу и перешли на службу императорскому двору. Все они, за исключением Фукудзава и Накамура, состояли на службе у правительства Мэйдзи.

Они резко критиковали чисто феодальную идеологию и феодально-сословные взгляды о почитании императора и изгнании варваров. Однако в своем представлении о свободе, независимости и цивилизации члены мэйрокуся не выходили за пределы правительственного просвещенного абсолютизма. Ограниченные этими рамками, они начали создавать основу современной идеологии. Их весьма умеренная критика была отражением абсолютистского курса правительства и сводилась к пропаганде просвещения народа в целях обеспечения национального сотрудничества¹³.

Из этих ученых наиболее последовательным в критике феодализма был Фукудзава, но и он не дошел до понимания даже современной буржуазной революции, оставаясь до конца сторонником просвещенного абсолютизма. Значение Фукудзава заключалось в том, что, крайне субъективно восприняв европейские и американские идеи, он тем не менее овел их в систему определенных принципов, превратил в живую, тесно связанную с реальными условиями японской действительности концепцию, которая дала толчок развитию национального (народного) самосознания, активно способствовавшего

изнутри движению вперед государства Мэйдзи. Ограниченность же взглядов Фукудзава обуславливалась отсутствием современного класса буржуазии.

Экономическая политика правительства Мэйдзи была ознаменована проведением реформ, отменявших феодальные ограничения. В мае 1868 года был издан закон о торговле, который разрушал замкнутость кабунакама и создавал условия для свободного установления рыночных цен. В течение последующих 5—6 лет правительство, претворяя закон в жизнь, повсюду распустило кабунакама, отменило «ограничения предпринимательства» и признало, что «свободный труд в любой отрасли возможен для каждого человека и что это является основой деятельности людей»¹⁴.

В чем же заключалась сущность этих реформ? Эти реформы еще отнюдь нельзя было назвать отвечающими современным задачам. Торговые компании (цусэ кайся) и финансовые компании (кавасэ кайся), структура которых была скопирована с акционерных обществ, создавались управлением торговли и фактически являлись государственными контрольными органами в области торговли и финансов. Организованные торговыми компаниями различные общества по овоей форме были не столько предпринимательскими учреждениями, сколько контрольными организациями в данной отрасли промышленности, продолжая носить характер прежних кабунакама¹⁵. Торговые компании и общества были созданы в принудительном порядке государственной властью¹⁶. Правительство на руководящие посты в эти правительственно-частные привилегированные компании цусэ кайся и кавасэ кайся поставило представителей меняльных контор Мицуи, Симادا и Оно.

По закону о государственном банке, который был опубликован в ноябре 1872 года, капиталы этих привилегированных торгово-ростовщических фирм превратились в банковский капитал, в значительной мере сохранивший качества ростовщического капитала. Этот капитал под названием «государственного», пользуясь всемогущим покровительством правительства, выгодно использовал накопления и распространил свое господство на экономику страны.

Именно таким образом, под воздействием принудительных, если можно так сказать, мероприятий прави-

гельства появились предпринимательские компании как первые ростки современной экономики. Тем не менее развитие капитала шло медленными темпами. Богатые купцы-менялы, игравшие главенствующую роль в этих компаниях, «сидя в безделье и праздности», лишь требовали проценты, «уповая на судьбу и бога». Их организационные способности к хозяйственной деятельности были весьма незначительны¹⁷.

После ликвидации княжеств и образования префектур торгово-ростовщический капитал Токио, Осака и Киото «переживал коммерческую депрессию». Более того, экономика на периферии, потеряв поддержку местных властей, также пришла в упадок¹⁸. Естественно, что отмена феодальных ограничений, то есть контроля со стороны правительства и администрации княжеств, сразу не открыла проторенного пути для капиталистического развития страны, а, наоборот, вызвала необходимость введения новой регламентарной и покровительственной опеки правительства вместо прежнего регулирования и покровительства бакуфу и княжеств.

В таких условиях правительство Японии, стремившееся создать машиностроительную промышленность, продолжая поощрять развитие частных предприятий и опекать их, основное внимание должно было уделять строительству государственных предприятий. В октябре 1870 года было образовано министерство промышленности (кобусэ), руководившее строительством железных дорог, показательных заводов, рудников, созданием телеграфной и телефонной связи в стране. Особое внимание было обращено на развитие военной промышленности; именно теперь впервые начала активно проводиться политика создания «богатой страны и сильной армии».

В процессе промышленного строительства в стране произошло тесное переплетение интересов частного торгово-ростовщического капитала (Мицуи, Мицубиси, Симата, Оно и т. д.), обслуживавшего правительство, с государственной властью, которое весьма способствовало росту первого. Мицуи после отказа сёгуна от верховной власти в пользу императора стал финансовым агентом императорского двора. То обстоятельство, что дом Мицуи финансировал императорский двор во время военной кампании 1868 года, помогло ему спокойно пере-

жить смутные времена Мэйдзи исин, когда один за другим обанкротились финансовые агенты (курамото и какэя) разных князей, окрепнуть и разрастись¹⁹. Дом Мицуи был представлен в различных органах, экономически связанных с правительством: в совете по торговому законодательству (сёхокайсё), управлении по торговому законодательству (сёхоси), управлении торговли (цусёси), финансовых компаниях (кавасэ кайся), монетном дворе и т. д., а также занял главенствующее положение в казенных предприятиях. Позже Мицуи вместе с Оно руководил первым государственным банком (кокуруцу дайити гинко) и наконец в 1876 году организовал первый в Японии частный банк Мицуи. Мицуи поддерживал также тесную связь с представителями княжества Тёсю (Иноуэ Каору и др.).

Основатель Мицубиси выходец из княжества Тоса Ивасаки Ятаро (родился в семье княжеского самурая) арендовал все морские суда своего княжества и организовал общество Цукумо (Цукумо сёкай). Во время кампании против Сага и юго-западных даймё он, сосредоточив в своих руках морской транспорт княжества, получал баснословные прибыли, а затем незаметно приобрел права и на транспортные перевозки по всей стране²⁰.

В это время в Японии происходит грандиозный рост торгово-ростовщического капитала, тесно связанного с правительством. Однако это не означало, что так называемые правительственные купцы стали буржуа, выступающими против господства феодальных правителей и обладающими такой же властью, как и они. Тесная взаимосвязь интересов абсолютизма и торгово-ростовщического капитала существовала при руководящей роли правительства. О подчиненном положении представителей торгового капитала, их раболепии и собственном самоуничижении позволяет получить представление приведенная ниже фраза из прошения от сентября 1868 года о назначении одного из служащих основной фирмы «Мицуи-гуми» чиновником в управление торговли: «Издавна мы, темные горожане, трудились на благо страны, не будучи уверенными в своих силах... теперь, ознакомившись с положением дел и получив ваше уведомление, мы готовы преданно служить императору»²¹.

Небезынтересно отметить, что буржуазные идеи проповедовались в то время не самой буржуазией, а ее патроном — бюрократией. Это видно из работы секретаря помощника министра финансов Сибусава Эйити «Риккай рякусоку» («Организационные принципы»), написанной в 1871 году, и из сочинений заместителя министра финансов Мацуката Масаёси, написанных в 1879 году²². Либерализм членов общества мэйрокуся формировался на основе теорий Сибусава и Мацуката.

Переплетение интересов торгово-ростовщического капитала и политического режима Мэйдзи происходило также на базе общего стремления создать современную промышленность, и это означало смену проводимого с периода Тэмпо курса на введение административно-политических реформ в княжествах. Старый курс заключался в том, что княжества стремились привлечь капиталы богатых крестьян и торговцев из провинции, что помогало до известной степени противостоять засилью тойя трех столичных и прочих крупных городов. Благодаря привлечению таких капиталов имела место даже попытка абсолютизировать власть князей (см. гл. I, разд. 2). Однако теперь в связи с ликвидацией княжеств и образованием префектур периферийный капитал потерял покровителей, в то время как торгово-ростовщический капитал трех столичных городов, оседлав вместо лошади бакуфу императорскую лошадь, все более креп и набирался сил. Против среднего и мелкого частного капитала, а также мануфактурного производства выступило машинное производство, сосредоточенное в руках государства и крупного капитала, монополизировавшего поддержку со стороны государства. Процесс перехода как крупного, так и среднего и мелкого капитала на современные рельсы одинаково возглавлялся полуфеодалным торгово-ростовщическим капиталом. Тем не менее в 70-е годы (период первоначального накопления) между этими «верхами» и «низами» разгорелась ожесточенная борьба, протекавшая в чисто японской карликовой форме, за право пользоваться поддержкой правительства.

Эта борьба отнюдь не ограничилась лишь экономическими рамками; она вышла за их пределы и с не меньшей остротой разгорелась во всех областях политики и идеологии. Протекавший под сильным давле-

нием сверху, со стороны абсолютистской власти, форсированный перевод экономики страны на капиталистические рельсы вызвал ответную реакцию — сплочение всех антиправительственных сил на противоположном полюсе. Если силы, действовавшие сверху, выступали под лозунгами цивилизации и просвещения, то силы, действовавшие снизу, не могли им противопоставить ничего, кроме консерватизма и реакционности. Борьбой этих тенденций открывается период в истории Японии, начавшийся с 1873 года и продолжавшийся десять лет, когда сложные и запутанные процессы, несущие семена прогресса истории, рождаясь, стремились сменить принуждение сверху на самодеятельность снизу.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ 4 ГЛАВЫ IV

¹ Нижеприведенные заключительные слова официального обращения к народу о реформе поземельного налога дают представление о взглядах деятелей просвещенного абсолютизма на народ.

«Только народ, который правительство просвещает и о котором всячески заботится, может достигнуть поставленных целей. С другой стороны, правительство благодаря усердию и бережливости народа увеличивает славу нашей страны. Япония должна стать богатой страной с сильной армией, должна стать самой великой страной в мире. Эта высокая цель, одобренная императором, будет всем сиять путеводной звездой и вселять радость» («Тисо канкэй сёруй госан» («Сборник документов о реформе поземельного налога»), см. «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй»), т. 7.

² Официальное обращение префектуры Эхимэ в июне 1873 года (см. Мацусита Иосио, Тёхэйрэй сэйтэйси (Введение закона о воинской повинности)).

³ См. «Записки Нисимура Сигэки» в «Нихон кодокай соричу кидзи», составленной обществом «Нихон кодокай» («Мэйдзи нко кёнку сэйдо хаттакуси» («История развития системы образования после Мэйдзи»), т. 1).

⁴ См. запрос министерства просвещения в адрес Государственного совета в 1872 году (месяц и число не установлены) («История развития системы образования после Мэйдзи», т. 1).

⁵ В газете «Юбин хоти симбун» от 14 июля 1873 года была помещена корреспонденция, в которой говорилось, что в тексте правительственных распоряжений встречается много сложных иероглифических сочетаний, которые непонятны народу. Простые люди не могут понять текста постановления и во время ознакомления с указами просто ставят отметку о прочтении перед своей фамилией и передают следующему. Автор книги «Токё мянгэ» Мотода Наоси — поборник цивилизаторской и просветительской политики правительства, — критикуя систему школьного обучения, писал, что бесполезно заставлять учеников изучать 9 китайских классических книг, что необходимо 12—13-летних подростков, как только они станут понимать действительность, заставлять читать протоколы Государственного совета, чтобы дать им хорошее представление о современном поли-

тическом строе Японии и экономике страны («Мэйдзи бунка дзэнсю» («История культуры периода Мэйдзи»), том «Цивилизация и просвещение»). Политические цели просвещения народа, введения новой системы образования, видимо, в этом и заключались.

⁶ См. «Одзироку» («Записки о прошлом»), составленные министром просвещения Нисимура Сигэки после инспекционной поездки по школам страны в 1877 году, которые помещены в «Хакуо Нисимура Сигэки дэн» («Биография Нисимура Сигэки»).

⁷ См. «Мэйдзи ико кёнку сэйдо хаттакуси», т. I. Нисимура сообщал в докладе: «Вообще бедным крестьянам трудно отдавать детей в школу не только потому, что им тяжело вносить плату за обучение, но и потому, что дети делают часть домашней работы. Лишаясь их помощи, родители оказываются в затруднительном положении... Тем не менее строгое предписание властей исполняется, и число посещающих школы растет из года в год. Однако продолжать и впредь направление учителей во все районы страны пока еще непосильно для народа».

⁸ Далее, в запросе министерства просвещения (см. примечание № 4) указывалось: «Государство будет богатым, сильным и спокойным лишь тогда, когда во все области жизни страны проникнет современная мировая цивилизация, будут широко развиваться таланты и способности людей. Истинная цивилизация в стране будет достигнута лишь тогда, когда весь народ будет охвачен просвещением. В противном случае, то есть когда просвещение коснется только отдельных лиц, цивилизации в стране не будет. Короли Пруссии всячески поощряли просвещение и заставляли народ учиться. Этот народ прежде тоже был неграмотным, однако не считал учение жестокостью, и поэтому культура в стране развивалась» («Мэйдзи ико кёнку сэйдо хаттакуси», т. I). Здесь говорится, таким образом, о том, что и японцы должны брать пример с прусского народа и не считать обучение жестокой мерой.

⁹ См. письмо Кидо от 11 июня 1876 года к Синагава Ядзиро и Аоки Сюдзо («Кидо Такаёси бунсё», т. VII).

¹⁰ См. Огава Тамэдзи, Кайка мондо (Проблемы цивилизации), 1874; книга помещена в «Мэйдзи бунка дзэнсю» («Полное собрание сочинений о культуре Мэйдзи»), том «Цивилизация и просвещение». Работы, включенные в этот том и посвященные проблеме цивилизации страны, имеют одинаковое теоретическое направление.

¹¹ Приведем основные работы за период с 1869 по 1877 год, авторы которых являлись членами мэирокуся.

1869 год. Фукудзава Юкити, Сэкай кундзукуси (Страны мира) «Фукудзава дзэнсю» («Полное собрание сочинений Фукудзава»), том 2.

1870 год. Като Хироюки, Синсэй дайи (Истинное правление); «Мэйдзи бунка дзэнсю» («История культуры периода Мэйдзи»), том «Дзю минкэн».

1871 год. Фукудзава Юкити, Гакумон-но сусэмэ (Прогресс науки), серия «Иванами бунко»; Мидзукури Ринсё, Тайсэй кандзэн куммо (Западные теории о воспитании), «Мэйдзи бунка дзэнсю», том «Идеология»; Накамура Кэйю, Сайкоку риссикэн (Намерения запада), «Мэйдзи, Тайсё бунгаку дзэнсю» («Сочинения периода Мэйдзи и Тайсё»), том I; Накамура Кэйю, Дзюно-ри (Теория свободы), «Мэйдзи бунка дзэнсю», том «Идеология».

1872 год. Нисимура Сигэки, Косэй банкоку сиряку (Краткая всемирная история).

1873 год. Накамуро Кэйю, Сайкоку доси-кан (Дети западных стран).

1874 год. Ниси Аманэ, Тити кэймо (Просвещение и воспитание), «Ниси Аманэ тэцугаку тэсакусю» («Собрание философских сочинений Ниси Аманэ»).

1875 год. Като Хироюки, Кокухо ханрон (Общий обзор государственного законодательства), 1872—1875; Като Хироюки, Кокутай синрон (Новая теория государственного строя), «Мэйдзи бунка дзэнсю», том «Дзию минкэн»; Фукудзава Юкити, Бунмэйрон-но гайряку (Краткое изложение теории цивилизации), серия «Иванами бунко»; Цуда Мамити, Дзэдзэ гайкан (Мое мировоззрение); Ниси Аманэ, Хякуити синрон (101 новая теория), «Ниси Аманэ дзэнсю» («Полное собрание сочинений Ниси Аманэ»), т. 1.

1876 год. Фукудзава Юкити, Гакуся ансинрон (Теория спокойствия ученых), «Фукудзава дзэнсю» («Полное собрание сочинений Фукудзава»), т. 4; Като Хироюки, Дзию дзэти (Свобода и самоуправление).

1877 год. Ниси Аманэ, Ригаку (Польза науки); см. предисловие к «Ниси Аманэ тэцугаку тэсакусю».

Кроме того, в деле пробуждения общества сыграли определенную роль и ряд статей вышеуказанных авторов, помещенных в журнале «Мэйроку дзасси».

¹² В отношении оценки европейского направления в японской науке имеются две точки зрения. Одна из них выдвинута Ханн Горо в работах «Бакумацу-ни окэру сисотэки доко» («Идеологические течения в период Бакумацу») и «Хакусэки, Юкити» (Аран Хакусэки и Фукудзава Юкити) и продолжена Такахаси Сияйти в книге «Ёгакурон» («О европейском направлении в японской науке»). Оба ученых признают положительное значение критики феодальной идеологии, проводившейся сторонниками этого направления.

Другую точку зрения высказывают Ито Тасабуру в статье «Ёгаку-но ити косацу» («Размышление о европейском направлении в японской науке»), журнал «Сякай кэйдзай сигаку», т. 7, № 3, и Нумата Дэнро в книге «Бакумацу ёгаку-си» («История европейского направления в японской науке в период Бакумацу»). Эти ученые придают большое значение феодальным особенностям в европейском направлении в японской науке.

Для дальнейшего развития исследований по истории европейского направления в японской науке нужно суметь увидеть в первой точке зрения как ее положительную сторону, заключающуюся в критике феодализма, так и отрицательную, заключающуюся в незавершенности и половинчатости этой критики. При рассмотрении второй точки зрения нужно проявлять осторожность, чтобы под слоем серой краски феодализма, которой замалеваны все явления, не проглядеть идеологических сдвигов и ростков нового, проявляющегося в противоречиях. Изменения в базисе не ведут к неожиданным изменениям в развитии науки и идеологии. Хотя их развитие в конечном счете и определяется базисом, все же они относительно независимы от него, опираются на предшествующее развитие идеологии, наследуют ее, а затем и преодолевают, развиваясь скачкообразно.

Следовательно, европейское направление в японской науке — это чисто современное явление, которое не возникло неожиданно, а выросло из старой конфуцианской идеологии, из традиций феодальной науки, и поэтому, естественно, в нем еще сильны остатки феодализма. Паразитический характер жизни основных носителей этого направления — горожан (тённи), унаследованный ими от предшествующего периода, не мог создать социальной основы для воспитания народа в духе современных гражданских свобод и рационализма. Поэтому-то критика феодализма европейским направлением в японской науке была чрезвычайно слабой и ограничивалась эмоциональными возражениями, презрительными и оскорбительными замечаниями; она так и не выкристаллизовалась в теоретическую систему.

Однако даже столь незначительная критика, не выходящая за рамки феодальной системы, расценивалась как оппозиционная и подвергалась всевозможным преследованиям со стороны правительства бакуфу и князей. Европейское направление в японской науке (можно взять одну ее отрасль — технику), испытывая постоянное тормозящее давление властей, вынуждено было оказывать сопротивление, чтобы расчистить путь для собственного прогресса. Естественно, что не все ученые этого направления могли оказывать сопротивление и вести борьбу — кое-кто капитулировал; но нельзя забывать того, что общественное значение опыта, накопленного в трудной практической борьбе, вышло за рамки их классовой принадлежности, что, несомненно, способствовало зарождению основ современной идеологии, а также того, что вне этого процесса не могла в действительности свершиться революция в идеологии. Пожалуй, с первого взгляда может показаться, что критика феодализма была непоследовательной, ее аргументы носят яркую профеодальную окраску, и тем не менее даже эта половинчатая критика, поскольку она поддерживалась борьбой за свободу, все-таки приводила к изменению идей. Таким образом, развитие противоречий внутри самих идей приводило к развитию и изменению идей.

Следовательно, европейское направление в японской науке в период инцидента Зибольда (1827) и событий Банся-но гоку (1839) имело возможность превратиться в современную нам науку. Однако после событий Банся-но гоку все ростки европейского направления оказались уничтоженными. По мере усиления политического кризиса, проявлявшегося в развитии движения за почитание императора и изгнание варваров, это направление науки полностью отказывается от практической борьбы с властями и существует исключительно благодаря своей лояльности правительству, использующему это направление в политике как средство для создания «богатой страны и сильной армии». Даже в период существования мэрокуся европейское направление в японской науке было так же «политично», как и в конце периода Бакумацу. Острота критики феодализма этими учеными годилась лишь на то, чтобы толкать правительство на проведение культуртрегерской политики.

Например, Като, служивший в министерстве двора в должности преподавателя императора Мэйдзи, в своей книге «Кокутай синрон» («Новая теория государственного строя»), с одной стороны, беспощадно критиковал теории почитания императора и идеи императорского абсолютизма, а с другой — выдвигал теорию преждевременно-

сти создания избираемого народом парламента и, ведя по этому вопросу спор с Итагаки Тайскэ, выступал в защиту правительства. То же самое можно сказать и относительно Ниси, который, с одной стороны, был пропагандистом либерализма, а с другой — принимал самое близкое участие в составлении императорской инструкции для военнослужащих. Единственная возможность отказа от аполитичности таилась в переходе на платформу оппозиции. Значение деятельности Фукудзава огромно именно потому, что он никогда не служил в правительственных учреждениях.

¹³ Относительно общей концепции мэйрокуся см. книгу Асо Иоситэру «Киндай нихон тэцугаку-си» («История современной японской философии»). О Ниси Аманэ см. статью Мори Огай «Ниси Аманэ дэн» («Биография Ниси Аманэ») в полном собрании сочинений Огай, т. 7. Кроме того, имеется некоторый материал в книгах Асо Иоситэру «Ниси Аманэ тэцугаку тэсаку-сю» («Философские работы Ниси Аманэ») и Окубо Тосиканэ (редактор) «Ниси Аманэ дзэнсю» («Полное собрание сочинений Ниси Аманэ»), т. I. О жизни и деятельности Фукудзава есть ряд исследований: Хани Горо, «Хакусэки, Юкити»; Дзиноконда-но бисё (Улыбка Джоконды); Маруяма Масао, Фукудзава-ни окэру дзицугаку-но кайтэн (Поворот Фукудзава к практицизму), журнал «Тоё бунка кэнкю», № 3; «Фукудзава Юкити-но тэцугаку-току-ни соно дзидзи хихан-то-но канрэн» («Философия Фукудзава Юкити и ее связь с критикой текущих событий того времени»), журнал «Кокка гаккай дзасси», т. 61, № 3; Нагата Хироси, «Нихон юйбуцуро-си» (История материализма в Японии); Хаттори Сисо, Мудзукасий (Трудности). Все перечисленные авторы имеют собственные точки зрения, при сопоставлении которых возникает ряд чрезвычайно интересных проблем. Работы и письма Фукудзава собраны в «Фукудзава дзэнсю» («Полное собрание сочинений Фукудзава»), в 10 томах и в «Дзоку-фукудзава дзэнсю» («Дополнительное издание к полному собранию сочинений Фукудзава»), в 7 томах. О Цуда Мамити см. книгу Цуда Митихару «Цуда Мамити». О Нисимура Сигэки есть книга «Хакуо Нисимура Сигэки дэн» («Биография Нисимура Сигэки»), составленная Обществом по изданию биографии Нисимура. Работы Нисимура перечислены в работе «Хакуо сосё» («Сборник произведений Нисимура»), составленной обществом «Нихон кодокай». О Накамура Кэйю есть книга Ниси Кэндо «Накамура Масанао дэн» («Биография Накамура Масанао»). О Като Хироюки есть его автобиография «Като Хироюки дзидзё дэн» и т. д.

¹⁴ См. Миямото Матадзи, Кабунакама-но кэнкю (Изучение кабунакама), раздел «Извещение о роспуске кабунакама в префектуре Сига от февраля 1872 года».

¹⁵ См. Мацуёси Садао, Мэйдзи исин-го-ни окэру рёгаэсё кинью (Денежный оборот меняльных контор после Мэйдзи исин).

¹⁶ Поскольку в тот период многие купцы избегали вступать в торговые компании, правительство прибегло к принудительным мерам. В заявлении чиновника финансового управления Сугиура Такэсабуро говорилось: «Все, кто будут возражать или препятствовать этому мероприятию, будут занесены в списки вместе с членами семей, а затем за счет правительства высланы на пароходах в земли эбису», то есть на остров Хоккайдо. Таким путем правительство добивалось согласия купцов на вступление в торговые компании («Исин-си», т. V, разд. 21, гл. 2, § 3).

17 «Причины упадка торговли в районе Осака кроются в том, что большинство так называемых богатых купцов занимаются обменом векселей, разменом денег либо владеют ссудным капиталом... Коммерческая деятельность этих ростовщиков-богачей сводится к тому, что они обычно ссужают деньги бывшим главам княжеств. Купцы, обладающие необходимой суммой денег, ссужают ее на определенный срок и на определенных процентах под залог налоговых доходов и товарной продукции бывшего княжества. Таким образом, эти купцы, сидя в безделье и праздности, лишь требуют проценты. Приблизительно таково положение всех богачей в Осака. Они, упоная на судьбу и бога, получают огромные проценты и не стремятся добиться чего-либо собственными усилиями.

После Мэйдзи исин, во время реформы по ликвидации княжеств и образованию префектур, все главы княжеств расторгли прежние соглашения с купцами-менялами. «Купцы, лишившись ссудных капиталов, вынуждены были заняться коммерцией. Однако их инициатива и стремление поправить дела разбивались об отсутствие опыта в коммерческой деятельности, хитрые уловки более удачливых мошенников, и они в конце концов терпели убытки» (см. Мацуката Масаёси, Ридзай кэйсэки (Накопление капитала) в «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй» («Сборник материалов по финансово-экономическому положению Японии в первые годы Мэйдзи»), 1878, т. 1. Мацуката правильно указывает на трудности превращения в тогдашней Японии ростовщического капитала в современный.

18 «В прежнее время экономика страны находилась в состоянии расцвета; рабочие раньше лучше владели своим ремеслом, и прогресс техники был более значительным. Князья стимулировали развитие техники... Однако после ликвидации княжеств и образования префектур движущие силы развития техники исчезли. Рабочие и промышленники оказались в тяжелом материальном положении, что в конечном счете привело к упадку промышленности. Если мы сравним состояние торговли в стране в период Бакумацу с нынешним ее состоянием, то увидим, что системы кабунакама и кумиан и их традиции нарушены, торговля становится сферой деятельности самураев, крестьян и ремесленников. Прежняя организация торговли рушится с каждым днем, резко падает кредит, сужаются рынки сбыта. Это похоже на начало беспорядков. Кроме того, иностранные государства год от году проявляют все большую активность в торговле с нами. Присущие нашей стране принципы сплоченности и единства поколеблены. Во время правления бакуфу наша страна была самодовлеющим единым целым. Однако все эти положительные моменты теперь утрачены, и я предвижу одни трудности в борьбе с иностранной конкуренцией» (Маэда Масана, Когёнкэн (Мое мнение о промышленности) т. 4, 1884, в «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй», т. 18).

Невольно бросается в глаза то, что генеральный секретарь министерства земледелия и торговли Маэда Масана, проводивший политику развития и поощрения промышленности в стране, чрезвычайно высоко оценивает систему феодального контроля над экономикой.

19 Хаттори Сисо считает, что в 1867—1868 годы в Японии существовало два пути к абсолютизму, в зависимости от того, кто мог возглавить это шествие — сёгунат Токугава или император. Он утверждает, что победа последнего произошла благодаря поддержке

торгового капитала страны, основным представителем которого был дом Мицун (см. работы Хаттори Сисо «Мэйдзи исин» и «Дзэнтайсюгирон» («Абсолютизм»). Подобная точка зрения Хаттори Сисо зиждется на его основной оценке Мэйдзи исин, согласно которой руководящая роль в этот период истории принадлежала буржуазии. Однако будет необоснованным считать, что торгово-ростовщические дома Мицуи и некоторые другие играли роль вершителей истории, настолько самостоятельных, чтобы избрать путь к абсолютизму через установление императорской власти. Эти торговцы всегда прежде влачившие паразитическое существование при господствующей власти, лишь приспособились к смене политической власти и, воспользовавшись ситуацией, вовремя пересели на другого коня. Мицун, сумевший сориентироваться быстрее других, ссудил императорский двор деньгами и тем самым способствовал успешному завершению военной кампании 1868 года. Такое поведение этого крупнейшего торгового дома не могло не оказать сильного влияния на поведение и ориентацию других богатых торговых домов Киото и Осака.

²⁰ См. Цутия Такао, Нихон-но дзайбацу (Японские монополии), издательство «Атэнз бунко».

²¹ См. «Исин ирай Мицун-кэ хоко рирэки («История служения Мицун императорскому дому со времени Мэйдзи исин»).

²² В «Риккай рякусоку» говорится о необходимости организации торговых компаний, предоставления им свободы и самостоятельности: «Торговля не должна испытывать нажима, препятствующего ее поступательному развитию, со стороны властей либо законодательных органов... Компании должны быть частными, а не правительственными... Помощь компаниям со стороны правительства не требуется, если в их деятельности будет существовать отчетливая грань, разделяющая их» (см. «Мэйдзи бунка дзэнсю», раздел «Экономика»).

Мацуката Масаёси в работе «О пользе и вреде предоставления народу капиталов и покровительства его занятиям» говорит: «Независимость страны заключается не в том, чтобы народ полагался на правительство, а в том, чтобы каждый человек полагался на свои собственные силы. Только этого желает правительство от народа». Мацуката высказывался за «пересмотр протекционистской политики в отношении промышленности и за то, чтобы народ больше не полагался на эту политику правительства» (см. «Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй», т. 1, раздел «Мацуката-хаку дзайсэй ронсаку сю» («Сборник работ графа Мацуката по финансовым вопросам»).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ МЭЙДЗИ ИСИН

Причина раскола среди руководящей верхушки правительства в 1873 году по вопросу о военном походе в Корею коренилась в самом характере режима Мэйдзи, укрепившегося благодаря постепенному переходу от политики изгнания варваров к политике открытия страны. В декларации об открытии страны и установлении дружественных отношений со всеми странами, опубликованной одновременно с образованием новой власти (январь 1868 года), указывалось, что открытие страны вызвано «коренными изменениями в международной обстановке, противиться которым невозможно». Этим «вынужденным» открытием страны прикрывалась все та же идея изгнания варваров, видоизменившаяся и превратившаяся в лозунг «богатой страны и сильной армии», и в политику агрессии против Кореи и Китая.

Правительство Мэйдзи сознавало, что ликвидировать отсталость Японии можно только путем быстреего развития внешней торговли, в которой справедливо видеть одно из могучих средств подъема экономики страны. Однако для подобного развития внешней торговли требовались большие военные силы. Для их создания, причем «в пропорции, соизмеримой с вооруженными силами великих держав Европы», правительство ассигновало одну треть всех бюджетных поступлений¹, не считаясь с тем, что слабая финансовая база страны с трудом могла выдержать такую нагрузку и что это замедляло намеченные форсированные темпы промышленного развития².

Лидеры правительства Мэйдзи все чаще устремляли свои взоры на азиатский материк. Развитие экономики страны, проводимое сверху абсолютизмом на основе политики просвещения и цивилизации, использовалось для укрепления абсолютной монархии, а потому

широко пропагандировались идеи создания «богатой страны и сильной армии», идеи милитаризма и исключительности японского государственного устройства, что в свою очередь стало толкать Японию на путь провоцирования внешнеполитических конфликтов и авантур. Этому способствовало также наличие в стране недовольства среди самурайства, утратившего свои феодальные привилегии после упразднения княжеств и создания префектур и выступавшего против монопольного захвата власти в правительстве Мэйдзи самураями бывших княжеств Сацума и Тёсю. Недовольство самураев начало перерастать в антиправительственное движение, движение, выступавшее с самых консервативных, реакционных позиций. Нужно сказать, что часть членов правительства разделяла подобные феодальные настроения самурайства и противилась решительному подавлению этого движения. Поэтому правительство считало лучшим выходом из создавшегося положения провоцирование внешнеполитических конфликтов, с тем чтобы направить недовольство самураев во внешнее русло и таким образом устранить эту опасную угрозу для становления государства.

Окубо, Сайго, Кидо, Итагаки, Ивакура и Это были единомышленники в решении о необходимости корейского похода. Предметом яростной борьбы между группировками, разгоревшейся чисто случайно, вскоре стал вопрос о сроках проведения корейского похода. Один лагерь составляли сторонники незамедлительного и решительного похода, сторонники другого лагеря предупреждали о преждевременности этого мероприятия.

В сентябре 1873 года, когда Ивакура, Окубо, Кидо, и другие вернулись из поездки по странам Европы и Америки, мнения членов абсолютистского правительства в вопросе о посылке специального посольства в Корею разошлись. Ивакура, Окубо, Кидо и другие противники незамедлительного корейского похода настаивали на первоочередном разрешении внутривнутриполитических вопросов. Сайго, Итагаки, Это, Созэзима, Гото, ловко обыгрывая вопрос об императорском престиже, национальных правах, добивались решительных действий во внешнеполитическом направлении. Они обвиняли Ивакура в том, что он использовал «императорское повеление» для навязывания всем своего собственного мнения по

вопросу о корейском походе. Потерпев поражение, сторонники корейского похода подали в отставку с постов государственных советников (санги) и перешли в оппозицию.

Подлинный смысл спора по вопросу о корейском походе заключался в том, что правительство Ивакура — Окубо не хотело допустить, чтобы оппозиция подняла свой престиж, используя вопрос о корейском походе³.

Образование абсолютизма происходило путем выдвижения носителей новой власти и их обособления, путем перехода от федерации княжеств к коалиционному правительству, состоявшему из бюрократии княжеств Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, путем перехода к правительству Ивакура — Окубо, а фактически — к диктатуре Окубо. Конфликт по корейскому вопросу завершал последний этап данного процесса.

Борьба против этой «системы произвола чиновников» велась непрерывно по двум направлениям. Одним из выступлений было движение во главе с Итагаки за создание избираемого народом представительного органа (минсэн гин), другим — вооруженный мятеж Сайго, ставивший цель — «искоренение продажности». Первое движение имело своей базой княжество Тоса, второе — княжество Сацума. Их объединяло то, что оба эти течения, по существу, представляли собой оппозицию внутри абсолютистской власти. В январе 1874 года бывшие государственные советники Итагаки, Гото, Созэзима, Это, а также Юри Киммаса и Окамото Кэндзубуро представили в левую палату правительства докладную записку, в которой предлагали «ввести систему выборов депутатов от каждого княжества», и «самурайству, богатым крестьянам и купечеству предоставить право иметь своих представителей в правительстве»⁴. Эти требования, по существу, отражали все то же стремление образовать федерацию княжеств, управление в которой было бы основано на открытом общественном обсуждении, что, возможно, обеспечило бы поддержку абсолютизма снизу.

После того как докладная записка была отвергнута, Итагаки и его сторонники создали партию айкоку кото (общественная партия патриотов), рассчитывая, что она вскоре станет массовой организацией. Программа общества айкоку кото, базировавшаяся на принципах

естественных прав человека, предусматривала установление «контроля над деятельностью правительства, создание правительства для народа, провозглашение неизблемости неотъемлемых прав народа, которые сделали бы его свободным и независимым» и явились бы необходимой предпосылкой для «установления гармонического единства между императорской властью и народом»⁵.

Однако в практической деятельности это общество борьбы за естественные права человека не добивалось решительного осуществления требований своей программы. Член айкоку кото Это Симпэй сразу же после представления правительству вышеупомянутой докладной записки выехал из Токио в провинцию Сага, где в течение месяца организовал и возглавил реакционный мятеж местного самурайства, выступившего с требованием немедленного военного выступления против Кореи и восстановления феодализма.

Свою теорию народных прав Итагаки и Это, как явствует из докладной записки, отождествляли с теорией государственных прав и даже подчиняли первую второй. Это совершенно ясно вытекает из докладной записки о создании избираемого народом представительного органа, в которой, в частности, говорится, что «создание такого выборного представительного органа должно привести к установлению близких отношений между правительством и народом, к их слиянию и созданию полного единства; оно впервые приведет к укреплению государства, к укреплению правительства». Тот же вывод напрашивается и после ознакомления с прокламацией повстанцев из Сага, руководимых Это, в которой указывалось, что «только после укрепления государственных прав будут осуществлены вытекающие отсюда народные права»⁶. В теории государственных прав абсолютизм нашел обоснование буржуазному национализму, являвшемуся неизбежным, на каких бы классовых основах ни зиждился политический строй страны, в период, когда Япония непосредственно ощутила давление великих держав Европы и Америки, начинавших приближаться к стадии империализма, и когда Японии необходимо было очень быстро перейти на капиталистический путь развития.

В основе теории государственных прав лежала идея «богатой страны и сильной армии», корни которой ухо-

дили еще в теорию изгнания варваров. Но когда теория народных прав подчинена теории государственных прав, то этим поглощаются революционные идеи борьбы против абсолютизма; народные права сводятся лишь к той народной «свободе» и «самостоятельности», которая содействует укреплению государственной власти (то есть утверждению абсолютизма). В таких условиях движение за народные права в любое время может захлестнуть волна антииностранных настроений, превратив его в феодально-реакционное движение.

Именно *неустойчивое положение самурайства того времени* создало основу для зарождения движения за свободу и народные права. Риссися (общество по определению цели в жизни), основанное в апреле 1874 года как местная (земляческая) организация движения за свободу и народные права и возглавляемое Итагаки, первоначально представляло собой самурайскую организацию по оказанию взаимной помощи⁷. Даже в феврале следующего года, когда риссися, обратившись во все префектуры страны, вовлекло новых членов и создало общество айкокуся (общество патриотов), которое ставило цель — завоевать на свою сторону всех, кто стремится к «расширению своих самостоятельных прав», среди нескольких десятков собравшихся лиц «совершенно не было представителей буржуазии». «Общество айкокуся составляли исключительно самураи, готовые самоотверженно и без колебаний посвятить себя родине»⁸.

Еще несколько ранее правительство приступило к урегулированию вопроса о наследственных пенсиях бывшим князьям и самураям.

В декабре 1873 года оно приняло отказ части самураев в пользу императора от наследственных прав на пенсию и тут же выдало единовременное пособие наличными деньгами и облигациями займа (капитализированная пенсия) для стимулирования предпринимательской деятельности среди самурайства. Затем в июле 1875 года правительство прекратило добровольное возвращение наследственных пенсий; для самурайства оно заменило систему жалованья натурой (рисом) денежной пенсией и произвело перерасчет. В августе 1876 года всем пенсионерам правительство выдало облигации займа, и таким образом система наследственных пенсий была полностью ликвидирована⁹.

К этому времени большинство пенсионеров уже не могли существовать на пенсию или проценты по облигациям займа и начали заниматься земледелием и торговлей или же превращались в мелких чиновников, учителей и т. д. Если прежде низшее самурайство, выступавшее за свержение бакуфу, лишь поддерживало контакт с богатыми земледельцами и богатыми торговцами, то теперь самураи стали лично заниматься сельским хозяйством и торговлей. Не имея достаточного опыта и навыков, они либо терпели убытки, либо становились жертвами ростовщиков.

Самураям, которые стали чиновниками, кроме представителей княжеств Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, выходцы из которых монопольно занимали все высшие правительственные должности, почти невозможно было надеяться на продвижение по службе. Каждый из них был в той или иной степени недоволен сложившейся обстановкой. По существу, они склонялись в сторону реакции, мечтая о возвращении феодализма.

И только под влиянием нового вида деятельности — торговли и сельского хозяйства — представители низшего самурайства начали понимать, что «лишь тесный контакт трех сословий [крестьян, ремесленников и торговцев. — Т. С.] с самурайством, обладавшим мудростью и моральными качествами, может принести действительную пользу»¹⁰, начали осознавать, что за этими тремя сословиями стоят широкие трудящиеся массы, именуемые простым народом, и в их политических представлениях впервые зародились семена мелкобуржуазной идеологии.

Прежде понятия «свобода» и «равенство» в политическом сознании самурайства, как резервной армии бюрократии, воспринимались в конечном счете как требование «свободы» и «равенства» участия в клановом правительстве. Теперь же, поскольку самураи придерживались оппозиционной точки зрения по отношению к представителям власти, их моральные принципы: независимость, самостоятельность, уважение общих интересов, честь («независимость духа», «верность», «честь», «отказ от частных, личных интересов в пользу общих интересов»¹¹), являвшиеся воплощением феодальной нравственности правителей, временно и частично восполняли отсутствие революционности у

буржуазии, полуфеодалных помещиков, представителей раннего торгово-ростовщического капитала и позволили самурайству играть ведущую роль в истории Японии того времени. «Революционность» самурайского движения за свободу и народные права, в котором участвовали разнородные элементы — от прежде занимавших высшие государственные посты Итагаки и Гото до самурайских одиночек — выходцев из местной сельской буржуазии и купечества, — не являлась неизбежным следствием их классового положения и поэтому была крайне неустойчивой. Как отдельные лица, так и политические общества — участники этого движения не были последовательными в своей борьбе; в зависимости от различных случайных обстоятельств они выступали то как революционная, то как контрреволюционная сила.

Так или иначе, докладная записка Итагаки и других о создании избираемого народом представительного органа вызвала большой отклик в стране. Развернувшаяся вокруг этой докладной записки дискуссия¹² явилась боевым стимулом для роста политической активности народа; повсюду возникали политические общества, которые провозглашали своей программой свободу и народные права.

Несмотря на всю ограниченность призывов бывших государственных советников к достижению «свободы» и «равенства», несмотря на искаженный феодальный смысл преподносимых ими идей Монтеスキё, Руссо, Милля, Бентама, Спенсера, все это не могло не открыть в какой-то степени глаза народу, поскольку европейские общественно-политические теории все же были привнесены в страну и даже была провозглашена идея «свободы».

Еще Кидо заметил первые признаки появления в Японии республиканских идей, угрожавших существованию трона. Он писал: «Все, даже дети глухих провинций, обсуждают вопрос о прерогативах монарха... Дальнейшее возбуждение народа может привести к изменению его поведения. В свое время ни один француз не мог предвидеть краха французского государства [падения режима Бурбонов. — Т. С.], происшедшего после завоевания независимости Соединенными Штатами Америки. И для французского народа с тех пор нет большего несчастья. В настоящее время и у нас, где суще-

ствуется такое уважение к императору, какого нет ни в одной другой стране, брожение умов является небывалым, и необходимо проявлять особую осторожность»¹³.

Это беспокойство не было безосновательным. За два года (1873—1874) резко выросло число крестьянских восстаний, направленных против всеобщей воинской повинности, введения новой системы обучения, за снижение налогов. Опасную напряженность на юго-западе страны создавала накаленная атмосфера самурайских восстаний, грозивших охватить большую территорию после мятежа в Сага.

Военный поход на Тайвань, предпринятый в апреле 1874 года, явился попыткой правительства Окубо разрядить напряженную обстановку. Не успели еще остыть страсти, бушевавшие по вопросу о корейском походе (Окубо тогда выступал за первоочередное решение внутренних проблем в стране), как правительство отправило карательную экспедицию на остров Тайвань в ответ на будто бы имевшее место убийство тайваньцами нескольких жителей островов Рюкю.

Этот поход по своим целям и содержанию был совершенно аналогичен намечавшемуся корейскому походу, что подтверждается тоном тогдашней печати, утверждавшей, что «нынешние разглагольствования как две капли воды похожи на утверждения Это Симпэй и других в прошлом году»¹⁴.

Тот факт, что экспедиционный корпус был сформирован из частей гарнизона Кумамото и новобранцев, набранных из Кагосима [цитадели реакционного самурайства. — *Ред.*], ясно показывает, в чем заключался политический замысел этой авантюры. Этот поход также наглядно показал неустойчивость позиций общества самурайских демократов — риссися¹⁵ — выступавшего с требованием создания частей народного ополчения (так называемых отрядов сунсихэй) для отправки на Тайвань. Представители этого общества выступили с заявлением, доказывавшим, что их программа лишена всякой последовательности: они вели речь о том, что «моральные принципы нации обязывают народ пожертвовать жизнью в это трудное для страны время».

Окубо лично ездил в Китай, где в результате переговоров с китайским правительством добился выплаты Китаем контрибуции в размере 500 тысяч китайских таэ-

лей. Когда в декабре конфликт наконец был улажен и карательные войска отозваны с Тайваня, тот же Окубо в январе 1875 года прибыл на Осацкое совещание, где была достигнута договоренность с Кидо, Итагаки, Иноуэ Каору и Ито Хиробуми по вопросу о принципах постепенного перехода к конституционной форме правления. С целью укрепления правительства на должности государственных советников были назначены Кидо, ранее ушедший в отставку вследствие несогласия с военным походом на Тайвань, и Итагаки.

Наконец, в апреле были созданы гэнроин (совет гэнро) и дайсинин (верховный суд) и издан императорский рескрипт о постепенном введении конституционной формы правления. Это явно был маневр, предпринятый с целью парализовать движение за свободу и народные права. Императорский рескрипт декларировал постепенный переход к конституционному правлению, однако в последующих декларациях правительство предупреждало против «поспешности в действиях». Государственная власть уже сложилась и окрепла. Это была абсолютистская диктатура с назначаемым правительством представительным органом и тройственным разделением власти (гэнроин осуществлял законодательную власть, дайсинин — судебную, совещание губернаторов являлось олицетворением и выразителем «воли народа»).

В действительности же в стране царило всевластие правительства, точнее, диктатура Окубо, прикрывавшаяся ширмой суверенного права императора решать все государственные дела. Окубо сам признавал, что политический строй в Японии представлял собой абсолютную монархию, и считал, что такая политическая система наиболее соответствовала условиям того времени. «Эту политическую систему, — утверждал Окубо, — с полным основанием следует признать наиболее подходящей для *нынешних условий*».

Тем не менее, заявлял он, не следует «цепляться» за эту систему, нужно начать разработку «определенного государственного закона», другими словами, конституции, принятие которой, однако, приведя к образованию политической системы, основанной на «определенном государственном законе», отнюдь не должно было создать в Японии разновидность «ограниченной монархии» или нечто вроде европейских монархий. Она должна

была, по мнению Окубо, носить «самобытный характер, соответствующий своеобразным географическим, национальным, духовным, историческим внутренним условиям нашей страны». И то, что Окубо ставил своей целью введение конституционной системы, «определяющей прерогативы императора и ограничивающей народные права», объясняется его «заботой о незыблемости и нерушимости положения императора в поколениях и веках». Он утверждал, что «если абсолютная монархия будет сохранена в прежней форме, то в будущем неизбежно возникнет угроза положению императора», и открыто, без колебаний, всеми силами защищал абсолютизм. Заявляя о том, что «при любом политическом строе должна существовать самостоятельность и свобода действий, которые будут неуклонно осуществляться», Окубо доказывал, что его конституционализм был призван превратить абсолютистскую диктатуру в господство «сильных личностей»¹⁶.

Окубо «обуздал» консервативную группу кугэ и прежних князей. Он пресекал все попытки левого министра (садайдзин) Ивакура¹⁷ выступить против издания императорского рескрипта о постепенном переходе к конституционному правлению, ибо, по мнению Ивакура, последний «будет выгоден народу, низам, создаст возможность для постепенного перехода суверенной власти в руки низших слоев общества», а также правого министра (удайдзин) Симадзу Хисамицу, отстаивавшего такие изоляционистские, феодалские меры, как сохранение национального костюма, запрещение ношения европейской одежды и т. д. Окубо также прибегал к репрессиям. Он, в частности, издал закон против клеветы, ввел новое положение о печати, которое беспощадно ограничивало публицистическую деятельность сторонников движения за свободу и народные права. Одновременно Окубо, осуществляя собственные планы, не спеша готовил введение государственной конституции.

В сентябре 1875 года, когда вновь усилилась (справа и слева) волна возмущения диктатурой Окубо, возник инцидент на острове Канхва. Начав обследование побережья Корейского полуострова, японские военные корабли тем самым спровоцировали открытие огня корейской береговой артиллерией. Утверждают, что этот ин-

цидент был организован командирами кораблей — уроженцами бывшего княжества Сацума, ярыми сторонниками военного похода в Корею. Во всяком случае, разразившийся инцидент повлиял на позиции Кидо, бывшего прежде решительным противником корейского и тайваньского походов; он вдруг резко изменил свои позиции, став поборником твердого курса в отношении Кореи¹⁸. Кидо прекрасно понимал, что конфликт с Кореей был «следствием требований с японской стороны»¹⁹. И если он в данном случае выступил за жестокое наказание корейцев, которые проявили неуважение по отношению к флагу японской империи, то это объясняется, во-первых, тем, что в основе его лозунгов о мире и просвещении лежало стремление решительно осуществить корейский поход, но без Сайго; во-вторых, стремлением пресечь усилившееся влияние военщины и самурайства, выступавших за проведение жесткой политики в отношении Кореи. Он считал необходимым, чтобы именно правительство приняло решение применить вооруженную силу против Кореи, ибо тем самым ослаблялись позиции антиправительственного движения. Такова была позиция Кидо.

Окубо, не желая упустить благоприятный случай, считал самым целесообразным без объявления войны проводить твердую линию и отправил в Корею флотилию из шести кораблей во главе с Курода Киётака и Иноуэ Каору. В январе 1876 года Япония добилась от Кореи заключения японо-корейского договора о дружбе и торговле и о незамедлительном открытии страны. Этот договор, включавший пункт о предоставлении Японии права консульской юрисдикции, был неравноправным договором, с помощью которого Японии, добившейся преимущественного положения в Корее, открывался путь для вмешательства во внутреннюю политику этой страны.

Япония, которая в период Бакумацу во внешней политике выступала в роли ответчика, теперь, напротив, сама стала в отношении Кореи играть роль истца. Это был первый шаг на пути осуществления заветной мечты сторонников изгнания варваров и корейского похода о «восточном пути», о выходе на широкую дорогу внешних авантюр. Столь «радужные перспективы» быстро овладели сердцами всех японских политиков, как стоявших у власти, так и находившихся в оппозиции.

Какую же позицию занимала группа движения за свободу и народные права в конфликте из-за острова Канхва? Само собой разумеется, что экстремистское крыло дворянской демократии из общества риссися приветствовало этот шаг правительства, решив, что настал удобный случай для «подъема национального духа во всей стране». Напротив, последователи школы Кэйо гидзюку*, влившиеся впоследствии в партию кайсинто, выступили против корейской авантюры, заявив, что «агитация за корейский поход несовместима с движением за народные права». Они беспощадно обрушились на «неистовых» сторонников движения за народные права, поддерживавших корейский поход, обвиняя их в том, что они, по сути дела, сохранили старое феодальное сознание и являются сторонниками все той же идеи почитания императора и изгнания варваров²⁰. Движение за свободу и народные права, которое опиралось на торговцев и промышленников, в особенности на торговцев и промышленников, лишенных покровительства со стороны правительства, росло под идейным влиянием Фукудзава. Однако силы, способные бороться против гнета правительства, состояли не из имевших тогда более прогрессивную программу последователей школы Кэйо гидзюку, базу которых, по их собственному признанию, составляли высшие и средние слои общества, а из группы «неистовых», которые пользовались относительным влиянием в низших слоях общества.

Слабость идеологии самурайства во внешнеполитических вопросах, когда оно часто шло на поводу экспансионистской политики правительства в отношении Кореи, превращалась в вопросах внутренней политики в стойкость сопротивления репрессивным мерам властей. Возвышенные патриотические чувства, выражавшиеся в готовности отдать свою жизнь за интересы страны; принцип революционности, признающий только вооруженную борьбу и исходящий из того, что «подлинная свобода вырастает не из дискуссии с высокой трибуны, а из готовности пожертвовать своей жизнью»; воспевание «дарованной небом свободы»,

---

* Школа Кэйо гидзюку основана родоначальником японской либеральной буржуазии Фукудзава Юкити; впоследствии реорганизована в ныне существующий университет Кэйо. — *Прим. ред.*

«естественной человеческой природы»; выступление против каких-либо компромиссов с властью и презрение к просветителям, угодничающим перед правительством, — все это представляло собой две еще не обособившиеся струи в движении: революционную и реакционную. Эта противоречивость как раз и породила исключительно ожесточенное сопротивление. Таковы были, несомненно, основные пути развития движения сопротивления в специфический период 1876—1877 годов²¹.

Как и следовало ожидать, в начале 1876 года грозные голоса протеста против абсолютистского правительства переросли в открытую оппозицию; предсказывали даже, что вспыхнет «великая революция» [такое чтение иероглифов указано в тексте газеты. — Т. С.]²². И действительно, на страницах «Хёрон симбун», «Сомо дзасси», «Кокай симпо» и других печатных органов радикального крыла самурайства того времени помещались критические статьи, озаглавленные: «Самоубийственный курс деспотического правительства», «Деспотическое правительство должно быть сброшено», «Смерть чиновникам — приспешникам тирании», «Уничтожить деспотизм», «Режим тирании никогда не одолеет законов природы», «Свобода может быть куплена только кровью», «Жестокость — составная часть строительства государства» и т. д. Эти заголовки говорят о том, что назревала ожесточенная схватка оппозиции с правительством. Учитывая это, правительство прибегло к репрессиям. Только в течение первой половины 1876 года 17 редакторов и журналистов газеты «Хёрон симбун» были обвинены в нарушении закона о печати.

В октябре положение еще более обострилось — вспыхнули мятежи в Кумамото (отряд Симпурэн), Акидзуки, Хаги (под руководством Маэбара Иссэй). Недовольное самурайство поддерживало эти мятежи. Довольно немногочисленные в этом году крестьянские восстания приняли, однако, исключительно крупные размеры. К их числу относится восстание в префектуре Ибараки, вспыхнувшее в декабре 1876 года, восстание против реформы поземельного налога, охватившее четыре префектуры — Миэ, Айти, Гифу и Сакай (нынешняя префектура Нара). Эти восстания были направлены против произвола чиновников, за «избавление народа от всех бед». Из печати того времени явствует, что

восставшие «уничтожали и сжигали все, что носило правительственное название», и что «восстания распространялись с удивительной быстротой»²³.

Таким образом, против правительства выступали три силы: справа — устраивавшее реакционные мятежи недовольное самурайство; слева — непрерывно поднимавшиеся на восстания крестьяне, хотя еще и не вполне осознавшие цели крестьянской аграрной революции, но инстинктивно шедшие в этом направлении; в центре развивали деятельность представители движения за свободу и народные права, имевшие контакт с представителями первых двух направлений, но независимые от них. Все они были еще слабы в организационном отношении, но уже начинал складываться объединенный фронт*, и эта борьба против кланового абсолютистского правительства, получившего дополнительные силы в результате упразднения княжеств и образования префектур, с конца 1876 года до начала 1877 года достигла такого размаха, что трудно было предсказать, на чьей стороне будет победа.

Решающее значение для исхода этой борьбы имело движение сацумского самурайства во главе с Сайго Такамори. Взоры всей страны были обращены на этот юго-западный уголок Японии. Сайго, однако, отвергал советы Это и Маэбара о ведении совместной борьбы и был всецело поглощен усилением своих собственных военных контингентов. Сайго полностью подчинил себе администрацию префектуры Кагосима, поставив там преданных людей — слушателей частной военной школы, им самим созданной. Эта администрация совершенно не подчинялась центральной власти, сохранила в префектуре систему самурайских пенсий, отказалась проводить реформу поземельного налога, одним словом, вела себя так, словно Кагосима была независимым государством. То, что власти смотрели сквозь пальцы на это «королевство Сайго», объясняется исключительно энергичной деятельностью самого Сайго, ни на йоту не отступавшего от политики, проводившейся в свое время анти-токугавской группой княжества Сацума.

Однако юго-западный район Японии уже не играл

* С утверждением автора о таком объединенном фронте согласиться нельзя. Оно не вытекает и из приводимого им же фактического материала. — *Прим. ред.*

руководящей роли в жизни страны, как это было в 60-е годы XIX века. Самурайство княжества Тёсю, потерпевшее поражение во время мятежа в Хаги и сильно ослабленное, сошло с политической арены. Сайго, располагая силами лишь сацумского самурайства, уже не мог изменить общего политического курса центрального правительства. Его стремления носили пассивный характер: он лишь лично для себя пытался устроить в Сацума спокойное убежище. Однако сам ход событий неизбежно делал Сайго основным стержнем антиправительственных сил. Организация им сопротивления превосходящим силам абсолютистской власти, опиравшейся на традиции восточного деспотизма, сделала Сайго средоточием всех сил, оказывающих сопротивление правительству, не только реакционных, но и прогрессивных. (Под силой абсолютистской власти здесь подразумевается не только непосредственная сила правительства, например финансовая или военная. Речь идет и о том социальном режиме, при котором никто не смел выступить против власти.)

Причины того, что Сайго стал центром притяжения всех оппозиционных сил страны, заключались в слабости сил буржуазно-демократической революции, которые прежде всего должны были бы обрушиться против абсолютизма, в незрелости самурайского сознания, являвшегося основным стержнем идеологии тогдашнего движения за свободу и народные права²⁴.

Окубо тем временем, опираясь на поддержку Кидо, Ито и других, решил покончить с анархией в стране. После сообщения о возникновении крупного крестьянского движения в префектурах Ибараки и Миэ он, не дожидаясь повсеместного распространения восстания, в январе 1877 года добился издания императорского рескрипта о снижении размера земельного налога до 2,5 процента цены земли (общее снижение произошло на 0,5 процента). Этим мероприятием он стремился прежде всего решительно взять в свои руки инициативу²⁵ и предотвратить восстание «мелкого люда»²⁶. В императорском рескрипте говорилось о желании, «глядя на большую нужду земледельцев, облегчить их участь».

Разрядив, таким образом, нависшую угрозу всеобщего крестьянского восстания, правительство все силы бросило на подавление мятежа группировки

Сайго. «Мятежные выступления самураев,— писал Кидо, оправдывая эту политику правительства,— которые из зависти и честолюбия занимаются подстрекательством, приносят страдание и вред простому народу и должны в противоположность вынужденным восстаниям народных масс, терпящих лишения и потерявших перспективу в жизни (это трудно устранить с помощью оружия), решительно и до конца искореняться каленым железом. Эту разницу в подходе к тем и другим всегда нужно иметь в виду»²⁷. Слова Кидо свидетельствуют о том, что правительство ясно представляло себе слабость самурайских выступлений, изолировавших себя от крестьянских восстаний.

Сайго попал в такое положение, когда и за «выступление против правительства и за объявление о своей верности властям ему грозила смерть»²⁸. Поэтому в феврале 1877 года он, опираясь на своих ревностных последователей, открыто выступил с оружием в руках. Весть о выступлении Сайго вызвала большой переполох в рядах участников движения за свободу и народные права. Сторонники этого движения в Кумамото, с пафосом и со слезами волнения скандируя стихи, посвященные «Общественному договору» Руссо²⁹, схватились за сабли и бросились на помощь войскам Сацума. В Тоса члены общества риссися—Хаяси Юдзо, Оэ Такаси и другие — разработали план закупки оружия для Сайго.

Сторонники движения за свободу и народные права считали, что если они упустят этот случай, то навсегда потеряют возможность свергнуть клановое правительство. В вооруженном восстании Сайго они видели «дух борьбы против сильных мира сего» и призывали к «народной войне», «чтобы силой оружия решить вопрос о том, где правда, а где ложь, где добро, а где зло, и открыто, ценою чистой крови завоевать естественные права человека»³⁰.

Однако, несмотря на всю их решительность на словах, на деле они в этот период волнений и замешательства оставались простыми наблюдателями хода событий. Хотя тогдашнее движение за свободу и народные права как в классовом отношении, так и по своему идейному содержанию в известной мере смыкалось с крестьянскими восстаниями, солидаризировалось с ним, оно не имело ни сил, ни средств для организации «народной

войны». Что же касается правительства, то даже в период, когда его армия оказалась в безвыходном положении, будучи окруженной в замке Кумамото войсками Сацума, оно не потеряло веры в победу. Правительство справедливо считало самурайские выступления гораздо менее, опасными нежели восстания крестьян, поэтому отдельные неудачи в войне с войсками Сацума не слишком беспокоили его.

Эта точка зрения была изложена в письме Кидо, который писал: «В нас вселяет бодрость то, что самурайские восстания не столь опасны по сравнению с восстаниями вооруженных только бамбуковыми пиками крестьян какой-либо деревни. В самом деле, вряд ли существует что-либо страшнее восстания крестьян, вооруженных простыми бамбуковыми кольями»³¹. Окубо также не сомневался в том, что самурайские мятежи будут подавлены, и выражал уверенность в возможность взять в свои руки руководство «безвольным и бессильным народом»³². Крестьянские восстания часто распространялись очень широко и охватывали территории целых префектур. Однако сами крестьяне еще не могли выдвинуть своих политических предводителей; ими постоянно становились представители помещичье-буржуазных кругов, в известной мере принимавших участие в крестьянских восстаниях.

Войска Южного Сацума, состоявшие из самурайской молодежи, кичившиеся своим происхождением и отличавшиеся «молодым задором и свирепостью», были разбиты «деревенщиной», как они же сами называли «гарнизонные войска». Сайго, окруженный на горе Сирояма, покончил в сентябре самоубийством. За три месяца до этого, в июне, когда поражение Сайго уже было предрешиено, сторонники движения за свободу и народные права начали разрабатывать новый самостоятельный политический курс. Общество риссися уполномочило Катаока Кэнкити представить на имя императора, находившегося тогда проездом в Киото, докладную записку об открытии Государственного собрания, в которой пространные и завуалированные изобличения абсолютистского правления завершались просьбой «не поддаваться влиянию отдельных группировок, внять заявлению делегации Катаока, пойти навстречу воле народа и тем самым дать счастье стране». Столь гордый оппозицион-

ный дух был, так сказать, последним украшением заключительного этапа дворянской демократии³³.

С ликвидацией вооруженного восстания во главе с Сайго был положен конец политической жизни приверженцев движения табакуха (движение за свержение бакуфу), являвшегося главной движущей силой Мэйдзи исин. Предшествовавший этому период был лишь продолжением политической истории Бакумацу. И в волнениях самурайства, и в движении за свободу и народные права в пылу борьбы сверкали искры современной буржуазной революции, однако можно сказать, что, по существу, они еще стояли на социальной и политической основе движения за свержение бакуфу и так и не вышли за его пределы.

После подавления сацумского восстания, в условиях разгула абсолютистской реакции, когда «стенания страны заглушались кликами победы, а гневный голос народа не мог пробиться через восторженные победные реляции»³⁴, возобновило свою деятельность общество риссися, а затем появилась новая платформа общества айкокуся³⁵, в которой совершенно недвусмысленно провозглашались чисто буржуазные требования — защиты личности и имущества, свободного развития с помощью народа промышленности и торговли, необходимых для укрепления мощи страны.

В апреле 1878 года это общество организовало несколько агитационных поездок по стране, во время которых провозглашало требование созыва Государственного собрания. В апреле 1880 года Лига борьбы за учреждение Государственного собрания представила «петицию на имя императора об учреждении Государственного собрания», которую подписали 87 тысяч граждан из 22 префектур, а также двух столичных префектур. Эта петиция была передана властям делегацией, состоявшей из 97 человек. В этот период движение за свободу и народные права выросло до такой степени, что оказалось в состоянии вызвать политические события 1881 года (сэйхэн)*, и сильно преобразилось по своему содержанию.

* Перемещения внутри правительства в связи с делом Окума, намечавшего создание нового правительства, которое должно было стать ответственным перед парламентом. Окума был отстранен, но правительство оказалось вынужденным опубликовать императорский указ с обещанием открыть парламент через 10 лет. — *Прим. ред.*

Инфляция, принявшая огромные размеры к 1880 году, вызвала резкое повышение цен на рис, что в свою очередь привело к увеличению благосостояния помещиков и представителей среднего крестьянства. Для борьбы за снижение поземельного налога в стране сложился объединенный фронт из всего сельского населения, от крупных землевладельцев и до бедноты, костяком которого являлись окрепшие слои среднего крестьянства. Это движение явилось стимулом для развертывания другого движения — движения самураев, все более превращавшихся в мелкую буржуазию, ушедших в отставку государственных чиновников, промышленников и торговцев, и других слоев населения страны за участие в управлении страной. Здесь впервые абсолютизм столкнулся со своим подлинным врагом. Несмотря на известную специфику этого движения, присущую чисто японским условиям, несмотря на существование в нем элементов, делавших неизбежным его последующий раскол и распад, оно было буржуазно-демократическим движением.

Абсолютизм уже миновал фазу становления и вступил в период, когда, столкнувшись со своими противниками и подавляя их, должен был заботиться о своем собственном сохранении. Обнародование императорской конституции в 1889 году представляло собой не что иное, как украшение фасада абсолютизма конституционными формами. Получив крещение в борьбе с первыми выступлениями тогдашних революционных сил, абсолютизм начал защищать себя «стеной» законодательства.

Исторический период Мэйдзи исин представлял собой процесс формирования абсолютизма, длившийся, по глубокому убеждению автора, 36 лет (от административно-политических реформ бакуфу в двенадцатом году Тэмпо (1841 год) до сацумского самурайского мятежа в 1877 году). Именно на этом автор и считает целесообразным закончить свое изложение истории Мэйдзи исин.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

¹ Из предложений левой палаты правительства от 12 февраля 1873 года об увеличении военно-морского флота. В этих предложениях, в частности, говорилось: «Чтобы получать большие прибыли,

мы должны поощрять наш народ вывозить товары за границу, однако это осуществимо лишь тогда, когда мы будем опираться на силу [военно-морской флот. — Т. С.]; равным образом, если мы разрешим иностранцам ввозить товары в нашу страну, то сможем получать прибыли от данной торговли, только когда будем иметь достаточно сильную военную опору. Хотя наша страна в культурном отношении отстает от Англии, наша ближайшая задача заключается в том, чтобы догнать в этом отношении великие державы Европы и в том числе Англию» («Хоки бунруй тайдзэн» («Систематизированный сборник законов»)).

² Колоссальное увеличение расходов на расширение армии и вооружения после издания декрета о введении всеобщей воинской повинности, ассигнований по министерству промышленности (кобусэ) на строительные работы, развитие и организацию транспорта и связи; резкое увеличение расходов министерством просвещения после проведения реформы просвещения на учреждение начальных и средних школ по всей стране и ряд других расходов привели к тому, что правительство страны в финансовом отношении в 1873 году находилось на грани банкротства.

Заместитель министра финансов Иноуэ Каору и его помощник Сибудзава Эйити сделали совместное заявление, в котором подвергли критике финансовые мероприятия правительства, и подали в отставку. По данным Иноуэ и Сибудзава, изложенным в этом заявлении, только в 1873 году бюджетный дефицит Японии составлял 10 млн. иен. Для того чтобы ликвидировать государственную задолженность, понадобилось бы выпустить государственный заем на сумму 140 млн. иен, однако, по их мнению, Япония еще не располагала возможностью погасить такую огромную сумму государственного долга (см. «Сэгай Иноуэ ко дэн» («Биография выдающегося деятеля, князя Иноуэ»), т. I).

³ Фракционная борьба, разгоревшаяся вокруг вопроса о корейском походе, подробно описана в статье Мория Хидэскэ «Сэйкан-рин бунрэцу но синсо» («Истинные причины разногласий по вопросу о корейском походе»), опубликованной в журнале «Ситё», март 1938 года.

⁴ Выдержка из письма Созэзима, Гото и Итагаки на имя Като Хироюки, считавшего, что условия для образования Государственного собрания еще не созрели («Мэйдзи бунка дзэнсю» («История культуры периода Мэйдзи»), том «Конституция»).

⁵ «Дзюто си» («История партии дзюто») под редакцией Итагаки Тайскэ, т. I.

⁶ См. Матано Ханскэ, Это Нампаку, т. 2.

Сохранилось письмо Сима Иосио, участника вооруженного восстания в Сага и ярого приверженца теории изгнания варваров, на имя императора. В нем говорилось: «Мы непременно должны отправить карательную экспедицию в Корею, чтобы наказать ее за неуважение к нашей стране. Мы также должны поставить своей целью превратить Китай, Россию и другие страны в подчиненные нам государства и твердо добиваться осуществления этой цели». Сима призывал вернуться к положению, существовавшему в момент отказа князей от своих прав на княжества в пользу императора. «Добиться осуществления наших целей, — писал он далее, — можно лишь в том случае, если внешнею политикой мы будем основывать на демонстрации нашей силы, а внутреннюю политику — на сохра-

нении феодальных поместий наряду с новой системой деления страны на префектуры и уезды («Сайнан кидэн» («Записи о юго-западной войне и биографии ее участников»), т. I, ч. 2).

⁷ Судзуки Ясудзо, Дзию Минкэн (Свобода и народные права).

Общество риссия заботилось об организации взаимной помощи среди самурайства. Оно ставило своей целью создание собственных компаний на средства, вырученные от коммерческой деятельности общества, торговли готовой продукцией, кредита, полученного под залог облигаций наследственных самурайских пенсий, от организации товариществ взаимопомощи, осуществлявших кредитные операции, от продажи горнолесных земель, полученных от правительства, и т. д.

⁸ «Дзюто си», т. I.

⁹ Более подробные сведения о капитализации пенсий можно почерпнуть из книги Фукая Хирохару «Касидзоку тичуроку сёбун но кэнкю» («Исследование по проведению капитализации пенсий низшего и высшего дворянства»).

¹⁰ Программа, опубликованная обществом риссия в апреле 1874 года (см. Судзуки Ясудзо, Дзию минкэн).

¹¹ Программа школы, созданной обществом риссия (см. «Дзюто си», т. I).

В основе программы лежало обязательство самураев — сторонников движения за свободу и народные права, «не добиваясь собственного благополучия, не щадя даже собственной жизни, стремиться к благополучию всей страны и тем самым исполнить свой долг перед родиной». На эту программу чрезвычайно сильное влияние оказывали еще владевшие самурайством феодальные взгляды на народ как на темную, невежественную массу, принявшие форму пренебрежительного отношения к людям, которые якобы целиком поглощены своими личными, корыстными интересами, подчинили свои поступки либо жажде обогащения, либо славы (см. То яма Сигэки, Сэйканрон, дзию минкэн-рон, хокэнрон (О корейском походе, движении за свободу и народные права, о феодализме), журнал «Рэкисигаку кэнкю», № 143, 145).

¹² Дискуссия по поводу докладной записки группы Итагаки помещена в сборнике «Мэйдзи бунка дзэнсю», том «Конституция».

¹³ Письма на имя Ито Хиробуми от 23 июня и 9 июля 1876 года (см. «Кидо Такаёси бунсё», т. VII). В докладе императору, представленном в августе 1875 года, Кидо выражал тревогу за дальнейшую судьбу императорской фамилии. Он предупреждал, что, если в будущем император сделает какой-либо неверный шаг, «трудно будет поручиться за то, что не произойдет серьезных изменений в незыблемом в течение 2500 с лишним лет положении императорской власти» («Кидо Такаёси никки», т. III).

¹⁴ Письмо Кидо на имя Сандзё Санэтоми от 5 апреля 1874 года («Кидо Такаёси бунсё», т. V).

¹⁵ См. «Дзюто си», т. I.

¹⁶ Докладная записка Окубо по поводу конституционной системы, представленная в ноябре 1873 года (см. «Окубо Тосмити бунсё», т. V).

¹⁷ Ивакура в докладе, представленном императору в декабре 1882 года, излагает мотивы, побудившие его выступить против императорского рескрипта 1875 года (см. «Ивакура-ко дзикки», т. II).

¹⁸ См. «Сёгику Кидо-ко дэн» («Биография князя Сёгику Кидо»), т. II.

¹⁹ Письмо Кидо на имя Уцуми Тадакацу от 10 октября 1875 года («Кидо Такаёси бунсё», т. 6).

²⁰ Передовые статьи газеты «Юбин хоти симбун» («Кидо Такаёси бунсё», т. VI). В этой газете сотрудничали такие видные политические деятели, как Яно Фумио, Фудзита Мокити, Миноура Кацухито, Сугияма Сигэру и другие. В ней также часто помещал свои статьи Фукудзава (см. цитированную статью автора).

²¹ Передовые статьи газет «Хёрон симбун», «Сомо симбун», «Сайфу симбун», «Сомо дзасси», «Сомо дзасси», «Какой симпо», отражавшие взгляды радикальной группы самурайства (см. цитированную статью автора).

²² Газета «Юбин хоти симбун» от 6 января 1876 года (передовая статья).

²³ Цутия Такао и Оно Митио, Мэйдзи сэнэн номин содо року (Хроника крестьянских восстаний в первые годы периода Мэйдзи).

²⁴ Танака Наоя в газете «Хёрон симбун» (январь 1876 года, № 67) писал, что «по всей стране насчитывается несколько десятков миллионов людей, которые не согласны с политикой правительства. Объединяясь в общества, создавая политические партии, они проповедуют либо возврат к феодализму, либо выступают за народные права и ведут тайную борьбу против правительства. Их силы еще слабы, поэтому в своей борьбе эти организации обычно объединяются с кагосимским самурайством... несмотря на то, что их взгляды коренным образом отличаются от взглядов этой партии. Тем не менее, будучи не в силах самостоятельно бороться против правительства, они неизбежно будут обращаться к помощи князя Сайго».

²⁵ Как только были получены первые сведения о крестьянском восстании в префектуре Миз, Ито Хиробуми сразу же отправил Окубо письмо, в котором напомнил ему об «одобрении императором изменения политики в отношении местного самоуправления», а также о «необходимости принятия срочных предупредительных мер, пока повсеместно не произошло взрыва общественного мнения» (из неопубликованных документов личного архива Окубо). На это письмо Окубо 20 декабря ответил, что ему известна данная точка зрения Ито и что правительство само предпримет «усилия» для претворения этого в жизнь («Окубо Тосимити бунсё», т. VII).

²⁶ Предложения Окубо о снижении поземельного налога от 27 декабря 1876 года, представленные на имя Сандзё. В этом документе говорится, что «в последнее время всюду появляются толпы взбунтовавшегося мелкого люда, а в настроении умов царит невообразимый хаос».

²⁷ Письмо Кидо на имя Синагава Ядзиро от 24 ноября 1876 года («Кидо Такаёси бунсё», № 7).

²⁸ См. «Ивакура-ко дзикки», т. III. Донесение Янагихара Сакимицу — императорского посла, направленного в Кагосима для подавления сацумского вооруженного выступления. В этом донесении имеется подробное описание обстоятельств, побудивших Сайго выступить против своего желания.

²⁹ Тема стихотворения поэта Миядзаки Хатиры «Току миняку рон» была навеяна «Общественным договором» Руссо. Автор

его — корреспондент газеты «Хёрон симбун», принимавший активное участие в создании общества айкокуся. В нем говорится о том, как, читая произведение Руссо «Общественный договор», люди плача от волнения восхищались мужеством патриотов, которые не испугались в мрачной обстановке того времени высказать всю правду, не боялись за это поплатиться головой (см. «Сугита Дзюндзан дэнки» («Биография Сугита Дзюндзан»). Подготовлено комиссией по составлению биографии Сугита Дзюндзан (Сугита Дзюндзан-о хэнсанкай).

³⁰ См. передовые статьи газеты «Юбин хоти симбун» от 1 мая 1877 года, а также от 25, 26 и 27 апреля 1877 года. О быстром развитии событий можно судить по тому факту, что этот орган сторонников Фукудзава, прежде выступавший против применения силы, теперь целиком начал поддерживать Сайго.

³¹ Письмо Кидо на имя Танака Фудзимаро от 3 марта 1877 года («Кидо Такаёси бунсё», т. VII).

³² Окубо в докладной записке от декабря 1876 года о проведении административной реформы писал: «Правительство должно выступать в роли инициатора, для того чтобы повести за собой безвольный и бессильный народ, в течение столетий подчинявший свое поведение старинным обычаям» («Окубо Тосимити бунсё», т. VII).

³³ «Дзюто си», т. I.

³⁴ Выдержка из цитированной выше докладной записки группы Катаока Кэнкити от июня 1877 года.

³⁵ Ниже приводится платформа из 8 пунктов воссозданного вновь общества айкокуся.

1. Объединение и сплочение народа по всей стране и достижение единства действий всех местных организаций.

2. Повсеместная организация и созыв общих собраний народа, открытое обсуждение государственной политики; создание местных парламентов вместо Государственного собрания для обсуждения дел общенационального значения.

3. Использование знаний и способностей народа в местных парламентских органах при обсуждении текущих дел.

4. Единство действий всех общественных слоев для подъема морального духа в стране.

5. Возложение функций защиты личности и имущества не только на правительство, но и на народные массы, которые должны объединиться для организации самоуправления и самозащиты.

6. Объединение народа для развития промышленности, а также внутренней и внешней торговли.

7. Тесное сотрудничество на местах всех влиятельных периферийных деятелей, организация всемерной помощи со стороны имущих лиц и привлечение лиц грамотных и талантливых для ликвидации ныне существующей разрухи на местах и укрепления страны.

8. Объединение всего народа для защиты независимости и государственного суверенитета страны (см. Дзю то-си», т. I).

Анализ этой платформы позволяет говорить о том, что общество айкокуся стремилось опираться на инициативу народа и смогло взять курс на практическое объединение всех прогрессивных элементов страны. Это движение не было уже движением самурайских одиночек (соси), проповедовавших свободу «с обнаженными саблями в руках».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ*

I. ИСТОРИОГРАФИЯ

Иримадэири Иосинага, Мэйдзи исин си кэнкю-но хатэн (Исследования об изучении истории Мэйдзи исин), издательство «Добункан», 1949.

В книге дается общий обзор историографии Мэйдзи исин за период от выхода в свет серии монографий «Нихон сихонсюги хаттацу-он кодза» («Лекции по истории развития японского капитализма») до послевоенного времени.

Мория Хидэскэ, Мэйдзи исин кэнкю-ни кансуру нихон бункэн (Японская литература по истории изучения Мэйдзи исин).

Исида Канносукэ, Бакумацу исин си канкэй сэйсэки рякумоку (Краткий перечень европейской литературы по истории периода Бакумацу и Мэйдзи исин).

Обе указанные выше работы помещены в сборнике «Мэйдзи исин си кэнкю» («Исследования по истории Мэйдзи исин»), составленном Историческим научным обществом (Си гаккай), издательство «Фудзамбо», 1929.

В данных работах, широко известных как в Японии, так и за ее пределами, приведена обширная библиография по истории Мэйдзи исин.

Таканаси Коси, Исин сисэки кайдай (Библиографический справочник о работах по истории Мэйдзи исин), том «Биографии», издательство «Мэйдзи сёин», 1935. Опубликован только один том, в котором указаны работы, посвященные биографиям деятелей того периода. Этот том очень удобен для пользования.

Хондзё Эйджиро, Нихон кэйдзайси бункэн (Библиография по истории японской экономики), 1933.

Хондзё Эйджиро, Нихон кэйдзайси син-бункэн (Новая библиография по истории японской экономики), издательство «Нихон хёронся», 1942.

Работы охватывают всю историю Японии, но особенно широко в них представлена библиография по периоду Мэйдзи исин.

II. ИСТОЧНИКИ

«Дай-нихон кобусё. Бакумацу гайкоку канкэй бунсё» («Старинные документы великой Японии. Документы, связанные с внешней политикой периода Бакумацу»).

Опубликовано 26 выпусков этой серии, но издание, начатое Бюро публикации исторических материалов при Токийском госу-

* Поскольку из обширной литературы по данному вопросу чрезвычайно трудно было отобрать небольшое количество книг, данный перечень отнюдь нельзя считать исчерпывающим.

дарственном университете (Токё дайгаку сирё хэнсансё) с 1909 года, еще не закончено. В этом издании в хронологическом порядке публикуются японские исторические материалы по внешней политике и внешней торговле, основу которых составляют документы иностранного департамента при правительстве бакуфу. К настоящему времени опубликованы документы до марта 1859 года. Очередные выпуски будут содержать документы до 1867 года включительно.

«Исин сирё коё» («Основные документы по истории Мэйдзи исин»), 1937—1939, издание Бюро публикации материалов по истории Мэйдзи исин (Исин сирё хэнсан дзимукёку) (10 выпусков, издание закончено).

В этой работе в строго хронологическом порядке помещены документы за период с февраля 1846 года когда император Комэй вступил на престол, и до июля 1871 года, когда были осуществлены ликвидация княжеств и создание префектур. Данная книга может оказать помощь при исследовательской работе.

«Дай нихон исин сирё» («Материалы по истории великой Японии. Мэйдзи исин»). Бюро публикации материалов по истории Мэйдзи исин с 1938 года опубликовало 19 выпусков этой серии, но издание еще не закончено. В этих сборниках опубликованы подлинные исторические материалы; за основу взято «Исин сирё коё» (см.). Уже опубликованы документы за периоды: февраль 1846 — август 1847, январь—март 1854, январь—июнь 1858 года.

«Фуккоки» («Летопись реставрации»), 1930.

Бюро публикации исторических материалов при Токийском государственном университете завершило это издание. Опубликовано 15 выпусков данной серии, в которых в хронологическом порядке собраны документы за один год (с момента возвращения сёгуном верховной власти императору и до октября 1868 года включительно). Это самый основной сборник по истории военной кампании 1867 года.

«Дай нихон гайко бунсё» («Дипломатические документы великой Японии»), издание Министерства иностранных дел (Гаймусё).

Опубликовано 12 выпусков этой серии, но издание, начатое в 1936 году, еще не закончено. Дипломатические документы расположены в хронологическом порядке (от реставрации императорской власти, то есть с октября 1867 года). Это главным образом архивные документы Министерства иностранных дел Японии. Вышедшие документы охватывают период до декабря 1876 года включительно.

«Нихон сисэки кёкай сосё» («Библиотека японской исторической ассоциации»), Издание Нихон сисэки кёкай; начато с 1915 года.

Здесь приведены дневники, документы, различные записки и т. д. Это чрезвычайно ценные сборники исторических документов.

«Комэй тэнно-ки» («Хроника правления императора Комэй»), 1906 (117 выпусков), издание министерства двора (Кунайсё). Основные документы и относящиеся к ним исторические материалы публикуются в строго хронологическом порядке. Материалы данного источника подобраны сравнительно объективно. Особенно ценны исторические документы, относящиеся к переговорам между императорским двором и правительством бакуфу. К сожалению, пользование «Хроникой» осложнено тем, что она издана ограниченным тиражом.

«Мэйдзи бунка дзэнсю» («История культуры периода Мэйдзи»), издательство «Нихон хёронся», 1927—1930 (24 выпуска, издание закончено), под редакцией Иосино Сакудзо и др.

В сборник включены основные документы по всей истории периода Мэйдзи, то есть с момента восстановления императорской власти. Сборник снабжен подробными комментариями. Можно сказать, что это — основной труд по истории периода Мэйдзи. Данная работа состоит из следующих разделов: «Императорская семья», «Официальная история Мэйдзи», «Конституция», «Движение за свободу и народные права», «Внешняя политика», «Внутренняя политика», «Законодательство», «Экономика», «Образование», «Религия», «Литература и искусство», «Исторические романы», «Переводная литература», «Идеология», «Иностранная культура», «Газеты», «Журналы», «Нравы и обычаи», «Цивилизация и просвещение», «Общественная жизнь», «Разные исторические документы», «Военное дело и транспорт», «Наука».

«Мэйдзи дзэнки дзайсэй кэйдзай сирё сюсэй» («Сборник материалов по финансово-экономическому положению Японии в первые годы Мэйдзи»), издательство «Кайдзося», 1931 (20 выпусков, издание закончено), под редакцией Оути Хёэ и Цутия Такао. В них собраны официальные документы за период с Мэйдзи исин до открытия парламента и даны обширные комментарии. Это — основной материал для исследований в данной области.

«Дадзёкан нисси» («Материалы Государственного совета»). Содержатся декреты правительства Мэйдзи, помещенные в хронологическом порядке.

Эти материалы с № 1 (февраль 1868 года) и до № 90 (декабрь 1876 года) содержатся также в издании «Исин нисси» («Дневники Мэйдзи исин») (10 томов), опубликованном в 1933 году обществом «Сидзуока госи кэнкюкай» под редакцией Хасимото Хироси.

«Хорэй дзэнсё» («Полное собрание указов и распоряжений»). Указы и законы правительства Мэйдзи.

«Хоки буируй дайдзэн» («Полное классифицированное собрание указов и постановлений»), изданное протокольным отделом кабинета министров (найкакү кирокука). В этот сборник включены указы и постановления с начала периода Мэйдзи до опубликования конституции. Они классифицированы по разделам: «Политический строй», «Система служебных рангов», «Награждения», «Внешняя политика», «Налоги» и т. д. Здесь собран богатый материал для изучения истории Мэйдзи, но издан, к сожалению, небольшим тиражом.

Кроме вышеперечисленных основных работ, есть еще ряд биографий и собраний сочинений отдельных лиц, которые также могут быть использованы в качестве исторических материалов. Подробную библиографию об этом см. в упомянутой выше работе Таканаси Коси.

III. ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Общие работы

Фукути Гэнъитиро, Бакуфу суйбо-рон (Падение бакуфу), издательство «Минъюся», 1892. В книге собран богатый материал по истории Мэйдзи исин. Интересны исторические концепции автора, свидетеля событий того времени.

Иосида Того, Исин си хати-ко (8 лекций по истории Мэйдзи исин), издательство университета Кокугакуин (Кокугакуин дайгаку сюппанбу), 1910. Книга представляет собой стенограмму курса лекций; она написана доступным языком и содержит много ценных исторических наблюдений.

Кобаяси Сёдзиро, Бакумацу си (История периода Бакумацу), помещена в «Дай нихон дзидай си» («История великой Японии»), издательство университета Васэда (Васэда дайгаку сюппанбу), 1915. В работе изложение доведено до 1860 года. Как политическая история старого типа она представляет определенный интерес.

Сибудзава Эйити, Токугава Кэйки-ко дэн (Биография князя Токугава Кэйки), издательство «Рюмонся», 1918 (8 выпусков). Книга является не только биографией, а содержит описание истории периода Бакумацу. Как академическое изложение истории она, пожалуй, не имеет себе равных.

Хаттори Сисо, Мэйдзи исин си (История Мэйдзи исин), издательство «Уэно сётэн», 1929. Это первая история Мэйдзи исин, написанная с марксистских позиций. Работа Хаттори Сисо сохраняет свое научное значение и в настоящее время.

«Нихон сихонсюги хаттацу си кодза» («Лекции по истории развития японского капитализма»), издательство «Иванами», 1932—1933. Работа представляет собой стенограмму курса лекций. Эта работа заложила основы для научного анализа истории Мэйдзи исин. В сборнике помещены статьи Хани Горо, Хаттори Сисо, Хирано Иоситаро и Ямада Сэйтаро. Независимо от научных позиций исследователя изучение этого труда необходимо каждому для понимания истории описываемого периода.

Фудзии Дзинтаро и Мория Хидэскэ, Сого нихон си тайкэй, Мэйдзи дзидай (Большая серия по общей истории Японии. Период Мэйдзи), издательство «Найгай сёсэки кабусики кайся», 1934. В книге, являющейся выдающимся произведением так называемой позитивной исторической школы, излагается политическая история, начиная с реставрации императорской власти и до 1886 года.

Хани Горо, Мэйдзи исин, в серии «Иванами Кодза. Нихон рэкиси» («Лекции, выпущенные издательством «Иванами. История Японии»), издательство «Иванами», 1935. В работе использованы ценные исторические материалы. Несколько усложненный метод описания этих материалов затрудняет чтение книги, но по глубине изложения и по остроте анализа это одна из лучших среди вышедших до сего времени работ по истории Мэйдзи исин.

«Исин си» («История Мэйдзи исин»). Составлена Бюро публикации исторических материалов по Мэйдзи исин при министерстве просвещения (Момбусё исин сирё хэнсан дзимукёку); издательство «Мэйдзи сёин», 1939—1941 (6 выпусков). Это солидная работа, в которой затронуты много различных вопросов, но, к сожалению, материалы, приведенные в ней, не систематизированы. Она составлена с заметным налетом идей официальной исторической школы о реставрации монархии. Один выпуск (введение) посвящен общей оценке Мэйдзи исин.

Судзуки Ясудзо, Мэйдзи исин сэйдзи си (Политическая история Мэйдзи исин), издательство «Тюо коронся», 1942. Изложение истории Мэйдзи исин в книге доводится до момента опублико-

вания конституции Японии. Это превосходная общая работа, хорошо аргументированная; написана доступным языком.

Осатакэ Такэси, Мэйдзи исин, помещена в «Киндай нихон рэкиси кодза» («Лекции по новой истории Японии»), издательство «Хакуёся», 1942—1949 (4 выпуска). Приходится сожалеть, что в связи со смертью автора книги изложение событий прерывается на периоде реставрации императорской власти. Автор умело подобрал исторические материалы, снабдив их подробными комментариями, его исторические концепции отличаются стройностью и продуманностью. Данная книга была широко использована автором [Тояма Сигэки. — *Ред.*].

Ханн Горо, Мэйдзи исин в серии «Иванами синсё», издательство «Иванами», 1946. При чтении этой книги нужно учесть, что она была написана еще до наступления в 1940 году фашизма. Это прекрасная работа, проникнутая пафосом идей гуманизма. Но вместе с тем это же может создать у читателя превратное представление о действительной оценке Мэйдзи исин автором.

Ока Иоситаке, Киндай нихон-но кэйсэй (Формирование Японии в новое время), издательство «Кобундо», 1947. Данная работа является учебным пособием при изучении политической истории Японии с конца периода Бакумацу и до опубликования конституции. Она содержит многие ценные примечания и дает общее представление о политической обстановке того периода.

Норман Г. Нихон-ниокэру киндай кокка-но наритати. Перевод Окубо Гэндзи. Издание «Дзидзи цусиня», 1947. Здесь описана политическая и экономическая история Японии с периода Бакумацу до русско-японской войны. Автор изучил и критически использовал взгляды школы Ронхока, академической и других, большое внимание уделяет серии «Очерки по истории развития японского капитализма»: он обладает широкой эрудицией, способностью схватывать во всей широте течение истории, живостью изложения. (Эта книга переведена на русский язык. Норман, Становление капиталистической Японии, Москва, Издательство иностранной литературы, 1952. — *Ред.*)

Хаттори Сисо, Киндай нихон-но наритати (Становление современной Японии), Син бунка сосё («Новая серия книг по культуре»), издательство «Нихон хёронся», 1949. Хаттори по многим вопросам высказывает ряд оригинальных мыслей по истории периода Бакумацу, которые побуждают ученых к дальнейшему исследованию этой проблемы.

2. Социальная и экономическая история

Цутия Такао, Нихон кэйдзай си гайё (Очерки по экономической истории Японии), в старом издании «Иванами дзэнсё», издательство «Иванами», 1934.

Цутия Такао, Дзоку нихон кэйдзай си гайё (Продолжение очерков по экономической истории Японии), в старом издании «Иванами дзэнсё», издательство «Иванами», 1939.

В этих двух работах Цутия Такао рассматривает не только период Мэйдзи исин, но и дает основные начальные сведения по экономической истории Японии.

Ямада Сэйтаро, Нихон сихонсюги бунсэки (Анализ капитализма в Японии), издательство «Иванами», 1934.

Хирано Иоситаро, Нихон сихонсюги сякай-но кико (Структура капиталистического общества в Японии), издательство «Иванами», 1934. Книга — основополагающая теоретическая работа группы Кодзаха. Работа любого исследователя должна начинаться с этого труда.

Цуття Такао и Оно Митио, Кинсэй нихон носон кэйдзай сирон (Экономическая история японской деревни в новое время), серия «Кэйдзайгаку дзэнсю», т. 59, издательство «Кайдзося», 1933. Цуття написал раздел по истории периода Эдо, а Оно — по истории первых годов Мэйдзи. Это довоенное типичное произведение группы Роноха по истории сельского хозяйства в Японии.

Тода Синтаро, Нихон ногёрон (О сельском хозяйстве в Японии), издательство «Собункаку», 1936. После войны автор переработал и дополнил книгу. Она вышла в 1947 году в издательстве «Минсю хёронся» уже под названием «Нихон сихонсюги-то ногё-но хаттэн» («Развитие капитализма и сельского хозяйства в Японии»). В книге излагаются взгляды группы Кодзаха на историю сельского хозяйства в период Мэйдзи исин (позиция Ямада Сэйтаро, правда, несколько иная).

Оно Такэо, Носон си (История деревни), помещена в «Гэндай нихон буммэй си» («История культуры современной Японии»), издательство «Тоё кэйдзай симпося», 1941, т. 9. Единственный труд по истории деревни в ранние годы Мэйдзи. Дает возможность составить общее представление об этой проблеме.

Фурусима Тосио, Кинсэй нихон ногё-но кодзо (Структура японского сельского хозяйства в новое время), издательство «Нихон хёронся», 1942.

Фурусима Тосио, Синсю Тюма-но кэнкю (Роль района Тюма в провинции Снано), издательство «Ито сётэн», 1943.

Фурусима Тосио, Нихон ногё гндзюцу си (История техники японского земледелия), издательство «Дзитёся», 1947—1949 (2 выпуска).

Фурусима Тосио, Кинсэй-ни окэру сёгётэки-но тэнкай (Развитие торгового земледелия в новое время), Сякай косэй си тайкэй «Большая серия по истории формирования общества», издательство «Нихон хёронся», 1950.

Тоя Тосиюки, Кинсэй ногё кэйэй сирон (История сельского хозяйства Японии в новое время), издательство «Нихон хёронся», 1949.

Фудзита Горо, Нихон киндай сангё-но кэйсэй (Развитие японского хозяйства), издательство «Нихон хёронся», 1948.

Фудзита Горо, Кинсэй-ни окэру номинсо-но кайкю бунка (Классовая дифференциация крестьянства в новое время), «Большая серия по истории формирования общества», издательство «Нихон хёронся», 1949.

Фудзита и Фурусима в своих трудах учитывают положительные результаты дискуссии о капитализме, хотя и избегают глубоко в нее вдаваться. Снабженные богатым фактическим материалом, эти работы, несмотря на отсутствие теоретических выводов, могут тем не менее служить ценным пособием для изучения экономической истории периода Бакумацу. В книге Фурусима Тосио «Синсю Тюма-но кэнкю» впервые поднят вопрос о купцах на периферии, а в книге Фудзита Горо «Нихон киндай сангё-но кэйсэй» рассматривается вопрос о зарождении мануфактур в деревне.

Цуття Такао, Нихон сихонсюги ронсю (Сборник статей о японском капитализме), издательство «Икусэйся», 1937.

Хаттори Сисо, Исин си-но хохорон (О методологии изучения истории Мэйдзи исин), издательство «Хакуёся», 1934. После войны эта работа переиздана под названием «Мэйдзи исин си кэнкю» («Изучение истории Мэйдзи исин»), издательство «Санва сёбо», 1947.

Обе эти книги интересны тем, что в них излагаются взгляды Цуття и Хаттори, являвшиеся стержневым вопросом дискуссии о мануфактуре. Хаттори в своей книге оспаривает точку зрения Хани Горо, якобы переоценивавшего роль крестьянских восстаний в Мэйдзи исин, и отстраняет руководящую роль буржуазии.

Нобуо Сэйдзабуро, Кинсэй нихон сангё си дзёсэцу (Очерки по истории развития промышленности в новое время), издательство «Нихон хёронся», 1942.

Хориэ Эйити, Киндай сангё си кэнкю (Изучение истории развития промышленности Японии в новое время), издательство «Нихон хёронся», 1948.

Хориэ Эйити, Нихон-но манюфуактюа мондай (Мануфактура в Японии), серия «Новая библиотека по истории Японии», (Син нихон рэкиси сосё), издательство «Сандзю ити сёбо», 1949.

В книге Нобуо описывается главным образом шелкоткацкая промышленность района Кириу, а в первой книге Хориэ — шелкоткацкая промышленность районов Нисидзии и Танго. Обе эти работы развили еще шире и глубже вопрос о мануфактуре на базе теоретических положений Хаттори Сисо. Хориэ во второй книге пытается подвести итоги дискуссии по этой проблеме и определяет фазу экономического развития Японии периода Бакумацу и периода Мэйдзи исин как заключительный период «стадии мелкого производства». Он высказывает в связи с этим оригинальные мысли, дающие ключ к новому пониманию политической истории этого периода. Многие ученые, однако, не согласны с его точкой зрения.

Цуття Такао, Хокэн сякай хакай катэй-но кэнкю (Изучение процесса распада феодального общества), издательство «Кобундо», 1927. В этой книге анализируются причины бедственного финансового положения различных княжеств. Подробно рассмотрено состояние финансов в княжествах Кага, Сацума и Сэндай.

Ибути Кэйтаро, Нихон сингё тайкэй дзэнси (Предыстория кредитной системы в Японии), издательство «Гакусэй сёбо», 1948. В данной работе особый интерес представляет та ее часть, в которой рассматривается роль торгово-ростовщического капитала в период Эдо.

Нарамото Тацую, Кинсэй хокэн сякай сирон (История феодального общества в новое время), серия «Современная историческая наука» (Гэндай рэкиси гаку ронсо), издательство «Кодо сёин», 1948.

Нарамото Тацую, Нихон кинсэй си кэнкю (Изучение истории Японии нового времени), издательство «Хакуто сёкан», 1948.

В этих работах дается анализ реформ, проведенных Мурата Сейфу в княжестве Тёсю, и исследуется классовый состав группировки сторонников свержения бакуфу в крупных юго-западных княжествах. Нарамото продолжает и развивает тезис Хаттори о руководящей роли буржуазии в Мэйдзи исин. Он доказывает, что

основной костяк группировки сторонников свержения бакуфу составляли сельские самураи (госи), а также среднее крестьянство (то есть крестьяне, превращавшиеся в производителей товарной продукции). Этот взгляд Нарамото значительно расходится с точкой зрения автора настоящей книги, однако несомненное значение работ Нарамото заключается в том, что он своевременно поставил данную проблему.

Хаттори Сисо, Мэйдзи исни-ни окэру сидо-то домэй (Движущие силы и союзники в Мэйдзи исни), «Большая серия по истории формирования общества» (Сякай косэй, си тайкэй), издательство «Нихон хёронся», 1949. В книге наиболее ясно проявляются взгляды автора. Хаттори оценивает Мэйдзи исни как буржуазную революцию. Большую роль он отводит влиянию буржуазных элементов в движении за свободу и народные права. Эта книга вызвала много споров среди ученых.

3. История внешней политики и внешней торговли

Киёдзава Рэцу, Гайкоси (История дипломатии) помещена в «Гэндай нихон буммэй си» («История современной японской культуры»), т. III, издательство «Тое кэйдзай симпося», 1941.

Нобуо Сэйдзабуро, Киндай нихон гайко си (История японской дипломатии в новое время), издательство «Тюо коронся», 1942.

Обе книги являются и до настоящего времени хорошими обзорными работами по истории периода Бакумацу.

Оцука Такэмацу, Бакумацу-но гайко (Дипломатия конца периода бакуфу), серия «История Японии» (Иванами кодза. Нихон рэкиси), издательство «Иванами», 1934.

Окума Макото, Бакумацу тоа гайкоси (История дипломатии Восточной Азии в период Бакумацу), издательство «Кангэнся», 1944.

Симомура Фудзиро, Мэйдзи исни-то гайко (Мэйдзи исни и дипломатия), издательство «Дай-хассю сюпанся», 1948.

Характерным для вышеперечисленных трех книг является то, что в них подробно описываются дипломатические переговоры в период Бакумацу (Оцука), в первые годы Мэйдзи (Симомура), а также сопоставляется внешняя политика Японии и Китая (Окума).

Исин Такаси, Бакумацу-но гайко (Внешняя политика в период Бакумацу), («Новая библиотека по истории Японии») (Син нихон рэкиси сосё), издательство «Сандзю ити сёбо», 1948.

Книга Исин заслуживает наибольшего доверия, ибо автор правильно анализирует события и хорошо владеет фактическим материалом по истории японской и иностранной дипломатии. Помещенные в этой книге цифровые данные по внешней торговле периода Бакумацу являются самыми полными из всех опубликованных до сего времени.

Исин Такаси, Бакумацу бозки си-но кэнкю (Изучение истории внешней торговли в период Бакумацу), «Большая серия по истории Японии» (Нихон рэкисигаку тайкэй), издательство «Нихон хёронся», 1944.

Ямагути Кадзуо, Бакумацу боэки си (История внешней торговли в период Бакумацу), издательство «Тюо коронся», 1943. Работы Иси Такаси отличаются глубиной исследования и оригинальными новыми выводами; работа Ямагути полезна как обзорная работа.

4. История движения за свободу и народные права и история конституционализма

Осатакэ Такэси, Исин дзэнго-ни окэру рикэн сисо (Конституционные идеи в период Мэйдзи исин), издательство «Бунка сэйкацу кэнкюкай», 1925.

Осатакэ Такэси, Нихон кэнсэй си тайко (Обзор истории конституционализма в Японии), издательство «Нихон хёронся», 1938 (2 выпуска). В работах Осатакэ нет лишних теоретических рассуждений, они содержат богатый исторический материал и особенно полезны для исследователей частных вопросов.

Хирано Иоситаро, Бурудзёа минсюсюги какумэй (Буржуазно-демократическая революция), издательство «Нихон хёронся», 1927.

Судзюки Ясудзо, Дзюку минкэн (Движение за свободу и народные права), издательство «Хакуёся», 1949.

Обе работы являются фундаментальными исследованиями.

Хаттори Сисо, Мэйдзи но какумэй (Революция Мэйдзи), издательство «Нихон хёронся», 1950.

Это полная политическая история периода Мэйдзи. В первой части книги рассматривается движение за свободу и народные права, которому дается новая оценка как движению за аграрную революцию.

5. История идеологических течений

Цуда Саюкитя, Бунгаку-ни араварэтару вага кокумин сисо-но кэнкю (Изучение японской национальной идеологии по произведениям художественной литературы), серия «Народная литература» (Хэймин бунгаку), издательство «Ракуёдо», 1921 (2 выпуска).

Данный интересный труд остался незавершенным (должно было выйти 3 выпуска). Однако и в изданных двух выпусках положено начало изучению идеологических течений в Мэйдзи исин. Автор проявил правильный подход к исследуемому вопросу. Он анализирует не только направления в литературе, но и общественно-политические течения. Это одна из лучших работ в этой области.

Тории Хакуро, Мэйдзи сисо си (История идеологических течений периода Мэйдзи), серия «Материализм» (Юйбуцурон дзэнсё), издательство «Микаса сёбо», 1936.

Нагата Хироси, Нихон юйбуцурон си (История материализма в Японии), издательство «Хакуёся», 1936.

Нагата Хироси, Нихон хокэнсэй идэороги (Идеология феодализма в Японии), издательство «Хакуёся», 1938.

Нагата Хироси, Нихон тэцугаку сисо си (История философской мысли в Японии), издательство «Хакуёся», 1939.

Все вышеуказанные работы Торри и Нагата посвящены исследованию с материалистических позиций истории идеологических течений в Мэйдзи исин. Несмотря на несколько механистический подход к оценке некоторых явлений в жизни Японии того времени, в общем это полезные книги, помогающие дальнейшему изучению вопроса об идеологических течениях.

Хани Горо, «Хакусэки, Юкити» («Библиотека японского педагога») (Нихон кёнкука бунко), издательство «Иванами», 1937.

Хани Горо, Нихон киндай сисо-но кэйсэй (Формирование современных идей в Японии), издательство «Иванами», 1950.

Такахаси Синъити, Егакурон (О европейском направлении в японской науке), серия «История Японии» (Нихон рэкиси дзэнсё), издательство «Микаса сёбо», 1939.

Движущую силу в развитии современной идеологии авторы видят в рабочих массах. Это вопрос спорный. Но, во всяком случае, достоинство работ в том, что авторы ясно и четко разграничивают прогрессивные и реакционные течения.

Маруяма Масао, Кинсэй дзюкё-но хаттэн-ни окэру срайгаку-но токусицу нараби-ни соно кокугаку-то-но канкэй (Влияние науки на конфуцианство в новое время и связь последнего с националистическим направлением в японской науке), журнал «Кокка гаккай дзасси», т. 54, № 2—5.

Маруяма Масао, Кинсэй сэйдзи сисо си-ни окэру «сидзэн» то «сакун» («Естественность» и «искусственность» в истории политической мысли в новое время), журнал «Кокка гаккай дзасси», т. 55, № 7, 9, 12; т. 56, № 8.

Мацусима Эйити, Бакумацу, Мэйдзи исин-ни окэру кокугаку-но сисёоситэки иги-ни цутэ (Роль идей националистической школы в период Бакумацу и Мэйдзи исин), «Записки Восточного исторического общества» (Тоё сикай киё), т. 5.

Сайго Нобуцуна, Кокугаку хихан (Критика националистического направления в японской науке), издательство «Аояма сёин», 1948.

Ценность исследований Маруяма, Мацусима и Сайго состоит в том, что авторы их, опираясь на труды Цуда, Хани, Нагата и др., разрабатывают интересные новые теории. Однако Маруяма и Сайго еще не перешли к обобщенному изучению истории мысли периода Мэйдзи исин, что должно явиться предметом будущих исследований.

6. Императорский строй в Японии

Камияма Сигэо, Тэнносэй-ни кансуру риронтэки сёмондай (Некоторые теоретические вопросы, связанные с проблемой императорского строя), издательство «Минсю хёронся», 1947.

Кота Синтаро, Тэнносэй-но кэйдзай киси бунсэки (Анализ экономических основ императорского строя), издательство «Сандзю ити сёбо», 1947.

Хаттори Сисо, Дзэттайсюги рон (Абсолютизм), издательство «Гэцуй сёбо», 1948.

Мория Тэнро, Тэнносэй-но иги-то соно кибан (Императорский строй и его основы), серия «Лекции по экономике. Издательство Тёрю» (Тёрю кэйдзайгаку кодза), издательство «Тёрюся», 1949.

Эти четыре работы являются теоретическими исследованиями данной проблемы с марксистских позиций.

«Рэкисика-ва тэнносэй-о до миру ка» («Как расценивают историки императорский строй») составлено Обществом по изучению истории (Рэкисигаку кэнкюкай), издательство «Синсэйся», 1946.

В этой книге императорский строй в Японии сопоставляется с монархическим строем Англии и Франции.

Кайно Мититака, Кинсэй-но паритати-то сникэнсэцу (История нового времени и теория божественных прав), издательство «Мэйдзэн сёбо», 1947. В данной работе рассматривается вопрос о социальной базе французской абсолютистской монархии; она во многом способствует правильному пониманию характера императорского строя в Японии.

IV. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Alcock R., The Capital of the Tycoon; A Narrative of Three years — Residence in Japan, 2 vols., New York, 1868.

Black J., Young Japan, 2 vols., New York, 1879. Блэк прибыл в Японию в 1861 году. В городе Иокогама он издавал газету на английском языке «Japan Herald», а затем газету на японском языке «Ниссин синдзи си».

Brandt M., von, Dreiunddreisig Jahre in Ost-Asien, 3 Bd., Leipzig, 1901. Первый прусский консул (затем посланник) Брандт прибыл в Японию в 1861 году и находился там до 1875 года.

Casembroot F., de, De Medusa in de Wateren van Japan in 1863 en 1864. Автор книги был командиром голландского военного корабля «Медуза», который принимал участие в бомбардировке объединенной эскадрой четырех держав территории княжества Тёсю.

Cosenza M. C., The complete Journal of Townsend Harris. New York, 1930.

Dickin F. V. and Lane-Pool S., The Life of Sir Harry Parkes, 2 vols., London, 1894.

Eulenburg F. A., Die Preussische Expedition nach Ost-Asien, nach Amtlichen Quellen, 4 Bd., Berlin, 1863—1873.

Оленбург прибыл из Пруссии в Японию в 1860 году для ведения переговоров о заключении торгового договора.

Eulenburg F. A., Ost-Asien 1860—1862 in Briefen des Grafen Fritz zu Eulenburg, Königlich Preussischen Gesandten, Berlin, 1900. Данная работа является сборником писем Оленбурга.

Arminjon V. F., Il Giappone e il Viaggio della Corvetta Magenta nel 1866, Genova, 1869. Итальянский посланник Арминьон прибыл в Японию в 1866 году.

Головнин В. М., Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. с приобщением замечаний его о японском государстве и народе, СПб., 1916.

Гончаров И. А., Фрегат Паллада, СПб, 1858. Знаменитый русский писатель И. А. Гончаров в 1852 году, будучи секретарем адмирала Е. В. Путятина, посетил Нагасаки, где присутствовал на встрече с чиновниками бакуфу.

Griffis W. E., Townsend Harris, first American envoy in Japan, London, 1895.

Hawks F. L., Narrative of the Expedition of an American Squadron to the China Seas and Japan, performed in the Years 1852—1854, under the command of Commodore M. C. Perry, United States Navy, 3 vols., Washington, 1856.

Kattendijke R. H., van, Le Japon en 1857, Paris, 1860. Автор книги — голландский морской офицер — прибыл в Японию в 1857 году и служил в качестве инструктора военно-морской школы при правительстве бакуфу.

Meerdervoort P. van, Vijf Jaren in Japan (1857—1863), Leiden, 1867—1868. Автор — голландский морской врач — прибыл в Японию в 1857 году. Основал европейскую школу медицины в Японии.

Oliphant L., Lord Elgin's mission to China and Japan (1857—1859), London, 1860. Автор приехал в Японию в 1858 году для заключения англо-японского договора о дружбе и мореплавании.

Paske-Smith M., Western Barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days (1603—1868), Kobe, 1930. Книга представляет собой обзор дипломатических отношений, а также содержит ценные исторические материалы о внешней торговле.

Satow E. M., A Diplomat in Japan, London, 1921.

«Memoires by Lord Redesdale», 2 vols., London, 1916. Лорд Ридсдейл (Миттфорд) приехал в Японию в 1866 году и являлся секретарем английской миссии.

«British Parliamentary Papers». Издание английских дипломатических документов, называемое обычно «Голубой книгой».

«United States of America: Senate Documents». Издание американских дипломатических документов.

Хронологическая таблица *

Японское летосчисление	Европей- ское лето- счисление	Политические события
Тэмпо, 1 г.	1830 г.	В княжествах Мито (Токугава Нариакира) и Сацума (Дзусё Хиромити) приступили к административно-политическим реформам
» 4 г.	1833 г.	Голод во многих провинциях Японии. Крестьянские восстания
» 7 г.	1836 г.	Голод. Рост крестьянских восстаний. Восстание под названием «гуннай» в провинции Кан
» 8 г.	1837 г.	<i>Восстание Осю Хэйхатиро.</i> Восстание Икута Иородзу
» 10 г.	1839 г.	Арест Ватанабэ Кадзан и Такано Тёэй (события Банся-но гоку) [репрессии против представителей европейского направления в японской науке. — <i>Ред.</i>]
» 12 г.	1841 г.	Административно-политические реформы правительства бакуфу (Мидзуно Тадакуни)
» 13 г.	1842 г.	Смягчение закона о недопущении иностранных судов
Кока, 1 г.	1844 г.	Голландский король рекомендовал правительству бакуфу открыть страну
» 2 г.	1845 г.	Прибытие американских и английских судов. Наказание родю Мидзуно Тадакуни
» 3 г.	1846 г.	Прибытие в Японию американского представителя Бидла, который потребовал установления дипломатических отношений между США и Японией. Император отдал приказ о морской обороне
Казэй, 3 г.	1850 г.	Император издал распоряжение семи буддийским и семи синтоистским храмам молиться об изгнании иностранцев

Японское летоисчисление	Европейское летоисчисление	Политические события
Казэй, 5 г.	1852 г.	Глава голландского торгового представительства рекомендовал правительству бакуфу открыть страну
» 6 г.	1853 г.	<i>Прибытие Перри</i>
Ансэй, 1 г.	1854 г.	Заключение в Канагава японо-американского договора о дружбе
» 4 г.	1857 г.	Гаррис потребовал у правительства бакуфу заключения торгового договора
» 5 г.	1858 г.	<i>Подписание японо-американского торгового договора. Массовые аресты противников бакуфу</i>
Манъэн, 1 г.	1860 г.	Инцидент у ворот Сакурада (убийство Ии Наоскэ). Издание указа о предварительном завозе в Эдо пяти видов товаров Учащение случаев ранения и убийства иностранцев членами группировки сонно дзэй
Бункю, 1 г.	1861 г.	Инцидент в связи с прибытием на остров Цусима русского военного корабля. Отправка в Европу японской дипломатической миссии для переговоров об отсрочке открытия японских портовых городов
» 2 г.	1862 г.	Занятие города Киото войсками княжеств Сацума, Тёсю и Тоса — сторонниками группировки сонно дзэй. Инцидент в Намамуги
» 3 г.	1863 г.	Война между княжеством Сацума и Англией. События 18 августа. Мятеж Тэнтюгуми. Мятеж в Икуно. Резкое увеличение экспорта

Японское летосчисление	Европей- ское лето- счисление	Политические события
Гандзи, 1 г.	1864 г.	События в Киото у ворот императорского дворца. Первая карательная экспедиция против княжества Тёсю. Бомбардировка объединенной эскадрой четырех держав города Симоносеки. Военное выступление в княжестве Тёсю отрядов кихэйтай во главе с Такасуги Синсаку против княжеского правительства. Мероприятия правительства бакуфу, направленные на уменьшение объема экспорта
Кэйю, 1 г.	1865 г.	Вторая карательная экспедиция против княжества Тёсю. Санкционирование императором договоров с иностранными державами. Значительное увеличение объема внешней торговли
» 2 г.	1866 г.	Подписание таможенной конвенции. Заключение между Сацума и Тёсю тайного соглашения о союзе. Поражение войск бакуфу при столкновении с войсками княжества Тёсю. Развитие сотрудничества между бакуфу и Францией, Сацума и Англией. Резкое повышение цен на рис. <i>Небывалый размах восстаний крестьян и горожан (утиковаси)</i>
» 3 г.	1867 г.	Восшествие на престол императора Мэйдзи. Возвращение сегуном Кэйки верховной политической власти императору. Восстановление власти императора. Возникновение массовых беспорядков «Эдзянай ка». Изменение баланса внешней торговли.

Японское летосчисление	Европей- ское лето- счисление	Политические события
Мэйдзи, 1 г.	1868 г.	Правительство объявило об открытии страны и о дружбе с иностранными государствами. Битвы при Тоба и Фусими. Военная кампания 1868 года. Императорская клятва из 5 статей, 5 постановлений [эти постановления оставляли в силе целый ряд феодальных ограничений. — <i>Ред.</i>]. Опубликование указа о государственном устройстве. Возникновение беспорядков «ё наоси»
» 2 г.	1869 г.	Возвращение князьями императору прав на управление княжествами. Реформы центральной административной системы по образцу реформы Тайка (VII—VIII вв.). Подъем крестьянских восстаний
» 3 г.	1870 г.	Издание императорского указа о просвещении. Создание нижней палаты (Сюгнин). Разрешение простому народу носить фамилии. Установление новой словной системы
» 4 г.	1871 г.	Ликвидация княжеств и образование префектур. Указ о разрешении самураям стричь волосы и не носить оружие. Заключение японо-китайского договора о дружбе. Посылка делегации во главе с Ивакура Томоми в Европу и Америку. Разрешение аристократии и дворянству заниматься любой профессией
» 5 г.	1872 г.	Отмена запрещения купли-продажи земли. Введение системы образования. Открытие железной дороги Симбаси (Токио) — Иокогама. Переход на летосчисление по солнечному календарю. Издание указа о воинской повинности.

Японское летосчисление	Европей- ское лето- счисление	Политические события
Мэйдзи, 6 г.	1873 г.	Отмена запрещения христианской религии. Реформа поземельного налога. Возвращение делегации Ивакура в Японию. Раскол в правительстве по вопросу об экспедиции в Корею. Рост крестьянских восстаний
» 7 г.	1874 г.	<i>Итагаки Тайскэ и др. внесли предложение о создании парламента, избираемого народом.</i> Восстание в Сага. Карательная экспедиция на Тайвань
» 8 г.	1875 г.	В Осака состоялось совещание с участием Окубо, Итагаки, Кидо, Иноуэ и др. Образование сторонниками идей борьбы за свободу и гражданские права общества айкокуся (общество патриотов). Издание императорского указа о постепенном введении парламентской системы и правительственных указов против прессы. Инцидент у корейского острова Канхва
» 9 г.	1876 г.	Японо-корейское соглашение о дружбе. Указ о запрещении самураям носить оружие. Капитализация пенсий аристократии и дворянства; выдача деньгами и облигациями государственных займов. Мятеж Симпурэн. Мятеж в Акидзуки и Хаги. Большое крестьянское восстание против реформы поземельного налога в префектурах Миэ и Ибараки
» 10 г.	1877 г.	Указ о снижении поземельного налога. Юго-западная война [контрреволюционный мятеж Сайго Такамори. — <i>Ред.</i>]. Члены общества риссися внесли предложение об учреждении парламента

Японское летосчисление	Европей- ское лето- счисление	Политические события
Мэйдзи, 11 г.	1878 г.	Восстановление общества айкокуся. Убийство Окубо. Мятеж Такэхаси [выступление солдат и офицеров лейбгвардейского полка при императорском дворце в Токио. — <i>Ред.</i>]. Создание генерального штаба
» 12 г.	1879 г.	III съезд общества айкокуся
» 13 г.	1880 г.	Опубликование правил об организации собраний. Образование «Коккай кисэй домэйкай» (Лиги учреждения парламента) и подача Лигой петиции правительству с требованием создания парламента. Рост движения «дзю минкэн ундо». Упорядочение выпуска бумажных денежных знаков
» 14 г.	1881 г.	Правительственный кризис в 1881 году. Издание императорского указа о создании [через 10 лет. — <i>Ред.</i>] парламента и введении конституционного строя. Образование либеральной партии (дзюто). Введение устава жандармской службы

* Из таблицы исключена хронология внешнеполитических событий, хорошо известных советскому читателю. — *Прим. ред.*

ДИАГРАММА № 1

Динамика роста цен на рис в период Бакумацу* (цена 1 коку риса в единицах серебра)

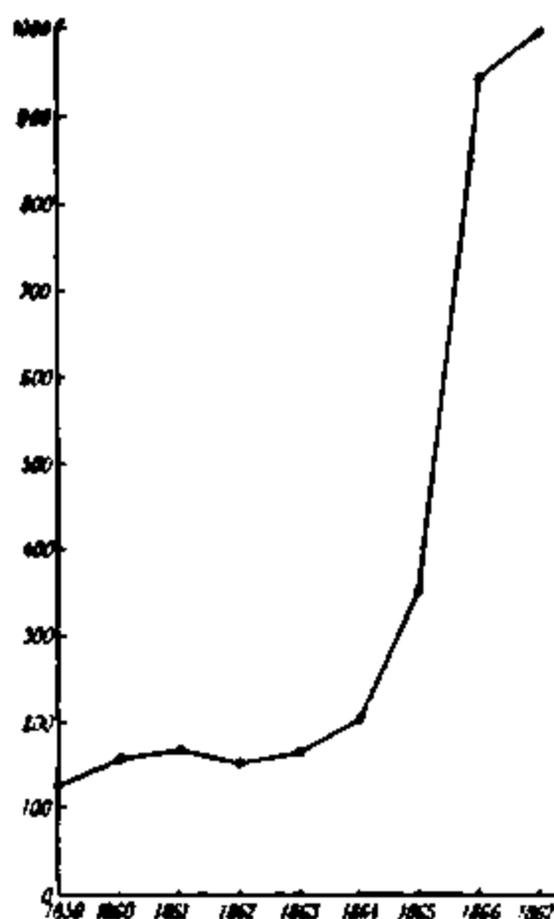
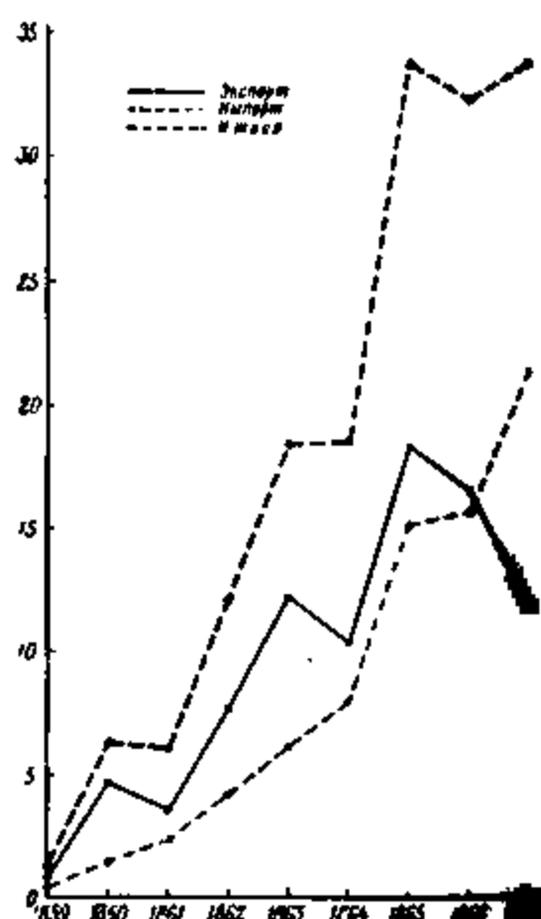

ДИАГРАММА № 2

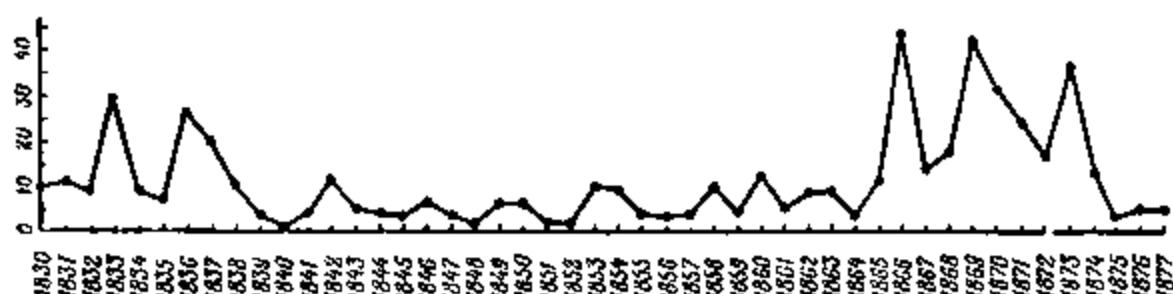
Динамика роста внешнеторгового оборота в период Бакумацу** (в млн. долл.)

* Диаграмма составлена на основании цифровых данных, взятых из книги Сусуки Сэбэй «Досима комэ итба-си» («История рисовой биржи Досима»).

** Диаграмма составлена на основании цифровых данных, взятых из книги Исии Такаси «Букумацу-но гайко» («Внешняя политика в период Бакумацу»).

ДИАГРАММА № 3
Крестьянские восстания *

* Данные за период с 1830 по 1867 год взяты из «Таблицы крестьянских восстаний», составленной Кокусё Ивао («Кэйдайси кэнкю», т. 18, № 3), а данные после 1868 года — из книги Цутия Такао и Оно Митио «Мэйдзи сэнэн номин содзёроку» («Хроника крестьянских восстаний в первые годы периода Мэйдзи»), опущены крестьянские восстания, время которых неизвестно.

СЛОВАРЬ ЯПОНСКИХ ТЕРМИНОВ

- Айкоку кото* — «Общественная партия патриотов». Первая организация японских либералов, созданная в начале 1874 года Итаками, Гото и др.
- Айкокуся* — «Общество патриотов». Организация японских либералов, созданная в феврале 1875 года в Осака на базе общества «Риссися» (см.) с целью объединить либеральное движение в масштабе всей страны.
- Акидзуки-но ран* — мятеж реакционного самурайства (около 400 человек) в бывшем владении Акидзуки в префектуре Фукуока, организованный 27 октября 1876 года в поддержку мятежников из города Хаги (см.). Это движение было быстро подавлено правительственными войсками.
- Ансэй дзёяку* — неравноправные договоры, заключенные Японией в годы Ансэй (1854—1859) с США, Англией, Францией, Россией и другими странами и положившие конец изоляции Японии.
- Ансэй-но тайгоку* — «Большие аресты годов Ансэй». Расправа регента Ин Наоскэ, ставшего во главе правительства в 1858 году, с дворянской оппозицией.
- Асигару* — в средние века пехотинцы в войсках феодалов; при токугавском сёгунате — войны, принадлежавшие к низшему самурайскому рангу.
- Байсин* — вассалы вассалов. Вассалы князей или хатамото по отношению к сёгуну.
- Бакумацу* — последние годы правления токугавского правительства бакуфу. Хронологические рамки точно не установлены. Некоторые японские историки началом этого периода считают конец XVIII в., когда обострились противоречия феодального общества; другие — 50-е годы XIX столетия, когда были заключены неравноправные договоры.
- Бакуфу (сёгунат)* — форма правления в феодальной Японии, когда государственная власть сосредоточивалась в руках сёгуна, происходившего из сильнейшего феодального рода, и его правительства. Наряду с этим существовал император, не пользовавшийся никакой властью, и его двор. В Японии имелось три

сёгуната: первый — Камакура бакуфу, возглавлявшийся династией Минамото (1192—1333), второй — Муромати бакуфу, возглавлявшийся династией Асикага (1338—1573), и третий — Эдо бакуфу, возглавлявшийся династией Токугава (1603—1867).

Банся-но гоку — репрессии 1839 года против представителей европейского направления в японской науке, в результате которых трое наиболее видных деятелей этого направления: Ватанабэ Кадзан, Одзэки Санъэй и Такано Тёэй — были вынуждены покончить жизнь самоубийством.

Босин-но эки — «Военная кампания в год земли и дракона». Так называется в японской исторической литературе гражданская война между сторонниками новой власти и войсками феодального правительства Токугава. Война началась в январе 1868 года с боев у Тоба и Фусими, близ Киото, и кончилась в июне 1869 года сражением в Хакодате, Хоккайдо.

Букэ — буквально «военный дом». Так в феодальной Японии называли князей и дворянство в отличие от «кугэ» (см.) — придворной аристократии.

Букэ дэнсо — докладчик императору по делам, касавшимся бакуфу, князей и самурайства. Придворная должность в токугавский период (XVII — середина XIX в.).

Бэн (дзи) — руководящие чиновники ведомств (министерств) дадзёкан'а. Имелось три класса: дай, тю, сё (старший, средний, младший).

Гайкоку бугё — глава ведомства (министр) по иностранным делам при токугавском правительстве бакуфу. Одновременно было несколько министров. Находились в должности попеременно.

Гакусюин — лицей, учрежден в 1842 году в Киото по настоянию императорского двора. В лицей принимали кугэ в возрасте от 15 до 40 лет, которые преимущественно изучали китайскую классическую философию, историю и литературу.

Гидзё (кан) — старшие советники верхней палаты Консультативного совета (см. *гисэйкан*). Одновременно занимали посты руководителей ведомств дадзёкан'а. Должность учреждена в 1868 году сразу же после государственного переворота.

Гисо — высшие советники при императоре в период токугавского сёгуната. По функциям этот орган напоминал Государственный совет (го-родзю) при сёгуне, однако никакой властью эти советники не пользовались.

Гисэйин — представительный орган, создание которого проектировалось токугавским сёгунатом в 1860-е годы. Должен был состоять из двух палат: верхней — из князей и нижней — из самураев (по одному из каждого княжества). Проект был составлен Ниси Аманэ после изучения парламентских систем европейских стран.

Гисэйкан — Консультативный совет, созданный как представительный орган в первые годы Мэйдзи. Состоял из верхней и нижней палат. В первую входили члены императорской фамилии,

придворная аристократия, князья и ограниченное число княжеских самураев; во вторую — низкоранговые княжеские самураи. Правом решающего голоса пользовалась верхняя палата. Нижняя палата выполняла консультативные функции. После того как правительство Мэйдзи окрепло, оно в 1869 году поспешило распустить даже этот «представительный» орган.

Гогасира — низшие самураи в княжестве Аидзу, выполнявшие функции надзора и сборщиков подати с крестьян целой группы деревень (XVII—XIX вв.). Являлись промежуточным звеном между дайканом и крестьянскими старостами.

Гокадзё-но сэймо — пятистатейная клятва, данная императором Мэйдзи (Мэйдзи), 14-го марта 1868 года перед сражением за Эдо между вооруженными силами новой власти и армией сёгуна Кэйи. В ней имелось обещание решать все государственные дела с учетом общественного мнения, что было рассчитано на создание национального единства, на сплочение всего дворянства, в том числе и оппозиционного, вокруг новой власти. Одновременно было опубликовано «императорское письмо о поднятии национального престижа», где эти общие принципы разъяснялись более подробно.

Гокэнин — самураи — непосредственные вассалы сёгуна. Институт гокэнин был установлен Еритомо — первым сёгуном династии Минамото в XII в., а затем восстановлен в XVII в. Иэясу — первым сёгуном династии Токугава. Оба они давали звание «гокэнин» самураям, помогавшим им завоевывать власть.

Гонингуми — крестьянское пятидворье, на которое феодальные власти возлагали круговую ответственность за уплату налогов, выполнение повинностей и за политическую благонадежность членов. Но, несмотря на это, пятидворье боролось за интересы крестьян: организовывало тайные сходы, поднимало крестьян на антифеодальную борьбу, поддерживало дисциплину и твердость в их рядах. Система гонингуми установлена с конца XVI в. и сохранилась в течение некоторого времени даже после революции 1868 года.

Гоно — зажиточные слои крестьянства в XVIII — середине XIX в. Имели большие земельные участки, вели скупку и первичную обработку сельскохозяйственных продуктов, занимались ростовщическими операциями; в 1868 году являлись опорой антифеодального движения в деревне.

Госё — богатые купцы феодальной Японии.

Госи — в XVII—XIX вв. сельские самураи, постоянно жившие в деревне. Имели поместья, часть которых эксплуатировали сами, а часть сдавали в аренду. Звание госи давалось и некоторым богатым крестьянам. По социальному положению госи считались ниже княжеских самураев, хотя по богатству иногда превосходили их. Госи стояли во главе многих отрядов местного ополчения [*кихэйтай* и др. (см.)], сыгравших важную роль в перевороте 1868 года.

Гундзин тэкую — «Императорское поучение для воина». Составлено на основе «Заповеди воина» (гундзин кункай), выработанной в 1878 году. Являлось своего рода идеологической платформой для новой армии мэйдзэйского правительства. Опубликовано в 1882 году.

Гэнро — внеконституционный орган при императоре, состоявший из старейших политических деятелей Японии. Звание гэнро присваивалось в первые десятилетия после 1868 года особо доверенным лицам. В числе гэнро были Ито Хиробуми, Ояма Ивао, Ямагата Аритомо, Иноуэ Каору, Мацуката Масаёси и Сайондзи Киммоти. Гэнро давали рекомендации императору по всем важнейшим политическим вопросам и относительно состава кабинета министров. Со смертью последнего гэнро, Сайондзи, в 1940 г. институт гэнро прекратил свое существование.

Дадзэ дайджин — глава правительственного органа — дадзэкан'а (см.), являвшийся премьер-министром нового правительства Мэйдзи. Должность создана в 1868 году; ликвидирована в 1885 году, после создания кабинета министров по европейскому образцу.

Дадзэкан — 1. Главный правительственный орган, созданный после реформы Тайка в VII в. Состоял из 8 департаментов. 2. Главный правительственный орган, созданный после революции 1868 года по образцу такового же, учрежденного после реформы Тайка. Просуществовал до момента создания кабинета министров Японии по европейскому образцу в 1885 году.

Дайкан — 1. В XVII — середине XIX в. чиновник феодального правительства или княжества, управлявший определенной довольно обширной территорией с доходом до 100 000 коку. Главная его обязанность — контроль за своевременным поступлением налогов и сборов и надзор за политической благонадежностью подведомственного населения. 2. Заменяющий кого-либо, временно исполняющий обязанности.

Даймё — в XVII—XIX вв. князья, владевшие свыше 10 000 коку дохода. Их княжества назывались «хан» (в европейской литературе именовались «кланами»). Даймё имели верховную власть над проживавшим в княжествах населением; пользовались большой автономией в своих владениях, но подчинялись центральной феодальной власти токугавского правительства бакуфу. После революции 1868 года всем даймё были присвоены высшие аристократические титулы и даны крупные выкупные суммы за землю.

Дайнагон — 1-й класс высшего придворного ранга в феодальной Японии. *Тюнагон* — 2-й класс и *сёнагон* — 3-й класс того же ранга. Отменен после 1868 года.

Дайсинин — Верховный суд. Создан в 1875 году как высший орган судебной власти. Ликвидирован после капитуляции Японии в 1945 году.

Дзайбацу — крупнейшие финансовые концерны капиталистической Японии, сосредоточивающие в своих руках большую часть

национального богатства страны. Наиболее мощные из них — Мицун, Мицубиси и др. Формально после второй мировой войны дзайбацу были распущены, но фактически они по-прежнему держат в руках экономику страны.

Дзассё — название мелкой придворной должности; порученец по разным второстепенным делам.

Дзассоцу — солдаты несамурайского происхождения (XVIII — середина XIX в.).

Дзэй рон — доктрина об «изгнании варваров», выдвинутая князьями и самураями, оппозиционным правительству. Это движение началось со времени открытия страны и своей кульминационной точки достигло перед 1868 годом. Оппозиция обвиняла правительство бакуфу в том, что оно открыло страну для иностранцев и заключило неравноправные договоры.

Дзёмэнсэй — система податного обложения крестьян в XVII — середине XIX в. Размер подати определялся путем получения средней суммы, исчисляемой за несколько последних лет. Такие налоговые ставки ряд лет оставались неизменными.

Дзигэкан — низший чиновничий ранг, делившийся на пять классов. Чиновникам этого ранга не разрешалось посещать дворец.

Дзинуси — землевладелец. Термин, которым обозначают в Японии и крестьянина — владельца мелкой parcelлы, и кулака, и помещика.

Дзито — 1. В X—XV вв. — чиновники центрального правительства, назначаемые на периферию в поместья (сёэн) феодалов, китоской аристократии и церкви для контроля за своевременным поступлением подати. 2. В XVII — середине XIX в.: а) титул, которым крестьяне именовали своего сеньора при обращении к властям сёгуната; б) старший самурай в княжестве Сацума. Он совмещал контрольную и судебную власть над госи, занимавших низшие административные должности в деревнях этого княжества.

Дзю микэн ундо — «Движение за свободу и народные права» (1874—1889 гг.). Движение либеральной буржуазии и интеллигенции из бывших самураев за введение парламентской системы и буржуазно-демократических свобод. В 1883—1885 гг. в некоторых центральных префектурах Японии начались боевые выступления крестьян, во главе которых встали члены левого крыла партии дзюто (см.). Движение приняло буржуазно-демократический характер. После разгрома в 1885 году оно снова вернулось в прежние рамки умеренного либерализма; прекратилось после введения конституции (1889 г.) и открытия парламента (1890 г.), когда либералы вступили в блок с монархией.

Дзюто — либеральная партия Японии, созданная в 1881 году на базе «Коккай кисэй до мэй» (см.). Опиралась на небольшую часть крупной буржуазии, на среднюю и мелкую буржуазию

города, помещиков к верхушечные слои крестьянства в деревне. Ставила цель — установление конституционной монархии. Из всех буржуазных партий того времени была наиболее радикальной. Ее левое крыло возглавило буржуазно-демократическое движение в 1883—1885 годы. Распущена в 1884 году. Снова восстановлена в 1890 году. В 1898 году слилась с партией Симпо-то, а затем с Сэйюкай. В 1945 году на базе прежней партии Сэйюкай была создана новая либеральная партия Японии дзюто.

Дэндзёбито — собирательное название для всех придворных (безотносительно к рангу), которым разрешено было посещать императорский дворец в Киото.

Дэнсо — придворная должность. В токугавский период (XVII — середина XIX в.) — докладчик императору по важнейшим делам страны (см. *букэ дэнсо*).

Е наоси — «За переустройство, улучшение жизни». Уравнительный лозунг, выдвигавшийся крестьянами и городской беднотой во время их антифеодальных выступлений перед революцией 1868 года и некоторое время после нее.

Ёриудо (см. «*Кокудзи гоё-гакари ёриудо*»).

Иккосю (*синсю*) — одна из буддийских сект, утверждавшая, что спасти душу можно не только самоусовершенствованием, что под силу лишь высшим классам, но и верой, что доступно каждому. Эта «дешевая» религия распространилась среди широких масс крестьян, рыбаков и др. Секта была создана в XII столетии. В XIV—XV вв. под ее флагом проходили мощные крестьянские восстания.

Икуно-но хэн — «События в Икуно», провинция Тадзима (ныне префектура Хёго), являвшиеся вооруженным восстанием против токугавского правительства. Оно было организовано в октябре 1863 года радикальным крылом сторонников «сонно дзэй» (см.) сразу вслед за вооруженным выступлением группы «Тэнтю гуми» (см.). Чтобы привлечь широкие массы крестьянства, восставшие выдвинули лозунг «уменьшение подати!». Однако такая половинчатая программа успеха не имела, и восстание было скоро подавлено.

Кабунакама (кумай) — купеческие гильдии и ремесленные цехи в XVII — середине XIX в., учреждавшиеся с разрешения феодального правительства и находившиеся под его контролем. Среди них имелись весьма крупные организации, вроде «Токуми дойя» в Эдо и «Нидзюёнкуми дойя» в Осака. По мере роста влияния так называемых аутсайдеров — купцов на периферии — для бакуфу стало невозможно контролировать цены и рынок через кабунакама. В 1841 году оно распустило их. Это вызвало недовольство крупной торгово-ростовщической буржуазии. В 1851 году кабунакама были восстановлены и просуществовали даже в течение нескольких лет и после революции 1868 года. Вследствие общей слабости японской буржуазии купеческие гильдии не играли политической роли в феодальной Японии.

Кавасэ кайся — акционерные финансовые компании, созданные мэйдзийским правительством с целью привлечения торгово-ростовщического капитала феодальных купцов и ростовщиков-менял в сферу торговли и производства и для контроля над движением капиталов. Кавасэ кайся были созданы в первые годы после революции 1868 года, сразу вслед за роспуском феодальных купеческих гильдий, и носили на себе некоторые феодальные черты: принудительное членство и т. д. Во главе кавасэ кайся были поставлены крупные феодальные купцы Мицуи, Симада, Оно (см. также «Цусэ кайся»). Вскоре кавасэ кайся уступили место капиталистической банковской системе.

Кадзоку — титулованная знать. Императорским указом от 1872 года отменялись все феодальные титулы и звания и учреждались три сословия: аристократия (кадзоку), дворянство (см. сидзоку) и простонародье (см. хэймин). В июле 1884 г. мэйдзийское правительство ввело пять аристократических титулов по европейскому образцу: князь, маркиз, граф, виконт и барон. Новые титулы были дарованы кугэ, даймё (князьям) и некоторым самураям.

Кайкоку — «открытие страны», то есть установление дипломатических, торговых и других отношений с иностранными государствами в 50-х годах XIX в. (см. также «сакоку»).

Каймэйха — «группа просвещенных деятелей». Так называли некоторых руководящих самураев из княжеств Сацума и Тёсю (Сайго Такамори, Омура Масудзиро и др.), которые, понимая невозможность борьбы против иностранных держав, отказались от лозунга об изгнании иностранцев и стали требовать установления этими княжествами торговых и других связей с иностранцами. Таким путем они надеялись добиться усиления военной мощи Японии. Группа не была оформлена в какую-либо партию или организацию.

Кайсэйдзэ — школа, созданная в Эдо в 1855 году правительством бакуфу для изучения иностранных языков и европейских наук. Называлась в разное время по-разному: «ёгакусё», «хансё торисимари-сё», «ёсё торисимари-сё», «кайсэйдзэ». Впоследствии на базе этого учебного заведения создан Токийский государственный университет — «токё дайгаку».

Кайэнтай — «Морской вспомогательный отряд». Предприятие по контрабандной доставке морем в княжества Тёсю и Тоса оружия, закупленного в княжестве Сацума у англичан и других иностранцев, для подготовки выступления против правительства бакуфу. Создано близ Нагасаки под видом транспортной торговой компании «Камэяма сёю» в 1864 году Сакамото Рюма, Муцу Мунэмицу и другими самураями из княжеств Тоса, Тёсю и др.

Какёку кайги — нижняя палата Консультативного совета — первого представительного органа, созданного в 1868 году. Состояла из самураев, назначенных главами княжеств. Являлась совещательным органом при верхней палате (дзёкёку) совета.

Какэя — в XVII — середине XIX в. крупные осакские купцы, представлявшие ссуды князьям под залог продукции княжеств. Они постепенно забрали в руки и все финансовые операции кредитуемых ими княжеств. В числе какэя были такие крупные купцы, как Кононкэ, Касимая и др.

Камон — титул, присваивавшийся фамилиям даймё, находившимся в родстве с домом Токугава. Это были побочные ветви следующих фамилий токугавского дома: 1) санкэ (Овари, Кии, Мито), 2) санкё (Симидзу, Таясу, Хитоцубаси), а также 3) фамилии Мацудайра из провинции Этндзэн.

Кампаку — главный советник при императоре. Высшая придворная должность, установленная фамилией Фудзивара в X в. Фактически же кампаку был всемогущим регентом, но не при малолетнем императоре, а при совершеннолетнем. Токугавский сёгунат назначал на эту должность особо доверенных лиц из числа наиболее способных политических деятелей токугавского дома.

Камэяма сятю (см. *кайэн-тай*).

Канагава бугё — префект города Канагава. Должность учреждена в 1858 году после объявления города Канагава открытым портом. Главные обязанности бугё заключались в досмотре судов, контроле за импортом — экспортом и т. п.

Кангаку — «китайская наука». Так называлось в Японии изучение китайских классических книг по конфуцианству, истории, философии, государственному устройству и пр. Знания эти считались совершенно необходимыми для японской феодальной знати и чиновничества.

Кандзё бугё — одно из ведомств (министерств) токугавского правительства бакуфу. Ведало финансами, поступлением налогов, контролем за дайканами (см.), приемом и рассмотрением жалоб от населения 8-ми центральных провинций и пр. Во главе стояли четыре лица, несшие обязанности посменно, по месяцу каждый.

Кансэй-но кайкаку — реформы, проведенные в годы Кансэй (1789—1800 гг.) главой Государственного совета токугавского правительства Мацудайра Саданобу. Называются «вторыми большими реформами» [первые — реформы Кёхо (см.), третьи — реформы Тэмпо (см.)]. Цель заключалась в том, чтобы ликвидировать внутренние противоречия: поправить финансы, улучшить положение токугавских вассалов-самураев путем аннулирования их долгов купцам, прочнее прикрепить крестьян к земле. Реформы принесли кратковременное улучшение экономического положения феодального государства, но правительство столкнулось со значительным противодействием и не смогло разрешить коренных проблем.

Каро — канцлер в княжестве, ведавший всеми важнейшими административными делами. Обычно их было несколько человек из числа наиболее знатных и влиятельных вассалов князя. Несли обязанности посменно. Должность каро была наследственной. Существовала под разными названиями с XIV в. до 1868 года.

Кароку хокан — «добровольный» отказ дворянства от денежных и рисовых пенсий. В такую «патриотическую» форму возврата этих пенсий императору были облечены распоряжения правительства о капитализации самурайских пенсий (см. *тицуроку сёбун*). Это было сделано по примеру так называемого возврата сёгуном императору власти (тайсэй хокан), а князьями — своих владений (хансэки хокан).

Кёхо-но кайкаку — реформы, проведенные в годы Кёхо (1716—1735 гг.) 8-м сёгуном, Есимунэ. Считаются «первыми большими реформами» [вторые — реформы Кансэй (см.), третьи — реформы Тэмпо (см.)]. Цель — восстановление экономической и военной силы феодального государства, несколько поколебленной развитием товарно-денежных отношений в городе и деревне. Были проведены реформы денежной системы, регулирование цен, повышение налогов с крестьян. Реформы содействовали некоторой стабилизации феодальной экономики на относительно продолжительный период времени. Однако продолжавшееся развитие товарно-денежных отношений и начавшиеся крестьянские волнения снова обострили прежние противоречия.

Кёбусё — департамент (министерство) воспитания при мэйдзийском правительстве. Создано из бывшего Управления по делам религии (см. *синги-кан*) с целью исключить воспитание молодежи из ведения министерства просвещения (момбу-сё) и передать в руки буддийских и синтоистских священников. Кёбу-сё существовало с марта 1872 по январь 1877 года.

Кёдзюн-ха — группа консервативного высшего и среднего дворянства в княжестве Тёсю, настаивавшая в 1864 году во время первой карательной экспедиции бакуфу против Тёсю на том, чтобы избежать вооруженного столкновения с карательной армией и изъяснить сёгунату покорность. Они добились представления главой княжества правительству бакуфу письма с признанием своей вины.

Кёто сюго — военный губернатор города Киото, находившийся при особе императора. Был облечен правом использовать в случае надобности правительственные войска. Должность, введенная токугавским правительством в 1862 году в связи с серией реформ, проведенных в эти годы. На этот пост правительство сёгуна назначило видного сановника Мацудайра Катамори.

Киммон-но хэн (другие названия: «Хамагури гомон-но хэн» и «Гэндзи-но хэн») — «Инцидент у ворот императорского дворца». Так называется в японской исторической литературе попытка радикальной группы антисёгунской оппозиции в лице низших слоев самурайства из княжества Тёсю и др. произвести в 1864 году государственный переворот в Киото под флагом реставрации монархии. Повстанцы потерпели поражение от объединенных войск княжеств Сацума, Кувана и Айдзу (два последних являлись верной опорой токугавского сёгуна).

Кимоири — в XVII — середине XIX в. в северо-восточных районах Японии так называли специальных сборщиков налогов, а также

и сельского старосту, а в Эдо — кварталных старост. Кроме того, название «кимори» иногда применялось для обозначения помощника какого-либо должностного лица (например, канагава бугё кимори и т. п.).

Кихэйтай — «Отряды необычных воинов» — добровольческие отряды, созданные в 60-е годы XIX столетия в княжестве Тёсю. В их составе были сыновья помещиков, богатых крестьян, купцов, иногда и рядовые крестьяне. Во главе отрядов стояли самураи. Первоначальная цель — защита побережья от нападения иностранных десантов. Впоследствии кихэйтай превратились в вооруженную опору самурайской оппозиции, участвовавшей в свержении вооруженным путем правительства Токугава и в установлении новой власти.

Кобу гаттай — «Союз сёгуната с императорским двором» — лозунг, выдвинутый сторонниками сёгуната перед революцией 1868 года с целью укрепления своих позиций, а также для того, чтобы противостоять оппозиции, выступавшей под флагом «почитания императора и изгнания варваров».

Кобу-сё — департамент (министерство) промышленности правительства Мэйдзи. Существовало с 1873 по 1885 год.

Коги сэйтай-рон — теория, возникшая в 60-х годах XIX столетия в княжестве Тоса о создании в Японии государственного представительного органа в виде верховного совета в составе представителей бакуфу, сильнейших княжеств и двора. Фактически это означало бы создание своеобразной «дворянской республики», где руководящая роль, по мысли большинства сторонников этой системы, должна была оставаться за последним сёгуном Токугавской династии Кэйки.

Когисё — «представительный» орган, созданный правительством в марте 1869 года взамен распущенной нижней палаты [ка-кёку кайги (см.)] Консультативного совета, но не имевший реальной власти. Члены когисё назначались правительством по одному от городов, княжеств и провинции. В июле 1869 года был переименован в сюгини (см.).

Кодзаха — историческая школа, сложившаяся среди японских прогрессивных историков, выпустивших в 30-х годах XX столетия «Нихон сихонсюги хаттацу си кодза» («Лекции по истории развития японского капитализма»). Это была первая попытка дать историю развития японского капитализма с позиций исторического материализма. Школа образовалась в процессе работы над очерками (отсюда и ее название — «Кодзаха»), когда возникла острая дискуссия с группой «Роноха» (см.) по вопросам генезиса капитализма.

Коккай кисэй домэй — «Лига борьбы за учреждение государственного собрания». Создана в апреле 1880 года в г. Осака вместо общества Айкокуся (см.). Развернула широкую петиционную кампанию по всей стране с требованием учреждения государственного собрания (коккай). Распущена в 1881 году в связи с опубликованием императорского указа об учреждении парламента в 1890 году. На базе «Коккай кисэй домэй» в 1881 году была создана либеральная партия дзюто (см.).

Коку — мера емкости, равная 180 гектолитрам. Применялась при изменении риса (равнялась 150 кг) для определения дохода японского дворянства, князей и правительства.

Кокугаку — «Национальная наука». Изучение и толкование японских классических книг Кодзика, Нихон сёки, Манъёсю и др. Возникла в конце XVII в. в противовес «кангаку» (см.). Затем стала идеологической платформой для сторонников свержения токугавского правительства и восстановления монархии, а впоследствии — для японского национализма.

Кокудзи гоё какари — придворная должность. Высший чиновник при императоре (из числа кугэ), ведавший важнейшими государственными делами.

Кокудзи гоё какари ёриудо — (сокращенно *кокудзи ёриудо*) — сотрудник при *кокудзи гоё какари* (см.). Придворная должность, учрежденная императором в феврале 1863 года для молодых кугэ, большинство которых являлось сторонниками идей «почитания императора и изгнания варваров». Они были связаны с радикальными антитокугавскими элементами и весьма активны. В качестве «кокудзи ёриудо» было назначено 10 человек.

Кокудзи гоё какари сансэй — помощник *кокудзи гоё какари* (см.). Придворная должность, учрежденная императором в феврале 1863 года для молодых кугэ, большинство которых являлось сторонниками идей «почитания императора и изгнания варваров». Они были связаны с радикальными антитокугавскими элементами и весьма активны. В качестве «кокудзи сансэй» было назначено 4 человека.

Кори бугё — крупная административная должность в княжествах. Кори бугё контролировали деятельность дайкан'ов (см.). Их назначали обычно в крупных княжествах, где находилось не менее 2—3 дайкан'ов.

Коси — «Заслуженные самураи» — так назывались самураи, назначаемые князьями в первые годы Мэйдзи представлять перед новым правительством интересы и мнения княжеств. Это были полномочные представители княжеств.

Коси тайсакусё — Бюро представителей княжеств — орган, созданный в 1869 г. Должен был заменить нижнюю палату Консультативного совета [гисэйкан какёку (см.)], распущенную правительством. Состоял из «коси» (см.) — представителей княжеств. Мог вносить предложения, но права решающего голоса не имел.

Кугэ — придворная аристократия. [Военная аристократия называлась «букэ» (см.)].

Кумидай — см. *кабунакама*.

Курамото — купцы, предоставлявшие в XVII — середине XIX в. ссуды князьям под залог продукции княжеств. (См. также «какэя»).

Куродо — придворный ранг, жалуемый императором для кугэ. Куродо находились при особе императора и выполняли разные

секретарские обязанности. После 1868 года этот ранг ликвидирован.

Кэмисэй — система податного обложения крестьян в XVII — середине XIX в. Податные ставки устанавливались после визуального обследования полей с учетом урожайности и других обстоятельств. Часто изменялись, иногда ежегодно.

Мати бугё — ведомство (министерство) токугавского правительства, ведавшее делами города Эдо. Обычно его возглавляли сразу два министра, несшие обязанности поочередно: сначала в северной, а затем в южной части города. Ведали всеми административными, судебными и полицейскими делами. В своем распоряжении имели чиновничий и полицейский аппарат. Эдо мати бугё создано в 1604 году, ликвидировано в 1868 году.

Минсэн гшин — «Представительный орган, избираемый народом», создания которого требовали буржуазно-либеральные элементы в 70—80 годах XIX столетия вместо псевдопредставительных учреждений (см. *гисэйкан*, *когисё*), создававшихся правительством Мэйдзи в первые годы власти. Под «народом» они подразумевали цензовых выборщиков.

Мито-гаку — философско-историческая школа в княжестве Мито. Зародилась в конце XVII в. Выдвигала тезис о божественном происхождении японских императоров и узурпации их власти сёгунами. Участвовала в идеологической подготовке свержения правительства бакуфу в 1868 году.

Мото — один из терминов для обозначения крестьян, не имевших земельного надела.

Мэйдзи — годы правления императора Муцухито (1868—1911).

Мэйдзи исин — «Реставрация (обновление) годов Мэйдзи». Так называют в японской исторической литературе незавершенную буржуазную революцию 1868 года.

Мэйрокуся — общество японских просветителей (1873—1879), выступавших в журнале общества «Мэйроку дзасси» и в своих трудах ратовавшие за распространение в Японии европейской культуры. Мэйрокуся играло значительную роль в общественной жизни страны в первые годы Мэйдзи. В числе членов Мэйрокуся находились Фукудзава Юкити, Мори Аринори, Като Хироюки, Мидзукуни Ринсё и др.

Мэцукэ — полицейские инспекторы (числом около 10—15 человек), наблюдавшие за хатамото (см.) и другими вассалами токугавского дома и князей. Подчинялись генеральному инспектору [*Омэцукэ* (см.)] и Совету младших государственных советников (вакатосиёри). Институт мэцукэ существовал с XIV в. (сёгунат Асикага) до 1868 года.

Найдайдзин — лорд-хранитель императорской печати. Эта должность, а также должности удайдзин (см.) и садайдзин (см.) учреждены в первый же год Мэйдзи одновременно с созданием дадзёкана (см.), когда за образец было взято государственное устройство, введенное в 645 году. Пост, по чиновной

нерархии следующий после дадзё дайдзин, но по реальному значению иногда занимавший первое место. Вначале на посту найдайдзин последовательно находились Ивакура, Сандзё, Токудайдзи.

Намамуги дзикэн — «Инцидент в Намамуги». Нападение в 1862 году близ деревни Намамуги провинции Мусаси самураев сацумского князя Симадзу на группу англичан, не свернувших с дороги, по которой проходила княжеская процессия (по феодальным традициям это считалось оскорблением). Один англичанин был убит, двое ранено. Англия потребовала компенсации и наказания виновных, а в следующем, 1863 году, подвергла бомбардировке и разрушила Кагосиму — главный город княжества Сацума.

Нануси — в XVII — середине XIX в. одно из названий деревенского старосты (преимущественно в районах Канто).

Нохэйтай — 1. Добровольческие «крестьянские отряды», созданные в различных княжествах в 60-х годах XIX столетия для свержения вооруженным путем правительства Токугава и установления новой власти. Носили также названия: кихэйтай, сомотай (см.) и др. В основном состояли из сыновей помещиков и богатых крестьян. Во главе стояли самураи. 2. Нохэйтай создавались крестьянами в некоторых провинциях и позже, в 70-х годах XIX столетия. Но эти отряды были иными и по цели и по составу. Они боролись против введения нового высокого земельного налога и имели в своем составе широкие слои крестьянства.

Одзёя (содзёя) — «Старший староста», контролировавший и увязывавший работу рядовых деревенских старост. Обычно назначался в таком феодальном владении, отдельные части которого были разбросаны в разных местах.

Окагэ маури — массовые паломничества в священные императорские храмы в Исэ в особо счастливые годы, когда, по поверью, главная богиня этих храмов Аматасару бросает с неба счастливые бумажные талисманы [*онсацу* (см.)]. Это случалось 5 раз: в 1650, 1705, 1771, 1830 и в 1867 годах.

Омэцукэ — генеральный полицейский инспектор при токугавском правительстве. Их было 4—5 одновременно. Вели надзор за князьями, подчинялись Совету старших государственных советников (городзю). Контролировали работу мэцукэ (см.), имели обширный штат гласных и негласных агентов. Должность омэцукэ существовала с 1632 по 1868 год.

Онсацу — бумажные талисманы, которые, по поверью, падали с неба в особо счастливые годы. Появление таких талисманов в 1867 году послужило поводом для вспышки полурелигиозного движения «Э дзянай ка» (см.).

Осэй фукко — «Восстановление императорской власти» — лозунг, выдвигавшийся сторонниками свержения токугавского сёгуната (*тобакуха*, см.) в 60-е годы XIX столетия.

Риссия — «Общество по определению цели в жизни». Организация либеральной интеллигенции из бывших самураев, требовавших создания в Японии представительной системы [*минсэн гии* (см.)] и выдвигавших лозунг «за свободу и народные права». Создано в середине 1874 года в провинции Тоса на базе общества Айкоку кото (см.), главою стал Итагаки Тайскэ. В феврале 1875 года слилось с некоторыми другими такими же организациями, после чего в городе Осака образовалось новое «Общество патриотов» (Айкокуся, см.).

Родзю (городзю) — Государственный совет при сёгунской династии Токугава. Высший государственный орган, ведавший важнейшими делами внутренней и внешней политики. Состоял из 4—5 членов, находившихся в должности посменно (помесячно). Назначались из числа фудай-даймё (см.) с доходом не менее 25 000 коку. Кроме того, одна должность родзю была учреждена при наследнике сёгуна и называлась «Нисимару родзю», а другая — при отошедшем от дел сёгуне и называлась «о госё-сама цки родзю». В последние годы правления бакуфу структура совета изменилась. За каждым родзю был закреплен определенный круг вопросов, в связи с чем они стали возглавлять пять коллегий и соответственно именоваться: председатель коллегии по внутренним делам (кокунай дзиму сосай), председатель коллегии по иностранным делам (гайкоку дзиму сосай), председатель коллегии по военным делам (рикугун дзиму сосай), председатель коллегии по военно-морским делам (кайгун дзиму сосай), председатель коллегии по финансам (кайкэй сосай).

Ронин — первоначально (до начала XIV в.) так называли беглых крестьян, вынужденных стать бродягами. С периода смутного времени (XIV—XV вв.) так стали называть лишавшихся сюзерена самураев. Утратив средства к жизни и вынужденные заниматься различными работами, ронины все время находились в оппозиции к правительству. Особенно активны они стали в середине XIX века — в последние годы правления сёгунов Токугава.

Роноха — историческая школа, в составе которой первоначально находились главным образом бывшие члены КПЯ, вышедшие из партии из-за разногласий по вопросам о характере японского капитализма, предстоящей революции и др. Впоследствии в ее рядах оказались некоторые прогрессивные историки. Эта школа издавала свой журнал «Роно», отсюда ее название «Роноха». Роноха вела дискуссию с исторической школой «Кодзаха» (см.) по вопросам генезиса японского капитализма.

Рэппан кайги — орган совместного обсуждения важнейших государственных дел сёгуном и представителями крупнейших княжеств, создания которого в 60-е годы XIX столетия добивались оппозиционные правительству княжества Сацума, Тёсю, Тоса и др. Это требование было удовлетворено в форме создания «Совещания советников» при сёгунате (см. «санъё» и «санъё кайги»).

Сага-но ран — мятеж реакционного самурайства против буржуазных преобразований правительства Мэйдзи, вспыхнувший в 1874 году в провинции Сага под руководством Это Симпэй. Мятеж был быстро подавлен правительственными войсками.

Садайдзин — «Левый министр». Эта должность, а также должности удайдзин (см.) и найдадзин (см.) были учреждены при императоре в первый год Мэйдзи одновременно с созданием дадзёкан'а, когда за образец было взято государственное устройство, введенное в 645 году. Формально сохранялась до 1885 года.

Сакоку — «Закрытие страны», то есть прекращение сношений с иностранными государствами, введенное в Японии законодательным порядком в 30-х годах XVII столетия. Под угрозой тяжелых наказаний был запрещен въезд иностранцев (за исключением китайцев и голландцев) и выезд японцев из страны. После вторжения в 1853 году американцев, а за ними и других европейцев запретительные указы потеряли силу (см. также *кайкоку*).

Сакурада мон-гай-но хэн — «События у ворот Сакурада». Убийство в 1860 году группой самураев из княжества Мито канцлера (тайро) Ин Наоскэ у ворот Сакурада при следовании его во дворец сёгуна. Эти самуран явились выразителями недовольства некоторых групп дворянства политикой бакуфу, заключившего неравноправные договоры с иностранными державами, а также возмущения репрессиями правительства против оппозиционных элементов (см. *ансэй-но тайгоку*).

Самурай (буси) — японские служилые дворяне периода феодализма. Самурай являлись вассалами князей или сёгуна, владели жалованными поместьями или наследственно получали жалование рисом.

Санкин котай — система заложничества, введенная токугавским сёгунатом в 1635 году. Состояла в том, что князья были обязаны один год находиться в Эдо, а другой — в своем княжестве, но оставляли в столице семью в качестве заложников. Таким образом правительство вводило неослабный политический надзор за князьями, а кроме того, истощало их экономически, так как расходы на эти поездки достигали половины, а иногда и более всего бюджета княжества.

Сансёку нанакэ — «Три поста и 7 ведомств (министерств)». После переворота 1868 года «три поста» называли три высшие должности: сосай, гидзё и санъё, введенные сразу после отмены высших должностей сэссэй и кампаку (см.), занимаемых в свое время представителями сёгуната. В апреле 1868 года «сансёку» были упразднены, а в мае гидзё и санъё назначены соответственно в верхнюю и нижнюю палаты Консультативного совета (гисэйкан). «Семь ведомств (министерств)» были созданы в январе 1868 года, сразу после государственного переворота. Это были: департамент внутренних дел, администрации, финансов, армии и флота, иностранных дел, юстиции и религии. Во главе каждого стояли гидзё, а санъё стали руководящими чиновниками этих ведомств.

Сансэй — советник. Являлся помощником сиссэй (см.). Эта должность была учреждена в княжествах в декабре 1868 года после реформы аппарата управления.

Санъё — звания советников, присвоенные в 60-х годах XIX столетия крупнейшим князьям: Хитоцубаси Кэйки, Мацудайра Иосинага, Мацудайра Катамори, Яманоути Тоёснгэ, Датэ Мунэки и Симадзу Хисамицу. На своих совещаниях (см. «санъё кайги») они обсуждали государственные дела как представители сёгуната и крупнейших княжеств.

Санъё кайги — «Совещание советников» — орган для совместного обсуждения важнейших государственных дел узким кругом представителей сёгуната и крупнейших княжеств (см. санъё), созданный в 60-х годах XIX столетия. Просуществовал всего несколько месяцев.

Сацума — крупное княжество на юго-востоке острова Кюсю (современная префектура Кагосима). Принадлежало князьям Симадзу. Вместе с княжествами Тёсю и Тоса сыграло важную роль в 1868 году в свержении токугавского сёгуната и установлении новой власти правительства Мэйдзи.

Сёгунат — см. *бакуфу*.

Сёка сондзюку — школа, созданная в княжестве Тёсю в 1855 году для обучения самураев военным и другим наукам. Возглавлял школу Иосида Сёэн — активный поборник идеи свержения токугавского правительства и восстановления монархии, Иосида был казнен в 1859 году за антиправительственную деятельность.

Сёхо кайгисё — «Совет промышленников и комерсантов по разработке торгового законодательства». Был создан в 1878 году в Токио и в Осака по образцу европейских торгово-промышленных палат. Токийский совет возглавил Сибусава Эйити, осакский — Госиро Томоацу. В последующие 2—3 года такие же советы были созданы и в других крупных городах Японии. Одновременно являлись консультативным органом при губернаторствах по делам торговли и промышленности. Свои соображения о внешней торговле и торговом законодательстве Советы представляли Ито Хиробуми, который вел в то время переговоры с англичанами о пересмотре неравноправных договоров. Сёхо кайгисё сотрудничали с правительством в деле укрепления новой денежно-кредитной системы и нормализации денежного обращения.

Сёхо-си — Управление по торговому законодательству. Создано в апреле 1868 года в целях поощрения торговли и промышленности, выработки торгового законодательства и в целях подготовки введения косвенных налогов. Управление находилось в Киото, а филиалы — в Токио и Осака. Поддерживало тесную связь с сёхо кайгисё (см.). Ликвидировано в марте 1869 года. Взамен были созданы налоговое управление (содзэй-си), казначейское управление (суйто-си) и торговое управление (цусё-си).

- Сёя** — в XVII — середине XIX в. одно из названий деревенского старосты (преимущественно в районах Кансай).
- Сидзоку** — дворяне. Императорским указом 1872 года все население Японии было разделено на три сословия: аристократию (см. кадзоку), дворянство (сидзоку) и простонародье (см. хэймин). К аристократии были отнесены придворная аристократия (кугэ) и князья (даймё), к дворянству — самураи, к простонародью — все остальное население.
- Сико** — одно из низших самурайских званий в период правления сёгунов Токугава (XVII — середина XIX в.).
- Симпурэн** — «отряд священного ветра» — организация реакционного самурайства, поднявшего восстание в октябре 1876 года в провинции Кумамото. Мятеж был быстро подавлен правительственными войсками.
- Сингикан** — совет по делам религии синто. В январе 1870 года был издан указ о разделении религий: буддизма и синтоизма. Синтоизм был признан государственной религией. Тогда же был создан и вышеупомянутый совет. В марте 1872 года он был упразднен, а взамен организовано ведомство (министерство) воспитания (см. кёбусё).
- Синто (синтоизм)** — «Путь богов» — древнейшая религия Японии, обожествлявшая явления природы и установившая культ предков. В период феодализма синто, используя японскую мифологию, обожествляла японских императоров, а в XVII—XIX вв., утверждая об их извечном праве на власть, стала идеологической основой антисёгунской оппозиции. После «Мэйдзи исин» синто превратилась в государственную религию, опору монархии, а затем в опору расизма и фашизма.
- Сиссэй** — канцлер — высшая административная должность в княжествах, введенная в декабре 1868 года правительством Мэйдзи вместо «каро» (см.).
- Собаяку (собаёнин)** — личный камергер сёгуна, через которого старшие государственные советники (родзю) докладывали главе государства о важнейших делах страны. Пользовался большим влиянием. Среди собаяку встречались также всемогущие временщики-фавориты, как Танума Окицугу и др.
- Сомо** — 1. Народ. 2. Термин, которым обычно обозначали в конце XIX столетия сельскую буржуазию, занимавшуюся одновременно торговлей, ростовщичеством и промышленной деятельностью.
- Сомотай** — «Народные отряды». Одно из названий для сельских добровольческих отрядов (см. кихэйтай и др.), созданных перед революцией 1868 года из помещиков, богатых крестьян и др. для свержения вооруженным путем правительства Токугава.
- Сонинкан** — второй класс чиновничьей таблицы о рангах, установленной правительством Мэйдзи. Назначение производилось с санкции императора (см. также *тёкунинкан* и *ханнинкан*).

Сонно дзэи — движение, выступавшее под лозунгом «Почитание императора и изгнание варваров». Первая часть лозунга «сонно» являлась теорией о приоритете императорской власти. В феодальной Японии эта теория всегда выдвигалась каждой оппозиционной группировкой феодалов, претендовавшей на власть. Служила идеологическим обоснованием их выступлений под флагом «защиты трона от узурпаторов». Вторая часть лозунга «дзэи» «изгнание варваров» впервые появилась в 20-х годах XIX столетия, когда токугавское правительство, желая сохранить изоляцию Японии от внешнего мира, издало указ о недопущении иностранных кораблей в японские порты. Весь лозунг полностью «сонно дзэи» в 60-е годы XIX столетия стал девизом антисёгунских элементов, желавших свергнуть токугавский режим. В это время в Японии особенно обострились внутренние противоречия. Радикальное крыло движения, состоявшее из низкорангового самурайства княжеств Тёсю и Сацума, в 1863 году готовило государственный переворот в Киото. Однако, преданные высшим дворянством, они потерпели провал. Затем, после нескольких неудачных антииностранных выступлений в княжествах Сацума и Тёсю в том же 1863 году, показавших полную невозможность «изгнать варваров», это антиправительственное движение перестало прикрываться лозунгом «сонно дзэи» и принялось открыто призывать к свержению правительства бакуфу (см. табакуха).

Сосай — 1. Главная из трех высших должностей (см. сансёку), введенных правительством Мэйдзи сразу после прихода к власти. Сосай фактически являлся главой правительства. После создания дадзёкан'а (см.) вместо сосай была учреждена должность дадзё дайзин. 2. Административная должность старших государственных советников (см. родзю) токугавского правительства, введенная в середине XIX столетия.

Соцудзоку — воин, солдат. Название низшего из двух классов дворянства (сидзоку). Введено в 1869 году после упразднения сложной системы самурайских рангов, но еще до введения закона о всеобщей воинской повинности. В то время вся армия состояла из самураев различной степени знатности, что мешало укреплению воинской дисциплины. Это был первый шаг к реорганизации вооруженных сил.

Сэйканрон — движение в начале 70-х годов прошлого столетия реакционного самурайства в целях укрепления своих политических позиций, требовавшего начать войну против Кореи. Предлогом для открытой агитации за «карательную экспедицию» послужил отказ правительства Кореи установить дипломатические отношения с новым японским правительством, созданным в 1868 году. Однако фактический глава правительства Ивакура и другие его сторонники, заручившись поддержкой императора, выступили против этого движения. Они считали войну с Кореей преждевременной. В 1873 году произошел правительственный кризис: сторонники немедленной войны (Сайто Такаори, Сандзё Санэтомэ, Итагаки Тайскэ и др.)

демонстративно вышли из правительства и образовали оппозицию.

Сэйнан сэко (*сэйнан-но яку*) — «Юго-западная война». Так в японской исторической литературе называют самый крупный и последний мятеж реакционного самурайства (около 14 000 человек), вспыхнувший в бывшем княжестве Сацума в феврале 1877 года и возглавленный Сайго Такамори. Мятеж был подавлен правительственными войсками только спустя 7 месяцев.

Сэйсё — купцы, оказывавшие экономическую поддержку правительству Мэйдзи и пользовавшиеся благодаря этому большими привилегиями.

Сэйси — «Подлинная история» — так предполагали назвать собрание документов по «Истории Мэйдзи исин», которое начали составлять в Историческом отделе при дадзёкане во исполнение рескрипта императора до 1869 года. Однако вследствие возмущений Ито Хиробуми и других бывших феодалов, опасавшихся неприятных для них разоблачений, мысль об этом была оставлена.

Сэйтайсё — указ о новой организационной структуре государственного аппарата Японии, изданный в марте 1868 года.

Сэссё (*сэссэй*) — регент при несовершеннолетних императорах. Как постоянный институт появился с X в. после усиления феодального дома Фудзивара. Совершеннолетнего императора отстраняли от власти, заставляя передавать трон малолетнему наследнику. Кто-либо из Фудзивара становился регентом при малолетнем императоре. После падения Фудзивара и до 1868 года пост сэссё попеременно занимали только определенные аристократические феодальные фамилии.

Сюгун — представительный орган, созданный в июле 1869 года вместо «когисё» (см.). Ликвидирован в июне 1873 года. (Не смешивать с сюгун — современной нижней палатой парламента.).

Сюго — 1. Должность правительственных эмиссаров (военных губернаторов), введенная в 1185 году Иоритомо — первым сёгуном династии Минамото с целью укрепления на периферии власти центрального правительства. Сюго были назначены в каждую провинцию. На эти должности выдвигались гокэнин (см.). Впоследствии сюго прочно укрепились на периферии, перестали считаться с центральным правительством и начали передавать свои должности по наследству. Многие из них в период смутного времени (XV—XVI вв.) превратились в так называемых «сюго-даймё» (князей из бывших сюго). 2. Пост военного губернатора, введенный в Киото в 1862 году токугавским правительством (см. *кёто сюго*).

Сюмон дзимбэцу-тё — церковные регистрационные книги при буддийских храмах, куда заносились верующие данной буддийской секты. Все население Японии обязано было периодически являться в районные храмы и подтверждать свою религиозную принадлежность. Эти книги были введены с середины XVII в. в целях борьбы с христианством, отменены в мае 1870 года в связи с разделением синтоистской и буддийской

религий и введением регистрационных книг при синтоистских храмах [*юдзико-тё* (см.)].

Тайка-но кайсин — реформы по китайскому образцу, проведенные в годы Тайка (645—646 гг.), когда коалиция сильнейших родов во главе с императорским свергла род Сога, возглавлявший племенной союз. Реформами вводилась надельная система, устанавливался табель о рангах и т. д. (См. также *Тайхо рицурё*.) Образовалось феодальное государство.

Тайро (*дай каро*) — 1. Член высшего Государственного совета из пяти сильнейших феодальных князей, созданного Хидэеси в конце XVI столетия перед смертью, в виде регентства при его малолетнем сыне. Цель — нейтрализовать центробежные тенденции князей. 2. Высшая государственная должность при токугавском сёгунате. Учреждалась в чрезвычайных случаях или при несовершеннолетнем сёгуне. Назначались только князья из числа фудай-даймё (см.).

Тайсё — название годов правления японского императора Иосихито (1912—1925).

Тайсэй хокан — «добровольное» возвращение в 1867 году верховной власти императору последним сёгуном токугавской династии Кэйки. Проведено под нажимом мощной антитокугавской коалиции.

Тайхо рицурё — закон, изданный в годы Тайхо (701—703); закреплял реформы по китайскому образцу [*Тайка-но кайсин* (см.)], введенные во второй половине VII в., и устанавливал основы судопроизводства.

Тэйси — императорский совет. Совещательный орган при императоре во время токугавского сёгуната. Никакой реальной власти не имел.

Тёкунинкан — 1-й класс чиновничьей таблицы о рангах, установленной правительством Мэйдзи. Назначение производилось указом императора (см. также *сонинкан* и *ханнинкан*).

Тёнин — горожане периода феодализма. Этот термин применяли главным образом к купцам.

Тёси — «Выдающиеся мужи». Так называли известных политических деятелей из числа княжеских самураев и других, призванных в первые годы Мэйдзи к императорскому двору. Они были назначены членами нижней палаты первого «представительного» органа [*гисэйкан* (см.)], созданного новым правительством.

Тёсю — крупное княжество на юге острова Хонсю. До XVI века состояло из 10 провинций. Тоётоми Хидэеси, а затем Токугава Иэясу сильно урезали княжеские владения, оставив лишь две провинции: Суво и Нагато (современная префектура Ямагути). Тёсю вместе с княжеством Сацума (см.) играло руководящую роль в свержении в 1868 году власти правительства Токугава. Во главе княжества стояли князья Мори.

Тёсю сэйбацу — две карательные экспедиции токугавского правительства против княжества Тёсю. Первая была проведена в 1864 году в связи с неудачной попыткой вооруженных сил княжества (1863 год) произвести в Киото государственный переворот. Вторая экспедиция была проведена в 1866 году, и цель ее заключалась в том, чтобы подавить поднявшееся голову антиправительственное движение [тобакуха (см.)]. Правительственные войска потерпели поражение. Это было началом конца токугавского сёгуната.

Тёхэй-рёй — указ о всеобщей воинской повинности. Введен в действие в 1872 году. Указом допускались освобождение от воинской службы по различным причинам, представление других лиц взамен призывника и т. п., а потому вся тяжесть службы ложилась на крестьянство. В крестьянских выступлениях того времени неоднократно встречались требования отменить указ.

Тикэн — свидетельства на право владения землей, выдававшиеся в 70-х годах XIX столетия правительством Мэйдзи тем крестьянам и помещикам, земля которых после проведенного в эти годы обследования была признана их собственностью.

Тиси — налог на городские земельные участки в феодальной Японии (XVII — середина XIX в.).

Тисо кайсэй — реформа земельного налога в 1873 году. Был введен денежный земельный налог вместо натурального, и размер его установлен в 3% от цены земли. В результате была ликвидирована феодальная собственность на землю. В январе 1877 года под давлением мощных крестьянских восстаний налог был снижен до 2,5%.

Тицуроку сёбун — капитализация самурайских пенсий, проведенная правительством Мэйдзи в 70—80-е годы XIX столетия. Вместо постоянного жалования, выплачивавшегося самураям, им было выдано единовременное денежное пособие в виде специальных облигаций. В результате высшее дворянство приобретало крупные капиталы, которые стало вкладывать в промышленность, торговлю, банки, а низшее — разорилось.

Тобакуха — «Группа свержения бакуфу». Образовалась из радикального крыла движения «Сонно дзёи» (см.). В отличие от последнего тобакуха открыто выдвинула требование свержения феодального правительства. Будучи самурайским по своему составу, это движение, однако, опиралось на более широкую социальную базу: раннюю промышленную буржуазию, верхние слои крестьянства и т. д. Добровольческие отряды сторожников группы тобакуха способствовали свержению правительства бакуфу в 1868 году.

Тодзема даймё — князья, подчинившиеся династии Токугава лишь после ее победы в решающей битве при Сэкигахара в 1600 году. После установления господства дома Токугава они не допускались к государственным должностям, должны были уплачивать значительно большие единовременные налоги и в большем объеме выполнять строительные и другие работы в пользу бакуфу, чем фудай-даймё (см.).

- Тодзэ сэйдэ** — специальная система управления в княжестве Сацума, существовавшая в XVII — середине XIX в. При этой системе княжеским самураям предоставлялись не только военные должности и высшие административные посты, но также и должности низшей администрации в деревне (старост и др.). Устранив деревенскую администрацию, самураи непосредственно господствовали над крестьянами и угнетали их.
- Тойя** — оптовики, скупавшие продукцию владений токугавского сёгуната, княжеств и пр. и перепродававшие ее посредникам или розничным торговцам. В XVII — середине XIX в. существовали две такие крупнейшие организации: в Эдо «Токуми дойя» и в Осака «Нидзюёнкуми дойя». Сначала тойя помещали капиталы лишь в сферу торговли и кредита. Затем, с конца XVIII в., многие из них стали забирать в свои руки крестьянскую домашнюю промышленность, предоставляя непосредственным производителям денежные авансы, сырье и материалы и присваивая готовую продукцию.
- Токугава** — третья династия сёгунов Японии (первая — Минамото, вторая — Асикага), правившая с 1603 по 1867 год. За этот период сменилось 15 сёгунов. Токугава считали себя потомками Минамото.
- Тоса** — крупное княжество в провинции того же названия на острове Сикоку (современная префектура Коти). С 1600 года принадлежало князьям Яманоути. Вместе с княжествами Сацума и Тёсю сыграло важную роль в свержении токугавского сёгуната, реставрации монархии и установлении правительства Мэйдзи. Несколько ранее князь Яманоути Тоёнобу (Эдо), опасаясь возникновения гражданской войны, представил сёгуну Кэйки докладную записку с рекомендацией передать верховную власть трону.
- Тосёгу** — посмертное имя Токугава Иэясу (1542—1616), основателя 3-й династии сёгунов и первого сёгуна (1603—1605) династии Токугава.
- Тэмпо-но кайкаку** — административно-политические реформы, проведенные в годы Тэмпо (1830—1843) правительством бакуфу (под руководством родзю Мидзuno Тадакуни) и крупнейшими княжествами. Называются «третьими большими реформами» [первые — «реформы Кёхо», вторые — «реформы Кансэй» (см.)]. Цель — сохранить начавшее трещать по швам феодальное государство. Однако важнейшие экономические и политические мероприятия правительства: роспуск кабунакама (см.), регулирование цен, конфискация земель вокруг Эдо и Осака в пользу бакуфу и пр. — провалились. Наоборот, в крупнейших княжествах, оппозиционных бакуфу, они оказались более успешны.
- Тэнносэй** — японская монархия в отличие от европейской, называемой «кунсюсэй». Термин «тэнно» — царь, император, установился с VII века. Император реальной власти не имел, она находилась в руках регентов [сэссэ, кампаку (см.)] и сёгунов. В 1868 году после свержения правительства сёгунов Токугава

императорская власть стала политической формой диктатуры крупной буржуазии и помещиков.

Тэнтю гуми — «Группа небесной кары» («Группа лояльности императору») состояла из радикального крыла сторонников движения «Сонно дзэи», организовала в августе 1863 года вооруженное выступление в провинции Ямато (современная префектура Нара) против токугавского правительства. Чтобы привлечь широкие слои крестьянства, восставшие выдвинули лозунг «уменьшение податей!» Однако их половинчатая программа успеха не имела и выступление было вскоре подавлено, так же как и другое такое же восстание в провинции Тадзима (см. Икуно-но хэн).

Тэрадая дзикэн — «Инцидент в Тэрадая», Фусими (близ Киото). В апреле 1862 года около 60 человек сторонников движения «сонно дзэи» (см.) собрались в гостинице Тэрадая и решили поднять восстание в Киото, рассчитывая, что его возглавит сацумский князь Симадзу Хисамицу, прибывший в столицу. Однако Хисамицу намеревался лишь представить императору соображения о необходимости единства императорского двора, князей и правительства бакуфу (см. «кобу гаттай»). Он боялся выступлений радикальных элементов из рядов мелкого самурайства, нередко поддерживаемых широкими слоями недовольного крестьянства и другого населения. Симадзу расправился с вожаками, казнив около 10 человек, и воспрепятствовал выступлению.

Тюнагон — см. *дайнагон*.

Удайдзин — «Правый министр». Эта должность, а также должности садайдзин (см.) и найдайдзин (см.) были учреждены при императоре в первый год Мэйдзи, одновременно с созданием дадзекан'а, когда за образец было взято государственное устройство, введенное в 645 году. Формально сохранялась до 1885 года.

Удзико-тэ — церковные посемейные регистрационные книги при синтоистских храмах, куда заносились синтоисты данного района. Введены в мае 1870 года после указа о разделении синтоистской и буддийской религий и отмены ведения таких же книг при буддийских храмах (см. *сюмон дзимбэцу-тэ*).

Утиковаси — 1. Голодные бунты городской бедноты в период позднего феодализма, сопровождавшиеся разгромом домов ристоторговцев и др. Первый такой бунт вспыхнул в Эдо в 1733 году. 2. Так же называли в то время и те крестьянские антиналоговые выступления, которые сопровождался разгромом домов ростовщиков и сельской администрации, а также уничтожением долговых расписок.

Фудай-даймэ — князя, являвшиеся вассалами токугавского дома еще до прихода его к власти и поддержавшие Токугава в решающей битве за власть в 1600 году при Сэкигахара. После создания в 1603 году правительства бакуфу пользовались всевозможными привилегиями по сравнению с тодзама даймэ (см.) и занимали высокие государственные должности. Слово «фудай» означает «находящийся на службе из поколения

в поколение» и применялось также к другим лицам: самураям, слугам, подмастерьям и др.

Фудасаси — крупные торговцы-ростовщики, принимавшие для реализации податной рис от вассалов токугавского сёгуната: хатамото (см.) и гокэнин (см.) — и кредитовавшие их под эту продукцию.

Фуккоки — «Хроника реставрации (монархии)». Одна из подробнейших хроник по истории Мэйдзи исин (см.), написанная специальным «Бюро по составлению истории Японии» (сюси-кан) при дадзёкан'е. Другая хроника называлась «Фуккогайки». Обе составлялись в течение 17 лет (1872—1889). Работа завершилась изданием 15 томов (289 выпусков).

Фукоку кёхэй — «Богатая страна — сильная армия!» — лозунг, выдвинутый в феодальной Японии в 60-х годах XIX столетия. Хотя формально это считалось требованием укрепления обороноспособности всей страны, продиктованным надвигающейся внешней опасностью, однако фактически в этом лозунге были заложены основы внешней экспансии Японии.

Хаги-но ран — мятеж реакционного самурайства против правительства Мэйдзи, происходивший в октябре 1876 года в городе Хаги в бывшем княжестве Тёсю. Восстание было быстро подавлено правительственными войсками.

Хайхан тикэн — «Ликвидация княжеств и образование префектур». После официального возвращения князьями своих феодальных владений императору (см. *хансэки хокан*) почти ничего не изменилось, так как князья, будучи губернаторами, оставались главами своих бывших княжеств. Поэтому правительство инспирировало новый «добровольный» отказ бывших мелких князей от губернаторских постов. В июле 1871 года был издан императорский указ о полной ликвидации бывших княжеств и учреждении префектур. Теперь уже губернаторами назначались правительственные чиновники. Впоследствии число и размеры префектур неоднократно менялись.

Ханнинкан — 3-й и последний класс чиновничьей таблицы о рангах, установленной правительством Мэйдзи (см. также *тёкунинкан* и *сонинкан*).

Ханси — «княжеские самураи» — общее название для дворян, находившихся на вассальной службе в княжествах и получавших от князя жалованье или поместье, или то и другое вместе.

Хансэки хокан — «Возвращение князьями императору своих прав на владения». Инициаторами этой передачи явились князья Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, а за ними последовали и другие. В январе 1868 года был издан соответствующий императорский указ. Все князья в качестве губернаторов остались главами своих владений (см. также *хайхан тикэн*).

Хантё — правительство княжества, ведавшее всеми военными, политическими и экономическими делами княжества. В правительственном аппарате находились княжеские самураи (см. *ханси*), которые постепенно стали пользоваться все большим и большим политическим влиянием. Наоборот, князья, выну-

жденные, согласно системе *санкин котай* (см.), жить один год в Эдо, а другой — в своем княжестве, постепенно утрачивали влияние на дела княжества.

Харакири (сэппуку) — самоубийство посредством вскрытия мечом брюшной полости. Совершалось японскими самураями не только добровольно, но и по приказу сюзерена или центрального правительства. В феодальной Японии дворяне, как высшее сословие, редко подвергались публичной казни. Вместо этого провинившемуся отдавали приказ сделать харакири. Такой вид казни считался почетным.

Хатамото — дворяне — непосредственные вассалы сёгунов Токугава. Владели поместьями с доходом от 100 до 10 000 коку или получали такого же размера жалованье. Назначались на средние административные посты в столице и на периферии. Имели право непосредственной аудиенции у сёгуна. К началу XVIII века хатамото насчитывалось около 5000 человек.

Хидзэн — крупное княжество в провинции того же названия на острове Кюсю (современные префектуры Сага и Нагасаки). С XV в. принадлежало князьям Набэсима. Представители княжества Хидзэн, действуя вместе с таковыми из княжества Сацума, Тёсю и Тоса, сыграли известную роль в свержении в 1868 году токугавского сёгуната и установлении правительства Мэйдзи.

Хитоказси-но хо — указ о принудительном возвращении в деревню беглых крестьян, поселившихся в городах. Токугавское правительство периодически (1790, 1843), но без успеха издавало такие указы.

Хосё — министр при императоре. Старинный термин, применявшийся в первые годы Мэйдзи.

Хосюха — 1. Консервативный слой высшего дворянства в княжестве Тёсю, учинивших в 1864 году расправу над представителями радикальных слоев низшего самурайства [воспользовались первой карательной экспедицией токугавского правительства против княжества Тёсю (см. *Тёсю сэйбацу*)], а затем добившихся изъятия князем Мори покорности перед правительством бакуфу. 2. Партия консерваторов (соврем.).

Хэймин — «простой народ». 1. В древности так назывались лица, не имевшие официальной должности или ранга. 2. С 1600 по 1868 год — три сословия: крестьяне, ремесленники и купцы. 3. С 1872 года — крестьяне, ремесленники, купцы, парии и деклассированные самураи.

Хякунинсю госи — «100 госи». Сначала так назывались около 100 самураев, бывших вассалов князя Тёсокабэ, владения которого в провинции Тоса в 1600 году были конфискованы и переданы князю Яманоути. Вопреки существовавшим обычаям Яманоути не стал удалять этих самураев, лишившихся своего сюзерена, а с ним и средств к жизни. Он выделил им целинные земли, а затем присвоил звание «госи» (см.). Впоследствии название «хякунинсю госи» распространилось и на другие лица, поднимавшие в этом княжестве целину. На конец

XVII века из 911 самураев княжества Тоса 669 человек являлись «госи».

Цусэ кайся — акционерные торговые компании, созданные мэйдзийским правительством в первые годы власти по типу феодальных гильдий. Цель — продолжение правительственного контроля за рынком и ценами, как то имело место при феодальном правительстве бакуфу. Во главе цусэ кайся были поставлены крупные феодальные купцы. Эти торговые компании были недолговечны (см. также *кавасэ кайся*).

Цусэси — Управление торговли при мэйдзийском правительстве в первые годы прихода к власти. Создано после ликвидации Управления по торговому законодательству (см. *сёхо-си*).

Цусима — группа островов, лежащих между Японией и Кореей. С XII по середину XIX в. принадлежали княжеству того же названия. Во главе стояли князья по фамилии Со.

Эдо — главный город феодальной Японии в XVII — середине XIX в. С 1868 года стал столицей Японии и переименован в Токио.

Эта — каста париев в феодальной Японии. Формально после революции 1868 года сословные ограничения были отменены и каста уничтожена, однако фактически она сохранилась в Японии и по настоящее время.

Э дзянай ка?! — «Так-то лучше?!» — лозунг, под которым проходили массовые беспорядки полурелигиозного характера, прокатившиеся по всей Японии во второй половине 1867 года. Это движение в какой-то мере выражало уравнилельные идеи беднейших слоев крестьянства и городских низов. Возникло в связи со слухами о появлении в главных императорских храмах в Исэ священных талисманов в виде бумажных листов (см. *онсацу*), что якобы должно означать наступление «эры богов» — века общей радости и равенства. Движение, видимо, было инспирировано сторонниками свержения бакуфу с тем, чтобы парализовать нормальную жизнь в стране, нарушить общественный порядок и облегчить подготовку вооруженного переворота, а главное — направить движение крестьянства и городских низов в сторону от политической борьбы.

Японские меры длины, площади, объема,
веса

Меры длины

ри	3,927 км
морск. ри	1,853 »
тё (60 кэн)	109,09 м
дзё	3,03 »
кэн	1,81 »
сяку	30,03 см
сун	3,03 »
бу	3,03 мм

Меры площади

квадратный ри	15,423 кв. км
гѣ (10 тан)	0,9917 га
тан (300 цубо)	0,0991 »
цубо	3,3 кв. м
бу	3,3 » »

Меры емкости

коку (10 то)*	180,391 гл
то	18,039 »
сѣ	1,804 »
го	0,18 »
сэки	0,018 »

Меры веса

кан	3,750 кг
кни	600 г
моммэ	3,75 »

* Практически 1 коку риса весит около 150 кг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Предисловие автора	23
Введение	25
1. Возникновение условий для научного изучения истории Мэйдзи исин	25
2. Значение дискуссии о японском капитализме	34

Глава I

Значение периода Тэмпо (1830—1843 годы)

1. Постановка вопроса	42
2. Реформы правительства бакуфу	45
3. Административные реформы в княжествах	52

Глава II

Развитие движения сонно дзэи («лечение императора и изгнание варваров»)

1. Характер давления извне	63
2. Идеиное содержание движения сонно дзэи	78
3. Развитие политической борьбы	92

Глава III

Падение правительства бакуфу

1. Спад и перелом в движении сонно дзэи	122
2. Рост влияния сторонников свержения бакуфу (тобакуха)	143
3. Консолидация международных и внутренних сил	163
4. Революция снизу и реформы сверху	179
5. Возвращение верховной власти императору. Реставрация императорской власти	194
	363

Глава IV

Установление единой императорской власти

1. Императорская клятва из пяти статей. Декрет о государственном устройстве (сэйтэйсё) 215
2. Возвращение императору прав на управление княжествами. Ликвидация княжеств и образование префектур 236
3. Изменение поземельного налога. Закон о воинской повинности 258
4. Создание системы образования, распространение просвещения и цивилизации, развитие хозяйства страны . . 276

Глава V

Заключительный акт Мэйдзи исин 293

Обзор литературы	316
Хронологическая таблица	328
Диаграммы	334
Словарь японских терминов	336

Тояма Сигэки
МЭЙДЗИ ИСИН

Редактор В. А. Лутченко

Художник К. П. Сиротов

Технический редактор Н. В. Зотова.

Сдано в производство 17/VII 1959 г. Подписано к печати 17/XI 1959 г.
Бумага 84×108¹/₃₂ = 5,7 бум. л. 18,7 печ. л. Уч.-изд. л. 23,2. Изд. № 6/3114.
Цена 15 р. 90 к. Зак. 601.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
Ленинград, Измайловский пр., 29.